КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ. 18 декабря 1904 г.

Результаты конкурса, объявленнаго редакціей журнала „Кіевская Старина“ въ 1904-мъ году, и объявленіе о новомъ конкурсѣ на 1905-й годъ.

Въ началѣ 1904 г. нашей редакціей объявленъ былъ конкурсъ для представленія на преміи беллетристическихъ произведеній на украинскомъ языкѣ. Ко времени истеченія срока конкурса, т. е. къ 1 ноября 1904 г., было всего представлено 27 рукописей. По прочтеніи этихъ рукописей, оказалось, что одна рукопись, присланная подъ девизомъ „Excelsior“, по неразборчивости почерка не могла быть прочитана членами жюри, почему она и осталась внѣ конкурса; изъ остальныхъ 26 признаны заслуживающими *половинной преміи* (по 50 руб. за печатный листъ) *три*, а именно: 1) „Голота“—повисть, подъ дивизомъ „На те й лыхо, щобъ зъ тымъ лыхомъ бытысь“; 2) „Vae victis“—повисть подъ девизомъ „Оріонъ“; 3) „Цидъ минаретамы“—повисть подъ девизомъ „Fiat lux“. По вскрытіи конвертовъ съ означенными девизами, авторами премированныхъ произведеній оказались; перваго—*В. Винниченко*, второго—*М. Чернявскій*, третьяго—*М. Коцюбинскій*. Въ настоящей книжкѣ журнала печатается первая половина повѣсти В. Винниченка—„Голота“. Редакція покорнѣйше проситъ гг. авторовъ остальныхъ 24 произведеній сообщить, указавши заглавія своихъ произведеній и девизы, по какому адресу должны быть возвращены имъ ихъ рукописи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція журнала „Кіевская Старина“ объявляетъ новый конкурсъ, на 1905-й годъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За лучшіе разсказы, повѣсти и поэмы, написанные по-украински, авторамъ будутъ выданы преміи: *1-ая премія — по 100 руб.* за печатный листъ въ 16 стр.; *2-ая премія—по 75 руб.* за листъ; *3-ья премія*—по 50 руб. за листъ.

2) Представляемые на конкурсъ повѣсти, разсказы и поэмы должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные.

3) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ, повѣстей и поэмъ — *не позже 1 октября 1905 года.*

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность).

ГЛАВА I.

Происхожденіе. Предки. Назаръ Каразинъ и его походы. Отставка Назара Каразина и пожалованіе деревень. Мать и рожденіе Василія Назаровича Каразина. Н. А. Каразинъ помѣщикъ. Обстановка первыхъ лѣтъ жизни Василія Назаровича. Столкновеніе съ Ольховскимъ. Колоколъ Назара Каразина. Церковь въ Кручикѣ. Нравственная личность Назара Каразина.

Кѣмъ былъ по происхожденію Василій Назаровичъ Каразинъ, до сихъ поръ было наиболѣе неопредѣленнымъ вопросомъ, который лишь въ послѣднее время нѣсколько выяснился. По имѣющимся печатнымъ свѣдѣніямъ можно было только заключить, что родомъ онъ былъ или грекъ, или сербъ, или болгаринъ. Согласно «запискѣ» Филадельфа Васильевича Каразина [1] (сына В. Н—ча), Каразины происходятъ отъ дворянскаго греческаго рода Караджи, при чемъ Фил. Вас. не упоминаетъ о какихъ либо родовыхъ документахъ, сохранившихся или ему извѣстныхъ, откуда онъ сообщаетъ данное свѣдѣніе. Тѣмъ не менѣе мнѣніе о греческомъ происхожденіи В. Н. Каразина являлось наиболѣе рас-

---

[1]) Г. П. Данилевскій, «Украинская Старина», Харьковъ 1866 г., стр. 101.

пространеннымъ; его придерживались Я. В. Абрамовъ [1]), Срезневскій [2]), проф. Д. И. Багалѣй [3]), Чириковъ [4]), и лишь въ одномъ случаѣ встрѣчается мнѣніе о болгарскомъ происхожденіи Каразина [5]),

Личныя показанія В. Н. Каразина не только не устраняютъ двѣ указанныя редакціи о его происхожденіи, но выдвигаютъ еще третью, о сербскомъ происхожденіи его рода. Въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ къ кн. Адаму Чарторыжскому отъ 21 ноября 1804 г., по поводу волненія въ Сербіи, Каразинъ замѣчаетъ, что «сербы его соотечественники», и что «дѣдъ его по происхожденію былъ сербъ» [6]).

Въ письмѣ отъ 22 сент. къ Михаилу Ивановичу (чиновнику, фамилія котораго остается неизвѣстной) В. Н. Каразинъ, говоря о желаніи своемъ видѣть въ стѣнахъ Харьковскаго университета греческую молодежь (которымъ онъ-де руководился при основаніи университета), совершенно ясно заявляетъ, что онъ «соплеменникъ грековъ» [7]). Точно также въ найденномъ нами собственноручномъ формулярѣ В. Н. Каразина о происхожденіи его читаемъ: «Дворянинъ, сынъ Россійскаго полковника; дѣдъ его изъ благородныхъ грековъ (фаналіотовъ), извѣстный у нихъ Александръ Караджа, при вступленіи, въ царствованіе Петра Великаго, въ воинскую службу, названъ въ спискахъ съ россійскимъ окончаніемъ *(инъ)*: что и осталось» [8]).

---

[1]) «В. Н. Каразинъ, его жизнь и общ. дѣят.» Спб. 1891 г. стр. 8.

[2]) «Каразинъ Вас. Наз.» Русск. біограф. слов. подъ ред. Половцева.

[3]) «Каразинъ Вас. Наз.» Энцикл. слов. подъ ред. Брокгауза и Ефрона, т. XXVII. Также «Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ.» т. III, Харьковъ, 1891 г. стр. 307.

[4]) «Біографія В. Н. Каразина», неизданная рукопись. Историч. архивъ Харьк. ун-та.

[5]) А. П. Барсукова. «Валахскій господарь... взятъ военноплѣннымъ въ своей столицѣ... подполковникомъ Назаромъ Каразинымъ *(родомъ Болгаринъ)*, отцомъ достопамятнаго Каразина». «Старина и Новизна», ист. сборн. общ. ревн. русск. ист. просв. Ал. III, Спб., 1897 г. кн. I, стр. 296, прим. 66.

[6]) ... «m'ont informé de l'existence d'une mission secrète auprès de notre souverain de la part de Serbes Turcs insurgés, mes si devant compatriotes (Mon grand-père en était originaire)». «Русс. Стар.» 1871 г. т. III, стр. 701—702.

[7]) Эти данныя найдены проф. Д. И. Багалѣемъ въ Арх. Мин. Н. Просв. и пока не опубликованы.

[8]) Арх. Харьк. Дв. Деп. Собр. По описи дѣлъ Харьк. Губ. Предв. Двор. 1830 г. № 65, листъ 2 и 3.

Въ письмѣ къ С. Н. Муханову (служившему при канц. шефа жанд. Бенкендорфа) отъ 21 ноября 1831 г. Каразинъ, высказывая якобы свое завѣтное желанiе основать въ Болгарiи университетъ, который былъ бы средоточiемъ образованiя южнаго славянства, называетъ столицу Болгарiи Софiю—«отечествомъ предковъ своихъ болгаръ» [1]). О болгарскомъ своемъ происхожденiи В. Н. Каразинъ говоритъ въ найденномъ недавно проф. Багалѣемъ прошенiи, которое подано было въ 1797 году въ Геральдiю съ заявленiемъ объ оффицiальномъ утвержденiи за родомъ Каразиныхъ герба, которымъ пользовались предки Каразина родомъ болгары съ 1627 года [2]).

Изъ приведенныхъ противорѣчивыхъ данныхъ можно заключить только то, что В. Н. Каразину въ вопросѣ о происхожденiи его довѣрять нельзя. Но есть еще два оффицiальныхъ документа, довѣрять которымъ есть серьезныя основанiя. Это два рескрипта императрицы Екатерины II: одинъ—данный на имя графа Алексѣя Орлова (29 янв. 1769 г.), другой—на имя Назара Каразина (31 дек. 1770 г.). Въ первомъ, императрица, поручая графу привести въ исполненiе его планъ возмущенiя Балканскаго полуострова противъ турокъ, перечисляетъ агентовъ, которыхъ съ своей стороны намѣрена послать для успѣха дѣла, и говоритъ объ отцѣ В. Н. Каразина въ такихъ словахъ:... «отправляется нынѣ службы нашей подполковникъ Назаръ Каразинъ, *родомъ болгаръ*, въ Валахiю, Молдавiю и другiя турецкiя провинцiи [3]). Во второмъ рескриптѣ Назаръ Каразинъ награждается чиномъ полковника, при чемъ говорится, что «Назаръ Каразинъ находился въ нашей военной службѣ изъ иностранныхъ народовъ *болгарской нацiи* съ 1745-го года» [4])... Принимая во вниманiе оффицiальность документовъ и то, что составитель рескриптовъ долженъ былъ заимствовать свои свѣдѣнiя изъ достовѣрнаго источника, *указанiе на болгарское происхожденiе рода Каразиныхъ надо считать наиболѣе доказаннымъ*.

О предкахъ Василiя Назаровича мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнiя, не восходящiя раньше XVIII столѣтiя [5]). Семейная

---

[1]) «Русская Старина» 1903 г., апрѣль, стр. 16.

[2]) Докладъ пр. Д. И. Багалѣя въ засѣд. Ист.-Фил. Общ. при Харьк. ун. 27 сент. 1904 г.

[3]) Сборн. Русс. Ист. Общ. т. I, Спб. 1867 г. стр. 5.

[4]) Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. «Дѣло Василiя Каразина о внесенiи его въ родословн. книгу» 1799 г. № 8, листъ 3-й.

[5]) Есть еще одинъ рукописный документъ, свидѣтельствующiй о выходѣ нѣкоего Каразина въ Россiю въ началѣ XVII ст. Найденъ документъ пр. Д. И. Багалѣемъ и прочтенъ въ засѣд. Ист.-Фил. Общ.

хроника Каразиныхъ [1]) гласитъ, что родоначальникъ семейства Караджи, Григорій Караджи, былъ Софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи. При императорѣ Петрѣ Великомъ Караджи переселились въ Россію. Сынъ Григорія Караджи, Александръ, уже былъ на русской военной службѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ найденная нами копія съ именного указа отъ 8-го января 1748 г., когда Александръ Каразинъ былъ произведенъ въ капитаны русской гвардіи [2]). Умеръ онъ въ 1753 году въ селѣ Рублевкѣ, близъ украинскаго мѣстечка Мурафы.

Сынъ Александра Георгіевича, Назаръ, отецъ В. Н—ча, родился въ 1731 г. 14 окт. Съ 1745 г. числился на военной службѣ «и происходилъ чинами по порядку, наконецъ, состоялъ подполковникомъ съ 23 янв. 1769 г.», какъ гласитъ именной указъ

при Хар. ун. 10 февр. 1904 г.—Здѣсь говорится о «сербинѣ турченинѣ» Петрѣ Каразинѣ, выходцѣ изъ Молдавіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Этотъ Каразинъ «служилъ прежде турскому султану», былъ «басурманской вѣры» и лишь незадолго до переселенія въ Россію принялъ православіе, Въ 1641 г. Каразинъ выѣхалъ въ Москву съ сербскимъ митрополитомъ Симеономъ и получилъ за выходъ 10 рублей (послѣднее обстоятельство доказываетъ незнатность происхожденія выходца, такъ какъ знатные люди, и даже низшіе офицера, получали за выходъ значительно бо́льшую плату)—Генеалогическую связь упомянутаго Петра Каразина съ извѣстными предками В. Н-ча нѣтъ никакой возможности установить.

[1]) «Украинск. Старина» Г. П. Данилевскаго Харьк. 1866.

[2]) Архивъ Харьк. Двор Деп. Собр. «Дѣло по внесенію въ двор. род. кн. Василія Каразина» 1799 г. № 8, листъ 2-й: «Божіею Милостію, Мы Елисаветъ Первая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Александра Каразина, который Намъ порутчикомъ служитъ за оказанную его къ службѣ нашей ревность и примѣрность въ Наши капитаны тысяча седьмьсотъ четыредесятъ седьмого года ноября двадесятъ осьмого дня Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго Александра Каразина за нашего капитана надлежащимъ образомъ признавать и почитать; и Мы надѣемся, что онъ, въ семъ ему отъ Насъ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ честно и примѣрно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Въ свидѣтельство того Мы сіе Нашей военной коллегіи подписать и Государственной Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ С.-Петербургѣ, лѣта 1748 генваря 8 дня». Подлиный подписали: генералъ Степанъ Апраксинъ, ген.-маіоръ Иванъ Козловъ, секретарь Сергѣй Поповъ.

имп. Екатерины II [1]). Въ 1760 г. онъ вступилъ въ военную службу и во время участія въ семилѣтней войнѣ былъ раненъ въ ногу [2]). Предъ началомъ первой турецкой войны, императрица Екатерина II, надѣясь на помощь «запазушныхъ враговъ» Турціи, грековъ и славянъ, послала по предложенію гр. Орлова въ Средиземное море эскадру, чтобы поднять возстаніе въ Мореѣ и Черногоріи, и, кромѣ того, были посланы въ Турцію нѣсколько лицъ для ознакомленія съ силами турокъ на мѣстѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Назаръ Александровичъ Каразинъ. Онъ былъ представленъ императрицѣ, какъ человѣкъ, умѣющій говорить по-турецки и гречески, и какъ хорошій инженерный офицеръ, и вызвался взять на себя пропаганду возмущенія Валахіи, Молдавіи и другихъ внутреннихъ турецкихъ провинцій. Успѣхъ предпріятія былъ отчасти обезпеченъ тѣмъ, что лѣтомъ 1768 г. Каразинъ видѣлся съ «мультянскимъ баномъ Первуломъ Кантакузинымъ», который и обѣщалъ, со своей стороны, возможное содѣйствіе возстанію названныхъ провинцій. Съ Каразинымъ императрица отправила къ Кантакузину печатныя воззванія къ возстанію для распространенія среди балканскихъ христіанъ [3]). «Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительной книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было 4 дна, между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Андріанополѣ его схватили на разсвѣтѣ утра, за работой надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его, по приказанію паши, чуть не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставивъ въ Россію свои замѣтки и планы, и привелъ еще съ собою 3000 арнаутовъ вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали начальникомъ ихъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ передъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными» [4]). Василій Назаровичъ Каразинъ въ примѣчаніи къ одной изъ сво-

---

[1]) Арх. Х. Двор. Собр. «Дѣло о внесеніи В. Каразина 1799 г.» № 8, листъ 3-ій.

[2]) О хронологич. данн. см. «Этнографіумъ Наз. Ал. Каразина»; Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ., кн. 3 стр. 308—310, Харьковъ 1891 г.

[3]) Сборн. Русс. Ист. Общ. т. I. Спб. 1867 г. стр. 5.

[4]) Фактъ вывода изъ Турціи арнауговъ опровергался Фил. Вас. Каразинымъ (Сѣв. Пч. 1860 г. № 92 «Письмо къ Издателю»). Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за біографомъ В. Н. Каразина Г. П. Данилевскимъ, точныя свѣдѣнія объ указанномъ фактѣ находимъ въ приб. къ оффиціальному документу, помѣщенному въ «Сборн. Русс. Общ.» т. I, стр. 5,

ихъ печатныхъ статей [1]) говоритъ: «Маіоръ, впослѣдствіи полковникъ, Назаръ Каразинъ былъ употребленъ въ 1768 и въ слѣдующихъ годахъ до открытія турецкой войны въ секретныя посылки и въ негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостаивалъ его своими письмами даже послѣ его отставки, а Екатерина II наградила недвижимымъ имѣніемъ». Въ печатныхъ реляціяхъ о Екатерининскихъ войнахъ сохранилось нѣсколько извѣстій о Назарѣ Каразинѣ: 18 октября 1769 г. [2]) «Каразинъ со ввѣренными ему арнаутами, приблизясь къ Бухаресту, столицѣ княжества Валахскаго, выгналъ изъ него турецкое войско и взялъ въ полонъ Валахскаго господаря Григорія Гику, съ братомъ его, сыномъ и всѣми придворными, коихъ привелъ въ городъ Яссы». По словамъ реляціи 1770 г.: «7000 турокъ напали на полковника Каразина, бывшаго въ монастырѣ Комитѣ, въ тридцати верстахъ отъ Бухареста. Всѣ почти предводимые Каразинымъ пали»... Спасся одинъ предводитель съ немногими арнаутами [3]). Самъ Вас. Наз. подтверждаетъ и пополняетъ нѣсколько оффиціальныя данныя; наводя справки въ Архивѣ Военной Коллегіи, онъ нашелъ небезъинтересное свѣдѣніе о Назарѣ Александровичѣ, о чемъ разсказывалъ такъ (въ 1818 г.): «14 декабря 1769 г. въ турецкую войну состоявшій въ корпусѣ ген.-поручика Штофельна маіоръ Анрепъ съ шестью офицерами, имѣя не болѣе ста сорока шести егерей и другихъ нижнихъ чиновъ, велъ оныхъ къ Волховскому монастырю Комину, для освобожденія подполковника Каразина (моего отца), который съ нѣсколькими стами ввѣренныхъ ему арнаутъ отстрѣливался въ семъ монастырѣ отъ окружавшаго оный съ пушками семитысячнаго турецкаго корпуса. Егери знали уже прежде отправленія съ мѣста, что никакой не будетъ возможности совладѣть съ непріятелемъ столь малой командѣ и что они посылаются на неизбѣжную смерть»... «Дѣйствительно, храбрый Анрепъ, и вся его команда, кромѣ одного раненаго, въ плѣнъ взятаго офицера (отъ котораго упомянутый мой отецъ впослѣдствіи слышалъ сей разсказъ), легли, не дошедши до стѣнъ монастырскихъ» [4]).

---

[1]) «Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству»; «Украинск. Вѣстн.» 1818 г. кн. IX, стр. 340—43.

[2]) «Этнографіумъ»; также см. Сборн. ревн. русс. просв. «Старина и Новизна» Спб. 1897.

[3]) «Укр. Стар.» Г. П. Данилевскаго, который черпаетъ послѣднее свѣдѣніе изъ «Русс. Ист.» Глинки, т. IX.

[4]) «Россійскій Анекдотъ». Благонамѣренный, 1818 г. кн. 4, дек. Смѣсь, стр. 328—329.

Изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ документовъ надо заключить, что Назаръ Александровичъ, выступивъ на поле военныхъ дѣйствій въ чинѣ подполковника въ сентябрѣ 1769 года, именнымъ указомъ отъ 31 дек. 1770 г. былъ произведенъ въ полковники. Съ этимъ чиномъ и наградой въ 6000 руб. тѣмъ же указомъ былъ уволенъ въ отставку по прошенію [1]). Еще «7 іюня 1770 г. императрица Екатерина II именнымъ указомъ Сенату пожаловала Назару Александровичу изъ описныхъ дворцовыхъ маетностей въ Ахтырской провинціи Слоб. Укр. губ. деревню Гниловку, въ которой числилось 26 дворовъ и 140 душъ крестьянъ» [2]). Но по справкамъ оказалось, что дер. Гниловка, иначе Добрянская, входила прежде во владѣнія разныхъ частныхъ лицъ, а въ 1768 г. 127 д. крестьянъ было переведено изъ Гниловки въ дворцовое село Яблучное, а земли гниличскія были переданы однодворцамъ, такъ что уже въ 1769 г. дер. Гниловка находилась въ вѣдѣніи Вольновской воеводской канцеляріи. Въ виду всего этого 19 ноября 1770 г. послѣдовалъ новый Высоч. указъ о пожалованіи Каразину въ вѣчное и потомственное владѣніе, вмѣсто дер. Гниловки, с. Кручика и дер. Основицы изъ описныхъ же дворцовыхъ вотчинъ Ахтырской провинціи Слоб.-Укр. губ. Въ селѣ Кручикѣ считалось 244 души, а въ дер. Основицы187 д. [3]).

---

[1]) Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. «Дѣло Василія Каразина о внесеніи въ двор. род. кн. 1790 г. № 8., листъ 3; копія съ указа за № 374:

«Божіею Милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что оказатель сего, Назаръ Каразинъ, находился въ Нашей военной службѣ изъ иностранныхъ народовъ болгарской націи съ 1745 года, и происходилъ чинами по порядку, наконецъ состоялъ подполковникомъ 1769 генваря съ 23, и будучи онъ Каразинъ въ службѣ Нашей во всемъ такъ поступалъ, и себя содержалъ, какъ честному, вѣрному храброму солдату, и искусному офицеру надлежитъ; а сего 1770 году маія 25 числа оной Каразинъ по прошенію его уволенъ отъ всякой службы, съ награжденіемъ полковничья чина, во свидѣтельство чего Мы сіе собственною рукою подписали и Государственной печатью укрѣпить повелѣли; Данъ въ С.-Петербургѣ, лѣта 1770-го декабря 31 дня». Подлиный подписанъ собственной ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина. Генералъ графъ Захаръ Чернышовъ.

[2]) Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ. кн. 3 стр. 307—308, Харьковъ 1891.

[3]) Арх. Х. Дв. Г. Собр. «Дѣло Вас. Каразина о внес. въ Дв. род. кн. 1799 г.» № 9, листъ 4. Въ форм. спискѣ В. Н. Каразина отъ 1830 г. значится, что с. Кручикъ Богодух. уѣзда пожаловано за службу отца и дѣда и что при селѣ числится 2660 дес. земли.

Въ январѣ 1771 года [1]) Назаръ Александровичъ прибылъ въ пожалованныя царицей владѣнія и началъ хозяйничать. Женился на дочери сотника Харьковскаго полка Як. Ив. Ковалевскаго. Послѣдній былъ женатъ на М. В. Магденко, по первому мужу своему Логачевой. Въ 1773 г. онъ строилъ домъ. Въ это то время 30-го января на разсвѣтѣ въ хатѣ кручанскаго крестьянина Минченка родился Василій Назаровичъ; былъ названъ Богданомъ, а при крещеніи это имя было замѣнено Василіемъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, какъ помѣщика пожалованныхъ деревень, извѣстно немногое, а между тѣмъ это время для насъ особенно интересно, интересна обстановка, въ которой жилъ первые годы жизни Василій Назаровичъ. «Интересно поставить вопросъ, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, не вліяла ли на образоваше характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной славянщины; это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его» [2]). Къ самымъ первымъ годамъ жизни Василія Назаровича относится характерный для своего времени эпизодъ ссоры его отца съ сосѣдомъ помѣщикомъ села Шаровки, Ольховскимъ, который также служилъ въ военной службѣ и получилъ имѣніе въ Украйнѣ. «Это былъ типъ буйнаго воина, не желавшій разстаться со своими военными привычками и замашками даже въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ». Ольховскій въ качествѣ полковника Козловскаго пѣхотнаго полка держалъ при себѣ военную команду, «что давало преимущество ему предъ другими мирными сосѣдями», «не исполнялъ никакихъ служебныхъ обязанностей, а все свое время посвящалъ хожденію по дѣламъ въ Ахтырской провинціальной и въ слободско-украинской губернскихъ канцеляріяхъ, вот-

1) Свѣдѣнія о жизни Назара Александровича въ деревнѣ находимъ отчасти въ «Эпитафіумѣ» его и «запискѣ о жизни отца» Ф. В. Каразина, напечатанной въ «Украинской Старинѣ» Г. П. Данилевскаго.

2) Проф. Д. И. Багалѣй «Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ». «Кіевская Старина» 1892 г. ноябрь, стр. 163.

чинномъ департаментѣ и межевой конторѣ» [1]). О буйствахъ помѣщиковъ въ XVIII в. хорошо извѣстно изъ многихъ фактовъ. Постоянные разбойническіе ихъ наѣзды на сосѣдей помѣщиковъ сопровождались грабежами, пожарами, увѣчьями и убійствомъ. Объ этихъ наѣздахъ много писали и наши беллетристы; подтверждается фактъ и оффиціальными документами [2]); не всегда помѣщики получали справедливый судъ за свои преступленія. Такимъ головорѣзомъ былъ и Савва Петровичъ Ольховскій, не могшій или не хотѣвшій отстать отъ своихъ военныхъ замашекъ. Много разсказывали старожилы Шаровки и окрестныхъ деревень о его жестокостяхъ; говорили, что у него въ подвалахъ гнили люди на цѣпяхъ и что онъ высокомѣрно относился къ сосѣдямъ, нерѣдко дѣлалъ наѣзды ночью на мелкаго владѣльца, сжигалъ его усадьбу и тотчасъ запахивалъ и засѣвалъ землю. Когда ограбленный пріѣзжалъ судомъ на мѣсто разслѣдовать дѣло (вспомнимъ при этомъ о бумажномъ дѣлопроизводствѣ того времени и подкупности судей), то на мѣстѣ усадьбы волновалась нива, что и служило основаніемъ доказательствъ Саввы, будто бы здѣсь никогда никакой усадьбы не было и земля издавна принадлежала ему. Съ такимъ-то человѣкомъ столкнулся Назаръ Александровичъ Каразинъ.

Причиной столкновенія сосѣдей, по «храмозданной грамотѣ» села Кручика [3]), былъ споръ «за какую то землю, которою хотѣлось владѣть и тому и другому». Столкновеніе между Ольховскимъ и Каразинымъ произошло въ январѣ 1775 г. Ольховскій ночью прислалъ къ мельницѣ Каразина, стоявшей на рѣкѣ Мерлѣ, своего приказчика съ 20-ью человѣками команды, вооруженной ружьями и дубинами; они разломали въ избѣ двери и окна и избили 4-хъ человѣкъ Каразина и захватили ихъ съ собою въ с. Шаровку. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года приказчики его съ шаровскими и мураховскими подданными захватили 7 скирдъ сѣна, накошеннаго людьми Каразина на его собственныхъ поземельныхъ дачахъ, и на другую ночь снова воровски увезли 6 скирдъ сѣна изъ хутора Каразина. Каразинъ сдѣлалъ заявленіе объ этомъ краснокутскому коммисарскому правленію, вахмистръ котораго Андрей Чаговецъ вмѣстѣ съ понятыми прослѣдилъ движеніе подводъ съ сѣномъ въ Шаровку. Ахтырская провинціальная канцелярія потребовала къ отвѣту Ольховскаго, но тотъ объявилъ,

---

1) На основ. документ. оффиц. характера, тамъ же стр. 171, 172.

2) Проф. Д. И. Багалѣй «Назар. Алекс. Каразинъ». Рядъ набѣговъ въ 1700 г. «Кіевск. Стар.» 1892 г. ноябрь стр. 164—165.

3) Тамъ же, стр. 169.

что не явится, такъ какъ находится здѣсь по казенному дѣлу для покупки на полкъ воловъ и лошадей; при этомъ прибавилъ, что провинціальная канцелярія имѣетъ въ своей инструкціи «вздоръ и бредню». Каразинъ указывалъ, что это одна отговорка и что Ольховскій, проживая здѣсь съ командою, только даромъ получаетъ жалованье. Въ 1776 г. послѣдовалъ новый ночной наѣздъ Ольховскаго на хуторъ Каразина, наѣздъ, имѣвшій характеръ настоящаго нападенія. Иванъ Ивановичъ Каразинъ, внукъ Назара Александровича, разсказывалъ, что столкновеніе это было «съ пушками и вооруженными людьми», причемъ пушки были «очаковскія маленькія, привезенныя Назаромъ Александровичемъ съ войны». Дѣло окончилось тѣмъ, что двое подданныхъ Каразина было убито, а двадцать девять ранено и изувѣчено, захвачено было также много разныхъ пожитковъ». Легенда гласитъ, что самъ Савва Ольховскій былъ взятъ въ плѣнъ и за стражей отправленъ въ Краснокутскъ. Изъ подъ ареста будто бы Ольховскій бѣжалъ отъ опоенныхъ его матерью Татьяною Абазиной водкой и дурманомъ стражниковъ.

Но «храмозданная грамота преосв. Аггея» говоритъ, что одолѣли Ольховцы. Какъ бы то ни было, но оффиціально удостовѣрено, что началось послѣ дѣла этого судебное слѣдствіе, которое тянулось до 1779 г., но и въ этомъ году не было еще вполнѣ закончено; состоялась «сентенція» слободско-украинской губернской канцеляріи, которая должна была пойти на аппробацію малоросс. генер.-губерн. П. А. Румянцева-Задунайскаго, а можетъ быть Правительствующаго Сената. Чѣмъ кончилась канцелярская процедура, въ точности неизвѣстно, но по прошенію уѣзднаго предводителя Куликовскаго, представленному въ намѣстническое правленіе и уголовную палату во время процесса о колоколѣ, рѣчь о которомъ ниже, можно судить, что Правительствующій Сенатъ въ 1781 г. присудилъ Ольховскаго къ лишенію чина, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и церковному покаянію за избіеніе подданныхъ черкасъ села Кручика. Легенда полетѣла на крыльяхъ фантазіи дальше. «Когда вступилъ на престолъ Павелъ Петровичъ, гласитъ она, Савву вызвали въ Петербургъ, гдѣ и высѣкли». Проф. Д. И. Багалѣй не даетъ вѣроятія послѣдней версіи, склоняясь скорѣе въ пользу первой, но въ доказательство того, что дѣло обвиняемыхъ было не въ ихъ пользу, указываетъ на распоряженіе губернской канцеляріи «сыскать мать Ольховскаго Абазину и содержать до конфирмаціи приговора ее при губернской канцеляріи подъ карауломъ», что канцелярія съ настойчивостью привела въ исполненіе, а по свидѣтельству Каразина, женщина эта была даже подвергнута тѣлесному наказанію.

Посылая жалобу за жалобой на медленныя дѣйствія властей, Н. А. Каразинъ, въ то-же время рѣшилъ наказать Ольховскаго нравственно, въ чемъ и успѣлъ. Онъ заказалъ 15-ти пудовый колоколъ для своей сельской церкви, на которомъ по-славянски были вылиты слѣдующія слова: «сей колоколъ—кровь, воніющая къ Богу людей, побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ, сыномъ Ольховскимъ въ 1776 г. августа 15-го числа». [1]) У этого колокола рядомъ висѣли боевые часы, молотъ которыхъ ударялъ какъ разъ въ слово имени Саввы. Согласно разсказу Ивана Ивановича Каразина и показанію г-жи О. М. Подольской, супруги недавно умершаго Кручанскаго священника, съ внутренней стороны колокола была вылита рельефомъ голова Саввы, такъ что языкъ колокола ударялъ какъ разъ по ней во время благовѣста. Намъ приходилось осматривать внутренность колокола; языкъ его дѣйствительно ударяетъ въ одно мѣсто, о чемъ можно судить по густой ржавчинѣ кругомъ внутренности колокола и по одному блестящему вогнутому пятну на мѣстѣ удара языка о колоколъ. Рѣшить, была ли выпуклость внѣ пятна, надо отрицательно, такъ какъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ даже сбитаго рельефа (а судя по сбитымъ буквамъ, эта операція производилась чрезвычайно грубо, несмотря на удобство снять инструментомъ, не повреждая тѣла колокола, маленькую выпуклую букву); внутренняя поверхность колокола совершенно гладка; было ли изображеніе на мѣстѣ вогнутаго блестящаго пятна, едва-ли можно рѣшить, такъ какъ первоначальной поверхности колокола въ этомъ мѣстѣ нѣтъ, а если слѣдовать показанію Ив. Ив. Каразина, что языкъ ударялъ въ лобъ рельефнаго изображенія головы Саввы, то, принявъ во вниманіе небольшой діаметръ пятна (вершка 1—2) и отсутствіе слѣдовъ исправленія, можно думать, что таковаго изображенія вовсе не было. Какъ бы то ни было, своеобразное мщеніе Каразина пришлось не по вкусу Ольховскому [2]). Какъ говорятъ Крученцы-крестьяне [3]), онъ сильно заболѣлъ и въ религіозномъ страхѣ, приписывая причину болѣзни выходкѣ сосѣда, оффиціально потребовалъ немедленнаго предписанія краснокутскому нижнему земскому суду и исправнику изслѣдовать надпись на колоколѣ, снять его и наказать церковнослужителей, которые обязались подпиской сохранять колоколъ, доказывая справедливость своего требованія тѣмъ, что «колоколъ

---

[1]) Теперь осталось на колоколѣ нѣсколько словъ и окончаній.

[2]) «Кіевск. Стар.» 1892 г. ноябрь, стр. 167.

[3]) Показанія старожиловъ Кручика авторъ сочиненія слышалъ самъ.

не о молитвѣ къ исправленію, но на тяжкое имени его, Ольховскаго, поруганіе къ услажденію противящихся божественнымъ и монаршимъ правоученіямъ сердецъ гласомъ злобы вопіеть, чему при храмѣ Божіемъ быть не должно». Намѣстническое правленіе не оставило дѣла безъ вниманія; было предписано провѣрить доносъ Ольховскаго земскому суду съ депутатомъ отъ духовнаго правленія; фактъ подтвердился, и надпись была въ существенныхъ, смыслъ фразы объясняющихъ, словахъ, сбита—«*по приказанію правительства*» еще Назаромъ Каразинамъ, а по «храмозданной грамотѣ» сынъ его «Василій Назаровичъ изгладилъ изъ той надписи нѣкоторыя слова, чтобы и самому забыть, и чтобы потомки не знали о враждѣ, бывшей между его отцомъ и сосѣдомъ помѣщикомъ [1]). Впрочемъ, справедливѣе послѣдняя версія, ибо процессъ о надписи на колоколѣ происходилъ въ 1795 г. и, слѣдовательно, послѣ смерти Назара Александровича Каразина [2]) Изъ другихъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Назара Каразина извѣстно немногое о постройкѣ церкви въ Кручикѣ. Тамъ была старая ветхая церковь—Крестовоздвиженская еще до перехода села во владѣніе Каразина, но она развалилась и, по неудобному мѣстоположенію, нерѣдко затоплялась водою рѣки Мерлы. Еще въ 1770 г., въ годъ жалованія Каразина деревнями, онъ хлопоталъ о разрѣшеніи построить новую церковь, на что 31 декабря того же года послѣдовало разрѣшеніе отъ Синода; въ силу этого указа 30-го апр. 1774 г. было разрѣшеніе отъ епископа Аггея. 14 сентября церковь заложена, 30 авг. 1776 г. освящена выстроенная деревянная церковь преосвященнымъ Аггемъ во имя Воздвиженія Креста Господня. Церковь выстроена была въ формѣ креста, подъ нею и колокольней устроенъ склепъ, въ которомъ было 8 нишъ для восьми же гробовъ [3]).

[1]) «Кіев. Стар.» 1892, ноябрь стр. 169.

[2]) Наз. Ал. Каразинъ скончался въ 1783 г.

[3]) Согласно описанію церкви, составленному въ 1817 г., слѣдовательно при жизни В. Н. Каразина, и найденному нами въ архивѣ ея, «Крестовоздвиженская церковь есть деревянная однопрестольная, построенная на ровномъ мѣстѣ и отъ улицы оградою отдѣленномъ въ 1776 г. помѣщикомъ с. Кручика Назаріемъ Каразинымъ и освящена лично преосв. Аггеемъ епископомъ Бѣлогородскимъ и Обоянскимъ, оная заложена на кирпичномъ основаніи, составляющемъ подъ оною и подъ колокольнею погреба. Верхи обоихъ крыты бѣлымъ желѣзомъ; глава и кресты вызлащены, стѣны же снаружи и снутри вышелеваны. Колокольня соединена съ церковью посредствомъ паперти, колоколовъ на оной пять, изъ нихъ въ первомъ 15 пуд, во второмъ 6, въ третьемъ 1 п. 13 ф., въ четвертомъ и пятомъ по 1 п.; надъ ними

Назаръ Александровичъ скончался въ 1783 г. 14 марта въ 2 часа пополудни. О смерти его разсказывалъ мнѣ со словъ своего отца крестьянинъ села Кручика Сильвестръ Романовичъ Сѣренко[1]) слѣдующее. У Назара Ал—ча былъ любимый конь, на которомъ онъ всегда ѣздилъ. Разъ въ сильный морозъ онъ по обыкновенію выѣзжалъ изъ воротъ для наблюденій за своимъ хозяйствомъ. Ночью конь набилъ въ подковы навозу, который заледенѣлъ, образовавъ на копытахъ лошади скользкіе выступы. Лошадь, вступивъ на замерзшую въ воротахъ лужу, грохнулась на земь и переломила всаднику лѣвую берцовую кость. Досада и боль обозлили послѣдняго; онъ схватилъ близъ лежащій колъ и убилъ имъ лошадь. Вскорѣ послѣ этого Назаръ Александровичъ скончался, 14 марта 1783 г., а 16 числа былъ погребенъ подъ алтаремъ въ склепѣ собственной церкви «архимандритомъ Ахтырскаго монастыря Венедиктомъ со священнымъ соборомъ и надлежащею церемоніею». По смерти Назара Александровича былъ написанъ ему «Эпитафіумъ» или надгробная надпись философомъ Г. С. Сковородою, какъ говоритъ преданіе: тотъ эпитафій написанъ красными буквами на черномъ фонѣ доски въ лѣвой сторонѣ церкви на задней сторонѣ кіота, куда ее перевѣсили изъ склепа, ходъ къ которому недавно задѣлали наглухо. Содержаніе эпитафіума написано четырехъ и пяти-стопнымъ размѣромъ и представляетъ краткую (изъ 76 стиховъ) біографію покойнаго, иногда маскируемую витіеватымъ слогомъ. Начальныя буквы стиховъ составляютъ слѣдующую фразу: «Назару Александровичу господину полковнику Каразину вѣчная память буди и буди и упокоеніе». Эпитафій представляетъ также нравственную характеристику покойнаго. Характеръ Назара Александровича отличался многими чертами, какія потомъ замѣчались у сына его:

утверждены боевые часы, приведенные въ движеніе гирьми. Церковь, начиная отъ первой олтарной стѣны до послѣдней колокольной, долготою 34 арш ; олтарь въ ширину 8 арш., середина церкви $20^1/_4$ арш., со внутренними крѣпкими замками; во всѣхъ стѣнахъ церкви шестнадцать окошекъ листового стекла. Иконостасъ рѣзной; по сребренному грунту покрытъ зеленой краской, въ карнизахъ и другихъ пристойныхъ мѣстахъ вызолоченъ. Писанъ благолѣпно по преданіямъ Грекороссійскія церкви; рѣзныхъ и отлитыхъ иконъ нѣтъ. Около церкви ограда каменная новая».

[1]) Одинъ Сѣренко сопровождалъ Василія Назаровича за границу. другой наблюдалъ за больными въ Кручикской больницѣ (Русс. Стар. 1902 г. апр. 223), третій былъ пономаремъ въ церкви Кручика (Харьк. Сборн. 1887).

та же любовь къ правдѣ, тотъ же глубокій умъ, домовитость, отвращеніе къ лести и готовность помочь обиженнымъ и несчастнымъ.

ГЛАВА II.

Первые шаги.

(1783—1801).

Первоначальное воспитаніе Василія Назаровича. Военная служба и горный корпусъ. Отставка. Царствованіе имп. Павла и причины бѣгства заграницу. Продажа имѣнія и ходатайство о заграничномъ паспортѣ. Бѣгство и арестъ. Письма къ государю. Вступленіе въ гражданскую службу. Положеніе въ Петербургскомъ обществѣ и научныя занятія; по исторіи медицины и финансовъ.

До смерти отца Василій Назаровичъ получалъ воспитаніе сперва въ домѣ своего родителя, потомъ главнымъ образомъ въ частныхъ пансіонахъ Христіана Ивановича Фильдинга въ Кременчугѣ и Ивана Петровича Шульца въ Харьковѣ. Выборъ преподавателей Василію Назаровичу оказался удачнымъ: «оба они, по признанію ихъ воспитанника [1]), были людьми просвѣщенными и благороднѣйшими, которые горячо любили Россію и учили своихъ питомцевъ прежде всего любить ее. Они то и «отецъ—воинъ» [2]) вдохнули то неудержимое чувство любви къ родинѣ, которое руководило всю жизнь Василіемъ Назаровичемъ, и въ которомъ можно найти объясненіе всѣхъ его дѣйствій, ибо оно толкало его на самыя смѣлыя выходки, заставляя пренебрегать собственною безопасностью, своимъ благополучіемъ и благополучіемъ своей семьи. Еще ребенкомъ Василій Назаровичъ мечталъ дѣйствовать на пользу родины и эти мечты выразились самымъ дѣтскимъ образомъ: онъ хотѣлъ быть воителемъ и на полѣ военныхъ дѣйствій снискать славу своему царю и дорогому отечеству. Отъ идеи до приведенія въ исполненіе у Василія Назаровича былъ одинъ шагъ. И вотъ десятилѣтній мальчикъ, придя изъ пансіона Шульца, подаетъ собственноручное прошеніе графу Румянцеву-Задунайскому, проѣзжавшему чрезъ Харьковъ, гдѣ выра-

---

[1]) „Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству“ Украинскій Вѣстникъ т. IX стр. 343.

[2]) Тамъ же стр. 342.

жаетъ желаніе поступить на военную службу. Графъ, хорошо знавшій отца Василія Назаровича, служившаго подъ его начальствомъ, и отличавшій всегда его службу [1]), съ улыбкой записалъ мальчика 11 іюня 1783 г. въ кирасирскій орденскій полкъ, шефомъ котораго самъ состоялъ [2]). 23-го января 1791 г. Василій Назаровичъ отправился въ Петербургъ и вступилъ на военную службу въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ сержантомъ [3]). Служба тогдашнихъ гвардейцевъ предоставляла имъ много свободы; по крайней мѣрѣ Василій Назаровичъ гораздо больше занимался науками въ этотъ періодъ своей жизни, чѣмъ артикулами. Ему по собственному признанію нѣсколько разъ можно было добиться чина тѣмъ или инымъ способомъ, но онъ всегда отказывался отъ того, полагая, что ни за какіе чины онъ не достигнетъ счастья деревенской жизни, которой лишится. Онъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, посѣщалъ Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и тамъ пріобрѣлъ тѣ обширныя познанія въ естественныхъ наукахъ, которыми удивлялъ своихъ современниковъ. Насколько внимательно учился Василій Назаровичъ, можетъ служить тотъ фактъ, что профессоръ Кнорре не хотѣлъ вѣрить, что астрономія была не единственнымъ предметомъ его занятій. Нѣкоторыя его открытія изъ области химіи обратили вниманіе ученаго міра только много времени спустя. То же самое можно сказать, судя по результатамъ позднѣйшихъ работъ Каразина, о его занятіяхъ физикой, ботаникой, медициной и математикой. Въ это время онъ основательно изучилъ языки французскій и нѣмецкій и подробно ознакомился со священнымъ писаніемъ, знаніе котораго видно въ его рѣчахъ и сочиненіяхъ. Здѣсь же, можетъ быть, онъ началъ интересоваться общественными вопросами, а при помощи языковъ познакомился съ важнѣйшимъ, что имѣлось тогда въ всемірной литературѣ по этимъ вопросамъ.

Но цѣлью жизни поставилъ себѣ Василій Назаровичъ не науку, а благо родины. Для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли онъ, имѣя уже необходимыя теоретическія свѣдѣнія и пользуясь свободой гвардейцевъ, отправился путешествовать по Россіи, чтобы

---

1) «Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству» «Украинскій Вѣстн.» т. IX, стр. 343.

2) Копія съ формулярнаго списка 1820 г.—оттуда же и хронологическія даты.

3) Копія съ формулярнаго списка 1830 г. По показанію же отъ 1 окт. 1798 г. самого Вас. Наз. онъ съ 1785 г. «находился на службѣ по спискамъ, но на лицо никогда». Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. за 1866 г. т. III, Смѣсь, стр. 34—35.

узнать на мѣстѣ жизнь и нужды народа. Вернувшись изъ путешествія въ Петербургъ, онъ рѣшилъ, что гораздо полезнѣе служить отечеству на гражданскомъ поприщѣ, чѣмъ на военномъ. Кромѣ того и слабое здоровье заставляетъ его оставить военную службу. Онъ уѣзжаетъ въ деревню, ведетъ тамъ замкнутую жизнь. Въ началѣ 1796 г. Василій Назаровичъ женился на 14-лѣтней крѣпостной дѣвушкѣ Домнѣ Ивановнѣ, воспитанницѣ своей матери [1], и съ рвеніемъ хотѣлъ дѣйствовать на гражданской службѣ, или даже занимаясь хозяйствомъ у себя въ деревнѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ во время путешествія, такъ и во время жизни въ деревнѣ, Каразинъ числился на военной службѣ, получалъ жалованіе и т. д. Это явленіе не было единичнымъ или сколько-нибудь выдающимся изъ ряда фактомъ. Большинствомъ дворянъ именно такъ неслась военная служба въ концѣ царствованія Екатерины Великой. Павелъ Петровичъ вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ издалъ указъ явиться въ 24 часа на смотръ всѣмъ дворянамъ, числившимся на военной службѣ въ гвардіи, и неявившихся приказалъ исключить изъ нея, уничтожая тѣмъ вкоренившееся злоупотребленіе. Василій Назаровичъ Каразинъ не могъ исполнить повелѣнія и подвергся общей участи—былъ исключенъ со службы: «По восшествіи на престолъ его императорскаго величества,—пишетъ онъ въ показаніи о своей личности 1798 г.,—вѣроятно выключенъ я изъ полку, но объ этомъ я не освѣдомился» [2].

Отставка отъ службы и порядки, сопровождавшіе царствованіе императора Павла, охладили пылкія стремленія Василія Назаровича Каразина. Тотъ паническій ужасъ, который охватилъ все дворянское общество, особенно подѣйствовалъ на впечатлительнаго Каразина. «Многіе примѣры» столь богатаго немилостями царствованія Павла «грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины, но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть для того времени уже преступленіемъ»—говорилъ онъ [3]. Напряженные нервы Василія Назаровича получили и съ другой стороны уколы. Какъ было сказано, онъ женился на бѣдной воспитанницѣ своей матери «въ противоположность обычаямъ богатого свѣта», за что постоянно и долженъ былъ переносить

---

[1]) Показаніе В. Н. Каразина отъ 1-го окт. 1798 г. «Чтенія» 1866, т III, стр. 35; Смѣсь.

[2]) Фактъ выключенія В. Н. Каразина изъ военной службы въ томъ же видѣ излагаетъ Ярославскій «Воспоминанія о В. Н. Каразина». «Харьк. Сборн. 1887, стр 65»

[3]) Въ письмѣ къ императору Павлу отъ 14 авг. 1798 г. «Рус. Стар.» 1873 г. т. VII, стр. 566—567.

«укоризны родственниковъ». Если прибавить сюда ненасытную жажду знанія и слабое здоровье В. Н. Каразина, то можно имѣть представленіе о причинахъ, побудившихъ его искать «счастья», какъ писалъ онъ царю, за-границей, гдѣ «давно уже онъ имѣлъ намѣреніе провести жизнь свою, гдѣ можно было излѣчиться, сдѣлаться полезнымъ и гдѣ различие между состояніемъ и званіемъ будетъ между прочимъ», т. е. не будетъ имѣть для окружающихъ существеннаго значенія [1]). И вотъ Василій Назаровичъ рѣшилъ уѣхать изъ Россіи. Въ полной увѣренности получить заграничный паспортъ, онъ отдаетъ свое имѣніе въ аренду на весьма тяжелыхъ для себя условіяхъ, почему по пріѣздѣ въ Петербургъ окончательно продаетъ его за 29 тысячъ. Купившій обязался 10000 выплатить въ банкъ на имя В. Н. Каразина, уплатить долги 8000 руб. кредиторамъ его и выдалъ 11000 руб. самому Василію Назаровичу, которые тотъ за крупный процентъ («съ великою потерею») промѣнялъ въ банкирскомъ домѣ Томсона и К° и у рижскихъ банкировъ Цукербеккера и Клейна на полторы тысячи гамбургскихъ талеровъ и на чеки въ 7000 р.

По указу Павла паспорты для заграничныхъ поѣздокъ выдавались только по Высочайшему повелѣнію. Василій Назаровичъ обратился съ просьбой къ Императору о дозволеніи ему ѣхать

---

[1]) Письмо къ императору Павлу отъ 30 авг. 1798 г. Показаніе В. Н. Каразина 1-го окт. 1798 г. Въ «Украинской Стар.» Фил. Вас. Каразинъ цитируетъ слова Василія Назаровича такъ: «Великій Монархъ! Я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ, оно будетъ загадочно для моихъ слѣдователей. Я бѣжалъ учиться»!.. Послѣдней прибавки въ собственноручномъ письмѣ Василія Назаровича, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» нѣтъ. Но въ письмѣ 30 авг. 1798 г. В. Н. Каразинъ пишетъ, что его побудило бѣжать «одно любопытство», «одно невинное желаніе быть счастливымъ»... Проф. Д. И. Багалѣй тоже полагаетъ, что желаніе учиться было однимъ изъ мотивовъ бѣгства Каразина (См. записки Харьк. ун-та 1893 г. I. Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина на стр. 31 прим. 1). Позднѣе (1810 г.) Василій Назаровичъ объяснялъ свое бѣгство горячностью своего молодого воображенія: «я не убѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ на началахъ восемнадцатаго вѣка. Обманутое наше воображеніе носилось въ мечтательномъ мірѣ, который никогда не былъ и, вѣроятно, не будетъ, который предполагаетъ людей совершенными»... «Практическое защищеніе противу иностранцевъ». Чтенія Моск. Общ. Ист. 1861 г. кн. III, 135 и въ «Русск. Стар.» 1871 г. мартъ. стр. 335.

за границу. Государь, несочувственно относившійся къ заграничнымъ поѣздкамъ и вообще къ западно-европейскимъ вѣяніямъ, отказалъ въ просьбѣ Каразину; тотъ рѣшилъ уѣхать тайкомъ. Со своей беременной женой и съ крѣпостнымъ Евстафіемъ Сѣренкомъ отправился онъ чрезъ Псковъ и Ковно къ границѣ, а отъ нея къ Гамбургу, въ окрестностяхъ котораго думалъ поселиться Василій Назаровичъ. Въ Псковѣ думали Каразины отпустить Сѣренка, но не могли нанять человѣка и взяли его до границы [1]. «10 авг. 1798 г. прибыли они въ Гродно [2]. Въ ночь съ 12-го на 13-е число Каразинъ приготовился бѣжать заграницу, нашелъ 4 жидовъ, которые должны были перевезти его чрезъ рѣку» [3]. Разъѣздъ екатерининскихъ драгунъ поймалъ бѣглецовъ и доставилъ въ Ковно. Василія Назаровича посадили на гауптвахту, а жену его «въ особомъ мѣстѣ также подъ карауломъ» [4]. Подробности о захватѣ Каразина сообщаетъ намъ г. Е. Трефильевъ, черпая ихъ изъ государственнаго архива [5]. «Въ ночь съ 12-го на 13-ое августа 1798 г. по берегу Нѣмана ходили обходомъ «для присмотра бѣглецовъ» два рядовыхъ, Иванъ Васильевъ и Петръ Абалмасовъ. У самаго устья рѣки Виліи, между слободой Виліампольской и рядомъ съ ней лежащей деревней Верши, увидѣли они идущаго жида, котораго бросились ловить, но онъ скрылся, а предъ ними выскочилъ вдругъ «неизвѣстно какой, а послѣ уже названный дворянинъ Каразинъ», который крикнулъ Абалмасову: «что ты за человѣкъ?» Абалмасовъ отвѣтилъ, что солдатъ и что находится здѣсь для присмотра бѣглыхъ. На вопросъ же послѣдняго, что онъ за человѣкъ, неизвѣстный отвѣчалъ, что офицеръ и «тебѣ де нѣтъ дѣла». Затѣмъ вынулъ горсть серебряныхъ денегъ и сталъ солдату класть въ карманъ. Но послѣдній, «имѣя не малое сомнѣніе, не сталъ ихъ брать, сказавъ «служу Государю вѣрою до

---

[1]) Все это черпается изъ показаній самого В. Н. Каразина. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1866 г. кн. Ш, стр. 34—35.

[2]) Показаніе О. Бодянскаго въ «Чтеніяхъ». А по объясненію Е. Трефильева въ Ковно (см. Зап. Харьк. ун-та 1902 г. II. 172). Впрочемъ Каразинъ, самъ въ письмѣ 30 авг. упоминаетъ, что, «покушался близъ гор. *Ковно* ускользнуть отъ стражи пограничной». «Чтенія» 1866 г. кн. Ш, стр. 32.

[3]) Въ письмѣ къ императору Павлу 14 авг. 1798 г. значится, что Василій Назаровичъ былъ пойманъ въ ночь на 3-ье число (см. «Русск. Стар.» 1873 г. т. VII).

[4]) «Изъ Правительственнаго Источника» «Чтенія» 1866 г. т. Ш. Смѣсь, стр. 31.

[5]) «О Харьковскомъ дворянинѣ Каразинѣ, намѣревавшемся тайно уйти за границу». Записки Харьков. универ. 1901. II, стр. 171—179.

капли крови и съ дезертировъ денегъ никогда не беру». Тогда неизвѣстный въ гнѣвѣ вскричалъ «такъ ты правдой служишь и съ дезертировъ денегъ не берешь»? и приставя къ груди солдата пистолетъ, продолжалъ: «вотъ тебѣ смерть или бери деньги, а мнѣ не мѣшай»! Солдатъ, видя себѣ таковую неминуемую смерть», отвѣчалъ: «я не хочу вашихъ денегъ, а только не лишайте меня жизни, и я васъ проведу до лодки». Въ то время какъ Абалмасовъ объяснялся съ бѣглецомъ, другой солдатъ Иванъ Васильевъ успѣлъ сбѣгать къ лодкѣ неизвѣстнаго, взялъ изъ нея ружье и поспѣшилъ съ нимъ на помощь къ товарищу. Когда неизвѣстный увидѣлъ въ рукахъ солдата ружье, онъ бросился къ ружью и спустилъ курокъ. Вспыхнулъ на полкѣ порохъ, но выстрѣла не произошло. Тогда солдаты набросились на врага. Васильевъ силой вырвалъ изъ рукъ неизвѣстнаго ружье, а Абалмасовъ сзади обхватилъ его руками, и оба стали такъ громко кричать, что на ихъ крики изъ Виліампольской слободы прибѣжало 6 караульныхъ солдатъ. Борьба быстро кончилась. Побѣжденный покорился своей участи. Вмѣстѣ съ нимъ арестованы были жена его и дворовый человѣкъ».

На допросѣ, произведенномъ полковникомъ Гапомъ, полкъ котораго оберегалъ въ этомъ мѣстѣ границу, выяснилось, что Каразинъ ѣхалъ съ подорожною Петербургскаго военнаго губернатора графа Буксгевдена, которая была записана въ Ковно 10-го августа въ книгу на гауптвахтѣ. Подорожная была взята на Гродно и Кіевъ. Изъ найденныхъ при бѣглецѣ денегъ, векселей на нѣмецкомъ языкѣ на 7000 руб. и на 1421 р. гамбургскихъ талеровъ съ переводомъ заграницу и 100 червонцевъ были опечатаны, а изъ остальныхъ 100 руб. арестованнымъ выдавалось на содержаніе.

При суровости порядковъ, Каразину, какъ ослушнику Государевой воли, предстояла строгая кара; преступленіе Каразина было двойное: онъ ослушался общаго запрещенія императора и къ нему лично относящагося въ отвѣтъ на его прошеніе. Василій Назаровичъ хватается за послѣднее средство и, предупреждая оффиціальное донесеніе, на слѣдующій же день 14 августа пишетъ и отправляетъ изъ Ковно съ эстафетою письмо непосредственно къ самому императору. Письмо это до насъ дошло лишь въ воспроизведенномъ по памяти видѣ [1]). Въ напыщенныхъ, подчасъ рѣзкихъ, выраженіяхъ Василій Назаровичъ проситъ о помилованіи, называя себя преступникомъ противъ лич-

---

[1]) «Русск. Стар.» 1873 т. VI, стр. 567, 568.

наго приказанія государя, но не «противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ». «Я желалъ», пишетъ онъ о причинѣ своего бѣгства, «укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости». Неизвѣстно по какимъ причинамъ, но это письмо не было получено государемъ. Во всякомъ случаѣ оно принесло бы не мало вреда самому Каразину, если бы непосредственно попалось въ руки государю, строго требовавшему соблюденія формальности въ обращеніи къ его особѣ, которое непремѣнно должно было итти черезъ извѣстныхъ должностныхъ лицъ [1]). Отвѣтомъ на подобное письмо могъ бы быть лишъ взрывъ негодованія, поддержанный и оффиціальнымъ донесеніемъ о захватѣ Каразина на границѣ. Вѣроятно, сообразивъ неумѣстность своего образа дѣйствій и не будучи увѣренъ въ своемъ первомъ посланіи. Каразинъ 30 августа пишетъ письмо рекетмейстеру князю Вяземскому, гдѣ проситъ сжалиться надъ нимъ и заклинаетъ представить прилагаемое прошеніе государю «подлинникомъ» «въ часъ милости» [2]). Тонъ «Письма къ государю», какъ обозначено прошеніе, совсѣмъ другой; замѣтно изобиліе восхваленій «самой кротости», «человѣколюбія» и «милосердія» государя, причиной бѣгства выставляется «одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ» [3]). При всемъ томъ письмо поражаетъ силою

---

[1]) Примѣры того, какъ сильно гнѣвался императоръ при попыткахъ подавать ему бумаги, минуя узаконенныя инстанціи, можно видѣть въ соч. И. К. Шильдера «Имп. Павелъ I».

[2]) Подлинное письмо «Чтенія» 1866 г. кн. III, стр. 31—32.

[3]) Противорѣчіе этихъ двухъ писемъ прямо поражаетъ. Правда, письмо В. Н-ча было воспроизведено имъ много лѣтъ спустя, по памяти; можно было, конечно, упустить подробности, но нельзя забыть свое мнѣніе о государѣ, да еще ему самому высказанное. Я. В. Абрамовъ въ своей книжкѣ «В. Н. Каразинъ» руководится письмомъ исключительно отъ 14 авг. и ни слова не говоритъ о напечатанномъ въ «Чтеніяхъ Ист. и Др. Росс.» за 1866 г. кн. III, гдѣ ясно значится, что было послано *два* письма. Е. Трефильевъ въ своей статьѣ «Къ біографіи В. Н. Каразина» (Зап. Харьк. ун. за 1901 г. кн. II, стр. 173) совершенно увѣренъ, что было послано два раза одно и тоже письмо. Мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что воспроизведенное В. Н. Каразинымъ письмо по памяти помѣчено 14 авг., а посланное черезъ рекетмейстера кн. Вяземскаго—30 авг. Намъ кажется вѣроятнымъ, что Каразинъ написалъ первое письмо нѣсколько рѣзко въ пылу, можетъ быть, досады на неудачу побѣга и предстоящее наказаніе; вѣдь какъ долго и энергично добивался онъ своей цѣли; а самая борьба съ солдатами на границѣ! Если прибавить къ тому открытый, правдивый характеръ В. Н. Каразина, то ничего нѣтъ уди-

чувства, дышетъ глубокою искренностью, сознаніемъ своей вины и полнымъ раскаяніемъ. Эта искренность и это прямодушіе больше

вительнаго въ первомъ письмѣ къ государю. А второе, подъ вліяніемъ безрезультатнаго ожиданія и естественнаго опасенія за судьбу свою въ гораздо болѣе мягкомъ тонѣ. Въ примѣчаніи къ кн. Вяземскому Каразинъ, прилагая прошеніе къ государю, пишетъ: «*Прошеніе сіе посылается другой разъ, ибо случай, съ которымъ первое подобное ему было отправлено, былъ сомнителенъ*»; «подобное»—но развѣ можемъ мы знать, подобное ли по изложенію? По содержанію—это такъ, понятно, содержаніе писемъ одинаково—изложеніе причинъ побѣга и просьба о помилованіи; но написать два тождественныхъ письма, хотя бы и одному лицу болѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли времени (14—30 авг.) едва ли возможно: форма изложенія всегда зависитъ отъ настроенія, которое владѣетъ въ данный моментъ человѣкомъ. Е. Трефильевъ говоритъ, что «менѣе всего можно приписывать причину бѣгства жестокости правленія Павла, какъ объясняетъ самъ Каразинъ въ позднѣйшемъ письмѣ», что, «возстановляя это прошеніе многіе годы спустя послѣ 1798 г., Каразинъ выразилъ въ этомъ объясненіи повидимому свой взглядъ вообще на эпоху царствованія Павла, сложившійся у него значительно позже». Мы далеки отъ мысли, что самъ государь былъ жестокъ по характеру, но и Каразинъ говорилъ о «жестокости правленія» того времени, но не о жестокости государя. «Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего, молвою, вѣроятно удесятеренною, грозили моему воображенію день и ночь», писалъ Каразинъ. Не могло быть успокоено это воображеніе и по пріѣздѣ въ Петербургъ (передъ попыткой проникнуть за границу), гдѣ особенно ясно выдѣлялись странности жизни, хотя бы происходившія по приказанію неумѣлыхъ сотрудниковъ государя (такъ, петербургскій градоначальникъ Архаровъ, невѣрно понимая или извращая повелѣнія государя, въ стремленіи угодить ему, издавалъ самыя удивительныя распоряженія по городу, какъ, напр., запрещеніе ѣздить въ экипажахъ не прусскаго образца, красить заборы, шлагбаумы, будки городовыхъ и т. под., въ прусскія соцвѣтія—черную и желтую краску, жителямъ снимать при прохожденіи мимо дворца шапки съ головы хотя бы и въ сильный морозъ, и т. д.), повторяемъ, хотя бы причиной подобныхъ странностей и не былъ государь, однако фактъ остается фактомъ, который не могъ успокаивающе подѣйствовать на Каразина, къ тому же недавно *выключеннаго* за неявку со службы. — Не кажется намъ, что въ письмѣ, воспроизведенномъ по памяти, Каразинъ излагалъ свое мнѣніе о царствованіи Павла, составившееся впослѣдствіи; въ самомъ дѣлѣ, Каразинъ воспроизводилъ письмо къ имп. Павлу, воспроизводилъ то, что онъ чувствовалъ въ 1798 г., и о этихъ чувствахъ могъ навѣрное помнить хорошо; подобные случаи жизни, каковымъ было бѣгство и арестъ Каразина въ 1798 г., никогда не изглаживаются изъ памяти дѣйствовавшаго—страдательнаго лица до полнаго ихъ извращенія.

всего, конечно, и должны были произвести впечатлѣнія на Павла, которому эти черты были въ высшей степени присущи [1]). Дѣйствительно, чистосердечіе В. Н. Каразина тронуло императора, и 9 сентября генералъ-прокуроромъ кн. Лопухинымъ была послана Сакену въ Ковно резолюція государя по этому дѣлу: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ къ господину Сакену послать нарочнаго, чтобы онъ Каразина прислалъ въ С.-Петербургъ немедля». 20 сент. Сакенъ увѣдомилъ о полученіи резолюціи и ея исполненіи. Каразина доставили съ женою въ Петербургъ, гдѣ 1-го октября было потребовано отъ него curriculum vitae. Въ этомъ показаніи, написанномъ вперемежку отъ перваго и третьяго лица, В. Н. обмолвился нѣсколькими словами о своемъ воспитаніи, о заманчивости всегда для него чужихъ краевъ, объ обстоятельствахъ продажи имѣнія и своей военной службы [2]). Дѣло Каразина было доложено государю 4 октября [3]), а согласно запискѣ Фил. Вас. Каразина, онъ былъ лично пред-

[1]) Е. Трефильевъ. «Къ біогр. В. Н. Каразина». Зап. Харьк. Ун. 1891 г. кн. II, стр. 176.

[2]) «Въ службѣ находился въ Лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку по спискамъ съ 1785 г., но на лицо никогда. *Страсть моя къ наукамъ* и родъ философской жизни, какую я вести началъ съ дѣтства моего, наконецъ и самое здоровье, отвлекли отъ иной мысли навсегда. Я много разъ имѣлъ случай быть выпущену въ армію или другимъ образомъ получить чинъ, но я добровольно отказывался отъ него, не взирая на усилія моихъ родственниковъ, и сіе изъ двухъ причинъ: зналъ, что я умру прежде, нежели заслужу оный по достоинству, даромъ же носить отличіе я гнушался; сверхъ того боялся я, что не дойду со всѣми возможными отличіями того счастья, которое находилъ у себя въ кабинетѣ или въ сельской рощѣ своей». Изъ показанія видно, что «женѣ Каразина, Домнѣ Ивановнѣ, было 16 лѣтъ и что въ супружествѣ она живетъ 2 года и 8 мѣсяцевъ», что «живъ въ глубокомъ уединеніи почти все время жизни, не имѣлъ онъ (Каразинъ) ни съ кѣмъ сношенія, что еще болѣе подтверждаетъ его женитьба, въ противность обычаямъ большого свѣта, на бѣдной воспитанницѣ матери его, подданной, съ которой онъ не взирая на укоризны родственниковъ его, расположенъ былъ проводить жизнь свою. Воображалъ онъ, что въ отдаленномъ краю самое сіе различіе между состояніями и званіями супруговъ будетъ между прочимъ, и сіе было одною изъ причинъ, побудившихъ его бросить отечество». «Другихъ намѣреній вредныхъ, или высшей власти противныхъ онъ, Каразинъ, никогда въ себѣ не питалъ и имѣть не могъ, что подтвердятъ безъ сомнѣнія самыя точнѣйшія выправки». Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1866 г. кн. III, Смѣсь, стр. 34—35.

[3]) «Чтен. въ Общ. Ист. и Др.» 1866 г. кн, III, См., стр. 34.

ставленъ императору. Государь сказалъ ему: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешся! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?» В. Н. былъ сильно смущенъ милостивымъ пріемомъ строгаго монарха и назвалъ наугадъ одно изъ правительственныхъ лицъ, къ которому немедленно былъ опредѣленъ секретаремъ [1]).

Результатомъ письма Каразина, допроса и наведенныхъ справокъ «Каразина высочайше повелѣно было опредѣлить въ штатную службу», и генералъ-прокуроръ П. Лопухинъ 9 окт. 1798 г. сообщилъ барону А. И. Васильеву, государственному казначею и главному директору медицинской коллегіи о волѣ государя и поручилъ отъ себя В. Н—ча его покровительству [2]). Письмо это, которое передалъ барону Васильеву самъ Каразинъ, пополняетъ обстоятельства поступленія Каразина въ штатскую службу: «Его императорское величество, писалъ Лопухинъ, высочайше повелѣть соизволить Харьковскаго дворянина Каразина опредѣлить въ службу по его желанію, а какъ объявилъ онъ желаніе быть подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства, то, препровождая его при семъ къ вамъ, милостивый государь мой, покорно прошу его, какъ молодого человѣка, имѣющаго нѣкоторыя познанія, употребить при дѣлахъ по его способности и принять въ свое покровительство» [3]) 15 октября 1798 г. Василій

---

[1]) «Укр. Стар.» Г. П. Данилевскаго. Харьк. 1866 г. стр. 104. Вотъ еще редакція пріема Каразина императоромъ: «Стоя въ третьей танцовальной позиціи и опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику* своимъ сиплымъ голосомъ: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть недурна и при мнѣ. При комъ хочешь ты служить?» Герценъ. «Имп. Ал. I и В. Н. Каразинъ». Пол. Звѣзда, кн. VII, вып. II, Лондонъ, 1862 г.

[2]) Письмо ген.-прок. Лопухина находимъ въ Чтен. Ист. и Др. за 1866 г т. III стр. 36, (также Записки Харьковскаго Университ. 1891 г. II, 178); оно ясно свидѣтельствуетъ, что Василій Назаровичъ назвалъ Васильева, а не Трощинскаго, какъ о томъ писали до сихъ поръ (Абрамовъ, Шильдеръ).

[3]) Записки Харьк. Унив. 1901 г. кн. II. О вышеприведенномъ случаѣ изъ жизни Каразина среди его знакомыхъ ходили самые разнообразные и неправдоподобнѣйшіе слухи, которые, къ сожалѣнію, мало чѣмъ дополняютъ оффиціальныя данныя и болѣе интересны для характеристики общества, въ которомъ приходилось вращаться Василію Назаровичу Каразину. Вотъ что разсказываетъ объ исторіи съ Каразинымъ знакомецъ его В. И. Ярославскій, съ которымъ Василій Назаровичъ былъ въ перепискѣ. «Наскучивъ праздною и безнадежною

Назаровичъ Каразинъ вступилъ въ гражданскую службу подъ вѣ-

жизнію въ деревнѣ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Неизвѣстно, искалъ ли онъ тамъ мѣста или нѣтъ, но взявши паспортъ до послѣдняго города при прусской границѣ, поѣхалъ туда на легкѣ, какъ разсказывали, но съ любовницею и ея дитятею. Высмотрѣвъ тамъ, что жители отлучаются иногда по билетамъ коменданта для гулянья за-границу, сталъ и самъ брать туда билеты и ѣздить, а къ вечеру съ прочими возвращаться. Въ послѣдній разъ, взявъ билетъ, выѣхалъ съ любовницей и уже не возвратился. Комендантъ требовалъ отыскать его и выслать въ Россію, что и было исполнено прусскимъ начальствомъ. Комендантъ о бѣгствѣ Каразина долженъ былъ донесть въ Петербургъ, такъ какъ тогда, кажется, запрещено было ѣздить за-границу. Государь хотѣлъ лично видѣть дерзкаго нарушителя его повелѣнія. Разсказывали, что, когда представленъ былъ ему Каразинъ, онъ спросилъ, что побудило его бѣжать за-границу? Онъ разсказалъ свою выключку изъ гвардіи и, не имѣя никакого чина, хотѣлъ въ другихъ государствахъ его заслужить и съ званіемъ возвратиться въ Россію. Государь, слыша его неробкіе отвѣты, былъ или въ добромъ расположеніи духа, или находились при немъ въ то время благодѣтельные покровители Каразина: какъ за вѣрное разсказывали, что государь прямо пожаловалъ его титулярнымъ совѣтникомъ и велѣлъ Дм. Пр. Трощинскому помѣстить его въ канцелярію. Достовѣрно только извѣстно, что при восшествіи на престолъ императора Александра, онъ былъ уже титулярнымъ совѣтникомъ. Впрочемъ есть много примѣровъ, что отважность и рѣшимость людей, вмѣсто несчастья служила имъ путемъ къ счастью».—(Харьковскій Сборн. 1887 г. стр. 65) В. Г. Анастасевичъ, человѣкъ, которому нѣсколько позже Каразинъ оказалъ услугу, передаетъ намъ слѣдующую легенду: «Государь приказалъ Каразина—«за глупую просьбу» выѣхать изъ Россіи—нѣсколько времени провозить въ мѣшкѣ на катерѣ вокругъ Кронштадта, а потомъ посадить въ С.-Петербургскую Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ находился до вступленія на престолъ государя Александра I, который, будучи великимъ княземъ и наслѣдникомъ и въ званіи губернатора столицы, часто посѣщая Петербургскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ Василія Назаровича, а, послѣ бесѣды съ нимъ, полюбивъ его, оказывалъ ему возможныя по тогдашнему времени благоволенія и пособіе. Согласно съ симъ окончаніемъ слышалъ я и отъ Д. Н. Б.-Каменскаго, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ Василій Назаровичъ въ началѣ моего съ нимъ знакомства. Василій Назаровичъ намѣренъ быть тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего государя. Александръ I, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи на престолъ, тотчасъ освободилъ его а приблизилъ къ себѣ» (Чтенія 61 г. III, стр. 193—194. И. П. Сахаровъ тоже разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что императоръ Павелъ приказалъ посадить пойманнаго Каразина въ закрытый

домствомъ новаго начальника [1]). «3-го февраля 1800 г., согласно формуляру, Василій Назаровичъ—«былъ произведенъ при опредѣленіи по высочайшему повелѣнію, и статскимъ дѣламъ въ канцелярію государственнаго казначея и главнаго медицинской коллегіи директора барона Васильева, коллежскимъ переводчикомъ».

На новомъ поприщѣ дѣятельности Василій Назаровичъ не заставилъ себя долго ждать и съ жаромъ принялся за работу Онъ выразилъ желаніе и получилъ разрѣшеніе работать въ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Вліятельныя лица, а позднѣе и самъ государь облегчали Василію Назаровичу трудъ. Сохранилось письмо графа Растопчина отъ 31 мая 1800 г. къ начальнику архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому: «Милостивый Государь мой Ник. Ник.! Баронъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, отправивъ въ Москву г. Каразина для собранія сколько и гдѣ можетъ изъ разныхъ архивовъ матеріаловъ къ сочиненію исторіи о введеніи и успѣхахъ врачебнаго искусства въ Россіи, просилъ меня, чтобы г. Каразину позволено было и въ архвахъ иностраннаго департамента отыскивать нужные ему свѣдѣнія—вотъ предметъ сего письма; и я надѣюсь, что Ваше Превосходительство окажетъ г. Каразину по возможности всякое отъ Васъ зависящее пособіе въ успѣшномъ окончаніи возложеннаго на него порученія» [2]).

Вообще, послѣ своего неудачнаго побѣга за границу Василій Назаровичъ Каразинъ привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, знакомится на службѣ съ новыми важными лицами, входитъ такимъ образомъ и въ петербургское общество и привлекаетъ его симпатіи. Вотъ какъ писалъ ему Сперанскій еще во время архивныхъ занятій его (въ началѣ 800-тыхъ годовъ). «Пользуясь отъѣздомъ курьера изъ Павловска, считаю нужнымъ написать къ Вамъ, любезный Василій Назаровичъ, нѣсколько строчекъ, коихъ главнѣйшимъ предметомъ будетъ сказать Вамъ, что я Васъ

ботъ и возить трое сутокъ около Кронштадта («Русск. Арх. 1873 т. I., 962—963.

[1]) Дата взята изъ собственноручнаго прошенія В. Н. Каразина объ отставкѣ (11 авг. 1804 г.). Документъ этотъ (ненапечатанный) извлеченъ изъ Арх. Мин. Н. Пр. проф. Д. И. Багалѣемъ.

[2]) Изъ Моск. Илл. Газ. 1862 г. Перепеч. въ Южн. Кр. за 1892 г. 8 ноября № 4070.

люблю и душевно обнимаю... Когда Вы возвратитесь? Когда отрясете ученую пыль, что съ такимъ стараніемъ собираете?» [1]).

По исторіи финансовъ и медицины за три годя почти занятій Василія Назаровича Каразина было собрано, принимая во вниманіе его энергію, вѣроятно, много матеріаловъ, но матеріалы эти, переданные государственному казначею, кажется, не получили никакого употребленія, хотя есть извѣстіе, что Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ были не только собраны матеріалы, но написано изслѣдованіе «Исторія Медицины въ Россіи». Въ одной газетной статьѣ (Южный Край 1892 г. 8 ноября № 4070) появилось предположеніе, что историческія изслѣдованія Каразина послужили основаніемъ для «Исторіи Медицины въ Россіи» Рихтера. Мы не думаемъ, что воспользовался трудами Каразина Рихтеръ, ибо въ одной изъ своихъ брошюръ [2]) Каразинъ слишкомъ хорошо отзывается о Рихтерѣ, чего не позволилъ бы себѣ по отношенію къ литературному хищнику. Но предположеніе о кражѣ, случайно брошенное, оказывается вѣрнымъ. Въ «Запискахъ К. Ф. Калайдовича», знакомаго Каразина, находимъ слѣдующія строки: «8 марта обѣдалъ у Василія Назаровича Каразина. Говоря между прочимъ объ ученой кражѣ, онъ упоминалъ, что съ нимъ нѣкто въ С.-Петербургскомъ журналѣ сшутилъ подобнымъ образомъ съ его «Исторіею Медицины въ Россіи», поданной давно имъ въ Коллегію, напечатавъ ее подъ своимъ именемъ» [3]).

Что касается до работъ по исторіи финансовъ, то результатомъ ихъ было сочиненіе В. Н. Каразина, помѣченное іюнемъ 1801 г., для государя Александра Павловича: «О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный» [4]). Это интересный историко-политическій трактатъ, въ которомъ излагается исторія колебанія русскаго рубля со временъ до-петровскихъ и проектъ повысить русскую денежную единицу путемъ передачи всѣхъ казенныхъ крестьянъ въ руки частныхъ

---

1) Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 г. № 241.

2) «О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять питательныя вещества» Москв. 1829.

3) «Лѣтописи русской литературы и древности» Н. Тихонравова т. III. Москва 1861 г. стр. 105.

4) «Чтенія въ Общ. Ист. Др. Рос.» за 1861 г. т. III, стр. 17—691.

владѣльцевъ [1]). Труды В. Н—ча обратили на себя вниманіе, и 22 января 1801 г. онъ «за собраніе матеріаловъ къ исторіи финансовъ» награжденъ чиномъ коллежскаго асессора [2]).

ГЛАВА III.

Возвышеніе.

(1801—1802).

Перемѣна царствованія. Записка къ имп. Александру I-му 22 марта 1801 г. Встрѣча и сближеніе съ государемъ. Нѣсколько версій о „случаѣ" Каразина (Герценъ, Чириковъ, Сахаровъ). Каразинъ—депутатъ Слободско-Украинскаго дворянства. Близость къ государю и значеніе В. Н. Каразина. Дѣло Недаржинской и особыя порученія.

Роль В. Н. Каразина въ созданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и учрежденіе Министерства. Каразинъ—правитель дѣлъ Коммиссіи и Главнаго правленія училищъ.

Гнетущее настроеніе петербургскаго общества во время царствованія Павла Петровича, боязнь каждаго за свою безопасность и дѣйствія государя, отличавшіяся какимъ-то лихорадочнымъ характеромъ, разрѣшились событіями съ 11-го на 12-ое марта 1801 г.

Послѣ сильныхъ стѣсненій въ общественной и даже частной жизни [3]), условія которой такъ быстро перемѣнились съ началомъ царствованія Павла Петровича, русскіе люди услышали, что начнется милостивое царствованіе, что государь, вступая на прародительскій престолъ, намѣренъ управлять своимъ народомъ «по законамъ и по сердцу Екатерины Великой», стремившейся сдѣлать людей лучшими путемъ развитія просвѣщенія и усовершенствованія воспитанія. «Повѣяло чѣмъ-то новымъ оживляющимъ

---

[1]) Формулярный списокъ о службѣ ст. сов. и кав. В. Каразина.

[2]) Подробно проектъ Каразина разобранъ будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ сочиненія при обозрѣніи политическихъ воззрѣній В. Н. Каразина.

[3]) Подъ конецъ царствованія Павла I въ Петербургѣ было запрещено употреблять извѣстныя слова, носить извѣстнаго рода платье, прически; экипажи имѣть можно было только опредѣленнаго образца, все главнымъ образомъ на прусскій манеръ; изъ дому никто не имѣлъ права выходить позже 9 часовъ вечера и улицы были заставлены рогатками. Я. В. Абрамовъ «В. Н. Каразинъ» Спб. 1891 г. стр. 13—14.

съ воцареніемъ Александра, всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе». Немедленно былъ разрѣшенъ ввозъ и печатаніе внутри страны книгъ. «Много литераторовъ, говоритъ современникъ Вигель [1]), «существовало непримѣтнымъ образомъ, скрывалось по деревнямъ, какъ бы ожидая назначеннаго часа: онъ пробилъ 12-го марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ: откуда что взялось? Какъ будто изъ земли выросло. Все съ истиннымъ равнымъ восторгомъ, хотя и не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славить Александра, все кинулось—кто къ трубамъ и лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другія, все загремѣло, запѣло, запищало. Однимъ одамъ счету не было». Литература заговорила свободно. Державинъ привѣтствовалъ новое царствованіе стихами:

Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси,
И сердцемъ, радостнымъ, свободнымъ
Вѣщай [2])....

Такъ привѣтствовалъ новаго царя старикъ Державинъ, и немудрено, что на 28-лѣтняго Василія Назаровича перемѣна царствованія подѣйствовала, какъ видъ новой чудной панорамы, въ которой видѣлись осуществленными завѣтныя мечты его. Симпатичная личность императора Александра I, его добрый характеръ, желаніе служить всецѣло на благо Россіи, выраженное въ манифестѣ, стремленіе помочь крѣпостнымъ крестьянамъ, все это было извѣстно Василію Назаровичу и отвѣчало, какъ нельзя лучше, мечтамъ молодого идеалиста. Какъ ни усердно занимался учеными архивными изысканіями В. Н. Каразинъ, какъ ни много выписывалъ и составлялъ историческихъ сочиненій, эта кропотливая, однообразная работа не могла удовлетворить его пылкаго характера, его стремленія къ широкой, кажется, все бы захватившей дѣятельности. «Это была», пишетъ проф. Д. И. Багалѣй, «безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія

---

[1]) Сухомлиновъ «Матеріалы для Исторіи Образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. ч. I, 28 февр. стр. 12.

[2]) Ода на восшествіе на престолъ императора Александра I.

къ другому»[1]). По независящимъ отъ себя обстоятельствамъ Каразинъ долженъ быть сдержать свои стремленія и хранить полное спокойствіе на разъ указанномъ ему мѣстѣ изъ боязни, можетъ быть, двойного наказанія отъ строгаго императора, «не любившаго прощать дерзновеннаго». Вотъ уже больше двухъ лѣтъ Василій Назаровичъ Каразинъ былъ въ такомъ положеніи, не соотвѣтствующемъ его характеру, а чѣмъ извѣстныя психическія движенія долѣе сдерживаются, тѣмъ сильнѣе, порывистѣе они проявляются. Такъ было и съ Каразинымъ. Неудержимая рѣшимость произвела послѣдній толчекъ. Рѣкой полились болѣе десятка лѣтъ лелѣянныя мысли; хлынули онѣ на извѣстную бумагу 22-го марта, доставившую Василію Назаровичу и радость, и горе, и счастье, и несчастье, первое время заставившую говорить о немъ весь Петербургъ и наполнившую отрадными воспоминаніями все его послѣдующее многострадальное существованіе.

«22-го марта 1801 г., въ десятый день по восшествіи государя Александра I на престолъ, была скрытно доставлена ему бумага, безъ подписанія имени»[2]). Василій Назаровичъ воспользовался однимъ изъ дворцовыхъ церемоніаловъ, пробрался въ царскіе покои и тамъ оставилъ на рабочемъ столѣ государя запечатанное письмо надписанное ему[3]). Содержаніе письма[4]) представляло политическое вѣроисповѣданіе автора (какъ говоритъ онъ въ примѣчаніи къ запискѣ по памяти), его мечты, отъ исполненія которыхъ зависѣло, по его мнѣнію, благоденствіе отечества. Исполненіе же своихъ задушевныхъ желаній онъ считалъ вполнѣ своевременнымъ. «Какимъ прекраснымъ днемъ началось твое царствованіе, восклицаетъ онъ въ началѣ своего письма!—Казалось

---

[1]) „Н. А. Каразинъ и его колоколъ“ „Кіевская Стар.“ 1892 г. ноябрь стр. 163.

[2]) Приписка къ копіи этой бумаги Василія Назаровича. Отчетъ Имп. Пуб. Библ. за 1878 г. Спб. 1879 г. стр. 20—21.

[3]) Укр. Стар. Г. П. Данилевскаго, стр. 104—105.

[4]) Это письмо хранится въ военно-учебномъ архивѣ (IV № 127) и напечатано полностью въ прибавленіяхъ соч. Шильдера: „Императоръ Александръ I“, т. II стр. 324. Кромѣ этого письма существуетъ воспроизведеніе его *по памяти* Василіемъ Назаровичемъ для А. С. Шишкова (адмирала) въ 1812 г.; оно напечатано съ пропусками въ „Русск. Стар.“ за 1871 г. т. IV стр. 69 (вѣрнѣе, *по черновику*, потому что много тождественныхъ выраженій). Отрывокъ помѣщенъ въ I кн. Вѣстн. Евр. 1813 г.

намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила тебя [1]), Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый разъ уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ надеждами исполненныхъ подданныхъ и день ото дня, часъ отъ часу ты оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность насъ ожидаетъ»! Привести въ исполненіе эту будущность вполнѣ возможно; Европа находится въ такомъ состояніи, когда голосъ Россіи имѣетъ въ ней рѣшающее значеніе, когда Россія чрезъ неожиданное стеченіе обстоятельствъ вышла изъ всегдашней войны съ европейскими державами». Въ формѣ надеждъ Каразинъ даетъ указанія молодому царю, какъ надо царствовать. Надо сохранить миръ съ державами, чтобы достигнуть преуспѣянія у себя. При такомъ условіи «внутренніе и внѣшніе долги государства не важны, судя по великости доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобы простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предложенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго сомнительнаго положенія» [2]). Онъ твердо вѣритъ, что государь «удовольствію самовластія не пожертвуетъ надеждою народовъ и безсмертною славою, которая ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ», что «онъ раскроетъ великую книгу судьбы нашей, которую указалъ перстъ Екатерины, что онъ «дастъ намъ непреложные законы и клятвою утвердитъ ихъ въ роды родовъ»... «Онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ, навѣки нерушимый!... И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своеправія скипетръ не возможетъ сокрушить скрыжалей ея завѣта». Государь навѣрно учредитъ правый независимый судъ изъ людей, умудренныхъ опытомъ, удѣливъ имъ часть своей власти для соблюденія имъ данныхъ законовъ. Онъ улучшитъ финансы и доведетъ ихъ до избытка посредствомъ мудраго сокращенія расходовъ и уравненія повинности каждаго. Каразинъ ждалъ, распространенія въ народѣ воспитанія и образованія, такъ какъ «не жезлъ денно-нощно властію поднятый заставитъ исполнять законы, но законы будутъ охраняемы нравами

---

[1]) 11-го марта 1801 г. въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; сквозь туманъ въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. 12-го, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила. Прим. 1812 г. В. К. (Русск. Стар. 1871 г. т. IV, стр. 68).

[2]) Это „сомнительное положеніе хорошо было извѣстно Каразину, какъ сослуживцу государственнаго казначея барона Васильева, которому Державинъ сказалъ о его финансовой дѣятельности: „Вы, графъ, въ такомъ болотѣ безотчетностью Вашей, изъ какого вѣкъ Вамъ не выбраться“ „Записки Державина“, царствованіе императора Александра I стр. 439, М. 1860.

и правы законами»; что помѣщичьимъ крестьянамъ будутъ даны человѣческія права; будутъ поставлены предѣлы ихъ зависимости, введено право собственности и тѣмъ самымъ искоренится пьянство и своеволіе, «свойственныя отчаянію и безысходному рабству». Онъ ждалъ распространенія и улучшенія земледѣлія и правильнаго лѣсоводства, заселенія пространныхъ степей Россіи посредствомъ непринудительнаго вызова жителей изъ сосѣднихъ населеннѣйшихъ мѣстъ при ободреніи ихъ къ переселенію наградами и льготами. Онъ надѣялся на поднятіе промышленности не при помощи запретительной системы, а снятіемъ съ мануфактуръ и фабрикъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Онъ ожидалъ превращенія безводныхъ пространствъ въ цвѣтущія равнины проведеніемъ каналовъ, цвѣтущаго состоянія внѣшней и внутренней торговли, и всѣ граждане, воины и поселяне и прочія состоянія «будутъ соединены союзомъ взаимной пользы, братолюбіемъ и подданнической обязанностью». Усилившееся государство будетъ наслаждаться миромъ и употребитъ, «милліонъ рукъ здоровыхъ и сильныхъ, ежедневно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь рѣками въ странахъ и дѣлахъ чужихъ, на постройку водоводовъ, дорогъ и др. общеполезныхъ сооруженій». «Александръ, любимецъ народа,—заключилъ свое посланіе Каразинъ,—совершитъ великое сіе дѣло... онъ будетъ блаженнѣйшій изъ смертныхъ, и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ»! Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей вѣчной преданности. Геній-благотворитель моего любезнаго отечества»!... Такъ писалъ 28-лѣтній Каразинъ. Чтобы судить о впечатлѣніи, которое можетъ произвести на человѣка горячая, восторженная, въ одно и то же время и радостная и рыдающая отъ избытка счастья рѣчь, хотя бы и письменно изложенная, надо прочесть въ подлинникѣ письмо Каразина; «Возлюбленному царю! одинъ изъ подданныхъ»—стояло вмѣсто заголовка письма.

Впечатлительный Александръ былъ пораженъ идеями, высказанными въ анонимной бумагѣ; онѣ прямо отвѣчали его первымъ манифестамъ и указамъ. Чистосердечное изліяніе чувствъ тронуло государя до слезъ. Во что бы то ни стало онъ приказалъ графу Палену и Д. Пр. Трощинскому [1]) отыскать автора

---

[1]) „Укр. Стар." Г. П. Данилевскаго стр. 106. Въ друг. мѣстѣ по свид. того же Фил. Вас. Каразина—Державину. Русск. Арх. 1894 г. т. I стр. 566.

записки. Тѣ обратились между прочимъ къ сослуживцамъ В. Н. Каразина—Державину и Сперанскому, который потребовалъ къ себѣ В. Н. Каразина и приказалъ ему подписаться на листѣ бумаги, который и отослалъ Трощинскому для сличенія почерка [1]. «11-го апр. Д. П. Трощинскій, призвавъ меня къ себѣ, пишетъ Каразинъ [2]), требовалъ чтобы я ему открылъ истину». «Я признался». Немедленно Каразинъ былъ представленъ императору. «Ты написалъ эту бумагу»? «Я, государь»! Дай обнять тебя и поблагодарить тебя за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай такъ всегда чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду, я желалъ бы больше имѣть такихъ подданныхъ»! Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ рыдая, какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: «Клянусь, что буду всегда говорить правду». Александръ усадилъ Каразина и сказалъ, что онъ коснулся въ бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу. «Конечно съ образованія народнаго», отвѣчалъ Каразинъ. Началась продолжительная бесѣда по этому предмету, которая кончилась тѣмъ, что государь велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки. «11 апрѣля 1801 г.», по словамъ формуляра, Каразинъ «за труды, кои были извѣстны государю императору Александру Благословенному пожалованъ чрезъ чинъ въ коллежскіе совѣтники и въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ». Согласно новооткрытымъ документамъ проф. Д. И. Багалѣемъ (въ Арх. Мин. Н. Пр.) чинъ колежскаго совѣтника В. Н. Каразинъ получилъ указомъ 21-го апр. 1801 г., тогда же онъ перешелъ подъ вѣдомство Трощинскаго. Василій Назаровичъ началъ пользоваться неограниченнымъ довѣріеемъ государя—двери кабинета государя были во всякое время открыты для него [3]).

---

[1]) Ѳ. Фортунатовъ „Памятныя записки Вологжанина“ Рус. Архивъ“ 1867 г. стр. 1678.

[2]) Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1878 г. стр. 24. Вотъ примѣчаніе В. Н. Каразина полностью къ оригиналу бумаги 22-го марта: „Государю угодно было немедленно по прочтеніи ея поручить графу Палену и Дмитрію Пр. Трощинскому отыскать виновника. 17-го апр. послѣдній по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ автора къ себѣ, потребовалъ, чтобы онъ открылъ ему истину. Онъ признался. И вотъ источникъ личнаго особливѣйшаго благоволенія его величества къ сему послѣднему и повелѣнія даннаго ему, писать съ подобною же откровенностью, что и продолжалось до ноября 1808 г.

[3]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. II стр. 34—36.

Вотъ еще разсказъ о знаменитой бумагѣ Каразина, передаваемый Герценомъ со словъ его: „Прошло дней десять послѣ смерти Павла,

Государь искренне полюбилъ Василія Назаровича, старался отличить его работу, «удостаивалъ въ различное время нѣсколькими

во дворцѣ былъ большой пріемъ, радостныя лица, одѣтыя въ глубокій трауръ, входили, выходили, низко кланялись повторяли раболѣпныя рѣчи. Застѣнчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ, и къ этой роли Бога, предъ которымъ все падаетъ, на котораго все уповаетъ, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ и бросился въ кресло, предъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ который никто не смѣлъ войти, лежало толстое письмо... запечатанное и подписанное ему. Онъ сорвалъ печать и развернулъ письмо; послѣ чтенія глаза его наполнились слезами; щеки горѣли; онъ положилъ письмо, и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли графъ Паленъ и Трощинскій. „Господа!—сказалъ имъ государь,—неизвѣстный человѣкъ положилъ на мой столъ это письмо, оно безъ подписи; сыщите мнѣ непремѣнно, кто это писалъ». На другой день Трощинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ чиновникъ одной изъ его канцелярій, Василій Назаровичъ Каразинъ. Государь, отпустивъ Трощинскаго, пригласилъ въ кабинетъ Каразина и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его: „Вы писали ко мнѣ это письмо?"—„Виноватъ, государь!" отвѣчалъ Каразинъ. „Дайте же мнѣ обнять Васъ за него, благодарю Васъ, я желалъ бы, чтобы у меня больше было такихъ подданныхъ. Продолжайте всегда говорить со мной такъ откровенно!". Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки—двери кабинета были открыты для него...

„Маркиза Позу допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада"...

(Герценъ. „Полярная Звѣзда" 1862 г. Лондонъ. Изъ рукописи Чирикова).

Чириковъ писалъ въ неизданныхъ своихъ запискахъ о Каразинѣ: По воспоминаніямъ харьковскихъ старожиловъ, „у Каразина въ Петербургѣ былъ задушевный пріятель Евг. Алекс. Васильевъ, служившій въ полиціи частнымъ приставомъ, но по занятію архитекторъ. Васильевъ доставилъ записку оберъ-полиціймейстеру, а тотъ донесъ о ней государю. Каразинъ притворно скрывалъ свое авторство, когда автора разыскивали. Каразинъ открылся только тогда, когда узналъ, какъ была принята его записка царемъ. Васильеву Каразинъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выхлопоталъ мѣсто архитектора и адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ, но впослѣдствіи совершенно разошелся съ нимъ. Сахаровъ свидѣтельствуетъ со словъ Д. И. Языкова и Полѣнова: „Каразинъ въ дежурной комнатѣ дворца положилъ конвертъ на имя государя. Дежурный офицеръ передалъ дежурному генералу и такимъ образомъ дошелъ по адресу. Государь обратился къ Сперанскому... Каразинъ прямо сказалъ, что онъ писалъ. Идутъ оба къ Балашову; Балашовъ требуетъ подтвержденія, и Каразинъ въ доказательство представилъ свои черновыя бумаги.

милостивыми собственноручными рескриптами» [1]), помогалъ ему въ занятіяхъ личнымъ вліяніемъ, писалъ къ нему, начиная словами: «Mon cher Karasin» [2]).—Какъ всегда, Василій Назаровичъ горячо принялся за дѣло. Онъ бесѣдовалъ съ государемъ, давалъ ему совѣты, высказанные вообще въ письмѣ, мечты, названныя Н. М. Каразинымъ «pia desideria», которыя однако нашли себѣ нынѣ большею частью примѣненіе. Какъ было сказано, прежде всего Каразинъ обратилъ вниманіе императора на необходимость поднять уровень народнаго образованія. Онъ предлагалъ для этого искоренить рабство [3]), исподволь давая крестьянамъ голосъ въ ихъ дѣлахъ, право выбора представителей въ сельскую думу; предлагалъ уравновѣсить размѣръ подати помѣщику, извѣстный процентъ которой шелъ-бы на содержаніе священника, воспитательному вліянію котораго онъ придавалъ особенное значеніе. Онъ подалъ мысль, хотя и *не впервые*, о необходимости устройства отдѣльнаго вѣдомства народнаго образованія, которое завѣдывало бы и распоряжалось самостоятельно столь важною частью государственной жизни.

О необыкновенномъ «случаѣ», какъ тогда говорили, Каразина, его приближеніи къ государю, навѣрное знали его сограждане и возлагали, какъ въ частности (что увидимъ ниже), такъ и всѣ вмѣстѣ—большія надежды. Уже 7-го мая 1801 г. Василій Назаровичъ былъ избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ, для исправленія подтвержденія государемъ спеціальныхъ привилегій дворянъ. Каразинъ присоединился къ Харьковскимъ депутатамъ Донецъ-Захаржевскому и Куколь-Яснопольскому и помогъ имъ своимъ, тогда сильнымъ, вліяніемъ. Миссія была

---

[1]) Копія съ формуляра В. Н. Каразина 1830 г.

[2]) Записки Анастасевича „Украинская Старина“ Г. П. Данилевскаго стр. 114. См. также „В. Н. Каразинъ, основ. Х. ун-та“ Фил. Каразина. Русс. Стар. 1875 г. т. 13.

[3]) О связи вопроса объ образованіи и крѣпостной зависимости Лагарпъ, воспитатель Александра I, говорилъ слѣдующее: „Главнымъ препятствіемъ для повсемѣстнаго распространенія школьнаго образованія служитъ крѣпостное состояніе въ Россіи огромной массы народонаселенія. Какое образованіе возможно для людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которыми владѣльцы ихъ могутъ распоряжаться произвольно, чтобы не сказать безнаказанно. Народное просвѣщеніе соприкасается здѣсь съ крѣпостнымъ правомъ, о которомъ очень легко рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги (Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. II. 49—50.

выполнена съ успѣхомъ [1]), и весьма вѣроятно, что Василій Назаровичъ былъ главной причиной этого устройства [2]), такъ какъ въ слѣдующемъ году на Василія Назаровича то же слободско-украинское общество возложило новое порученіе, о которомъ будетъ сказано ниже.

15 сентября было назначено коронованіе въ Москвѣ новаго императора, куда государь и отправился взявъ съ собою Каразина, съ которымъ, кажется, не могъ разстаться. Въ Москвѣ государь пользовался всякимъ случаемъ, чтобы отличить В. Н. Каразина. Такъ, сохранился слѣдующій разсказъ Анастасевича [3]). Во время пребыванія Каразина въ Москвѣ у графа И. П. Салтыкова долженъ былъ быть вечеръ, на который, по желанію государя, не приглашали никого кромѣ родныхъ и близкихъ графу. Вдругъ является какой-то неизвѣстный никому субъектъ, поведеніе котораго изобличаетъ въ немъ новичка въ кругу собравшейся высшей аристократіи. Графъ послалъ адъютанта узнать отъ незнакомца о цѣли его прихода. Вмѣсто объясненія послѣдній подалъ собственноручное письмо государя, въ которомъ послѣдній просилъ «не въ примѣръ прочимъ» благосклонно принять Каразина. Когда государь прибылъ, онъ лично представилъ обществу своего любимца. Въ Москвѣ же государь собственноручно писалъ графу Ивану Петровичу Салтыкову [4]) письмо слѣдующаго содержанія: «Графъ Иванъ Петровичъ. Вручитель сего колегскій совѣтникъ Каразинъ оставленъ мною въ Москвѣ на нѣкоторое время для пріисканія въ здѣшнихъ архивахъ историческихъ свѣдѣній. Онъ мнѣ лично

---

[1]) 29-го дек. 1801 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ было сказано: „въ ознаменованіе всегдашняго благоволенія нашего къ непоколебимымъ вѣрности, усердію и заслугамъ слободско-украинскаго дворянства, всѣ права и преимущества въ различныя времена ему присвоенныя и доселѣ безъ отмѣны существующія“... „признали за благо утвердить и навсегда удостовѣрить, яко же симъ утверждаемъ и удовлетворяемъ во всей ихъ силѣ и неприкосновенности“. Проф. Д. И. Багалѣй «Опытъ Исторіи Харьков. ун-та» т. I отд. II, стр. 55.

[2]) Что все дѣло вынесъ на своихъ плечахъ В. Н. Каразинъ, доказываютъ, какъ недавно найденные „Историческая записка о пожертвованіи на университетъ“, составленная имъ (докладъ проф. Багалѣя въ засѣд. Ист.-Фил. Общ. 27 сент. 1904 г.), такъ и найденное нами „Дѣло объ отправленіи депутатовъ въ Москву“ 1801 г. въ Арх. Харьк. Двор. Собр. (По описи 1827 г. дѣло 1801 г. № 6, листы 132 и 134.

[3]) „Чтенія“ 1861. 3 т. Отд. Смѣси; тоже „Укр. Стар.“, стр. 114.

[4]) Московскому военному губернатору.

извѣстенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе. Пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательный Александръ» [1]). Цѣль этого письма была доставить возможность Каразину работать по историческимъ матеріаламъ въ Московскихъ архивахъ, чѣмъ онъ и занимался, оставаясь на нѣкоторое время въ Москвѣ.

Отказа В. Н. Каразину никогда не было. Извѣстно дѣло свящ. о. В. Фотіева, друга В. Н. Каразина, и Надаржинской. О первомъ [2]), онъ доложилъ государю, какъ о невинно пострадавшемъ (когда тотъ принесъ губернатору приклеенный къ дверямъ церкви политическій пасквиль [3]) и выхлопоталъ ему орденъ Анны II ст., который и возложилъ собственноручно во время заутрени на о. Василія [4]). Хлопоты В. Н. Каразина по дѣлу Надаржинской надѣлали въ свое время много шуму въ Петербургѣ и навлекли несправедливыя на него нареканія. Дѣло было такъ. Въ Государственный Совѣтъ поступило дѣло между Надаржинской и Кондратьевымъ. Послѣдній указалъ на незаконность ея брака и

---

1) «Русскій Архивъ» 1876 г. янв., стр. 59. Помѣтка: получено 18 окт. 1801 г.

2) Изъ воспоминаній В. П. Ярославскаго «Харьк. Сборн.» 1887 стр. 65—66; тоже у В. Анастасевича; у послѣдняго только упоминается не Фотіевъ, а Прокоповичъ; какая редакція правильнѣе, нельзя рѣшить за исключительностью этихъ показаній, да это и не касается сущности, такъ какъ мы намѣрены указать на значеніе Каразина въ періодъ отъ 1801 г. до половины 1802 г. у государя.

3) Дѣло о В. Фотіевѣ, по прозванію Грѣшнаго, по разсказу старожиловъ. У входа въ Вознесенскую церковь нѣсколько бабъ хохлушекъ увидѣли приклеенный клочекъ бумаги. Подошелъ дьяконъ, снялъ его и прочелъ вслухъ. Этотъ клочекъ оказался пасквилемъ на императора Павла I. Діаконъ струсилъ, представилъ пасквиль о. Фотіеву, который, въ свою очередь, струсилъ, передалъ губернатору: тотъ въ страхѣ обо всемъ донесъ императору. Началась исторія. Всѣхъ такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу выписывали въ Петербургъ, допрашивалъ самъ Павелъ I. Отца В. Фотіева высѣкли (Записки Чирикова Историч. Арх. X. ун-та).

4) И. Ярославскій и Анастасевичъ видѣли въ этомъ стремленіе Каразина бравировать своимъ положеніемъ и значеніемъ у государя. Намъ кажется, что это едва-ли такъ. Вглядѣвшись въ открытый и восторженный характеръ В. Н Каразина, можно навѣрное сказать, что онъ стремился здѣсь, какъ и всегда, только къ особенной эффектной обстановкѣ безъ всякаго чувства тщеславія, чтобы рѣзче показать, какъ справедливо награждаются вѣрные слуги отечества. Чувства личныя никогда не играли роли у Каразина.

слѣдовательно незаконное рожденіе ея дочери, которая, слѣдовательно, не имѣла права получить громадное наслѣдство, на которое заявилъ свои претязанія Кондратьевъ, приходившійся роднымъ племянникомъ умершаго отца дѣвицы Надаржинской. Дѣло склонялось въ пользу Кондратьева, на сторонѣ котораго былъ графъ Зубовъ и его сильнѣйшая въ то время партія. В. Н. Каразинъ, узнавъ отъ Надаржинскихъ, хорошо ему извѣстныхъ, о грозящемъ несправедливомъ исходѣ дѣла, посовѣтовалъ государю отдать дѣло на разсмотрѣніе «людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію [1]), Лагарпу и Державину, коему, по случаю отъѣзда Лагарпа изъ Петербурга, поручено дѣло для представленія императору мнѣнія. «По принесеніи Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу» [2]).

---

[1]) Записки Г. Р. Державина, изд. «Русской Бесѣды», стр. 462. Свѣдѣнія о дѣлѣ Надаржинской есть въ воспоминаніяхъ Ярославскаго и Анастасевича, менѣе полныя, но не менѣе односторонція.

[2]) Послѣднія слова нарочно цитируемъ, чтобы указать на противорѣчіе Державина самому себѣ; въ тѣхъ же запискахъ онъ замѣтилъ, что В. Н. Каразинъ «человѣкъ не весьма завидной честности» и возбудилъ дѣло изъ корыстолюбивыхъ видовъ, желая путемъ женитьбы на дѣвицѣ Надаржинской воспользоваться богатствомъ ея. Что Василій Назаровичъ поступилъ честно, доказывается его предложеніемъ разсмотрѣть дѣло „людьми совѣстными" и тѣмъ, что дѣло было рѣшено не въ пользу Кондратьева, только „благодаря честности Зубова и Державина". (Записки). Затѣмъ всѣ показанія современниковъ (Фортуновъ, Чириковъ, Анастасевичъ, Державинъ за исключеніемъ Ярославскаго, особенно непріязненно относившагося къ Каразину, увеличившаго и цифру предлож. денегъ), согласны, что Василій Назаровичъ не принялъ предлагаемаго ему вознагражденія 50000 рубл.; они объясняютъ это досадой Каразина на упущенное богатство—на бракъ де мать Надаржинской не согласилась. Но намъ кажется, что человѣку, дѣйствовавшему изъ денежныхъ интересовъ и при томъ матеріальныя обстоятельства котораго находились далеко не въ благопріятномъ положеніи (на сумму 50000 было долговъ у Василія Назаровича), не было смысла отказываться отъ такой крупной суммы. Вѣрнѣе предположить, что Василій Назаровичъ былъ оскорбленъ предложеніемъ платы за дѣло его совѣсти. Дѣйствительно-ли любилъ онъ 13-тилѣтнюю дѣвочку, провѣрить трудно. Въ концѣ 1802 г. Василій Назаровичъ имѣлъ невѣсту, Александру Васильевну Мухину (Анастасевичъ), впослѣдствіи жену, что видно изъ письма его къ государю 18-го февр. 1803 г. («Русск. Стар.» 1875 г. т. XIV стр. 196—199).

О дѣлѣ Надаржинской Чириковъ передаетъ и придерживается такой редакціи хода дѣла: по его мнѣнію В. Н. Каразинъ сдѣлалъ подлогъ вмѣстѣ съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Пукаловымъ — или подчистилъ въ рѣшеніи государственнаго совѣта частицу *не* (не

Итакъ, дѣло было рѣшено, благодаря Василію Назаровичу «не въ примѣръ», т. е. имъ не умалялось значеніе закона Алексѣя Михайловича (что тѣ только дѣти признаются законными, которыя родятся въ 9 мѣсяцевъ), такъ какъ рѣшеніе было неправильно строго-юридически (Надаржинская родилась 2 мѣс. спустя послѣ брака), но нравственная правда была на сторонѣ Надаржинскихъ (См. донесеніе Государю Державина. Записки стр. 453). Государь лично выразилъ сочувствіе кліенткѣ В. Н. Каразина, пославъ черезъ него ей подарокъ (серьги или фермуаръ) [1]).

Въ бытность свою въ Москвѣ В. Н. Каразинъ, кромѣ упомянутыхъ занятій своихъ чисто научнаго характера, пользуясь близостью къ Государю «увѣдомлялъ его о всякаго рода происшествіяхъ по извѣту безыменныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ» (Записки Державина). Что это за тайные доносы были Государю, покажутъ слѣдующія порученія его Василію Назаровичу. Государь, прослышавъ о серьезныхъ преступленіяхъ Калужскаго Губернатора Лопухина, назначилъ Г. Р. Державина разслѣдовать дѣло. Слѣды преступленія были разысканы и должны были быть доставлены Каразинымъ, находившимся еще въ Москвѣ. Дѣло было въ началѣ 1802 г. Главное преступленіе Лопухина заклю-

признавать законной наслѣдницей), или подсунулъ государю въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на проходившій по площади полкъ, факсимиле, сдѣланное имъ изъ страницы въ страницу съ разрѣшенія государственнаго Совѣта, измѣнивъ его въ пользу Надаржинской. Этотъ подложный документъ Александръ I подписалъ охотно. Тогда Каразинъ въ порывѣ радости воскликнулъ: «Государь! Вы меня вдвойнѣ осчастливили, защитивши несчастную и вмѣстѣ меня: она моя невѣста»! Государь тотчасъ подарилъ серьги или фермуаръ. Священнику Прокоповичу, содѣйствовавшему Каразину, онъ выхлопоталъ орденъ Анны II ст. Не безкорыстныя дѣйствія Каразина, по словамъ Чирикова (тоже у Ярославскаго) не увѣнчались успѣхомъ. Надаржинская, заявивъ, что будетъ всегда считать Василія Назаровича своимъ другомъ и благодѣтелемъ, и предложивъ ему векселя на 50000 рубл., тогда же вышла замужъ за нѣкоего Корсакова, а Каразинъ такъ былъ пораженъ исходомъ дѣла, что, бросивъ векселя, выбѣжалъ изъ дому и ночью уже бродилъ по деревнѣ, пока не наткнулся на плетень и застылъ на одномъ мѣстѣ; наконецъ, лакей и кучеръ нашли его и привезли домой. Каразинъ поѣхалъ въ Петербургъ; признался государю въ мошенничествѣ и просилъ прощенія. Государь, молча выслушалъ его и, ничего не отвѣчая, вышелъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ Каразинъ потерялъ всякое значеніе и вліяніе у Императора Александра I.

[1]) Анастасевичъ. „Записки", Чтенія въ общ. ист. и древн. за 1861 г. т. III. Смѣсь, стр. 195. Тоже - Ярославскій и Чириковъ.

чалось въ томъ, что онъ выпросилъ у помѣщика Гончарова заимнообразно 30000 руб. и, чтобы не возвратить ихъ, рѣшилъ погубить своего кредитора; съ этой цѣлью онъ вытребовалъ его къ себѣ и подъ предлогомъ допускаемыхъ имъ у себя въ домѣ азартныхъ игръ, пригрозилъ ссылкой въ Сибирь, намекнувъ при этомъ, что дѣло будетъ забыто, если 30000-ный вексель будетъ уничтоженъ. Гончаровъ, струсивъ, согласился, но Василій Назаровичъ провѣдалъ объ этомъ злоупотребленіи и взялъ по секрету у Гончарова собственноручную подписку въ совершенномъ губернаторомъ преступленіи, подписку, подтвержденную присягой. Преступленія были раскрыты еще и другія (ихъ оказалось 34 важныхъ и 12 неважныхъ). Лопухинъ преданъ суду и обвиненъ во всемъ. Тѣмъ не менѣе Державинъ обвинилъ В. Н. Каразина въ «инквизиціонныхъ средствахъ, безславящихъ кроткое царствованіе Государя». Такъ рѣшилъ Державинъ, но интересно знать, какъ можно было К—ну поступить иначе. Гласно Гончаровъ едва-ли бы рискнулъ подать жалобу на Лопухина (предложеніе о томъ Державина имѣло слѣдствіемъ апоплексическій ударъ и безъ того уже напуганнаго Гончарова); вещественныхъ доказательствъ тоже не было, и предупрежденный о слѣдствіи Лопухинъ сумѣлъ бы схоронить концы въ воду и отомстить доносчику.

Этотъ случай и еще нѣсколько другихъ ему подобныхъ, порученныхъ Василію Назаровичу и имъ обнаруженныхъ [1]), нисколько не унижаютъ по моему мнѣнію личности Каразина, какъ дѣйствовавшаго не въ личныхъ, а въ общественныхъ интересахъ. Странно было бы объявить о своемъ намѣреніи — раскрыть преступленія и быть одураченнымъ завѣдомымъ преступникомъ. Не понимаемъ и того, что плохого видѣлъ Державинъ въ сообщеніи Государю свѣдѣній о противозаконныхъ дѣйствіяхъ начальствующихъ лицъ, назвавъ эти сообщенія «доносами». Мы бы объяснили такую непріязнь не какимъ-либо существенно важнымъ недостаткомъ Каразина, а просто Державинъ, безпрестанно жалуясь на враговъ своихъ, соперниковъ по службѣ, не могъ не задѣть мимоходомъ новаго любимца фортуны, отодвинувшаго нѣсколько на задній планъ старыхъ вельможъ.

Василій Назаровичъ Каразинъ не переставалъ развивать идею объ учрежденіи особаго Министерства Народнаго Просвѣщенія; на сколько близко онъ стоялъ къ этому дѣлу, служитъ

---

[1]) Въ запискахъ упоминается о вопіющихъ преступленіяхъ, братоубійствѣ, покрытомъ кучею денегъ. Между прочимъ губернатору было дано 100000 руб.

Записки Фил. Вас. Каразина «Украинск. Стар.» Г. П. Данилевскаго. Харьковъ 1866 стр. 123.

мнѣніе, что и самое названіе министерства принадлежитъ ему[1]). 8-го сент. 1802 г. было учреждено вмѣстѣ съ другими министерствами и желанное имъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, первоначальный проектъ котораго, подвергшійся впослѣдствіи, по меньшей мѣрѣ, значительному измѣненію, былъ составленъ Каразинымъ. Самъ Василій Назаровичъ считалъ себя всецѣло виновникомъ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Оффиціальнымъ доказательствомъ того, что я былъ *первоначальною* причиною не только Харьковскаго Университета, но и всего Департамента Народнаго Просвѣщенія, можетъ служить высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го сентября 1802 г., въ которомъ *я одинъ* (въ лицѣ правителя дѣлъ комиссіи объ училищахъ) именованъ на ряду съ членами и министрами, назначенными *въ тотъ-же день*. Воля Государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особливой причины—всего меньше по представленію тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно не успѣли еще ни о чемъ докладывать—и я думаю, что это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначеніе дикреторовъ и правителей канцеляріи свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подписанному завѣдующимъ министрами. Въ дѣлахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть еще одно отношеніе Михаила Никитьевича Муравьева отъ 12-го ноября 1802 г. за № 1924 къ министру, доказывающее то же. Прочее не выходило изъ комнаты Его Величества, слѣдовательно не можетъ быть предметомъ ссылки. Одинадцати бумагъ, пред-

---

[1]) Записки о В. Н. Каразинѣ Филадельфа Васильевича Каразина (Русс. Арх. 1894 г т. I стр. 566). А согласно показаніямъ Колбасина, біографа И И. Мартынова (преемника В. Н. Каразина въ Мин. Нар. Просв.), «новое вѣдомство названо министерствомъ народнаго просвѣщенія по предложенію Мартынова» (Сухомлиновъ «Матеріалы для систематич. образ. въ Россіи». «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1865 г. 128). Но еще въ 1878 г. вышелъ переводъ съ нѣмецкаго языка книги Е. Шмида, гдѣ цитируется споръ членовъ «Коммиссіи Училищъ», который совершенно исключаетъ возможность приписать теперешнее наименованіе министерства инициативѣ Каразина или Мартынова: они даже не высказывали мнѣнія своего въ 14 засѣданіи коммиссіи (12 мая 1802 г.), въ которомъ прошелъ этотъ вопросъ. Къ тому же упомянутыя предположенія основаны только на личныхъ свидѣтельствахъ Ф. В. Каразина (Русск. Арх. 94 г. т. I стр. 566) и Мартынова (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1865 г. т. 128. Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, примѣч. 10). Не находимъ подтвержденія свидѣтельствамъ Ф. В. Каразина и Колбасина и въ оффиціальномъ изданіи „Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Нар. Просвѣщенія“ С. В. Рождественскаго. Спб. 1902, стр. 34—35.

ставленныхъ графу Виктору Павловичу (Кочубею) въ концѣ 1804 г. помнится и въ томъ числѣ одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получалъ обратно, равно какъ и другихъ для меня и моего семейства довольно важныхъ, которыя взяты были тайно экспедиціеею въ несчастную ночь съ 26 ноября 1820 г. въ С.-Петербургѣ» [1]). Въ письмѣ 23-го мая 1842 г. къ Погодину В. Н. Каразинъ такъ говоритъ о роли своей въ созданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Кто знаетъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукою объ отдѣльномъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, которое нигдѣ въ Европѣ не существовало [2]).

Цитированныя показанія В. Н Каразина нуждаются и въ освѣщеніи со стороны. Дѣло въ томъ, что ни показанія изслѣдователей исторіи образованія въ Россіи (Е. Шмидъ, Сухомлиновъ, Рождественскій), ни документальныя данныя не подтверждаютъ того, что В. Н. Каразинъ первый или одинъ далъ идею отдѣльнаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и своими трудами положилъ дѣйствительное существованіе его. Уже въ годъ воцаренія императора Александра I (23 дек. 1801 г.) Неоффиціальный комитетъ, состоявшій изъ друзей государя (кн. Чарторыйскаго, гр. Строганова, гр. А. Воронцова, Новосильцова и немногихъ другихъ), занимался обсужденіемъ постановки образованія въ Россіи и разсматривалъ по этому предмету записку Лагарпа [3]). Комитетъ не оставлялъ занятій по учебному дѣлу и въ слѣдующемъ году; есть указаніе, что еще 12 мая 1802 г. происходило обсужденіе проектовъ гр. Воронцова и Строганова по учрежденію отдѣльнаго вѣдомства Народнаго Просвѣщенія и окончательное опредѣленіе названія учрежденія, которое послѣ нѣкотораго спора, въ коемъ не упоминается имени В. Н. Каразина, положено было назвать Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія [4]).— То обстоятельство, что В. Н. Каразинъ составилъ одинъ изъ проектовъ Министерства, какъ мы увидимъ, очень вѣроятно; сынъ его Фил. В. Каразинъ свидѣтельствовалъ, напр., о томъ, что у

---

[1]) Письмо къ А. А. Долгорукому отъ 8 іюля 1829 г. «Русск. Стар.» 1903 г. апр. стр. 10—11.

[2]) Москвитянинъ за 1843 г. часть I, № 2, стр. 628.

[3]) С. В. Рождественскій. «Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Н. Пр.» 1902, стр. 32—33. См. также Е. Шмидъ. „Ист. ср. уч. зав. въ Россіи“ Спб. 1878, стр. 9.

[4]) Рождественскій, стр. 34—35.

него сохранились черновыя бумаги этого проекта, писанныя рукою его отца [1]).

Въ манифестѣ объ учрежденіи министерствъ было сказано, что «Министръ Народнаго Просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ имѣетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ Главное Училищное Правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, Академію Наукъ, Россійскую Академію, Университеты и всѣ другія училища, кромѣ учрежденій Императрицы Маріи Θеодоровны и спеціальныхъ, каковы, напр., военныя» [2]). Дѣятельность Министерства Нар. Пр. началась исполненіемъ порученія, возложеннаго на Комиссію Училищъ, которая была возобновлена (подъ именемъ Главнаго Правленія училищъ) въ день учрежденія министерствъ. Комиссія Училищъ существовала съ 1782 г., но во времена Павла Петровича совершенно бездѣйствовала [3]). Личный составъ комиссіи былъ увеличенъ; въ него вошли нѣсколько вліятельныхъ вельможъ, знавшихъ Каразина и сочувствовавшихъ его идеямъ. Правителемъ дѣлъ былъ назначенъ Вас. Наз. Главнымъ назначеніемъ комиссіи было учрежденіе университетовъ, какъ центральныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ учебномъ округѣ. Кромѣ того, комиссія должна была выработать общій планъ устройства учебной части въ Россіи [4]). «Члены сей комиссіи, гласитъ указъ, раздѣляютъ между собою вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ имперіи верхнихъ и нижнихъ училищъ по полосамъ или провинціямъ. Главною цѣлію, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ». Надо замѣтить, что въ то время былъ одинъ

---

[1]) „Записки о жизни отца“ Русск. Архивъ 1894, т. I, стр. 566.

[2]) „Сборн. постановленій по Мин. Народ. Просв.“ т. I, стр. 4, § VII. Спб. 1864 г.

[3]) Шмидъ. „Ист. ср. уч. зав.“ Здѣсь показаны и статистическія даты.

[4]) «Въ Коммиссіи объ училищахъ, говорится въ указѣ отъ 8 сент. 1802 г., состоящей подъ управленіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣваемъ присутствовать: тайнымъ совѣтникамъ князю Адаму Чарторыжскому, графу Северину Потоцкому; генералъ маіоромъ Клингеру и Хитрово, академикамъ статскимъ совѣтникамъ Озерецковскому и Фуссу“ (кромѣ того въ комиссіи училищъ работали Муравьевъ и Янковичъ де Миріево); „правителемъ же дѣлъ назначаемъ коллежскаго совѣтника Каразина“. Въ копіи формулярнаго списка 1830 г. значится: 2 сентября 1802 г. при обрвизованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія Высочайше опредѣленъ Правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ».

русскій университетъ въ Москвѣ. «Комиссія не оставитъ сочинить полный планъ, въ коемъ объяснятся тѣ правила, на которыхъ должны быть основаны сношенія и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ комиссіи» [1]).

Каковы же были занятія В. Н. Каразина въ званіи правителя дѣлъ комиссіи училищъ, велико ли было его значеніе и участіе въ составленныхъ этой комиссіей проектахъ? Къ сожалѣнію матеріалы о дѣятельности В. Н. Каразина за это время очень скудны, а литература по исторіи образованія въ періодъ начала 800-тыхъ годовъ едва-едва касается дѣятельности Вас. Н—ча. Вотъ выводы, какіе можно сдѣлать изъ имѣющейся у насъ подъ руками литературы. Плодомъ занятій комиссіи объ училищахъ явились «предварительныя правила для народнаго просвѣщенія», которыя были учреждены 24 янв. 1803 года. Это, какъ видно [2]), очень серьезный и большой трудъ и мнѣнія изслѣдователей расходятся во взглядахъ на участіе В. Н. Каразина въ его составленіи. «Для того, чтобы дать университетамъ окончательное устройство въ связи со всѣми учебными заведеніями, пишетъ Сухомлиновъ, приступлено къ разсмотрѣнію общаго плана народнаго воспитанія, *который составленъ подъ руководствомъ комиссіи правителемъ дѣлъ ея В. Н. Каразинымъ*» [3]). 4 октября комиссія училищъ поручила дѣло Каразину, который въ недѣлю справился съ заданной ему задачей [4]). Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи было уже читано въ V засѣданіи (11 окт. 1802 г.) комиссіи [5]) и утверждено 24 января 1803 г. подъ именемъ Предварительныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія, говоритъ Е. Шмидъ [6]). Если это заключеніе вѣрно, то все-

---

[1]) Сборн. постановл. по М. Н. Пр. т. I, § 2, 1802 г. стр. 4—5 (№ 20, 407). Спб. 1864.

[2]) Рождественскій. „Ист. обз. Мин. Нар. Пр.“ Спб. 1902, стр. 43—44.

[3]) Сухомлиновъ. „Матеріалы для ист. образ. въ Россіи“ т. I, стр. 59—60.

[4]) Рождественскій. „Ист. обз. д. М. Н. Пр.“, стр. 49. Анастасевичъ свидѣтельствуетъ: Занятія мои съ В. Н. особенно состояли въ начертаніи „Предварительныхъ правилъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ „Чтенія въ Общ. Ист. и Др.“ 1861, кн. III, Смѣсь, стр. 192.

[5]) Тамъ же.

[6]) „Исторія ср. уч. зав. въ Россіи“ Спб., 1878 г. стр. 18—19.

таки требуетъ нѣкотораго дополненія, именно: «Предварительныя правила» представляютъ пересмотрѣнное и дополненное членами комиссіи «Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи» [1]).

Другой работой В. Н. Каразина, самостоятельной, хотя и входившей въ составъ выше названной, было составленіе первоначальнаго университетскаго устава. «Члены главнаго правленія училищъ признали нужнымъ составить проэктъ общаго устава университетовъ, который не могъ служить образцомъ для частныхъ, и положили: взявъ за основаніе предначертаніе *университетскаго устава, составленнаго Каразинымъ*, главу объ учебной части поручить Фуссу, главу о внутреннемъ управленіи университета—Озерецковскому, главу объ управленіи училищъ—Янковичу-де-Миріево, а главу о хозяйственной части предоставить попечителю Дерптскаго округа» [2]).

На основаніи указаній Сухомлинова, Н. А. Лавровскій приписалъ В. Н. Каразину основныя мысли какъ въ «предначертаніи университетскаго устава», такъ и въ «предначертаніи устава объ общественномъ воспитаніи», ибо *началомъ* его служилъ университетскій уставъ. [3]) Е. Шмидъ замѣтилъ на такое заключеніе, что «такъ какъ правителемъ дѣлъ В. Н. Каразинымъ все было изготовлено въ слѣдствіе и по содержанію приказаній ея» («т. е. комиссіи или главнаго правленія училищъ»), то ему принадлежитъ только редакція, а не основныя идеи, какъ полагаетъ Н. Лавровскій. [4]) Самое значительное вліяніе при этомъ имѣли два проекта: одинъ внесенный Фуссомъ, а другой, позднѣе, Чарторыйскимъ». Итакъ Е. Шмидъ умаляетъ, почти уничтожаетъ значеніе В. Н. Каразина въ дѣлѣ созданія «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣ-

---

[1]) Сухомлиновъ. „Матеріалы" I, 60. Подтвержденіе этого мнѣнія находимъ у С. В. Рождественскаго: „Предварительныя правила нар. просвѣщенія" представляютъ уже *общій планъ* (*выработанный* лишь къ началу 1803 г.) учебной системы Выс. утвержденной 24 янв. 1803 г. („Ист. обз." стр. 50). Самъ В. Н. Каразинъ въ одномъ письмѣ къ Государю въ концѣ 1803 г., говоря объ участи составленныхъ имъ „правилъ народнаго просвѣщенія", продолжаетъ..: *„я могъ сберечь только тѣнь нѣкоторыхъ изъ нихъ (правилъ) и то, конечно, самыхъ маловажнѣйшихъ"*. Русская старина за 1875 г., т. XIV, стр. 476.

[2]) Сухомлиновъ. „Матеріалы", I, 60.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., ч. CLIX, 1872 г., стр. 59.

[4]) „Ист. ср. уч. зав. въ Россіи" Спб. 1878.

щенія». [1]) При недостаткѣ матеріаловъ мы, конечно, не можемъ установить точныхъ взглядовъ на разбираемый вопросъ объ участіи В. Н-ча въ составленіи проектовъ по организаціи народнаго просвѣщенія, но позволимъ себѣ высказать предположеніе: что, во-первыхъ, согласно *ясному* изслѣдованію документовъ Рождественскимъ и Сухомлиновымъ, *первоначальное* «Предначертаніе университетскаго устава», равно какъ и первоначальныя «Предварительныя правила», подъ названіемъ «Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи», составлены Каразинымъ; во-вторыхъ, какъ бы ни энергична была работа комиссіи объ училищахъ, она не была бы въ состояніи приготовить и даже руководить составленіемъ обширнѣйшаго проекта организаціи народнаго просвѣщенія (по указанію В. Н. Каразина, написаннаго имъ *на полу-стопъ бумаги*) въ теченіе *одной недѣли*, отъ 4 до 11 октября того же 1802 г., когда было уже читано «Предначертаніе устава о общественномъ воспитаніи». Слѣдовательно, этотъ проектъ былъ изготовленъ уже раньше, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, а въ доказательство того, что эта предварительная работа могла принадлежать Каразину, ссылаемся на цитированное выше письмо къ кн. А. А. Долгорукому въ 1829 г.; изъ него можно видѣть, что если на ряду съ генералами, князьями, академиками, которымъ до указа 8 сент. 1802 г. поручались работы по реорганизаціи учебнаго дѣла въ Россіи, былъ назначенъ *коллежскій совѣтникъ Каразинъ*, такъ настойчиво обращавшій на образованіе народное вниманіе государя, то такое назначеніе, вѣроятно, имѣло какія нибудь основанія, вродѣ предварительныхъ работъ его по организаціи народнаго просвѣщенія. — Другой вопросъ, насколько труды Каразина сохранились въ отдѣльныхъ и утвержденныхъ проектахъ: мы уже высказывались въ пользу того мнѣнія, что вліяніе его было не велико,—въ томъ сознавался и самъ В. Н. Но очень интересно знать, какую же «тѣнь» своего проекта В. Н. Каразинъ сберегъ въ «Предварительныхъ правилахъ»? Не лежитъ-ли эта тѣнь въ основномъ положеніи «Предварительныхъ правилъ»: «училища опредѣляются для нравственнаго образованія гражданъ соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія». [2]) Въ «Предначертаніи Харьковскаго Университета», составленномъ В. Н. Каразинымъ, и проектиру-

---

[1]) Надо замѣтить, что этотъ ученый, вообще говоря, умалчиваетъ о *какой бы то ни было дѣятельности* В. Н. Каразина въ дѣлѣ организаціи учебнаго дѣла въ Россіи (стр. 10 его сочиненія).

[2]) Сухомлиновъ, „Мат.“ I, 60.

емомъ соотвѣтственно его убѣжденіямъ, тоже предлагались отдѣленія для разныхъ состояній — сословій общества. Здѣсь были отдѣленія ученыя, ремеслъ и рукодѣлій, агрономическое. Какъ увидимъ, идею объ образованіи всѣхъ состояній — сословій общества В. Н. проводилъ и въ глубокой старости.

Съ 24 января 1803 года В. Н. числился правителемъ дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ. «Занятія мои съ Василіемъ Назаровичемъ, пишетъ Анастасевичъ, состояли въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія Харьковскаго Университета и, въ особенности, по канцеляріи князя Чарторыжскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго Университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (эдукаціонной) комиссіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго Польскаго Правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени; а когда образовалась часть Виленскаго Округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назаровичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ и по случаю *основаннаго имъ* изданія отъ того же Правленія «Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ Народнаго просвѣщенія»... Какъ видимъ, Анастасевичъ свидѣтельствуетъ еще о двухъ работахъ Каразина. О первой скажемъ немного ниже, а послѣднему свидѣтельству нельзя еще довѣрять безусловно, такъ какъ есть разногласіе. С. В. Рождественскій указываетъ, что «Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» предпринято было по плану Озерецковскаго, назначеннаго редакторомъ этого изданія. [1])

Указомъ 24 января 1803 г., утверждавшимъ «Предварительныя правила», Россія была подѣлена на 6 учебныхъ округовъ. Князь А. Чарторыжскій былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Чарторыжскій составилъ, между прочимъ, на французскомъ языкѣ, общій планъ училищъ подъ названіемъ «Началъ для образованія народнаго воспитанія въ Россійской имперіи». Проектомъ этимъ впослѣдствіи онъ пользовался при организаціи своего Виленскаго округа. [2]) Какъ видимъ изъ записокъ Анастасевича, В. Н. Каразинъ также участвовалъ въ этой работѣ, и Н. А. Лавровскій полагалъ, что «при непосредственномъ участіи В. Н. Каразина составленъ общій планъ училищъ Чарторыжскаго подъ названіемъ «Начала народнаго образованія въ Россійской Имперіи» (доложенный Комиссіи училищъ 4 окт.

---

[1]) „Историч. обз. дѣятельн. Мин. Нар. Просв.“ Спб., 1902, стр. 45.

[2]) Сухомлиновъ. „Матеріалы“, I, 60.

1802 г.), такъ какъ и «предварительныя правила» и планъ Чарторыжскаго заключаютъ въ себѣ одно и тоже распредѣленіе училищъ имперіи» [1]).

Можно указать еще на одну работу В. Н. Каразина, имъ, можетъ быть, совершенную, но неиспользованную. 8 августа Главное Правленіе постановило «приступить къ сочиненію проекта такого наказа, въ коемъ бы предписаны были подробнымъ и опредѣленнымъ образомъ должности вообще Главнаго Училищъ Правленія, и въ особенности попечителей и ихъ сочленовъ». Сочиненіе проекта поручили Каразину. Но чѣмъ кончилось это дѣло, изъ журналовъ Главнаго Правленія не видно. [2])

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Воспоминанія о В. Н. Каразинѣ“ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1873 г. февраль, стр. 298.

[2]) Рождественскій. „Ист. обз. М. Н. Пр.“, стр 54—55.

Замѣтки къ исторіи Кіевской козаччины 1855 г.[1]

1. Священникъ Михаилъ Вышинскій.

Личность священника Кіевской епархіи Михаила Авксентіевича Вышинскаго имѣетъ выдающееся значеніе въ исторіи Кіевской козаччины 1855 г. Съ него, такъ сказать, начинается эта исторія, то-есть, онъ былъ поводомъ къ этой исторіи, корни которой глубоко таились въ тогдашнемъ народномъ быту. Крѣпостное право лежало тяжелымъ гнетомъ на массѣ украинскаго народа, еще хорошо помнившаго времена своей свободы... Безпросвѣтная тьма обняла народъ и, казалось, ниоткуда не могъ блеснуть ни одинъ лучъ надежды на избавленіе его отъ чисто египетскаго рабства... Но вотъ—съ началомъ Крымской войны—въ церквахъ изъ устъ священниковъ стали раздаваться торжественныя слова царскихъ манифестовъ, въ которыхъ русскій царь обращался непосредственно ко всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ и, излагая предъ ними бѣдственныя обстоятельства, постигшія Россію, взывалъ ко всѣмъ о необходимости защищать Отечество... Въ народѣ, до сихъ поръ скованномъ и нѣмотствующемъ, началось постепенно патріотическое движеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ блеснулъ лучъ надежды, побуждавшій воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы легально освободиться отъ невыносимаго рабства—панщины.—Первый царскій манифестъ императора Николая Павловича отъ 8-го февраля 1854 г., въ которомъ, послѣ

[1]) Замѣтки эти могутъ служить дополненіемъ къ «Запискамъ прот. П. Г. Лебединцева» о томъ-же предметѣ. «Записки» эти, сообщенныя намъ свящ. І. Гордіевскимъ, напечат. были въ «Кіев. Стар.» 1900 г. № 7—8. *Ред.*

объявленія о томъ, что на помощь воевавшей съ Россіею Турціи вызвались Англія и Франція, высказывается царская надежда, что русскій народъ покажетъ и теперь тѣ же доблести, какія онъ обнаружилъ въ памятный еще многимъ 1812-й годъ... Образчикъ того, что происходило въ это время среди народа, по прочтеніи указаннаго манифеста, какія мысли и чувства стали оживлять украинскій народъ, можно видѣть изъ тѣхъ фактовъ, которые имѣли мѣсто въ селѣ Че́ркасѣ, васильковскаго уѣзда кіевской губерніи, и которые описаны были священникомъ этого села Михаиломъ Вышинскимъ—въ статьѣ, помѣщенной въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Вотъ эта небольшая статья, получившая впослѣдствіи значеніе историческое.

«*Потапъ Гарасыменко*».

«Получивши Высочайшій манифестъ о войнѣ Россіи съ Турціею и ея союзниками Англіею и Франціею,—въ слѣдующій воскресный день, согласно съ волею монаршею, по совершеніи литургіи въ Поправской кладбищенской церкви [1]) и передъ начатіемъ молебна о побѣдѣ надъ врагами, я прочиталъ таковый своимъ прихожанамъ—жителямъ деревни Поправки. По выходѣ изъ церкви, меня окружило нѣсколько десятковъ поправскихъ прихожанъ, и впереди ихъ широкоплечій, высокій, длинноусый, отличающійся отъ прочихъ особенною смѣтливостію и бойкостію рѣчи—крестьянинъ, житель поправскій—Потапъ Гарасименко. Принявши благословеніе, Гарасыменко вѣжливо просилъ меня объяснить ему и прочимъ прихожанамъ прочтенный въ церкви манифестъ. Не могъ я не удовлетворить просьбы и любопытства добрыхъ прихожанъ своихъ, а потому и разсказалъ имъ, въ чемъ состоитъ сущность прочитаннаго Высочайшаго манифеста. Но, вопреки понятію и чаянію, умъ и сердце мое вдругъ поражены были отраднымъ удивленіемъ. Гарасыменко, выслушавши изъ-

---

[1]) По́правка—деревня, составляющая присёлокъ къ приходу села Че́ркаса.

ясненный мною Высочайшій манифестъ, покачалъ головою, глубоко вздохнулъ и съ гнѣвомъ промолвилъ: «Горе, горе наше!! Трохъ нехрыстивъ-поганьцивъ хотять завладиты нашою кровавыцею, хотять переломать нашу святу виру хрыстыяньську и глумытыся надъ нашымы жонамы и дитьмы!.. О, ни!.. Цёго не буде!.. Мынуло те время, що Орда набигала, та народъ христыяньскій по лисамъ, очеретамъ. и болотамъ розганяла, та безъ пощады погубляла. Теперъ Господь за намы та крипка рука Мылого Батька нашого—Царя Руського. Нехай тильки, якъ потрибно буде, мудрый Царь нашъ скаже та позволять намъ систы на кони— и мы напомнымъ нечыстій сыли Турецькій Гетьманщину. Бо выдно, що вже прокляти Бусурмены позабувалы, якъ наши прадиды туркивъ на бараннивъ мипялы»!—Вслѣдъ за симъ, одушевленные чувствомъ патріотизма со слезами на глазахъ вмѣстѣ съ Гарасыменкомъ, нѣсколько десятковъ мущинъ изъ крестьянъ единогласно проговорили: «Пышы́, отче духовный, до кого слидуе, що мы вси окримъ старого та малого, готовы йты на войну за виру хрыстыяньску, за честь цареву и за родыну; и грудьмы станемо противъ врага, а не позволымъ, щобъ нога поганого топтала святую землю руськую».

«Васильковскаго уѣзда, села Черкаса священникъ Михаилъ Вышинскій» [1]).

Конечно, статейка эта сдѣлалась извѣстною въ приходѣ села Черкаса—отъ самаго же ея автора, получавшаго «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» и съ удовольствіемъ увидѣвшаго свой трудъ въ печати.—Между тѣмъ знаменательныя событія Крымской войны продолжали идти своимъ чередомъ. 14 декабря 1854 г. послѣдовалъ новый манифестъ императора Николая I, гдѣ уже болѣе опредѣленно высказалось обращеніе царя къ народу о защитѣ отечества. «Россіяне,—взывалъ царь къ народу русскому,—вѣрные сыны наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ великому и святому дѣлу, ни достоянія, мно-

---

[1]) См. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» 1854 г. № 42-й. Суббота, октября 16-го дня.

голѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ... Буде нужно, мы всѣ, царь и подданные, повторяя слова императора Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести отечества» [1]).—Наконецъ, насталъ роковой 1855-й годъ—и 29-го января появился новый манифестъ Императора Николая I—государственномъ ополченіи. «Обращаемся,—говорилъ государь,—съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ государства, повелѣвая: приступить къ всеобщему государственному ополченію... Не разъ уже предстояли Россіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія испытанія. Но ее спасали всегда смиренная вѣра въ провидѣніе и тѣсная, ничѣмъ незыблемая связь царя съ подданными, усердными дѣтьми его... Да будетъ такъ и нынѣ» [2])! Этотъ манифестъ, конечно, произвелъ въ народѣ еще болѣе сильное впечатлѣніе и породилъ среди него разные толки... Такъ какъ что у кого болитъ, тотъ о томъ думаетъ и говоритъ,—то естественно, что среди народа появилась мысль о томъ, что нужно и ему откликнуться на царскій призывъ, за что и получится имъ послѣ награда въ видѣ освобожденія отъ панщины... Уже и раньше, какъ мы видѣли,—народъ въ с. Черкасѣ, обращаясь къ священнику, говорилъ: «Пиши, отецъ, до кого слѣдуетъ, что мы всѣ готовы»! А когда услышали, что священникъ написалъ о нихъ и даже напечаталъ, —то въ простотѣ сердца и усвоили себѣ мысль, что пипъ позапысувавъ ихъ въ козаки—т. е. въ воинскую службу. «Козакъ», «козаччина»—это та форма, въ которой народъ украинскій споконъ вѣка привыкъ олицетворять свободу и независимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и службу на пользу родной земли... Толки о козаччинѣ—изъ села Черкаса, конечно, шли и въ другія окрестныя села, дальше и дальше, и съ теченіемъ времени

---

[1]) См. Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина»—книга 13-я—стран. 197-я.

[2]) Ibidem—стран. 378-я.

путемъ развитія и наслоеній возвращались обратно уже въ преображенномъ и увеличенномъ видѣ—сообразно съ насущными народными чаяніями... Теперь, съ появленіемъ манифеста о государственномъ ополченіи, мысль народа получила для себя толчокъ для болѣе рѣшительнаго образа дѣйствованія и выработала для себя такую формулу: «кто запишется въ козаки, т. е. въ ополченіе, тотъ чрезъ это получитъ свободу отъ ненавистной панщины». Манифестъ объ ополченіи въ народномъ представленіи, такимъ образомъ, получилъ значеніе уже прямой царской призывной грамоты къ свободѣ, царскаго призывнаго указа о свободѣ—подъ условіемъ готовности и обязательства защищать отечество... Нуженъ былъ еще одинъ моментъ въ работѣ народной мысли, еще одинъ толчокъ со стороны внѣшнихъ совершающихся событій, чтобы народъ пришелъ уже къ опредѣленному рѣшенію дѣйствовать на основаніи убѣжденія въ непререкаемой истинѣ извѣстнаго совершившагося факта... Такой толчокъ явился... Умираетъ императоръ Николай Павловичъ—и 18 февраля 1855 г. появляется манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра II, призывающій къ присягѣ новому царю... Всѣ свободныя сословія стали исполнять обязанность присяги, въ томъ числѣ и евреи; только по отношенію къ однимъ крѣпостнымъ крестьянамъ послѣдовало запрещеніе приводить ихъ къ присягѣ новому царю своему, отъ котораго только они и могли ждать себѣ лучшей участи... Это было сигналомъ къ началію со стороны крестьянъ рѣшительнаго образа дѣйствій... Появилось опасеніе, что недопущеніе къ присягѣ есть знакъ еще болѣе сильнаго закрѣпощенія народа на будущее время... Съ быстротою молніи разносится по селамъ кіевской губерніи слухъ, что царскій указъ набирать въ козаки давно есть, что онъ хранится въ церквахъ у священниковъ, что нужно непремѣнно записываться въ козаки къ извѣстному сроку (именно весною 1855 года), и что кто не запишется къ этому сроку, тотъ лишится навсегда столь желаннаго права на свободу отъ панщины... Среди народа началось сильнѣйшее броженіе... Спѣшили во чтобы то ни стало поскорѣе записаться въ козаки. Цѣлыми массами на-

родъ по селамъ сталъ обращаться къ своимъ приходскимъ священникамъ дать имъ царскій указъ о волѣ, открыть имъ ихъ добро,—и при этомъ настоятельно, неотступно требовали записывать ихъ въ козаки. Священники, конечно, стали отрицать существованіе такого указа и отказывать въ записи желающихъ въ козаки... Началось, естественно, враждебное отношеніе народа къ священникамъ... Послѣдніе заподозрѣвались въ измѣнѣ своему народу и въ стачкѣ съ панами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе рьяныя и смѣлыя сельскія громады стали употреблять насилія надъ священниками, чтобы вынудить у нихъ обнародованіе скрываемаго царскаго указа... Началась смута... Волненіе въ особенности обняло таращанскій, васильковскій и каневскій уѣзды... Вотъ такая смута произошла и въ селѣ Че́ркасѣ, гдѣ въ прошломъ 1854 г. былъ положенъ и зародышъ ея. Этотъ зародышъ отмѣченъ историкомъ юго-западнаго края, извѣстнымъ профессоромъ Кіевскаго университета и основателемъ газеты «Кіевлянинъ», Виталіемъ Шульгинымъ—въ его книгѣ: «Юго-Западный край за послѣднія 25 лѣтъ (1838—1863 гг.)». Вотъ что здѣсь сказано въ отдѣлѣ книги: «Крестьянскія волненія въ кіевской губерніи»: «Два знаменательные акта подали поводъ къ этимъ волненіямъ: манифестъ 29 января о государственномъ ополченіи и 19-го февраля о присягѣ новому императору... Зародышъ смуты произошелъ въ февралѣ мѣсяцѣ, на масляной, въ селѣ Че́ркасѣ, таращанскаго уѣзда [1]), гдѣ священникъ, по прочтеніи манифеста, принявъ за обыкновенное чисто-патріотическое движеніе готовность крестьянъ идти, по первому призыву царя, въ козаки: написалъ объ этомъ статью въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Слухъ объ этой статьѣ дошелъ до крестьянъ въ искаженномъ видѣ, какъ извѣстіе, что священникъ записалъ ихъ всѣхъ въ козаки. Сначала идея о томъ, что «пипъ безъ спросу запысавъ усихъ въ козакы», какъ будто поразила крестьянъ села Че́ркаса, но потомъ пришлось имъ очень по душѣ, и на страстной недѣлѣ, едва живой, въ изорванной рубашкѣ, бѣжалъ отъ нихъ этотъ

[1]) Не таращанскаго, а васильковскаго.

самый священникъ, истязуемый за то, что не хотѣлъ, уже по ихъ требованію, записывать ихъ въ козаки» [1]). Вотъ этотъ-то, не называемый г. В. Шульгинымъ по имени, священникъ села Черкаса, авторъ статейки, послужившей искрой для начавшагося пожара, и былъ Михаилъ Авксентіевичъ Вышинскій. Такъ какъ пребываніе его въ с. Черкасѣ, послѣ взаимныхъ недоразумѣній съ прихожанами, было неудобно, то епархіальное начальство перемѣстило его въ началѣ 1856 г. въ село Яцки, васильковскаго же уѣзда. Здѣсь онъ служилъ, получая отъ начальства разныя отличія и награды, до самой своей кончины, послѣдовавшей 1-го іюля 1902 г. Въ 17-мъ № «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1902 г. появился маленькій некрологъ о. Михаила Вышинскаго въ отдѣлѣ подъ рубрикою: «Памяти новопреставленныхъ пастырей Кіевской епархіи», составляемомъ въ самой редакціи, на основаніи послужныхъ списковъ скончавшихся пастырей. Мы приведемъ этотъ некрологъ, какъ образчикъ печальнаго невѣдѣнія новой редакціи «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей» о личностяхъ, имѣющихъ для Кіевской епархіи значеніе историческое. «1-го іюля,—такъ гласитъ этотъ некрологъ,—скончался одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей Кіевской епархіи, протоіерей с. Яцекъ, васильковскаго уѣзда, Михаилъ Авксентіевичъ Вышинскій. Сынъ священника, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1849 г.,—6-го августа того же года былъ рукоположенъ къ церкви Яшвотова (sic!) таращанскаго уѣзда, а 11-го апрѣля 1850 г. былъ перемѣщенъ по прошенію, въ г. Черкасы къ Михайловской церкви, откуда 11 февраля 1856 г., по случаю волненія крестьянъ, указомъ св. Синода былъ перемѣщенъ въ с. Яцки васильковскаго уѣзда, къ Николаевской церкви, гдѣ за отличное исполненіе пастырскихъ обязанностей митр. Арсеніемъ 10 марта 1863 г. былъ награжденъ набедренникомъ.

---

[1]) Смотр. стран. 140-ю. Эпизодъ въ с. Черкасѣ изложенъ вообще въ книгѣ Шульгина не совсѣмъ точно. Статейка о. Михаила Вышинскаго видимо пріурочивается имъ къ веснѣ 1855-го года, тогда какъ она появилась въ печати еще въ октябрѣ 1854 года...

Почившій имѣлъ кромѣ того награды: скуфью (1872), камилавку (1879 г.), наперсный крестъ (1888 г.), орденъ св. Владиміра 4-й степени (1900 г.), а также получалъ неоднократно изъявленія благодарности, благословеніе св. Синода и книгу «Библія», отъ св. Синода выдаваемую. Въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ обязанности благочиннаго. Миръ душѣ почившаго»!—Въ этомъ некрологѣ названіе мѣстности, гдѣ первоначально служилъ о. М. А. Вышинскій, совершенно извращено. Никакого Яшвотова нигдѣ въ Кіевской епархіи нѣтъ. Это такъ перековеркано названіе м. Животóва, таращ. уѣзда, гдѣ священникомъ былъ еще раньше отецъ Михаила Вышинскаго—Авксентій Вышинскій—и гдѣ родился самъ о. Михаилъ. Скажутъ: это опечатка. Но скорѣе—не опечатка (ибо въ такомъ случаѣ она была бы исправлена въ позднѣйшемъ №, какъ это обыкновенно дѣлается), а такъ именно прочиталъ авторъ некролога тотъ письменный матеріалъ, который былъ у него подъ рукою и, незнакомый съ мѣстностями кіевской губерніи, допустилъ искаженіе написаннаго.—Затѣмъ дальше сказано, что о. Михаилъ Вышинскій былъ перемѣщенъ въ г. Черкасы—къ Михайловской церкви. Ничего подобнаго не было. Это опять выдумка автора некролога, которую психологически можно объяснить такъ: авторъ слышалъ, что есть въ Кіевской епархіи городъ Черкасы, а между тѣмъ въ бывшей у него подъ рукою рукописи онъ увидѣлъ не г. Черкасы, а с. Черкасъ, и почелъ это ошибкой и постарался ее исправить, не принимая во вниманіе того, что никакой Михайловской церкви въ г. Черкасахъ нѣтъ, а таковая Михайловская церковь есть именно въ с. Черкасѣ, васильк. уѣзда, куда и перемѣстился о. М. Вышинскій изъ м. Животова и откуда писалъ въ 1854 г. свою, сдѣлавшуюся исторической, статейку: «Потапъ Гарасыменко». Да и волненій крестьянъ въ г. Черкасахъ никакихъ не было... Печально, что такое отношеніе къ мѣстной исторіи допускается на страницахъ епархіальнаго органа, который долженъ быть руководителемъ мѣстнаго духовенства въ историческомъ изученіи епархіи, возбуждая въ немъ охоту къ этому важному дѣлу собственнымъ любовнымъ и тщательнымъ отношеніемъ къ нему. Печально и

то, что ни одинъ изъ обязательныхъ читателей «Кіевск. Епарх. Вѣдомостей» не подумалъ исправить допущенныя въ некрологѣ о. М. А. Вышинскаго ошибки; не сдѣлалъ этого даже никто изъ ближайшихъ родственниковъ почившаго отца протоіерея... Такое отсутствіе исторической чуткости въ современномъ поколѣніи кіевскаго духовенства и полное равнодушіе его ко всякимъ, даже грубымъ, ошибкамъ, появляющимся на страницахъ епархіальнаго органа,—очень, очень неутѣшительныя явленія...

---

2. **Разсказы священника Северіана Павл. Вышинскаго.**

Въ исторіи Кіевской козаччины 1855 г. важно установить связь села Черкаса, гдѣ первоначально возникла въ народѣ идея о козаччинѣ, съ селомъ Федюковкою, таращанскаго уѣзда, гдѣ идея эта возрасла и укрѣпилась и въ такомъ видѣ перешла обратно въ с. Черкасъ и въ другія мѣста кіевской губерніи. Въ то время, когда между народомъ стала циркулировать легенда о существованіи царскаго указа о козаччинѣ, хранящагося въ церквахъ и не открываемаго священниками по пріязни ихъ къ панамъ,—въ это время діаконъ села Федюковки, Слотвинскій, утвердилъ мысль о существованіи такого указа въ народномъ убѣжденіи; именно—онъ нашелъ какой-то старинный указъ о государственномъ ополченіи, хранившійся въ архивѣ Федюковской церкви, и сталъ выдавать его предъ народомъ именно за царскій указъ о козаччинѣ. Это, конечно, подлило масла въ огонь разгорѣвшейся народной смуты.—Эта связь с. Черкаса съ с. Федюковкою отмѣчена и въ упомянутой книгѣ В. Я. Шульгина. Именно—онъ говоритъ о діаконѣ Слотвинскомъ и о томъ, что онъ, нашедши въ церкви копію съ указа 1806 г. о государственной милиціи, сталъ выдавать его за царскій указъ о козаччинѣ и за плату читать его крестьянамъ села Федюковки; а эти послѣдніе, сойдясь съ крестьянами с. Черкаса на порубкѣ лѣса въ таращанскомъ уѣздѣ, съ великою радостію стали говорить имъ о драгоцѣнной находкѣ желаннаго царскаго указа (стран. 140—145).—Съ Федюковкою же

связанъ и другой очень важный фактъ въ исторіи Кіевской козаччины 1855 г. Была попытка со стороны поляковъ обратить начинавшееся народное движеніе въ свою пользу и подготовить въ средѣ украинскаго народа бунтъ противъ русскаго правительства. Эта попытка осуществилась въ поступкѣ студента Кіевскаго университета Іосифа Розенталя, происшедшемъ именно въ окрестности с. Федюковки... Она совсѣмъ не удалась и еще больше выставила на видъ совершенно иныя чувства и намѣренія украинскаго народа... Объ этомъ фактѣ также упоминаетъ въ своей книгѣ В. Я. Шульгинъ.—Вотъ объ этомъ-то діаконѣ Слотвинскомъ, а также о Розенталѣ и вообщѣ о Федюковскихъ дѣлахъ мы записали еще въ 1868 г. подробный разсказъ священника села Багвы, а затѣмъ села Хижны—уманскаго уѣзда, о. Северіана Павловича Вышинскаго, скончавшагося въ 1895 г. О. Северіанъ былъ самъ родомъ изъ с. Федюковки и былъ сынъ того самаго священника села Федюковки Павла Вышинскаго, который изъ-за крестьянскихъ волненій въ Федюковкѣ былъ переведенъ изъ этого села въ другое... Въ то же время о. Северіанъ былъ ближайшимъ родственникомъ священника села Черкаса о. Михаила Вышинскаго... По словамъ о. Северіана, онъ еще въ свои молодыя лѣта бывалъ въ м. Животовѣ у своего цяди священника Авксентія Вышинскаго. Этотъ о. Авксентій былъ типъ старосвѣтскаго батюшки... Онъ говорилъ и любилъ пѣть по-малорусски. У него было два сына: Михаилъ и Фавстъ [1]). Когда о. Авксентій

---

[1]) Фавстъ былъ женатъ на родной сестрѣ Евфима Михайловича Крыжановскаго, наставника Кіевской семинаріи и потомъ Кіевской академіи, извѣстнаго мѣстнаго Кіевскаго историка, друга братьевъ Лебединцевыхъ—Петра и Ѳеофана—и дѣятельнѣйшаго сотрудника ихъ въ «Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ» и «Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей», а потомъ нѣсколько и въ «Кіевской Старинѣ»... Собраніе его сочиненій, очень важное для исторіи южно-русской церкви, – издано при св. Синодѣ К. Л. Побѣдоносцевымъ—подъ редакціею професс. Ив. Игн. Малышевскаго.—Женившись на сестрѣ Е. М. Крыжановскаго,—Фавстъ Вышинскій занялъ священническое мѣсто въ селѣ Купіеватой, липовецкаго уѣзда, гдѣ прежде былъ отецъ Е. М.

бывалъ немножко навеселѣ, то, бывало, по словамъ о. Северіана, поетъ обыкновенно такую пѣсеньку при встрѣчѣ гостя вечеромъ:

Гей, Мыхалку,
Свиты скалку,
Щобъ намъ выдко було...
Нехай же я прыдывлюся,
Чи що людське вопо...

Неудивительно поэтому, что о. Северіанъ Павл. Вышинскій былъ посвященъ во всѣ подробности тогдашнихъ историческихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ его родномъ селѣ Федюковкѣ, и потому разсказы его заслуживають вниманія. Вотъ они:

а) «Движеніе въ с. Федюковкѣ.—Явился извѣстный манифесть о государственномъ ополченіи. Стали по селамъ проходить ратники изъ Россіи... Ратники идутъ съ музыкой—гуляютъ-поютъ, а наши мужики—подъ панщиной!—«Ходимо и мы на помичъ цареви,—хиба и мы не таки люде».—Все такіе толки пошли по селамъ. Вотъ такъ точно—и въ с. Федюковкѣ. Въ постъ—передъ Великоднемъ—пришли мужики толпою къ священнику федюковскому Павлу Вышинскому (моему отцу), стали говорить ему, что они согласны итти въ козаки и настоятельно просили его позаписывать ихъ въ списокъ. Священникъ говоритъ: «Люде добри! Якъ прійде звистка видъ губернатора, тоди я васъ и позапысую». А мужики къ нему: «Ни,—проше—батюшка; але жъ якъ чоловикъ выйде на панщыну раньше, то панъ ёго за те похвалыть. Оттакъ и мы, батюшка, зробымъ,—то за це и насъ царь похвалыть».—«Ну—добре; то вже я васъ позапысую, та и подамъ до губернатора; тильки вы, люде добри, теперъ розійдитесь!»—«Добре, добре, батюшка!»—Отца моего мужики очень уважали,—онъ былъ человѣкъ уже старый... Вотъ

Крыжановскаго, въ которомъ родился Е. М. Крыжановскій и которое онъ такъ прекрасно описалъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г.—въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Украинская деревня въ первой половинѣ 19 вѣка».

священникъ и позаписывалъ ихъ—и отослалъ списокъ губернатору. Вышла резолюція: «въ свое время, когда придетъ къ нимъ очередь,—то само начальство распорядится».—У моего отца были сыновья младшіе—учились въ Кіевѣ—въ духовныхъ школахъ. Ѣдучи изъ Федюковки въ Кіевъ, они заѣхали, по обыкновенію, въ с. Черкасъ къ нашему родственнику о. Михаилу Вышинскому. Ихній фурманъ (кучеръ), пріѣхавши въ с. Черкасъ, сталъ разсказывать: «вотъ уже у насъ въ Федюковкѣ въ козаки позаписывались».—Все бы это еще ничего; этимъ бы дѣло и кончилось, если бы не федюковскій діаконъ Слотвинскій—старикъ. Прежде онъ былъ діакономъ въ с. Рожкахъ, таращанскаго уѣзда, а еще раньше былъ дякóмъ въ с. Веселомъ Кутѣ, уманскаго уѣзда. Все позывался съ попами; съ священникомъ Ольшевскимъ—въ Рожкахъ—задирался, вслѣдствіе чего и переведенъ былъ въ с. Федюковку. Характера былъ вообще не спокойнаго. Вотъ онъ и выдралъ гдѣ-то въ церкви какой-то старый указъ Екатерины, началъ объяснять его по своему, сталъ ѣздить по ближайшимъ селамъ, наприм. въ с. Красиловку, и бралъ за запись въ козаки съ каждаго по 3 копѣйки... Красиловскіе мужики дали ему фуръ три-четыре всякой пашни и съ честію провожали его за свое добро (такъ они звали открытый Слотвинскимъ указъ) до корчмы Малёванки. Красиловскій становой приставъ уже зналъ обо всемъ этомъ и хотѣлъ схватить Слотвинскаго, но боялся; ибо Слотвинскаго сопровождало около 60-ти душъ мужиковъ съ дрючками... Пили въ корчмѣ горѣлку, гуляли.. Въ это время—немного въ сторонѣ—на полѣ—въ Саврановой левадѣ [1]), возлѣ Ку-

---

[1]) Савранова Левада или Саврановъ хуторъ имѣетъ историческое значеніе. Вотъ что сказано о немъ въ книгѣ Похилевича „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи при описаніи села Федюковки: „Замѣчателенъ близъ села нынѣ существующій хуторъ, называемый Саврановъ—тѣмъ, что въ немъ въ 1762 г. имѣли притонъ тогдашніе инсургенты, называемые отъ поляковъ гайдамаками. На близъ проходящей дорогѣ отъ Ставищъ въ Лысянку и Звенигородку, они, по тогдашнему выраженію, охотились на волковъ и лисицъ и разумѣли подъ первымъ названіемъ ляховъ, а подъ вто-

ценковаго хутора, федюковскіе мужики-молотники въ числѣ 18 человѣкъ молотили панскую пашню. Становой хотѣлъ воспользоваться ими, чтобы взять Слотвинскаго... Но молотники не послушались, отговариваясь тѣмъ, что мужики красиловскіе пьяны и въ большомъ количествѣ, а ихъ мало и они утомились—цѣлый день молотили. Можетъ быть, у нихъ была и другая, внутренняя, причина—сочувствіе! Какъ бы тамъ ни было, но станового они не послушались—и онъ уѣхалъ. Къ вечеру красиловскіе мужики препроводили Слотвинскаго въ Федюковку и, попрощавшись съ нимъ, отправились домой. Становой донесъ обо всемъ исправнику... По распоряженію послѣдняго, становой скоро пріѣхалъ въ Федюковку, чтобы взять Слотвинскаго. Но мужики федюковскіе стали было противиться становому. Мужики федюковскіе—все народъ рослый, красивый... Они говорили становому: «хиба мы—юды, або що, щобъ выдаваты такого чоловика?»—И началось межъ ними волненіе. Но священникъ, имѣя на нихъ вліяніе по своей старости и тихому нраву, уговорилъ ихъ не противиться распоряженіямъ начальства. «Не бунтуймося противъ начальства!», рѣшили они. Діаконъ Слотвинскій былъ взятъ и посаженъ въ таращанскій острогъ, гдѣ и содержался до рѣшенія его дѣла. А рѣшеніе это состояло въ томъ, что онъ сосланъ былъ въ Сибирь.—Между тѣмъ—и священника федюковскаго начальство духовное вытребовало въ Кіевъ... А въ это время началось слѣдствіе въ Федюковкѣ по дѣлу Слотвинскаго, которое производилъ какой-то полковникъ и съ нимъ еще какой-то... Въ отсутствіе священника, Федюковку посѣтилъ проѣздомъ викарій кіевскій—преосв. Аполлинарій, епископъ чигиринскій. Онъ сказалъ мужикамъ въ Федюковкѣ: «вы неблагоразумно поступили, что позаписывались въ козаки и за ваше неразуміе будетъ отвѣчать священникъ». Всѣ мужики сильно стояли за батюшку. Но такъ какъ подобные факты со священниками были и по другимъ се-

---

рымъ—жидовъ—этихъ давнихъ паразитовъ нашего края. По усмиреніи революціи, при помощи русскихъ войскъ,—12-ть изъ этихъ охотниковъ были казнены въ Саврановѣ Хуторѣ" (стран. 442).

ламъ и таковыхъ священниковъ, записавшихъ крестьянъ въ козаки, начальство рѣшило перемѣщать въ другіе приходы, то и отца моего—свящ. Павла Вышинскаго—перевели изъ села Федюковки въ с. Хижну, уманскаго уѣзда... Но онъ скоро по старости вышелъ за штатъ—и въ село Хижну перемѣстился изъ Багвы я, такъ какъ Хижна—несравненно лучшій приходъ.—Отецъ же мой—по выходѣ за штатъ—еще прожилъ лѣтъ десять и скончался въ глубокой старости у другого своего сына—священника села Новоселицы, звенигородскаго уѣзда, Романа Павловича Вышинскаго, и тамъ погребенъ при Новоселицкой церкви».

б) Прокламація Розенталя. Въ с. Волнянкѣ—въ 12 верстахъ отъ Федюковки, былъ посессоръ Розенталь изъ Бѣло-церковскихъ рондзовъ, т. е. управителей имѣніями графовъ Браницкихъ. У него былъ сынъ, учившійся въ Кіевскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Сынъ этотъ учился хорошо и понималъ медицину. У меня тамъ, въ Волнянкѣ, была тетка, вдова капитана Чеховичева, дочь тамошняго когда-то бывшаго священника Іоанна Вышинскаго—и молодой Розенталь, когда пріѣзжалъ домой, часто писалъ ей рецепты... Вотъ этотъ молодой Розенталь пріѣхалъ къ отцу на праздникъ Пасхи въ 1855 г. Вѣроятно у него съ отцомъ былъ предварительно уговоръ, и вотъ что онъ сдѣлалъ: на первый день праздника приказалъ вынесть столы на выгонъ, поставилъ на нихъ много водки и всякой закуски, пригласилъ мужиковъ, христосовался съ нимя, чего прежде никогда не бывало со стороны поляковъ—шляхетская амбиція не дозволяла этого. Прежде мужикъ только и слышалъ отъ польскаго пана и его семейства слова: шельма, лайдакъ, гунстволъ... А вотъ теперь вдругъ такая дружба пана съ мужиками... А передъ этимъ, когда мужики сѣяли панскій овесъ, то экономъ подговорилъ ихъ: «Эй хлопци! А ну-те и вы—въ козакы!» А уже слышно было, что по другимъ селамъ люди записываются въ козаки.—На другой или на третій день праздника, Розенталь—сынъ, собравши мужиковъ въ одну мужицкую хату, началъ читать имъ прокламацію. Я эту прокламацію послѣ самъ видѣлъ—въ точной копіи. Писана она была польскими [illegible], но языкомъ мало-

русскимъ. Сущность ея была такова: «перше не було ни царивъ, ни королив, ни панивъ. А воны явылысь изъ Рыму. И теперъ не треба, щобъ йихъ було. Теперъ беруть васъ, якъ баранивъ въ рекруты, сына отъ батька и видъ матери одрываютъ» и т. п... Въ хатѣ было около 40 человѣкъ—мужиковъ. Слушали они слушали, а свое думали... Стали у него выпытывать: «а де жъ мы визьмемъ оружія?»—«Э, не журитця! Жыды намъ усёго достарчать!»—Мужики слушали-слушали, думали-думали, а потомъ стали давать другъ другу знаки и сдѣлали по этимъ знакамъ то, что схватили Розенталя за руки, чтобъ не порвалъ онъ прокламаціи, и по маленьку вытянули у него изъ жмени прокламацію—цѣлою и невредимою. Розенталя же пустили—и онъ ушелъ въ лѣсъ и скрылся... Долго онъ скрывался, покуда наконецъ не поймали его на австрійской границѣ и сослали въ Сибирь.—Мужики же съ прокламаціею, такъ какъ священника ихъ Мельниковскаго не было въ то время дома, пошли въ сосѣднее село—въ Юшковъ-Рогъ—къ священнику Василію Креховецкому. Но сей не захотѣлъ ни принять ихъ, ни читать прокламаціи.—И вотъ ходятъ мужики таборомъ—человѣкъ по 6-ть—то сюда, то туда. Пошли они въ с. Малую-Березянку къ священнику Николаю Инфимовскому, но и этотъ отказался имѣть съ ними дѣло. Наконецъ, на третій или на четвертый уже день пришли они опять къ своему священнику и застали тамъ зятя его, священника села Березовки, Корнилія Прокоповича—и этотъ послѣдній согласился принять участіе въ ихъ просьбѣ. Прочиталъ прокламацію, снялъ съ нея копію и послѣ, проѣзжая чрезъ село Багву, оставилъ эту копію у меня. Рѣшилъ онъ съ мужиками—отправить подлинную прокламацію въ Кіевъ. Но какъ была тогда большáя грязь, то сейчасъ никто изъ мужиковъ не соглашался ѣхать въ Кіевъ, а по почтѣ никакъ не рѣшались ее отсылать—боялись: «пропаде,—тамъ прочитаютъ, скажуть, що мы збунтовалысь»... Оставили ее у священника Прокоповича, чтобы онъ поступилъ съ нею какъ самъ знаетъ. Не извѣстно мнѣ—какимъ способомъ Прокоповичъ передалъ прокламацію въ Кіевъ священнику села Косяковки Бутовскому, находившемуся въ то время въ Кіевѣ по

своимъ дѣламъ (онъ хлопоталъ о переводѣ его въ другой приходъ);—съ порученіемъ непремѣнно представить ее митрополиту. Бутовскій продержалъ ее у себя слишкомъ долго и представилъ митрополиту не такъ скоро, какъ бы слѣдовало. За это—за несвоевременную и медленную присылку прокламаціи—священника Прокоповича оштрафовали 10-тью рублями... «Зачѣмъ ты боялся отсылать ее по почтѣ?»—говорили ему.—Тѣмъ дѣло и кончилось.—Не извѣстно какъ узнали, что въ Багвѣ, у священника Северіана Вышинскаго, т. е. у меня, есть копія съ прокламаціями Розенталя. Пріѣзжали ко мнѣ исправникъ и благочинный для допроса... Но я сказалъ, что сжегъ эту копію. И больше меня уже небезпокоили»...

---

3. **Судьба священника Софронія Погорецкаго**.

Какъ мы уже сказали, мысль о томъ, что есть царскій манифестъ о волѣ, но что онъ скрывается священниками изъ-за дружбы съ панами, повела въ нѣкоторыхъ селахъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ крестьянъ по отношенію къ своимъ приходскимъ священникамъ. Разсказы объ этомъ уже помѣщались въ «Кіевской Старинѣ» [1]). Особенно потерпѣли священники отъ крестьянъ въ сквирскомъ уѣздѣ. Село Берёзна получило въ этомъ отношеніи особенную историческую извѣстность. Въ упомянутой книгѣ В. Я. Шульгина говорится, что «сюда, въ село Березну, крестьяне согнали изъ 15-ти окрестныхъ селъ своихъ измученныхъ пытками священниковъ и заперли ихъ въ колокольнѣ».—Въ числѣ этихъ несчастныхъ священниковъ былъ о. Софроній Погорецкій. Объ немъ мы нашли воспоминаніе въ доставшихся намъ бумагахъ священника села Барахть, васильковскаго уѣзда,—о. Ти-

---

[1]) Въ „Кіевской Старянѣ" 1882 г. помѣщены слѣдующіе разсказы потерпѣвшихъ въ 1855 г. священниковъ: а) „Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго" (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи—1855 г.) и b) „Въ Изъ воспоминаній потерпѣвшаго во время крестьянскихъ волненій въ 1855 г.—протоіерея Вас. Сикорскаго". См. 1-ю и 4-ю книжки „Кіевской Старины" 1882 г.

моѳея Стеф. Маціевича († въ 1865 г.), который былъ женатъ на родной племянницѣ о. Софронія Погорецкаго, Аннѣ Ивановнѣ, дочери старшаго брата его, священника Іоанна Погорецкаго. Это «воспоминаніе» написано о. Тимоѳеемъ М-мъ—въ числѣ прочихъ біографическихъ очерковъ и памятныхъ замѣтокъ—въ 1862 г. Вотъ оно—въ буквальномъ видѣ:

Воспоминаніе о священникѣ о. Софроніи Погорецкомъ.

Перноначальное мѣсто служенія отца Софронія есть село Пинчуки, въ васильковскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ устроилъ церковь, отлично велъ свое хозяйство, занималъ должность благочиннаго и писалъ проповѣди на цѣлый круглый годъ. И какъ градъ не можетъ укрыться, въ верху горы стоя, такъ и труды, распорядительность и примѣрная служба о. Софронія не могли укрыться отъ внимательнаго ока епархіальнаго начальства,—и о. Софроній, за отличное служеніе свое, переводится митрополитомъ Филаретомъ въ с. Пустоваровку, сквирскаго уѣзда, съ возведеніемъ въ санъ присутствующаго въ Сквирскомъ духовномъ правленіи, а также получаетъ въ награду скуфью. Въ этомъ приходѣ о. Софроній распоряжается по прежнему своему доброму настроенію—трудится, служитъ; онъ исправилъ церковь и оградилъ ее прекрасною оградою, а внутри украсилъ ее достаточно масляными красками...—Но нельзя прожить на семъ свѣтѣ человѣку безъ искушеній... Въ Пустоваровкѣ являются люди, готовые быть козаками, приходятъ къ священнику, требуютъ отъ него указа, объявляющаго яко-бы-то людямъ вольное козачество, и никакія увѣщанія и убѣжденія пастыря не могутъ вразумить взволнованныхъ возмутителей... Никакія заслуги священника тутъ не имѣютъ мѣста, и чѣмъ больше у него чинъ, тѣмъ болѣе ему пытки... «Понеже вы маете чинъ, отецъ батюшка, то вамъ стыдно итты въ Березну пишки: мы васъ на плéчахъ понесемо». И бѣднаго добраго священника о. Софронія объявившіе себя козаками берутъ на свои плечи и не шутя несутъ до Березны—села, отстоящаго отъ Пустоваровки въ 7-ми верстахъ—для общаго между собою совѣщанія и для имѣющаго послѣдовать тюремнаго въ

церкви Березнянской заключенія своего батюшки. Какъ это дѣло шло предъ свѣтлой—въ мѣсяцѣ мартѣ,—то не трудно представить, что въ это время человѣку легко было простудиться и достать неисцѣлимую болѣзнь... И дѣйствительно, о. Софронію обстоятельство это даромъ не прошло: онъ крѣпко простудился, досталъ чахотку и, перемѣстившись въ с. Шпендовку (васильк. у.), къ зеленому празднику предалъ духъ свой въ руцѣ Того, кто живыми и мертвыми обладаетъ... Оставшаяся послѣ него супруга бѣдствуетъ въ жизни сей... Сироты ея скоро поумирали,—остался только одинъ сынъ.

Мы не думаемъ ограничиться настоящими нашими замѣтками относительно кіевской козаччины 1855 г... Мнѣ хотѣлось бы еще разсказать о слѣдахъ ея и отраженіяхъ въ моемъ родномъ селѣ—Безпечнѣ, уманскаго уѣзда, гдѣ я отчасти самъ лично былъ свидѣтелемъ этихъ слѣдовъ и отраженій—въ пору моего отрочества, въ тоже время видѣвъ и слышавъ, не только во время отрочества, но и зрѣлой юности моей, всѣ жестокости панщины въ этомъ родномъ селѣ моемъ—съ тѣхъ поръ, какъ оно поступило въ 1850 г. на 12 лѣтъ въ посессію пана Пясецкого, столь памятную моимъ односельчанамъ («quae ipse miserrima vidi!..»); затѣмъ мнѣ хотѣлось бы изложить взглядъ на кіевскую козаччину тогдашняго кіевскаго митрополита Филарета Амфитеатрова—взглядъ, въ которомъ теплилось глубокое сочувствіе къ украинскому народу этого приснопамятнаго по простотѣ ума и по любвеобилію сердца іерарха русской церкви; и наконецъ мы предполагаемъ еще привести сужденія нѣкоторыхъ свѣдущихъ людей о сущности и характерѣ кіевской козаччины 1855 г., этого замѣчательнаго народнаго движенія, нѣкоторыя стороны котораго поражаютъ своимъ трагизмомъ... Но обо всемъ этомъ мы, если Богъ дастъ,—поговоримъ уже когда-нибудь въ другой разъ...

Сообщ. **Л. М.**

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

(Новые варіанты и литература пѣсни).

Одной изъ наиболѣе популярныхъ историческихъ пѣсенъ, продолжающихъ и понынѣ жить въ устахъ украинскаго народа отъ Карпатъ и до Кавказа, является пѣсня о Данилѣ Нечаѣ, полковникѣ брацлавскомъ, сподвижникѣ Богдана Хмельницкаго. Необычайная популярность этого героя въ народѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ «однимъ изъ сторонниковъ народныхъ массъ на Украинѣ и одною изъ жертвъ шляхетскихъ притязаній въ рѣшительный для народа моментъ козацкаго движенія при Хмельницкомъ» [1]). Послѣ Збаражской побѣды козаковъ надъ поляками (1640 г.) заключенъ былъ Зборовскій договоръ, по которому въ трехъ воеводствахъ (Черниговскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ) признано было нормальнымъ козацкое устройство, и число козаковъ опредѣлено въ 40,000; остальнымъ козакамъ, такимъ образомъ, предстояло возвратиться въ подданство старостамъ и панамъ. Со стороны Хмельницкаго это была не только политическая ошибка, но явная обида для своего народа. Понятно, что упомянутый реестръ вызвалъ негодованіе со стороны народныхъ массъ, не желавшихъ «раскозаковаться»;

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, 94.

начались мятежи, борьба съ прежними владѣльцами; составлялись шайки. Владѣльцы жаловались Хмельницкому, и Хмельницкій непослушныхъ казнилъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ, «и чрезъ то имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзенія» [1]). «Наипаче,—говоритъ Грабянка,—забужане и поднѣстряне о семъ роптаху; имъ же предводителемъ о томъ Нечай бяше» [2]). Они составляли шайки, называемыя въ томъ краѣ ватагами левенцовъ, а въ Червоной Руси—опришками. Начались по-прежнему убійства и пожары подъ начальствомъ храбраго брацлавскаго полковника, противъ котораго боялся рѣзко выступить Хмельницкій, такъ какъ Нечай «былъ богачъ и въ народѣ имѣлъ силу, равную съ Хмельницкимъ» [3]).

Противъ этого «гультайства» подъ предводительствомъ Нечая, гетманъ польный Калиновскій, вопреки 6-й статьѣ Зборовскаго договора, двинулъ въ 1651 г. войско въ Брацлавское воеводство. Тогда и Нечай выступилъ ему навстрѣчу, къ Бару, черезъ лѣсную полосу,—около Тульчина,—называемую и теперь Чорнымъ лѣсомъ (ср. въ Пѣсняхъ «съ-пидъ чорного гаю»). Узнавъ о быстромъ наступленіи Калиновскаго и не желая встрѣчаться съ нимъ въ лѣсу (ср. вар. пѣсенъ), Нечай отступилъ къ Красному (теперь мѣст. ямпольскаго уѣзда) и расположился тамъ со своимъ трехтысячнымъ отрядомъ, поджидая подкрѣпленій изъ окрестныхъ селъ. Наступила масляница. Козаки начали гулять. Нечай поставилъ передовую стражу въ Ворошиловкѣ подъ начальствомъ сотника Шпаченка: онъ долженъ былъ наблюдать за движеніемъ непріятеля, который стоялъ въ Станиславовѣ. Въ прощальное воскресенье Нечай отправился къ какой-то кумѣ гулять; козаки, съ часу на часъ, дожидались нападенія и уговаривали своего начальника не предаваться безпечности.

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, т. II, 216.

[2]) Лѣтопись, 1854, 93.

[3]) Jak. Michałowski. Księga pamiętnicza, Kraków, 1864, стр. 551.

«Эй, пане Нечаю,—говорили они,—держы коныка въ сидли а шаблю пидъ опанчею»!

«У меня,—отвѣчалъ Нечай:—есть Шпакъ, добрый хлопецъ: онъ мнѣ дастъ знать о тревогѣ»!

Козаки послѣдовали примѣру начальника и начали пьянствовать [1]).

Между тѣмъ Калиновскій 20 февраля 1651 г. [2]) выступилъ изъ Станиславова, стремительно бросился на отрядъ Шпаченка и поразилъ его такъ, что не осталось ни одного человѣка принести въ Красное вѣсть о несчастіи. Послѣ этого, передовой отрядъ, подъ начальствомъ Пясочинскаго и ротмистра Корецкаго подступилъ къ городу. Пьяная стража была перебита, и конные полки вступили въ мѣстечко. Это было въ третьемъ часу по-полуночи. «Случилось такъ,—говоритъ Коховскій,—что нѣкоторые изъ жителей Краснаго, угадывая по гулу земли и сильному лаю собакъ на предмѣстьяхъ, приближеніе войска,—предупреждали полковника объ опасности, но онъ, думая, что это или возвращается патруль, или идутъ свои, которыхъ онъ ждалъ, не обращалъ вниманія на предостереженія» [3])... Козаки кричали ему: «Гей, утикаймо, Нечаю,—ляхы въ мисти!» Но разгоряченный виномъ полковникъ, вскочивъ изъ-за стола, закричалъ: «Утикаты? Щобъ-то козакъ Нечай утикавъ!.. Якъ можно славу свою козацькую пидъ ногы топтаты? Давай швыдче коня, джуро! Выриже̂мо всихъ ляхивъ, такы всихъ до одного!» Онъ вскочилъ на своего буланого «óхляпъ» [4]) и выѣхалъ на улицу, гдѣ козаки уже рѣзались съ жолнерами въ темнотѣ. «О, та до сына вражыхъ сынивъ!—кричалъ Нечай.—А ну лышъ, хлопци, быймо ихъ, якъ курей!»

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ-Хмельницкій, II, 281—282.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ почему-то относятъ эти событія, сопровождавшіяся смертью Нечая, къ 1650 г.

[3]) Annalium Poloniae ab abitu Vladislavi IV... a Kochovo Kochowski. Crakoviae, 1683, стр. 224.

[4]) Безъ сѣдла.

И ринувшись на враговъ, онъ собственноручно выбилъ изъ рукъ хорунжаго знамя, повалилъ его на землю; козаки, слабо владѣвшіе въ то время своими головами, принялись, по выраженію пѣсни, «сикты ляхивъ на капусту», а жители тѣмъ временемъ палили на враговъ съ крышъ, изъ оконъ, съ заборовъ. Жолнеры попятились; вся улица была завалена трупами; журчали ручьи крови. Поляки бѣжали, козаки преслѣдовали ихъ за городскую браму, но въ это время, съ другой стороны, ворвался многочисленный отрядъ изъ польскихъ шляхтичей подъ начальствомъ Коссаковскаго въ мѣстечко и зажегъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Козаки начали отступать въ замокъ, а поляки тѣснить ихъ съ тылу. Среди пылавшихъ строеній козаки рѣзались отчаянно, отбиваясь отъ враговъ. Братъ Нечая, Матвѣй, палъ на его глазахъ; полковникъ, изстрѣленный, изрубленный, еще отмахивался саблею; поляки силились взять его живымъ, и не взяли; только полковничья булава его да породистый конь достались Пясочинскому. «Нечай съ братомъ своимъ, отчаянно сражаясь, погибъ»,— говоритъ современникъ описываемыхъ событій;—«раненаго и уклонившагося среди козаковъ хотѣлъ его схватить Доброцѣскій, и когда Нечай еще оборонялся, убилъ его выстрѣломъ изъ мушкета,—и затѣмъ шляхта, выгнанная изъ брацлавскаго воеводства, порубила его, какъ лишителя ихъ имѣній (jako wydzierce fortun onych) [1]). Козаки унесли останки Нечая въ замокъ, гдѣ еще отбивались три дня, наконецъ, были истреблены, при чемъ поляки, заставъ въ церкви трупъ Нечая и священниковъ, отпѣвавшихъ въ черныхъ ризахъ козацкаго рыцаря, побили послѣднихъ и, наругавшись надъ трупомъ Нечая, сожгли все мѣстечко. Народная пѣсня говоритъ, что русскіе предлагали полякамъ окупъ за тѣло Нечая, дабы похоронить его съ честью, но «вражи ляхы» (выраж. пѣсни) не взяли ни серебра, ни золота, искрошили рыцаря на мелкія части («въ дрибный макъ зрубалы») и пустили ихъ по водѣ; только голова Нечая спаслась отъ посрамленія: русскіе

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zigmunta III, Władyslawa IV i Jana Kazimierza. Z rękopismy wydał K. Wojcicki, Warszawa, 1846, II, 154.

какъ-то унесли ее, предали погребенію гдѣ-то въ церкви великомученицы Варвары и произнесли надъ нею завѣтное прощаніе: «Прощай, козаче! Зажывъ есы велыкои славы!» [1]).

Таковы историческія данныя о героѣ общеизвѣстной украинской пѣсни. Переходя къ самымъ пѣснямъ о Нечаѣ, видимъ, что мѣстность событія названа вѣрно въ немногихъ случаяхъ: «у Краснимъ» (Ант. и Драг. т. II, 57, Б, то же ibid., 77, П: «одъ Красного броду, одъ Чорнои воды», «одъ Красной горы»—печатаемый ниже вар. № 8); въ другихъ мѣстахъ она именуется то Берестечкомъ (Ант. и Драг. 81, Ф); то Паволочью (ib. 63). Въ варіантахъ А (стр. 57) и С (стр. 79)—Берестечко названо какъ мѣсто жительства семьи Нечая. Изъ послѣдней въ пѣсняхъ упоминается: жена (Ант. и Драг. стр. 57, вар. А; 79, С; 59, Б); дѣти (57, А; 59, Б; 79, С); мать (57, 64, 79, 86, 93 ж); братъ (78 и печатаемый № 8), иногда отецъ и невѣстка (см. печатаемые нами вар.). Довольно часто упоминается Шпакъ, Шпачекъ — сотникъ Шпаченко (Ант. и Драг. 56, 77, 88, 90 а; Лисенко, Укр. Сборн. I, 3). Имя лица, убившаго Нечая, ни въ одномъ варіантѣ не названо согласно съ письменными источниками. Чаще всего таковымъ является Потоцкій, бывшій главою войска, дѣйствовавшаго въ то время въ Подольи; называется онъ иногда Калиновскимъ (ib. 77, О; 78, П; 93, ж; 94, з), затѣмъ Канёвскій (80, Т) (позднѣйшая вставка имени очень извѣстнаго въ народѣ по пѣснѣ о Бондаривнѣ Николая Потоцкаго, старосты Каневскаго 2-ой полов. XVIII в.), Чарнецкій (88, Ю; 89, Ѳ) — вѣроятно тотъ Чарнецкій, который въ 60 гг. опустошилъ Украину; наконецъ, изрѣдка: Подольскій (86), Хмѣлевскій (81, Ф), Борейко (59, Б), Зборовскій (70).

Кума, съ которой пьетъ Нечай, чаще всего именуется Хмельницкою. Передаетъ ли въ данномъ случаѣ народная память дѣйствительную фамилію (извѣстно, напр., что полковникъ Иванъ Не-

---

[1]) Костомаровъ. Богд. Хмельницкій, II, 281—284; Антоновичъ и Драгомановъ, II, 94—96.

чай былъ женатъ на дочери Хмельницкаго, Еленѣ), [1]) ручаться не можемъ. Очень часто имя кумы фигурируетъ въ формѣ: Мельныцькои (Ант. и Драг. 71, 72, 84), Мельнецькои (62 — 64), Мельнычкы (повидимому—какъ имя нарицательное) (ib. 62; Кіев. Стар. 1887, VIII, 787), Хме́льнычки (печатаем. ниже вар. № 7), Хильмицькои (Ант. и Драг., 85, Щ), наконецъ, Ведельскои (ib. 66).

Своего любимаго героя народная память погребаетъ съ особеннымъ почетомъ въ церкви: «у Кыиви крій Варвары» (Ант. и Драг. 69, 75), или менѣе опредѣленно: «де церква Варвары» (ib. 65), «въ церкви у Варвары» (70, 90 ж); иногда же «у Мыколы» (72), Пречыстій и Покрови (75); однажды «въ польскимъ костели» (Метл. 404), и однажды «на стовпи убыто» (Ант. и Др. 70). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Нечая хоронятъ, сообразно эпическому пріему, на могилѣ подъ калиной (Ант. и Др., 70, I и печатаемый ниже № 2.)

Наконецъ, нѣкоторые варіанты представляютъ Нечая *характерникомъ*, котораго нельзя убить простой пулей, а для этого надо было «гудзикы врываты, на Нечая, на козака куленьку злываты» (Ант. и Др. 77, О; 80, Т; 86, Щ; 88, Ю; Кіев. Стар. 1887, VIII, 788),—мотивъ обычный въ народномъ эпосѣ (то же видимъ въ пѣсняхъ о Кармелюкѣ, Бондаривнѣ).

Пѣсня о Нечаѣ извѣстна въ литературѣ въ огромномъ количествѣ варіантовъ; въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Наиболѣе древняя запись относится еще къ началу XIX ст., — къ 1813 — 1814 (не позже) годамъ и принадлежитъ извѣстному этнографу — Зоріану Доленга - Ходаковскому, рукописи котораго являются въ настоящее время собственностью В. П. Науменка. Въ одномъ изъ сборниковъ Ходаковскаго (истрепанн. экземпл. № 883) имѣется и пѣсня о Нечаѣ, перепечатанная дословно Максимовичемъ въ

---

[1]) Костомаровъ, Богд. Хмельницкій, III, 251.

его изданіи украинскихъ пѣсенъ (М. 1834, стр. 99—100). Но еще раньше Максимовича варіантъ пѣсни о Нечаѣ напечаталъ Wacław z Oleska. («Piśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. We Llowie, 1833, стр. 479—480). Далѣе варіанты встрѣчаемъ: въ томъ-же изданіи пѣсенъ Максимовича (М. 1834, стр. 97—99 и о Перебійносѣ стр. 101), Лукашевича (Малоросс. и червонорусс. народныя думы и пѣсни. Спб. 1836, стр. 109—110, и тамъ же варіанты пѣсенъ о Перебійносѣ, стр. 32—36, относящихся однако же къ Нечаю), Zegota Pauli (Piesni ludu ruskiego w Galicyi. We Lwowie, 1839, стр. 143—144, 145), Евецкаго (Отеч. Зап. 1841 г., т. XV, отд. II,—перепечатка изъ Ż. Pauli), «Черниг. Губ. Вѣдом.» 1851, № 50, Метлинскаго (Народныя Южнорусскія пѣсни. Кіевъ, 1854, стр. 403, 404, 405, 407, и о Перебійносѣ (=Нечай), стр. 400, 402, 403), Закревскаго (Старосвѣтскій Бандуристъ. М. 1860, стр. 111), Коципинського (Писни, думкы и шумкы... К., 1862,—1 сотня, 8 десят., № 1 (=Ż. Pauli) и 9 дес. № 10 (=Wacł. z Oleska), Головацкаго (Чтен. въ Общ. И. и Др. Моск. 1863, Ш, 7—9), въ Русалкѣ (Львовскомъ журналѣ за 1866 г., № 1), у Лисенка (Збирныкъ украинськыхъ писень. Кыивъ — Лыпськый, 1868, вып. I, 3), Данильченка (Этнографич. свѣдѣпія о подольской губ. К.-Подольскъ, 1869, 51), Головацкаго (Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Моск., 1870, кн. 2, стр. 3 и кн. 3, стр. 6), Антоновича и Драгоманова (Историч. пѣсни малорусскаго народа. Т. II, вып. I, Кіевъ, 1875, 55—97, а также 42—47), у Лисенка (Збирныкъ укр. писень, Ш. Кыивъ, 1876, № 2), С. Neymana (Zbiór. Wiadowosci do antr. krajowej, т. XVIII, Краковъ, 1884, стр. 50—Materyały z okolic Pliskowa), B. Popowskiego (Ibid., стр. 4.—Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny), Костомарова (Богданъ Хмельницкій. Томъ Ш. Спб., 1884, 357—394), С. Neymana (въ «Ateneum» 1885 г., Dumy ukraińskie, 119), въ «Зорѣ» (львовской) за 1885 г., № 5-й, стр. 52), Екатеринославскомъ юбилейномъ листкѣ (за 1887 г., № 15), «Кіевской Старинѣ» (1887 г., VIII, стр. 787—788), у Лисенка (Збирн. укр. писень, IV. Кыивъ, 1887, № 1), Новицкаго (Малорусскія пѣсни, пре-

имущ. историческія, въ «Сборн. Харьковск. Истор.-Филол. Общества, т. 6. Харьковъ, 1894, стр. 13—14, 16), «Жыви Струны» (сборн. изъ перепечатокъ, у Чернигови, 1897, стр., 36—37), въ «Кіевской Старинѣ» (1897, 9, стр. 308, № 53), Двисти найкращыхъ укр. писень (Одесса, 1897, 53—54,—перепеч. изъ сборн. Лисенка), Колессы Ф. (Квартети мужескі. Серия 2. Козаки в піснях народних. Львів, 1898) и наконецъ, «Трыста найкращыхъ укр. писень» (Кыивъ, 1904, № 109,—перепечатки изъ сборниковъ Лисенка).

Итого 68 варіантовъ, въ томъ числѣ 28 перепечатокъ уже извѣстныхъ раньше въ печати. Къ этому числу мы можемъ добавить еще 9 варіантовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, а именно: 1) Варіантъ, записанный въ м. Варвѣ, лохвицк. у. въ 1836 году Федоромъ Бодянскимъ, братомъ извѣстнаго Осипа Бодянскаго (изъ рукописи, принадлежащей въ настоящее время О. И. Левицкому), 2) варіантъ изъ хутора Водяной, павловск. у. екатеринославск. губ., записанный въ 60—70 г.г. и присланный кѣмъ-то Н. В. Лисенку (изъ этнографическаго рукописнаго собранія Н. В. Лисенка), 3) Вар. изъ м. Бориспоря, переясл. у.—записанный во второй половинѣ 90 г.г. XIX ст. крестьяниномъ А. Калитою отъ Сергѣя Зайца, старика 70 лѣтъ (изъ рукописн. собранія Н. В. Лисенка), 4) Варіантъ изъ с. Гороховатки, кіевск. у. (сообщилъ С. А. Ефремовъ), 5) Вар. изъ с. Псяровки, уманск. у. (сообщилъ С. А. Ефремовъ), 6) Запись М. Черкавскаго въ 80 г. XIX ст. изъ с. Якимовецъ (поблизу Берестечка) кременецк. у. (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины»), 7) Запись А. Грепачевскаго въ с. Мизякивськыхъ хуторахъ, винницкаго у. неизв. времени (недавняя) (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины»), 8) Варіантъ изъ с. Верешина, люблинск. губ.—запись Я. Сенчака (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины» и 9) наша запись въ с. Колодистомъ, звенигородск. у., въ 1904 году отъ крестьянки м. Лысакъ, 60 лѣтъ.

Сообщаемые нами варіанты не даютъ какихъ-либо особенно рѣзкихъ черть, могущихъ внести новое историческое освѣщеніе, но они могутъ послужить дополненіемъ къ извѣстному уже въ

печати матеріалу: нѣкоторыя мелочи все же довольно характерны, и будутъ, надѣемся, не лишними въ общей суммѣ варіантовъ пѣсни о Нечаѣ. Любопытно отмѣтить, что болѣе близкія къ нашему времени изъ нашихъ записей интереснѣе и лучше болѣе старыхъ записей, какъ по содержанію, такъ и по формѣ.

1.

Ой зъ-пидъ луга, зъ-пидъ темного,
Зъ-пидъ зеленого гаю,
Ой крыкнулы козаченькы: «утикай, Нечаю»!
А Нечай того да й не слухае,
Винъ того й не гадае,—
Зъ кумасею, зъ Хмельныцькою
Медъ-выно кружае.
Ой якъ крыкнувъ панъ Нечаенко
Да на хлопка малого:
«Да сидлай, хлопку, да сидлай, малый,
Да коня вороного!
А пидъ себе, малый хлопку,
Да попругы зтуга,
Бо буде намъ одъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
Да превелыкая туга!»
Ой якъ пробигъ панъ Нечаенко
Одъ башты до башты, —
Да взявъ же винъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
У тры ряды класты.
Ой якъ повернувсь панъ Нечаенко
Одъ брамы до брамы,—
Да й поставывъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
У чотыры лавы.
Ой якъ глянувъ да панъ Нечаенко
На правее плече—

Ажъ зъ-пидъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
Да кровавая ричка тече.
Ой якъ глянувъ да панъ Нечаенко
А на ливую руку,
«Да вже жъ, малый хлопку, не выскочышъ
Изъ лядського трупу!»
Якъ побижыть панъ Нечаенко
Изъ горы да въ долыну,—
Якъ угнався панъ Потоцькый,
Да й взявъ ёго за чупрыну.

(м. Варва, 1836 г. Запис. Федоръ Бодянскій).

2.

Ой зъ-за горы, ой изъ-за крутои
Орда выступае,—
Ой гукнулы славни запорожци:
«Тикаймо Нечаю»!
Нечай того та й не гадае,
Коня не сидлае,
Все зъ кумасею, гей изъ Хмельныцькою
Медъ-выно й кружае!..
Якъ одсуне та Нечаенко
Видъ рынку кватырку,—
Ой уже жъ ляхы, гей уже жъ паны
Та ходять по рынку!
Ой якъ гукне та Нечаенко
На чуру малого:
«Та сидлай, чуро, гей сидлай, малый,
Коня вороного!
Та пидтягай, чуро, та пидтягай, малый,
Изтуга й попругы;
Ой и сподивайся; коню вороненькый,
На себе й потугы»!

Ой якъ ставъ же та Нечаенко
На коня сидаты,—
Сталы въ коня вороненького
Ниженькы дрижаты!..
Якъ ударе та Нечаенко
Коня острогамы—
«Не прыторкайся, коню вороненькый,
До земли ногамы»!..
Ой не далеко жъ винъ та зайихавъ,—
Одъ башты до башты;
Ой якъ ставъ ляхивъ, гей якъ ставъ панивъ
У дви лавы класты!
Якъ погляне та Нечаенко
На правую руку, —
Ой не выскоче кинь вороненькый
Изъ ляцького трупу!
Якъ погляне та Нечаенко
На ливее плече, —
Ой уже-жъ зъ ляхивъ, гей уже жъ зъ панивъ
Кривавая ричка тече!..
Не за велыкый часъ, не за велыкый часъ,
За малую годыну
Покотылася Нечаева голова
Изъ горы въ долыну!..
Ой нумо жъ мы, премылее браття,
Думаты-гадаты:
Де намъ ёго й поховаты!...
Ой зійдемось, премылее браття,
На высоку могылу
Та выкопаемъ, премылее браття,
Глыбокую яму!...
Та нагорнемъ, премылее браття,
Высоку могылу,
Та посадымъ, премылее браття,
Червону калыну!..

Гей, щобъ зайшла лыцарьская слава
На всю й Украину.

(Екат. губ., Павловск. пов. хуторъ Водяна).

Данный варіантъ поразительно близокъ къ напечатанному у Ант. и Драгоманова, II, 81 (вар. У). Въ третьей строкѣ съ конца замѣчается пропускъ; судя по аналогіи съ указаннымъ только что варіантомъ, пропущены слова: «де намъ сее тило Нечаеве било»...

3.

Ой изъ-пидъ нызу, та изъ-пидъ лыману,
Зъ-пидъ зеленого гаю,
Ой гукнулы наши козаченькы:
«Утикаймо, Нечаю!»
А Нечай сёго та й не чувае,
Та й ничого не гадае,
Зъ кумасею *та зъ невисткою*
Медъ-выно кружляе.
Ой постановывъ та й Нечаенко
Та й стороженьку въ мисти,
А самъ пишовъ до кумасенькы
Щукы-рыбы йисты.
Ой не успивъ ще та й Нечаенко
Та й за скамныцю систы, —
Одчынывъ винъ та и кватырочку —
Уже ляшенькы въ мисти.
Ой якъ гукнувъ та й Нечаенко
Та й на джуру малого:
«Сидлай, джуро, та сидлай, малый,
Коныченька вороного!
Та й пидтягай, джуро, пидтягай, малый,
Та изтуга попругы:
Буде ляхивъ ажъ сорокъ тысячъ—
Велыка потуга».
Ой якъ ставъ джура, та й ставъ малый

Та й попругы пидтягаты,
Сталы въ коня, коня вороного,
Ниженькы дрижаты.
Ой не успивъ та й Нечаенко
Та й на коныка впасты—
Якъ ставъ ляхивъ, та й сорокъ тысячъ,
Якъ снопыкы класты.
Ой не успивъ же та Нечаенко
Та й на коныка систы —
Вже ставъ ляхивъ, та й сорокъ тысячъ,
Якъ капусту сикты.
Ой якъ глянувъ тай Нечаенко
Та й на праве плечé, —
Течуть рикы та й кровавыи,
Що й конемъ не втече.
Ой якъ глянувъ та й Нечаенко
Та й одъ шынку до рынку:
Покотылась изъ Нечаенка
Голивка въ долынку.
Ой нумо та й мылее браття,
Та й думаты-гадаты:
Ой де-жъ цюю, та и Нечаенка,
Голивку сховаты.
Ой, заховаймо, та й мылее браття,
Та й у церкви Мыколы,
Бо не буде въ насъ Нечаенка
Николы, николы!

(М. Борысполь, переясл. у. Записалъ А. Калита отъ Сергія Зайця, дѣда 70 лѣтъ).

Выраженіе во 2-й строфѣ: «съ кумасею та *зъ невисткою*»— очевидно замѣна вм. «зъ Хмельныцькою»; окончаніе—какъ у Ант. и Драгом., II, стр. 72—73 (вар. К.).

4.

Изъ-за лиса, зъ-за пролиса,
Зъ зеленого гаю
Йде ляшкивъ сорокъ тысячъ:
«Стережысь, Нечаю»!
А Нечай, добрый хлопець,
На те не впувае—
Зъ кумасею Хмельныцькою
Медъ-выно кружляе.
А якъ крыкнувъ козакъ Нечай
На хлопця малого:
«Сидлай коня вороного пидъ себе,
А пидъ мене старого, гнидого!»
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка впасты,
А взявъ ляшкивъ, якъ снопыкы, класты.
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка систы
А почавъ ляшкивъ, якъ капусту, сикты.

(Записалъ въ с. Гороховаткѣ, кіев. уѣзда, Чуприна; сообщилъ С. А. Ефремовъ).

5.

Ой въ темному лиси, въ зеленому гаю,
Крыкнулы козаченькы: «утикай, Нечаю!»
Козакъ Нечай, добрый хлопець, на те не впувае—
Зъ *панною* Хмельныцькою медъ-выно кружляе.
Колы крыкнувъ козакъ Нечай на хлопця малого:
«Сидлай соби вороного, а мени ґнидого!»
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай на коныка впасты
А вже ляшкы, якъ снопыкы, почавъ скоро класты.
Не встыгъ козакъ, не встыгъ Нечай на коныка систы,—
А вже ляшкивъ, якъ капусту, почавъ скоро сикты.

(Зап. въ с. Псяровкѣ, уманск. у. А. Чуприна; сообщилъ С. А. Ефремовъ).

6.

Ой у лузи, въ лузи,
Пры зеленимъ гаю,
Закрычалы козаченькы;
«Тикаймо, Нечаю»!
— Ой на що жъ я маю
Изъ гаю втикаты,
Свою славу козацькую,
Такъ марне теряты!
Есть у мене паны
И есть атаманы.
Поставлю я стороженьку
Всима сторонамы.—
И на тее Нечай-козакъ,
На те не вважае—
Изъ кумою *мелнычкою*
Медъ-выно кружае.
Але глянувъ Нечай-козакъ
Въ викно, въ кватырочку,—
Ажъ гуляе сорокъ тысячъ
Ляшкивъ по рыночку...
Якъ вдарывся Нечай-козакъ
Одъ брамы до брамы,
То сколотывъ ляшенькамы,
Якъ звиръ овечкамы.
Ще не поспивъ Нечай-козакъ
На коныка впасты,—
То ставъ панкивъ, то ставъ ляшкивъ,
Якъ снопыкы, класты.
Ударывся Нечай-козакъ
У правую руку—
Не выскочыть кинь вороный
Изъ ляцького трупу.
Ударывся Нечай-козакъ

У правее плече—
За нымъ, за нымъ ляцькая кровъ
Риченькою тече.
Але пославъ Господь зъ неба
Велыку прычыну,
Що зпидкнувся кинь вороный
На *малу дытыну,*
Якъ зпидкнувся кинь вороный
На малу дытыну,
Понявъ ёго графъ Потоцькый
Зъ коня за чупрыну.
«Ой чы той-то хмиль, хмиль,
Що въ кучеры вьется? —
Ой чы той-то Нечай-козакъ,
Що зъ ляхамы бьется?..
— Той же-жъ то хмиль, хмиль,
Що въ кучеры вьется—
Той же-жъ то Нечай-козакъ,
Що зъ ляхамы бьется...
— А де-жъ твои, Нечай-козакъ,
Изъ золотомъ скрыни?»
— «А въ мистечку-Берестечку
Закопани въ глыни».
«А де-жъ твои, Нечаенку,
Вороныи кони»?..
— «А въ мистечку-Берестечку
Стоять на прыпони».
«А де-жъ твои, Нечаенку,
Кованіи возы»?..
— «А въ мистечку-Берестечку
Заточани въ лозы».
«А де-жъ твоя, Нечай-козакъ,
Молодая жинка?..»
— «Вража іи маты знае,
Десь ще вона дивка»!

Якъ побачывъ Нечай-козакъ
Свого *батька* на мисти:
«Поклониться моiй жинци,
А своiй невистци.
Мае вона срибло-злато,
Мае вона гроши,
Нехай мене выкупляе,
А на решти й просыть...
За малую хвыльку,
За малу годынку
Качается Нечаева
Голова по рынку́...

(Зап. М. Черкавскимъ въ с. Якимовцахъ, кременецк. у., лѣтъ 15 тому назадъ отъ старухи-крестьянки).

Въ данномъ варіантѣ рѣдкими особенностями являются отвѣтъ Нечая: «есть у мене паны и есть отаманы»; сравненіе: «то сколотывъ ляшенькамы, якъ звиръ овечкамы» (подобное встрѣчаемъ у Ант. и Драг. II, 67 (вар. Ж): «сколотывъ ляшенькамы, якъ вовкъ вивцямы»); эпизодъ: «Але пославъ Господь зъ неба велыку прычыну: що спидкнувся кинь вороный на малу дытыну»: обычно конь спотыкается на «купыну», «тычыну», «хмиль-хмелыну»...; отвѣтъ Нечая на вопросъ, гдѣ находится его жена: «Вража іи маты знае, десь ще вона дивка». (Подобный отвѣтъ: «Ой Богъ знае, Богъ видае, може ще де дивка» находимъ у Ант. и Драг. II, 67 (вар. Ж), но тамъ нѣтъ противорѣчія съ дальнѣйшимъ, какъ въ нашемъ варіантѣ: изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что у Нечая жена есть, и онъ проситъ отца передать ей поклонъ); упоминаніе объ отцѣ Нечая кажется впервые. Вообще данный варіантъ близокъ къ галицкой записи П. Бѣлинскаго (въ Тарнополѣ)—см. Ант. и Драг., II, 67 (вар. Ж).

7.

Козакъ Нечай.

Ой зъ-за горы высокои, зъ глыбокого яру,
Ой (Та) крыкнулы козаченькы: «тикаймо, Нечаю»!

Козакъ Нечай на той звычай (?), на те не вважае,
А зъ кумою *Хмельнычкою* медъ-выно кругляе.
Подывывся козакъ Нечай въ виконце-кватырку:
Шатаются вражи ляшкы, *якъ шашкы* по рынку.
Крыкнувъ козакъ: «сидлай, хлопче, сидлай, малый, коня
вороного»,
А пидъ мене молодого шиго-буланого!
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай на коныка систы,
Зачавъ панкивъ, зачавъ ляшкивъ якъ капусту сикты.—
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай на коныка впасты—
Зачавъ панивъ, зачавъ ляшкивъ а въ тры лавы класты.
Оглянувся козакъ Нечай та на праве вухо —
Не выскоче кинь козацькый изъ ляцького трупу.
А нагнувся козакъ Нечай та браты хустыну,—
Попавъ ёго панъ Потоцькый зъ коня за чупрыну.
«Теперъ же вы, вражи ляшкы, славы доказалы,
Шо козака та Нечая за чупрыну взялы!»
Чы не то́-то хмиль-хмиль, шо по тыну вьется;
Чы не той то козакъ Нечай, шо зъ ляшкамы бьется.
А де жъ твои та Нечаю дорогіи возы?
Пидъ мистечкомъ-Берестечкомъ заточани въ лозы.

(Зап. А. Грепачевскій въ с. Мизякивськыхъ хуторахъ, винницкаго у.).

Варіантъ неполный. Сравненіе: «шатаются вражи ляшкы, якъ *шашкы*, по рынку» имѣется и у Ант. и Драг., II, 74 (вар. М. и 92 д): «ой граютъ ляхы, ще ляськи паны, якъ шашкы по рынку»; упоминаніе о томъ, что Нечай попался, наклонившись, чтобъ поднять «хустыну», также встрѣчаемъ у Ант. и Драг. (II, 94, ж): «ой пыпустывъ изъ кышени билую хустыну». Имя кумы «Хмельнычка» встрѣчается впервые.

8.

У краснои горы,
У зеленимъ гаю,

Ой крыкнулы козаченькы:
«Утикай, Нечаю!»
Ой якъ же я маю
Видъ васъ утикаты,
Свою службу та й козацьку
Ногамы донтаты?
Зъ зеленого гоня,
Изъ чыстои воды
Иде ляхивъ сорокъ тысячъ
Хорошои вроды.
А Нечай козакъ
На тее не дбае—
Винъ зъ кумою, зъ Хмельныцькою,
Выно пье, гуляе.
«Всидлай, хлопче, соби
Коня вороного,—
Отправляйся въ чысте поле:
Чы йде ляхивъ много?»
Повернувся хлопець
И вже съ *Полонного*:
Иде ляхивъ сорокъ тысячъ,
Но якъ безъ одного.
Ходять, ходять ляшкы
По мисти, по рынку,
Обступылы вороженькы—
Нема вже ратунку.
«Всидлай, мени, хлопче
Коня *полового*—
Мы пойидемъ до ляшенькивъ,
Хочъ насъ есть немного!»
Ой не вспивъ Нечай
На коныка впасты,—
Ставъ ляхамы якъ снопамы
У тры ряды класты
Оглянувся Нечай

Туда и сюда:
Ой плыве кровъ та й ричкамы—
Кругомъ вже бида!
Тоди козакъ Нечай
Взявся утикаты,
За нымъ гонять вражи ляхы—
Хочуть ёго піймати.
Спот(ы)кнувся пидъ Нечаемъ
Коныкъ па *корыни*,
А тутъ ёго панъ Каньо́вськый
Зверху но чупрыни.
Чы не хмиль хмилизный,
Що у пыви кысне?
Ой чы то козакъ Нечай,
Же ляшенькивъ тысне?
—«Де твои, Нечаю,
Вороніи кони?»
— У гетьмана есть ихъ много—
Стоять на прыпони.
— «Де твои, Нечаю,
Кованіи возы?»
— Ой въ мистечку, въ Берестечку,
Стоять на залози...
Ой зобачывъ Нечай
Свого *брата* въ мисти:
«Поклоныся всимъ нызенько,
Жинци и невистци:
Нехъ воны поспишають,
Досыть возьмуть злота,
Нехъ скорійше выкупляють,
Бо я вже у плота.
И въ-остатне ляхивъ просе,
Но не хочуть злота браты,
А велилы Нечаенка
Въ дрибный макъ зрубаты.

А то еще за годыну,
За малую хвыльку
Котылася Нечаева
Голова по рынку.

(Зап. Я. Сенчакъ въ с. Верешынѣ, люблинск. губ.).

Данный варіантъ представляетъ немалый интересъ по полнотѣ подробностей, восходящихъ, очевидно, къ довольно отдаленному времени ихъ возникновенія: здѣсь мы имѣемъ и датировку мѣстности: «у *Красноi* горы», и упоминаніе о Полонномъ (недалеко отъ р. Случи, служившей въ эпоху описываемыхъ событій границей Кіевскаго воеводства, т. е. предѣломъ мѣстности, куда, по Зборовскому договору, не должны были вступать польскія войска). Варіантъ этотъ весьма близокъ къ записи Żegota Pauli, 1839 г. (I, 143—144), гдѣ имѣются аналогичныя подробности: «Одъ *Красного броду*, одъ *Чорноi воды*», коня сѣдлаютъ Нечаю «*половою*» (масть, свойственная болѣе воламъ), конь спотыкается «*на корыни*», Нечай передаетъ поклонъ женѣ черезъ *брата*, за то нѣтъ тамъ упоминанія о Полонномъ.

9.

Изъ темного лугу,
Зъ зеленого гаю,
А крыкнулы козаченькы:
«Тикаймо, Нечаю!»
Тикаймо, Нечаю,
Зъ высокоiо мосту,
Бо йде ляшкивъ сорокъ тысячъ
Огромного росту!»
«Ой чого намъ, паны браты,
Изъ гаю тикаты,
Нашу славу козацькую
Пидъ ногы топтаты?
Есть у мене такый значокъ—
Малесенькый Шпачокъ,
То той мени дасть знаты,

Якъ зъ гаю тикаты».
«Я тебе, Нечаю, не обезпечаю:
Держы коня на прынони,
Не пускай на стаю».
А козакъ Нечай—*недбайлыця*,—
Винъ цёму(-го?) не дбае,
Винъ зъ кумою Хмельныцькою
Медъ-выно кружляе.
Сидлай, хлопче, сидлай, малый,
Коня вороного,
А пидъ мене, молодого,—
Старого, гнидого.
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка систы,—
Начавъ ляшкивъ, вражыхъ панкивъ,
Якъ капусту сикты.
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка впасты—
Начавъ ляшкивъ, вражыхъ панкивъ,
Якъ снопыкы класты.
Оглянется козакъ Нечай
На правее плече—
За нымъ ричка кривавая
У тры ряды тече.
Оглянется козакъ Нечай
На правую руку—
Не выскочыть кинь козацькый
Изъ лядського трупу.

(Запис. для насъ въ 1904 г. въ с. Колодистомъ, звенигородск. у., крестьяниномъ Иваномъ Лысакомъ отъ своей матери, 60-лѣтъ).

Особенности даннаго варіанта: «тикаймо, Нечаю, зъ высокого *мосту*, бо и... ляшкивъ огромного *росту*». Аналогію имѣемъ у Ант. и Драгом. II, 85 (вар. Щ): «Стережыся, Нечай

козакъ, видъ *жовтого мосту*, бо... хорошого зросту»); «Нашу славу козацькую ногамы топтаты» (аналог. Ант. и Драг. II, 56, вар. А.: «славу свою козацькую марне потеряты»); упоминаніе о Шпачкѣ (Шпаченкѣ) (аналог. см. выше); «держы коня на прыпони, *не пускай на станю*» (впервые); эпитетъ Нечая «недбайлыця» (впервые).

—

Просматривая варіанты пѣсенъ о Нечаѣ, можно констатировать, что пѣсни эти широко распространены какъ въ Галиціи (Коломыя, Станиславовъ, Тернополь и др. мѣст.), такъ и у насъ—въ губерніяхъ подольской, волынской, люблинской, кіевской, харьковской, полтавской и въ Черноморіи; повидимому, нѣтъ записей изъ губ. херсонской и черниговской; но это, быть можетъ, объясняется просто случайнымъ явленіемъ; отсутствіе записей въ этихъ губерніяхъ было бы странно относисительно херсонской губ., смежной, съ одной стороны, съ кіевской, съ другой — съ екатеринославской. Но болѣе всего варіантовъ, какъ и слѣдовало ожидать, приходится на губерніи подольскую и кіевскую.

В. Доманицкій.

Обычай помилованія преступника, избраннаго дѣвушкой въ мужья.

(Страничка изъ исторіи обычнаго права въ Малороссіи).

Въ малорусскихъ народныхъ преданіяхъ отчетливо сохранилось воспоминаніе объ одномъ весьма оригинальномъ обычаѣ, по которому осужденный къ смертной казни преступникъ могъ быть отъ нея освобожденъ, если находилась дѣвушка, всенародно высказывавшая желаніе выйти за него замужъ, и если онъ, съ своей стороны, изъявлялъ согласіе вступить съ нею въ бракъ. Въ первый разъ такое преданіе было записано въ первой четверти прошлаго вѣка изъ устъ извѣстнаго запорожца Коржа. Повѣствуя о запорожскомъ бытѣ и жизни, Коржъ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующій разсказъ. Въ г. Самари (нынѣшнемъ Новомосковскѣ) однажды вели къ мѣсту казни осужденнаго на смерть козака. Толпа народа безмолвно слѣдовала за нимъ. Вдругъ на дорогѣ показывается дѣвушка подъ бѣлымъ покрываломъ; она подходитъ къ осужденному и всенародно заявляетъ о своемъ желаніи имѣть его своимъ мужемъ. Шествіе останавливается; толпа съ любопытствомъ ожидаетъ, что отвѣтитъ на это осужденный. Онъ требуетъ, чтобы дѣвушка сняла покрывало. Когда это было исполнено, онъ, посмотрѣвъ въ лицо своей избавительницѣ, восклицаетъ: «Якъ маты таку дзюбу [1]) весты до шлюбу, лишше на

---

[1]) *Дзюба* (отъ гл. *дзёбаты*, клевать)—человѣкъ съ лицомъ испорченнымъ оспой.

шыбеныци дать дубу!»—и требуетъ, чтобы его вели къ мѣсту казни [1]).

Долгое время это любопытное преданіе оставалось одинокимъ, и потому можно было не придавать ему большого значенія или, давая даже полную вѣру разсказанному происшествію, относить его къ числу мѣстныхъ, специально запорожскихъ обычаевъ, въ которыхъ вообще было такъ много своеобразнаго, оригинальнаго. Но лѣтъ болѣе тридцати назадъ такое же точно преданіе записано въ противоположномъ концѣ Малороссіи, именно въ западной окраинѣ Волыни, въ м. Крупцѣ, дубенскаго у.; записалъ его мѣстный священникъ Ѳ. Думицкій и тогда же напечаталъ въ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ». На погостѣ мѣстной церкви сохранился курганъ, о происхожденіи котораго существуетъ въ народѣ такое преданіе. Молодой красивый козакъ за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ смертной казни. Когда прочитанъ былъ декретъ и палачъ подвелъ осужденнаго къ плахѣ, изъ толпы вышла дѣвушка и накрыла платкомъ его голову, давая тѣмъ знакъ, что она избираетъ его себѣ въ мужья и тѣмъ (въ случаѣ его согласія) освобождаетъ его отъ смерти. Исполнители приговора остановились въ ожиданіи, что скажетъ осужденный; но когда онъ, освободивъ голову изъ-подъ платка, увидѣлъ свою невѣсту-избавительницу, то съ горькою усмѣшкою и презрѣніемъ, плюнувъ въ сторону, обратился къ палачу и сказалъ: «Э, рубай краще, а жыты съ такою поганою не хочу». Приговоръ былъ исполненъ. Казненнаго похоронили на церковномъ погостѣ и насыпали надъ нимъ высокую могилу [2]).

Мнѣ неизвѣстно, были ли еще гдѣ-либо записаны подобныя преданія; но, во всякомъ случаѣ, такія преданія если и существуютъ еще гдѣ-нибудь, то они такъ немногочисленны, а главное—настолько легендарны, что сами по себѣ едва ли могутъ служить прочнымъ основаніемъ для научнаго утвержденія, что данный обычай дѣйствительно существовалъ въ Малороссіи, какъ юридическое установленіе.

---

[1]) Устное повѣствованіе запорожца Коржа, стр. 24.

[2]) Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1872 г., стр. 561.

Иное дѣло, когда преданіе находитъ для себя подтвержденіе въ документальномъ свидѣтельствѣ. Такое именно свидѣтельство объ интересующемъ насъ обычаѣ мнѣ посчастливилось найти въ одной изъ актовыхъ книгъ XVII ст., хранящихся въ кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Въ документѣ 1606 года дѣло идетъ объ одномъ случаѣ, происходившемъ въ м. Олыкѣ, гдѣ въ то время существовалъ войтовскій и радецкій, т. е. магистратскій урядъ. Суду этого уряда былъ преданъ нѣкто Янушъ Кобринецъ, слуга пана Николая Глѣбовича, подстолія литовскаго, по обвиненію въ убійствѣ своего товарища Михайла Венгрина, вмѣстѣ съ нимъ несшаго «гайдуцкую службу» у того же пана. При разборѣ дѣла открылось, что убійство совершено было непреднамѣренно, въ ссорѣ, тѣмъ не менѣе убійца былъ оставленъ въ тюрьмѣ подъ арестомъ, и окончательное рѣшеніе его судьбы было передано на волю его господина, п. Глѣбовича. Въ то же самое время случилось и такое обстоятельство, что въ моментъ разбора дѣла въ магистратъ пришла «учтивая девочка местская (одна изъ горожанокъ) и велю людей шляхетныхъ и учтивыхъ причинъ уживала (т. е. обратилась къ ихъ ходатайству), хотечи его (обвиняемаго) собе впросити въ станъ святый малженскій». Присутствовавшій въ судѣ въ качествѣ уполномоченнаго со стороны п. Глѣбовича, капитанъ его гайдуковъ, нѣкто п. Телевичъ призналъ это обстоятельство настолько важнымъ, что немедленно донесъ о немъ своему довѣрителю и получилъ отъ него согласіе на такой приговоръ: убійца можетъ быть освобожденъ отъ наказанія подъ тѣмъ условіемъ, если немедленно «пріиметъ шлюбъ съ тою девочкою учтивою явне, въ костелѣ католицкомъ», въ противномъ случаѣ «южъ бы речъ инша зъ нимъ се деяла». Янушъ Кобринецъ былъ сговорчивѣе тѣхъ удалыхъ козаковъ, о которыхъ говорятъ преданія, и безпрекословно согласился обвѣнчаться съ своею неожиданною избавительницею. Прямо изъ тюрьмы онъ отправленъ былъ въ костелъ. Для присутствія при обрядѣ вѣнчанья приданъ былъ отъ уряда возный, который на другой день, явившись въ Луцкій гродскій судъ, заявилъ старостѣ и внесъ въ актовыя книги «реляцію» о томъ, что въ сопровожденіи многихъ шляхтичей, «людей вѣры годныхъ», онъ

лично присутствовалъ въ Олыцкомъ костелѣ, когда тамъ происходилъ «актъ» вѣнчанья Януша Кобринца съ «местскою дѣвочкою», и можетъ удостовѣрить, что послѣдній «во всемъ декрету досыть учинилъ» [1]).

Такимъ образомъ, въ виду приведеннаго документальнаго свидѣтельства, во всемъ подтверждающаго народныя преданія, можно, мнѣ кажется, съ полною достовѣрностью утверждать, что въ Малороссіи въ XVII—XVIII вв. (а можетъ быть, и въ болѣе раннее время) несомнѣнно существовалъ правовой обычай, по которому осужденный на смерть преступникъ получалъ помилованіе, если находилась дѣвушка, желавшая имѣть его своимъ мужемъ. Какъ ни малочисленны и не скудны наши свѣдѣнія объ этомъ давно исчезнувшемъ обычаѣ, но и на основаніи ихъ можно установить нѣкоторыя основныя черты этого крайне любопытнаго установленія изъ области обычнаго права:

1) Во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ избавительницей осужденнаго является *дѣвушка*. Очевидно, это право принадлежало не всякой женщинѣ (наприм., вдовѣ), которая пожелала бы избрать себѣ въ мужья человѣка, обреченнаго висѣлицѣ, а только *дѣвушкѣ* и притомъ, какъ выражено въ документѣ 1606 года, *учтивой*, т. е. честной, цѣломудренной.

2) Осужденный имѣлъ право отказаться отъ вступленія въ бракъ съ своею избавительницей, и въ такомъ случаѣ судебный приговоръ о немъ приводился въ исполненіе. Безъ сомнѣнія, подобные отказы случались весьма рѣдко, потому что инстинктъ самосохраненія сильнѣе въ человѣкѣ, положимъ, чувства отвращенія къ безобразной женщинѣ, тѣмъ не менѣе случаи отказа все-таки бывали, какъ о томъ свидѣтельствуютъ народныя преданія. Быть можетъ, и самыя эти преданія потому такъ малочисленны, что передаютъ именно объ этихъ исключительныхъ случаяхъ, поражавшихъ народное воображеніе своего рода трагическимъ удальствомъ, тогда какъ болѣе частые—противоположные случаи, какъ нѣчто ординарное, не сохранились въ народной памяти.

---

[1]) Книга гродская Луцкая, 1606 г., № 2421. Актъ этотъ напечатанъ нами въ имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ 3-мъ томѣ 8-й части «Архива Югозап. Россіи».

3) Быть можетъ, не лишена ритуальнаго значенія подробность о *покрывалѣ* или *платкѣ*, которымъ дѣвушка (по волынскому преданію) покрывала осужденнаго въ знакъ того, что она избираетъ его себѣ въ мужья и тѣмъ беретъ какъ-бы подъ свою защиту. Въ запорожскомъ преданіи дѣвушка сама выступаетъ подъ бѣлымъ покрываломъ. Первый варіантъ представляется намъ болѣе сообразнымъ и можетъ быть поставленъ въ аналогію съ нѣкоторыми свадебными малорусскими обрядами, напримѣръ съ съ повязываніемъ платкомъ руки жениха на сговорѣ, что также знаменуетъ собою со стороны невѣсты актъ добровольнаго избранія его въ мужья.

Установивъ историческую достовѣрность даннаго обычая, слѣдовало бы объяснить его происхожденіе. Откуда и когда возникъ у насъ этотъ оригинальный обычай? Что онъ не самобытенъ, это видно уже изъ того, что ни въ Литовскомъ статутѣ, ни въ другихъ дѣйствовавшихъ у насъ юридическихъ кодексахъ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Между тѣмъ онъ несомнѣнно существовалъ въ быту многихъ западно-европейскихъ народовъ. Быть можетъ, его первоисточникомъ слѣдуетъ считать существовавшій въ древнемъ Римѣ обычай помилованія приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, когда они на пути къ мѣсту казни встрѣчали святыхъ дѣвъ, служительницъ богини Весты. Въ средніе вѣка, въ эпоху рыцарскаго поклоненія женщинѣ, прерогатива спасать отъ казни осужденныхъ, искавшихъ защиты, принадлежала высокопоставленнымъ дамамъ, а иногда и простымъ женщинамъ. По словамъ Я. Гримма, въ сказаніяхъ этой эпохи «спасительнымъ представляется приближеніе къ королевамъ, княгинямъ, которыя берутъ кого-либо подъ свой плащъ, даже вообще къ женщинамъ... Жители мѣстности Barèges, въ провинціи Bigorre, въ старой Франціи, между другими древними обычаями, долго сохраняли и тотъ, что всякій преступникъ, который успѣетъ подбѣжать къ женщинѣ, долженъ быть помилованъ» [1]). Въ XV ст.

[1]) J. Grimm, Rechts-Alterthümer, s. 892. Настоящая, (какъ и всѣ почти дальнѣйшія) цитата заимствована изъ книги Liebrecht'a Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze, гдѣ въ статьѣ „Frauenprärogativ" собраны многочисленные факты изъ исторіи обычнаго западно-европейскаго права, касающіеся даннаго обычая.

въ обычномъ правѣ той же Франціи наблюдается уже значительное ограниченіе и вмѣстѣ видоизмѣненіе древняго обычая: не всякая женщина освобождаетъ преступника отъ присужденной ему казни, а лишь дѣвушка, рѣшившаяся выйти за него замужъ. Древнѣйшій изъ числа извѣстныхъ примѣровъ такого установленія случился въ Парижѣ въ 1430 году. Съ тѣхъ поръ этотъ обычай во Франціи получилъ общее распространеніе, а въ XVII ст. встрѣчаются уже случаи его ограниченія. Въ 1606 г. парламентъ г. Греноблял отказалъ двумъ дѣвушкамъ, просившимъ о помилованіи осужденныхъ, за которыхъ онѣ желали выйти замужъ. Людовикъ XVI противился примѣненію этого обычая въ отношеніи дезертировъ: въ 1668 г. онъ издалъ указъ, запрещавшій судамъ освобождать отъ смертной казни осужденныхъ за побѣгъ изъ войска и въ томъ случаѣ, «если, по обычаю, дѣвушка, заявитъ желаніе вступить въ бракъ съ такимъ преступникомъ». [1])

Тотъ же обычай существовалъ нѣкогда и въ Германіи о чемъ можно найти свѣдѣнія въ книгахъ: *Burkhard Waldis* VI, 67, «О приговоренномъ къ смерти парнѣ», *Horae Belgicae* Bd. II, S. XLVIII f. и *Mittler*, Deutsche Volkslieder, № 243, стр., 3, 7. У Бирлингера (Aus Schwaben und s. w. II, 460) приводится забавный разсказъ, очень напоминающій наши запорожскія преданія. Одинъ осужденный преступникъ, котораго хотѣла спасти отъ висѣлицы остроносая старая дѣва, предложивъ ему руку и сердце, посмотрѣлъ на нее и сказалъ: «Острый носъ, острый подбородокъ—навѣрное въ ней сидитъ чортъ! Лучше полѣзать въ петлю!» и съ этими словами отправился къ висѣлицѣ.

Былъ такой же обычай и въ Пьемонтѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ народная пѣсенка *La Brunetta* (Ferraro, Canti Monferrini, Torino-Firenze, 1870, № 19), въ которой разсказывается о дѣвушкѣ, спасающей отъ висѣлицы убійцу своего отца согласіемъ выйти за него замужъ. То же было и въ обычномъ правѣ Испаніи, но съ тою разницею, что въ то время, какъ въ другихъ

---

[1]) Loiseleur, Des crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, Paris, 1863, 272—273.

европейскихъ странахъ спасительницею осужденнаго могла быть только честная дѣвушка, здѣсь эта прерогатива принадлежала публичной женщинѣ. Конечно, это было уже явнымъ извращещеніемъ первоначальной идеи, легшей въ основу древняго обычая.

Такимъ же случайно сходнымъ явленіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ идеей дѣвической прерогативы, представляется намъ существовавшій въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ обычай, въ силу котораго приговоренную къ смерти преступницу миловали, если *палачъ* соглашался на ней жениться. Въ 1525 г. въ Нюрнбергѣ одна женщина, убившая ребенка, была избавлена отъ утопленія (по судебному приговору) благодаря тому, что на ней согласился жениться палачъ [1]). На существованіе подобнаго обычая въ Пьемонтѣ указываетъ народная пѣсенка «*La parricida*», въ которой палачъ, надѣвая петлю на осужденную за отцеубійство, спрашиваетъ ее, не хочетъ ли она выйти за него замужъ, но послѣдняя отвергаетъ это предложеніе (Ferraro, Canti Monferrini, № 11). Тотъ же обычай существовалъ и во Франціи [2]) Но, повторяемъ, обычай этотъ по существу едва ли имѣлъ что-нибудь общее съ тѣмъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, и возникъ онъ совсѣмъ изъ другихъ соображеній. Это была одна изъ многихъ привилегій палача, являвшихся своего рода сверхъ-урочной платой за его позорное ремесло,—привилегія въ родѣ той, какою палачи пользовались нѣкогда и въ Малороссіи, когда появлялись на ярмаркахъ и базарахъ и съ грознымъ окрикомъ: «дай кату плату!» безнаказанно грабили людей [3]). Въ параллель съ упомянутою привилегіею палача освобождать отъ казни понравившуюся ему преступницу посредствомъ женитьбы на ней можно поставить практиковавшійся во время французской революціи обычай—выпускать изъ тюремъ тѣхъ дворянокъ,

---

[1]) Zeitschrift für deutsche Culturgesch. 2, 229.

[2]) Bujeaud, Chants et chansons pop. des provinces de l' ouest. Niort, 1866, II, 145.

[3]) См. преданіе объ этомъ въ «Укр. Записяхъ» П. Мартиновича, въ XI кн. «Кіев. Стар.» 1904 г., стр. 254.

съ которыми соглашались вступить въ бракъ республиканскіе солдаты. То же самое наблюдаемъ и въ Малороссіи при Хмельницкомъ, когда евреи и шляхтичи подвергались безпощадному истребленію, а «жоны шляхецкія зостали жонами козацкими» [1], что нерѣдко бывало и съ молодыми еврейками.

Итакъ обычай помилованья преступника по просьбѣ дѣвушки, рѣшавшейся выйти за него замужъ, несомнѣнно былъ занесенъ въ Малороссію изъ западной Европы въ числѣ многихъ другихъ культурныхъ заимствованій. Когда именно и какъ произошло это заимствованіе—объ этомъ можно представить лишь общія соображенія болѣе или менѣе гадательнаго характера, но точныхъ фактическихъ указаній сдѣлать невозможно по недостатку данныхъ. Точно также трудно рѣшить и другой вопросъ: насколько широко былъ распространенъ въ Малороссіи данный обычай? Крайняя скудость сохранившихся о немъ воспоминаній въ народныхъ преданіяхъ, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ обычай весьма рѣдко и, можетъ быть, не повсемѣстно практиковался въ старой Малороссіи. Еще скуднѣе документальныя о немъ свидѣтельства; за исключеніемъ приведеннаго выше декрета Олыкской ратуши 1606 года, намъ не приходилось встрѣчать даже косвенныхъ указаній на существованіе этого обычая ни въ актовыхъ книгахъ нынѣшняго Югозападнаго края XVI—XVIII ст., ни въ актахъ собственно малороссійскихъ судовъ — полковыхъ, сотенныхъ и магистратскихъ. Тѣмъ не менѣе и это обстоятельство еще не даетъ изслѣдователю права ставить рѣшительный приговоръ о степени распространенности даннаго обычая—и это вотъ почему: изъ актовыхъ книгъ правобережной Малороссіи въ наименьшемъ числѣ сохранились акты именно тѣхъ судовъ, которые въ своихъ рѣшеніяхъ чаще всего примѣняли воззрѣнія мѣстнаго обычнаго права и гдѣ всего скорѣе могли бы оказаться слѣды и того обычая, о которомъ мы ведемъ рѣчь,—разумѣемъ суды магистратскіе и ратушные. Еще съ большею интенсивностью и свободою проявляются

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 13.

народные обычаи и правовыя понятія въ декретахъ собственно козацкихъ судовъ; но къ сожалѣнію, изъ огромнаго запаса актовыхъ книгъ, какой долженъ былъ скопиться въ лѣвобережной Малороссіи въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія въ ней своихъ судовъ, до настоящаго времени мы имѣемъ лишь ничтожныя крупицы, разсѣянныя по разнымъ книгохранилищамъ и потому мало доступныя для изслѣдователей [1]. Лично мы не сомнѣваемся, что эти драгоцѣнные памятники правовой жизни старой Малороссіи не всѣ погибли безвозвратно и что многія актовыя книги козацкихъ судовъ отыщутся со временемъ въ столичныхъ архивахъ, куда онѣ попали послѣ упраздненія дореформенныхъ уѣздныхъ судовъ. До тѣхъ же поръ, пока этотъ драгоцѣнный матеріалъ не будетъ собранъ и изученъ, не возможны, по нашему мнѣнію, категорическіе приговоры по многимъ вопросамъ обычнаго права старой Малороссіи.

Ор. Левицкій.

---

[1] Перечень всего, что доселѣ извѣстно, какъ остатокъ малороссійскихъ актовыхъ книгъ, можно найти въ нашемъ рефератѣ «Объ актовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи Югозап. края и Малороссіи», помѣщенномъ въ «Трудахъ XI Археол. Съѣзда». Тамъ же приведены историческія свѣдѣнія объ актовыхъ книгахъ бывшихъ малороссійскихъ судовъ.

Бытописатель пореформенной Украины.

Къ 35-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности И. С. Нечуя-Левицкаго.

Въ декабрѣ прошлаго года украинское общество праздновало 35-лѣтній юбилей одного изъ выдающихся своихъ писателей—Ивана Семеновича Левицкаго. Рѣдкое лицо среди современныхъ украинскихъ дѣятелей пользуется такою широкою и вполнѣ заслуженною популярностью на Украинѣ, какъ авторъ безсмертныхъ «бабы Параски та бабы Палажки», «Кайдашевои симьи», «Старосвитськыхъ батюшокъ и матушокъ» и многихъ другихъ произведеній, и потому юбилей его объединилъ всѣхъ представителей украинскаго общества, сошедшихся на юбилейномъ торжествѣ въ Кіевѣ, чтобы «едиными усты и единымъ сердцемъ» чествовать любимаго писателя. Но и помимо чисто литературныхъ заслугъ, мягкая, симпатичная, отзывчивая личность его, стоящая внѣ всякихъ партійныхъ споровъ и личныхъ счетовъ, много способствовала этому единодушію, проявившемуся на юбилейномъ чествованіи.

И. С. Левицкій, въ началѣ своей литературной дѣятельности болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ—Иванъ Нечуй, родился 13 ноября 1838 года въ м. Стеблевѣ, кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Родъ Левицкихъ былъ старый духовный родъ, связанный семейными преданіями и сословными традиціями съ тѣми временами, когда на Украинѣ при замѣщеніи духовныхъ «посадъ» еще въ полной силѣ было выборное начало и когда это выборное

духовенство жило одною жизнью съ народомъ, отличаясь отъ последняго лишь бо́льшимъ сравнительно уровнемъ развитія. Отецъ И. С. Левицкаго для своего времени былъ весьма незаурядной личностью: онъ очень любилъ книги, говорилъ проповѣди на родномъ народу языкѣ, основалъ школу, мечталъ даже о потребительской лавкѣ, чтобы избавить своихъ прихожанъ отъ эксплоатаціи мѣстныхъ торговцевъ. Своихъ дѣтей онъ знакомилъ съ украинской исторіей и современными отношеніями на Украинѣ и вообще вліялъ на развитіе среди нихъ симпатій къ родному краю и народу; Ив. Сем. еще въ дѣтствѣ познакомился съ исторіей Украины по сочиненіямъ Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, по лѣтописи Самовидца, которыя имѣлись въ библіотекѣ его отца. Въ томъ же направленіи, съ другой стороны, вліялъ и общій складъ жизни тогдашняго духовенства, близость послѣдняго къ народу. Мать И. С. Левицкаго, происходившая изъ стараго козацкаго рода, по-русски совсѣмъ не говорила, благодаря чему въ домѣ господствовала украинская рѣчь. Дѣти всегда вращались въ обществѣ крестьянъ, слушали тѣ же сказки, пѣли тѣ же пѣсни, что и ихъ ровесники-крестьяне, участвовали во всѣхъ церемоніяхъ, въ родѣ крестинъ, свадьбъ, похоронъ и т. п., исполнявшихся по строго народнымъ обычаямъ. Не зная никакого «средостѣнія» между собой и народной массой, И. С. Левицкій еще въ дѣтствѣ, совершенно безсознательно, впиталъ то здоровое зерно искренняго демократизма, которое впослѣдствіи стало руководящей нитью всей его литературной дѣятельности и котораго не смогла вытравить даже все обезличивающая школа, построенная на совершенно иныхъ началахъ. Было еще одно обстоятельство, фиксировавшее указанное вліяніе окружавшей будущаго писателя среды. «Ще якъ я бувъ малымъ хлопцемъ,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи,—я чувъ про Шевченка; тоди въ насъ по селахъ скризь говорылы про його, бо Кереливка, де родывся Шевченко, всього за двадцять верстовъ одъ Стеблева. Я чувъ, що винъ пробувавъ у Корсуни у свого родыча, Варфоломея Шевченка, за висимъ верстовъ одъ Стеблева. Знакоми наши заносылы зъ Корсуня навить урывкы його виршивъ, котри винъ тоди складавъ.

Слава його тоди ходыла скризь по селахъ»[1]). Обаяніе имени Шевченка, подкрѣпленное раннимъ знакомствомъ съ произведеніями геніальнаго украинскаго Кобзаря, дало, по всей вѣроятности, первый сознательный толчокъ въ томъ направленіи, которое было уже подготовлено вліяніемъ родителей и окружающей обстановкой.

Въ 1847 г. И. С. Левицкаго отдали въ Богуславское духовное училище, типическую «бурсу» добраго стараго времени, такъ талантливо изображенную безвременно скончавшимся ровесникомъ нашего писателя, Анатоліемъ Свидницкимъ. Жестокая до послѣднихъ предѣловъ тиранства фигура смотрителя училища, игумена Θеодора, наложила на всю школьную жизнь крайне тяжелый отпечатокъ забитости и безпощаднаго сѣченія, дополняемыхъ латинской и греческой мертвечиной, преслѣдованьемъ за «мужычи слова» и т. п. И если дореформенная бурса не вполнѣ обезличивала своихъ питомцевъ, то это объясняется лишь относительной свободой учениковъ во внѣучебное время и близостью ихъ къ здоровой окружающей обстановкѣ.

Четырнадцати лѣтъ И. С. Левицкій перешелъ въ Кіевскую семинарію, которая по постановкѣ учебнаго дѣла и пріемамъ мало отличалась отъ бурсы, но за то давала болѣе широкій просторъ индивидуальнымъ наклонностямъ семинаристовъ. Желающіе могли удовлетворять свою духовную жажду, по крайней мѣрѣ, внѣ стѣнъ семинаріи, изъ постороннихъ источниковъ. И. С. Левицкій заинтересовался французской литературой, съ которой и познакомился основательно, тратя на пріобрѣтеніе книгъ свои скудныя семинарскія средства. Тогда же ему впервые случилось прочитать сочиненія Пушкина и Гоголя; съ произведеніями Шевченка онъ былъ знакомъ раньше и нѣкоторыя изъ нихъ зналъ даже наизусть.

Прослуживъ нѣкоторое время по окончаніи семинаріи учителемъ того же Богуславскаго училища, въ которомъ самъ когда-то учился, И. С. Левицкій въ 1861 г. поступаетъ въ Кіевскую

---

[1]) Сьвіт, 1881, стр. 156. Ср. Ив. Левицькый «Повисьти й оповидання» т. I, стр. 302.

духовную академію. Въ русской жизни это время было, какъ извѣстно, лучемъ свѣта, ворвавшагося яркой полосой въ сплошное темное царство забитости, безправія и крѣпостныхъ отношеній; въ воздухѣ повѣяло весной, рухнуло крѣпостное право, и на его развалинахъ всѣмъ прогрессивнымъ людямъ грезилось уже полное обновленіе Россіи. Всеобщее оживленіе коснулось и питомцевъ духовной академіи, и въ ея стѣнахъ горячо дебатировались волновавшіе всѣхъ вопросы жизни; прогрессивные журналы читались запоемъ и обсуждались со всею пылкостью, на которую только способна горячая юность. Вѣроятно, въ стѣнахъ академіи впервые всталъ предъ г. Левицкимъ во всей своей настоятельности и національный вопросъ, для возбужденія котораго академія представляла весьма удобную почву. Здѣсь царствовала невообразимая смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»; здѣсь сталкивались бокъ-о-бокъ представители различныхъ національностей, разныхъ культуръ; здѣсь въ одной комнатѣ часто приходилось жить студентамъ—украинцу, великороссу, болгарину, сербу, греку. На фонѣ племенныхъ отличій, привычекъ, языка и другихъ условій естественнѣе всего было возникнуть вопросамъ: «хто мы? чыи сыны, якыхъ батькивъ?..» — тѣмъ болѣе, что южные славяне и въ Россію приносили съ собой горькія воспоминанія о турецкихъ звѣрствахъ и горячія мечты объ освобожденіи родного народа изъ-подъ чужеплеменнаго ига. «Украинськи студенты,—говоритъ И. С. Левицкій въ повѣсти «Хмары»—ще не малы тоди ясного почуття національносты; але слухаючы серба й болгара, воны й соби згадалы про свій нещасный народъ, зовсимъ побытый зъ языкомъ, литературою й исторіею» [1]). Выходившая въ то время въ Петербургѣ «Основа» давала матеріалъ для постановки національнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла готовую арену для лицъ, обладавшихъ литературными наклонностями. У И. С. Левицкаго уже въ то время возникаетъ мысль—писать для «Основы», оставшаяся впрочемъ не осуществленной, такъ какъ первый украинскій органъ скоро прекратилъ свое существованіе.

---

[1]) «Повісті Івана Левіцького», Кіевъ, 1876, стр. 12.

Тѣмъ не менѣе дѣло пробужденія было сдѣлано; вопросъ твердо запалъ въ душу и настоятельно требовалъ своего разрѣшенія. Отрицательное отношеніе къ украинскому вопросу окружающей среды, какъ это ни странно, въ сильной степени способствовало его разрѣшенію именно въ положительномъ направленіи. Нужно замѣтить, что за исключеніемъ весьма немногихъ, товарищи-великороссы весьма нетерпимо относились къ стремленіямъ украинцевъ, отказывая украинскому народу и его литературѣ въ правѣ на существованіе, а одинъ изъ профессоровъ ex cathedra объявилъ, что въ интересахъ государства необходимо сжечь украинскую литературу, равно какъ и бѣлорусскую, если бы послѣдняя появилась. Несомнѣнно, подобное нетерпимое отношеніе всегда достигаетъ результатовъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду, такъ какъ ставитъ вопросы національнаго существованія въ совершенно ясной и категорической формѣ даже предъ тѣми кто мало ими интересуется. Такимъ образомъ уже въ академіи совершенно ясно намѣченъ былъ И. С. Левицкимъ тотъ путь, съ котораго нашъ писатель не сходилъ уже въ теченіе всей своей жизни. Въ этомъ и кроется разгадка того непонятнаго, на первый взглядъ, обстоятельства, какъ могъ появиться этотъ крупный талантъ, посвятившій себя мало популярной тогда литературѣ, при обстоятельствахъ, невольно вызывающихъ на извѣстный вопросъ: «изъ Назарета можетъ ли что добро быти?»—при томъ совершенно самостоятельно, безъ связи съ тѣми кружками, въ которыхъ въ то время сосредоточивалось украинское движеніе. Личныя знакомства въ украинскихъ сферахъ Ив. Сем. Левицкій пріобрѣтаетъ уже впослѣдствіи.

По окончаніи академіи въ 1865 г., Ив. Сем. Левицкому пришлось служить нѣкоторое время въ Полтавѣ учителемъ семинаріи. Матеріальная необезпеченность и справедливыя опасенія за свою судьбу въ томъ случаѣ, если характеръ и направленіе его литературныхъ трудовъ станетъ извѣстнымъ духовному начальству, побудили начинающаго писателя перемѣнить службу. Изъ Полтавы И. С. Левицкій переходитъ учителемъ гимназіи въ Калишъ, гдѣ ему представилась возможность прекрасно изучить жизнь поль-

скаго общества, такъ выпукло изображенную впослѣдствіи въ его произведеніяхъ. Въ началѣ службы И. С. Левицкаго въ Царствѣ Польскомъ, преподаваніе въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ происходило на польскомъ языкѣ, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, порученныхъ И. С. Левицкому. Еще не было и слуху о «располяченіи» польской школы, и потому среди своихъ товарищей-поляковъ И. С. Левицкій не замѣтилъ и тѣни какого-нибудь враждебнаго къ себѣ отношенія. Но уже спустя полъ года обстоятельства рѣзко измѣнились, и И. С. Левицкому пришлось быть свидѣтелемъ введенія въ польскую школу русскаго языка, которое какъ громомъ поразило польское общество. «Ця подія,—пишетъ И. С. Левицкій проф. Огоновскому объ извѣстномъ циркулярѣ, изгонявшемъ польскій языкъ изъ польской школы,—лягла важкымъ впечаткомъ на мою душу. Я знавъ, що колысь и Польща карала Украину такымы бумагамы, що й наши предкы вынеслы одъ Польщи таку саму сумну моральну муку. Я бачывъ своимы очыма, якъ историчня Немезида повернула на саму Польщу ихъ же оружжя, *але мени все-такы було сумно дывытысь, якъ націю жывцемъ кладуть въ домовыну*» [1]). Жизнь въ Калишѣ, благодаря этому обстоятельству, сдѣлалась для И. С. Левицкаго мало привлекательной и онъ перешелъ первоначально въ Сѣдлецъ, а затѣмъ ближе къ Украинѣ—въ Кишиневъ, гдѣ и служилъ до 1885 г. когда вышелъ въ отставку и поселился въ Кіевѣ, отдавшись уже исключительно литературѣ. Бывшіе ученики украинскаго писателя сохраняютъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Какъ учитель, онъ всегда пользовался большимъ вліяніемъ среди учениковъ, будучи врагомъ узкаго педантизма и формализма и обращая преимущественное вниманіе на развитіе въ своихъ ученикахъ любви къ наукѣ и литературѣ.

Первое произведеніе Ив. Сем. Левицкаго, начатое еще въ Полтавѣ, появилось въ печати въ 1868 г.,—это былъ разсказъ «Дви московкы», напечатанный въ львовскомъ журналѣ «Правда». Несмотря

---

1) Огоновскій проф.—Історія литературы рускои. Ч. III, в. I. Львів, 1891. Стор. 576.

на нѣкоторую подражательность въ манерѣ, обнаруживающую вліяніе лучшаго тогда въ украинской литературѣ прозаика Марка Вовчка, разсказъ несомнѣнно показывалъ, что молодой авторъ имѣетъ на своей палитрѣ и собственныя краски, хотя и не обладаетъ пока достаточной опытностью и умѣньемъ примѣнить ихъ къ дѣлу. Слѣдовавшія непосредственно за «Двома московкамы» произведенія вполнѣ подтвердили это, и издатели ихъ съ полнымъ основаніемъ могли заявить о надеждахъ, возлагавшихся на новаго писателя. Второе по времени произведеніе И. С. Левицкаго «Гориславська ничъ» («Рыбалка Панасъ Круть»)носитъ уже всѣ черты оригинальнаго художественнаго дарованія, глубоко проникающаго въ народную жизнь; слѣдующее—повѣсть «Прычепа»—дало поводъ ветерану украинской литературы Кулишу заявить, что Нечуй «першый доторкнувся жыття нашого товарыського, та тымъ поклавъ засновокъ до романивъ соцыяльныхъ» [1]). И вообще первые шаги нашего писателя были замѣчены и оцѣнены по заслугамъ. «Иванъ Нечуй,—читаемъ въ предисловіи къ I т. его произведеній,—у своихъ повистяхъ, чы то малюючы ситуаціи душы чоловичои, чы ставляючы передъ очи наши образы зъ прыроды, показався велыкымъ артыстомъ, а вся Украина покладае у його талантови що найбильши надіи» [2]).

Направленіе и содержаніе литературной дѣятельности И. С. Левицкаго вполнѣ опредѣляется особенностями той замѣчательной эпохи, когда онъ впервые раскрылъ свои глаза, чтобы сознательно относиться къ общественнымъ явленіямъ. Начавъ свою сознательную жизнь въ эпоху перелома общественныхъ отношеній въ Россіи, онъ вмѣстѣ съ г. Панасомъ Мырнымъ явился лучшимъ истолкователемъ и выразителемъ этого перелома въ украинской литературѣ и бытописателемъ украинской жизни пореформеннаго періода, хотя, конечно, корни его міровоззрѣнія заходили гораздо глубже, выражаясь въ отрицательномъ отношеніи къ дореформенному строю. «Хто зъ кыянъ,—

---

[1]) «Повісті Івана Нечуя». Т. І. У Львові, 1872. Предисловіе.

[2]) Ibid.

пишеть онъ въ повѣсти «Причепа»—не памятае часу передъ Севастопольською вiйною? То бувъ тяжкый часъ для Украины, то було ii лыхолиття. Простый народъ стогнавъ у тяжкiй неволи пидъ панамы, мусивъ мовчаты и терпиты гирше, якъ до Хмельныцького. А за кожный стѡнъ його московськымъ звычаемъ катовано. Украина забула исторични переказы и не могла наукою дiйты до страченыхъ думокъ. На обохъ бокахъ Днипра опынылысь у чужыхъ порядкахъ, въ чужiй шкури, набиралыся чужои мовы, забувалы свою. Згынула наука, впала просвита, зоставшысь тилькы въ схоластычныхъ латынськыхъ духовныхъ школахъ. Универсытетська наука була тильки азбука европейськои просвиты, обризанои по казеннiй мири. Та наука хотила повыучуваты соби людей на москаливъ, до вiйська, до уряду. Зъ украинськыхъ универсытетивъ и другыхъ шкилъ повыходылы ти хаптурныкы, хабарныкы-урядныкы, неправедни судди, що правого робылы вынным, а выноватого правымъ,—ти консерваторы вчытели и профессоры, що вертилы исторiею по московському наказу,—ти офицери-москали, що забывалы свiй же народъ на закуцiяхъ. А народъ робывъ панщыну, а помищыкы-ляхы и москали дерлы останню шкуру зъ Украины, тымъ часомъ, якъ наши щыроукраинци за свою молоду украинську идею сыдилы вже въ неволи, на далекiй московськiй пивночи. То бувъ тяжкый часъ, бодай винъ не вертався»! [1]) Разложенiе и гниль дореформеннаго строя, выраженное И. С. Левицкимъ въ этихъ рѣзкихъ штрихахъ, къ сожалѣнiю, не было устранено вполнѣ и эпохою великихъ реформъ, оставшихся не доведенными до естественнаго конца. Слѣды дореформенной гнили сказываются поэтому и въ послѣдующiй перiодъ, и тѣмъ яснѣе, чѣмъ дальше данная область общественныхъ отношенiй была остановлена на пути къ полному обновленiю жизненныхъ устоевъ. На первомъ планѣ въ этомъ отношенiи, помнѣнiю И. С. Левицкаго, стоитъ неудовлетворительность разрѣшенiя экономическаго и нацiональнаго вопросовъ. «Тымъ часомъ насталы,—пишеть онъ въ повѣсти «Бурлачка»,—не легки часы.

---

[1]) Ibid, 258—259.

Народъ ишовъ на роботу до панивъ зъ великою неохотою, бо плата за роботу була мала, и тильки нужда гнала його на панську роботу... Паны почалы найматы на рикъ строковыхъ за малу цину въ зимній часъ, корыстуючись народнымъ голодомъ та холодомъ та всякою нуждою: сталы на Украини звисни порціи, *маленька нова панщына*» [1]). Связь между настоящимъ крѣпостнымъ правомъ и современной «маленькою новою панщыною» особенно ясно обнаруживается изъ повѣсти «Мыкола Джеря».

Дѣйствіе ея открывается еще при крѣпостномъ правѣ. На сценѣ крѣпостныя отношенія, характеризуемыя полною приниженностью человѣческой личности, безпощадной эксплоатаціей человѣческаго инвентаря и совершеннымъ пренебреженіемъ къ его личной жизни и матеріальнымъ интересамъ. Молодой парубокъ Мыкола Джеря сосваталъ дѣвушку изъ сосѣдней деревни, принадлежавшей другому помѣщику. Этотъ послѣдній соглашался на бракъ лишь подъ условіемъ, что вмѣсто уходящей отъ него работницы онъ получитъ другую, равноцѣнную. Что пережила несчастная пара—легко представить, но вотъ совершенно случайно требуемая замѣна произошла и молодые получили возможность соединить свою судьбу, казалось бы, на вѣки. Свадьба закончилась, молодые вступаютъ въ новую жизнь. Вотъ какъ началась эта новая жизнь.

Ввечери по-пидъ дворамы йиздывъ осавула на кони й загадувавъ усимъ на панщыну до току. Крыкъ осавулы давъ знаты людямъ, що весилля скинчылось. Вси почалы росходытыся додому. Джерына хата опорожнылась.

Ввечери въ Джерыній хати блыщавъ каганець. Джерыха и Немыдора кынулысь прыбираты въ хати й перемываты посуду. Весильный чадъ выйшовъ у всихъ зъ головы. Джеря и Джерыха на воли передумувалы, скилькы воны вытратылы грошей на весилля. Треба було заплатыты жыдови, заплатыты подушне, нашаткуваты другу дижку капусты. Грошей не було ни копійкы.

---

[1]) Иванъ Левицькый. Повисьти й оповидання, т. I, Спб. 1899, стор. 184, 134—135.

— А що, стара, будемо робыты? Чымъ будемо оплачуватысь?—промовывъ батько.

— Змолотымо та продамо половыну хлиба. Хвалыты Бога, хлибъ уродывъ.

— А якъ не стане хлиба, що будемо йисты,—сказавъ батько.

— То заробымо; хиба жъ не маемо рукъ чы що?—обизвався сынъ.

— А колы жъ мы його заробымо? Хиба за тiею панщыною похопысся заробыты?—сказавъ батько.

— Бодай ту панщыну дидько забравъ соби до пекла!—промовывъ сынъ [1]).

Таково было въ эпоху крѣпостныхъ порядковъ пробужденiе послѣ «весильного чаду» и вступленiе въ новую жизнь. Страшнымъ контрастомъ звучитъ это привѣтствiе на ея порогѣ изъ устъ «осавулы», напоминавшаго, что завтра молодыхъ ждетъ подневольная работа на помѣщичьемъ току. Ужасомъ черной безысходности вѣетъ отъ этого заключительнаго восклицанiя: «бодай тую панщыну дидько забравъ соби до пекла!»...

Мыкола молотывъ поручъ зъ батькомъ.

— А що, музыко, выгравай ципомъ пысля свого весилля!—жартувалы чоловикы надъ Мыколою.

Мыкола глянувъ на незличенни скырты, задумався и спытавъ у батька.

— На що одному чоловикови такъ багато хлиба? Господы! чы вже жъ винъ пойисть оце все?.. [2]).

Естественно зародившаяся въ подобныхъ условiяхъ мысль о соцiальной несправедливости уже не оставляетъ Мыколу и приводитъ его къ активному протесту, въ результатѣ котораго произошла лишь безпощадная экзекуцiя, подлившая новаго масла въ огонь протеста. Жизнь становится все болѣе невыносимой, тяготы

---

[1]) Ibid., 25.

[2]) Ibid., 27.

ощущаются все сильнѣе; выходъ одинъ—бѣжать изъ родного села куда глаза глядятъ, оставивъ близкихъ людей и на прощаніе отомстивъ помѣщику единственнымъ бывшимъ въ рукахъ у бѣглецовъ средствомъ — поджогомъ. Мы не будемъ слѣдовать за бѣглецами въ ихъ тяжелыхъ скитаніяхъ по заводамъ, фабрикамъ, по степямъ Новороссіи, по рыбнымъ промысламъ, отсылая читателя къ самой повѣсти. Напомнимъ лишь, что когда, по отмѣнѣ крѣпостного права, Мыкола получилъ возможность вернуться на родину, онъ нашелъ здѣсь ту же эксплоатацію, въ нѣсколько иныхъ, правда, формахъ, ту же систему выжиманіи пота непосильной работой, всяческими поборами и притѣсненіями. «Отъ тоби й воля!—говорывъ Джеря.—Отъ тоби й вернувся до господы. И на що було вертатысь у цей проклятый край! Будь винъ трычи проклятъ одъ Бога й одъ людей!» [1])—таково резюме жизненнаго опыта у нашего протестанта. Не нашелъ успокоенія старый «бурлака», хотя авторъ и смягчаетъ безотрадное впечатлѣніе, закончивъ повѣсть идиллической картинкой мирной жизни на пасѣкѣ.

Эта повѣсть, дѣйствіе которой протекаетъ въ условіяхъ крѣпостного хозяйства, служитъ какъ бы введеніемъ къ цѣлому ряду произведеній, живописующихъ пореформенную жизнь украинской деревни, которая все такъ же продолжаетъ биться въ крѣпкомъ зажимѣ неблагопріятныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій, сохранивъ къ тому же и всю первобытную темноту и примитивность отношеній. Благодаря этому, просторъ для эксплоататорской дѣятельности представляется безграничный. Уже въ повѣсти «Мыкола Джеря» И. С. Левицкимъ представлены потрясающія картины этой эксплоатаціи на основѣ свободнаго якобы договора бѣглецовъ отъ ужасовъ крѣпостного состоянія и хозяевъ различнаго рода промышленныхъ предпріятій, и къ этой темѣ онъ возвращается не однократно давая каждый разъ яркую характеристику возобновленной «маленькои панщины». Предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ ярко, жизненно-правдиво и художественно-сильно очерченныхъ фигуръ и сценъ,

---

[1]) Ibid., 134.

въ совокупности развертывающихъ безотрадную картину условій жизни народа. Вотъ эпическая фигура рыбалки Панаса («Рыбалка Панасъ Круть»), испробовавшаго всевозможныя ремесла и нигдѣ не нашедшаго «щастя-доли»; сдѣлавшись наконецъ рыбакомъ, онъ двадцать три года ловитъ рыбу въ Роси,—«годуе и зодягае мене Рось, спасыби ій, якъ та ридна маты» [1]), говоритъ онъ, — но полное успокоеніе все-таки нашелъ лишь на днѣ рѣки. гдѣ «оддячыла своему ворогови рыба». Вотъ гнетущія картины фабрично-промысловой жизни изъ «Бурлачки», воскрешающія весь ужасъ крѣпостного права при новой обстановкѣ. Вотъ тяжелая доля «Двохъ московокъ», ставшихъ неповинными жертвами, неизвѣстно кѣмъ принесенными на алтарь милитаризма. Вотъ безсмертныя бабы—Параска и Палажка («Баба Параска та баба Палажка»), олицетвореніе всей той безпросвѣтной темноты, которая густымъ флеромъ окутала украинскую деревню. Вотъ семья Кайдашей («Кайдашева симья»), разбившаяся на безпрерывно воюющіе враждебные лагери, благодаря все тѣмъ же невозможнымъ условіямъ существованія, заставляющимъ съ завистью глядѣть на всякій кусокъ въ рукахъ своего же брата. Вотъ цѣлый рядъ погибшихъ, нравственно разбитыхъ существъ («Пропащи»), принесшихъ всѣ лучшія влеченія своего сердца въ жертву матеріальной полуобезпеченности, такъ и оставшейся, впрочемъ, не достигнутой. Вотъ цѣлыя массы лишенныхъ «на законномъ основаніи» пищи и крова («Жывцемъ поховани»), уже не знающихъ, гдѣ голову приклонить и чѣмъ обезпечить себѣ полуголодное существованіе. . Вопросъ, поставленный въ русской литературѣ Некрасовымъ: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ»?—рѣшается и нашимъ писателемъ вполнѣ отрицательно; въ подтвержденіе этого рѣшенія имъ представлена такая масса подлинныхъ «человѣческихъ документовъ», что поневолѣ припоминается пророчество: «на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумаютъ много иныхъ»... Мы не имѣли, конечно, и слабаго поползновенія использовать весь матеріалъ этого рода, заключаю-

---

[1]) Ibid., 489.

щійся въ произведеніяхъ И. С. Левицкаго, пересмотрѣвъ длинный мартирологъ погибшихъ и погибающихъ подъ гнетомъ соціальной неправды. Да едва ли, впрочемъ, этотъ матеріалъ и нуждается въ нашемъ подробномъ изложеніи, такъ какъ—мы увѣрены—онъ живетъ въ памяти каждаго читателя или легко можетъ быть освѣженъ по первоисточнику. Мы хотѣли отмѣтить лишь господствующее въ произведеніяхъ украинскаго писателя содержаніе, съ поразительнымъ реализмомъ и пониманіемъ изображающее переломъ въ народной жизни и его тягостныя послѣдствія. Маруся изъ сказки «Запорожци», возвратившись на родную землю спустя столѣтіе, находитъ положеніе родной деревни еще болѣе ухудшившимся и предпочитаетъ по прежнему обратиться въ кустъ калины, чѣмъ влачить жалкое существованіе среди современныхъ условій. Таковъ по существу выводъ и самого автора...

Но не одно экономическое оскудѣніе тяжелымъ гнетомъ лежитъ на народѣ; въ связи съ этимъ оскудѣніемъ и какъ необходимое его послѣдствіе—стоитъ умственная и нравственная темнота народной массы, поддерживаемая исключительными отношеніями на Украинѣ. Эта темнота выражается и въ самобытной формѣ—въ видѣ розни, непониманія собственныхъ интересовъ, неумѣнья приспособиться къ обстоятельствамъ; и въ наносной—въ видѣ того презрѣнія къ родной обстановкѣ, которая является какъ результатъ пресловутаго «обрусенія» и пріобщенія къ лакейской цивилизаціи. Фигуры военнаго писаря («Дви московкы») и Бубкы («Хмары»), горделиво именующаго себя уже Бубковымъ,—относятся къ числу первыхъ образовъ этого рода въ нашей литературѣ. Не смотря на комическое впечатлѣніе, которое производятъ эти и подобныя фигуры, не смотря вообще на обиліе юмористическаго элемента въ произведеніяхъ И. С. Левицкаго, ясно видно, что авторъ видитъ въ нихъ не одну комическую сторону, но тяжело задумывается надъ тѣми общими условіями, которыя производятъ на свѣтъ этихъ «перевертнивъ», своего рода «ни павъ ни воронъ», отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому, заполняющихъ только собою ряды чужеземныхъ эксплоататоровъ, съ удобствомъ усѣвшихся на шеѣ на-

рода... Кстати, у И. С. Левицкаго экономическіе эксплоататоры вообще являются большею частью чужеземцами, какъ это и въ дѣйствительности было въ первое послѣ реформы время. Нарожденіе собственныхъ «глытаивъ», всѣхъ этихъ Калытокъ, Пузыривъ и прочихъ розуваевскаго типа господъ, особенно ярко изображенныхъ въ комедіяхъ г. Карпенка-Караго, у И. С. Левицкаго не отмѣчено. На смѣну ему въ этомъ отношеніи идутъ уже новые писатели, которые заполняютъ допущенный имъ пробѣлъ въ изображеніи народной жизни.

Интересуясь болѣе всего изображеніемъ народной среды, И. С. Левицкій не оставилъ тѣмъ не менѣе безъ вниманія и нашу интеллигенцію, представивъ въ своихъ произведеніяхъ анализъ тѣхъ условій, среди которыхъ ей приходится жить и дѣйствовать. Разсматривая произведенія нашего писателя съ этой стороны, приходится отмѣтить глубоко-пессимистическій въ общемъ взглядъ его на представителей интеллигенціи на Украинѣ. Причина этому—прежде всего чужія вліянія, которыя въ силу существующихъ условій самымъ фатальнымъ образомъ отражаются на воспитаніи интеллигенціи, оторванной отъ родной почвы. «Московська школа на нашій Украини багато одризныла луччыхъ людей одъ свого народу, одъ свого племя, одъ симьи, одъ батька й матери. А зновъ народъ дуже одризнывъ самъ себе одъ панивъ, одъ вченыхъ украинцивъ и косымъ окомъ споглядае на ихъ. Межъ нымы выкопана велыка безодня! И потрибно велыкои-велыкои праци не одного генія, щобъ засыпаты ту провалыну, почату ляхамы, скинчену москалямы, щобъ звязаты те, що порвала наша недбайлывисть та стыдка украинська байдужисть та ледача недобачлывисть» [1]). Первое зарожденіе этой «безодни» представлено И. С. Левицкимъ въ бытовыхъ очеркахъ «Старосвитськи батюшкы и матушкы», гдѣ ясно уже намѣчены условія и процессы, приводящіе къ полному разрыву народа съ интеллигенціей, на первыхъ порахъ, какъ въ данномъ случаѣ—съ духовенствомъ. Процессъ разъединенія, начало котораго изображено въ «Старосвитськыхъ батюшкахъ та матушкахъ», въ позднѣйшихъ произведеніяхъ

1) Ив. Левицький.—Повисти й оповидання, т. Ш, Кіевъ, 1901, стр. 126.

И. С. Левицкаго является уже вполнѣ законченнымъ; робкія проявленія своекорыстія у «старосвитськыхъ» священниковъ превращаются въ воинствующій антагонизмъ съ народомъ у современныхъ. О. Артемій («По-мижъ ворогамы»), читающій «Московскія Вѣдомости», является уже сущимъ врагомъ своей паствы, своекорыстнымъ и преслѣдующимъ исключительно свои личныя цѣли и интересы, оторваннымъ отъ народа безповоротно эгоистомъ. Изъ всѣхъ произведеній И. С. Левицкаго наиболѣе яркую иллюстрацію этого процесса распаденія народнаго организма на враждебно настроенные классы представляютъ двѣ повѣсти: «Прычепа» («Нахаба») и «Хмары». Обѣ онѣ изображаютъ процессъ денаціонализаціи украинской интеллигенціи,—первая въ сторону ополяченія, вторая въ сторону обрусенія. Такъ какъ разрывъ съ народомъ представляетъ, по мнѣнію автора, измѣну жизненнымъ интересамъ массъ и вызывается своекорыстными разсчетами, то И. С. Левицкій не щадитъ сатирическихъ красокъ по адресу интеллигенціи. Въ обѣихъ названныхъ повѣстяхъ талантливый авторъ мастерскою рукою даетъ рядъ картинъ, изображающихъ разбродъ интеллигенціи, ея своекорыстіе, неумѣніе и нежеланіе жить съ пользой для народа, отсутствіе ясныхъ идеаловъ; это въ большинствѣ случаевъ инертная, пассивная, податливая масса, «къ добру и злу позорно равнодушная», которую легко можетъ одурачить и повести за собой всякій ловкій проходимецъ. Денаціонализаціи при этомъ подпадаютъ не только полуинтеллигентные Серединскіе и Лемишковскіе, но и высоко образованные люди, въ родѣ профессора Дашковича, который въ началѣ трезво и сознательно смотрѣлъ на свои обязанности по отношенію къ родному народу, но впослѣдствіи заблудился межъ трехъ сосенъ—науки для науки, панславизма и метафизики. Рѣдкія минуты просвѣтлѣнія, въ родѣ той, которую пережилъ Дашковичъ во время своей поѣздки на родину, безсильны возвратить этихъ завянувшихъ и выдохшихся мумій къ живому источнику народной жизни и лишь ярче подчеркиваютъ ихъ внутреннее ничтожество и безсиліе. Часто при изображеніи этихъ «дѣятелей» родной страны у спокойнаго и сдержаннаго обыкновенно автора слышатся публи-

цистическія нотки; возмущенное чувство не выдерживаетъ и прорывается рядомъ отступленій, вредящихъ, можетъ быть, художественной цѣльности, но весьма ярко характеризующихъ общее міровоззрѣніе автора.

Но на ряду съ этими отрицательными типами интеллигентныхъ слоевъ И. С. Левицкій пытается дать и положительные образы настоящихъ народныхъ дѣятелей. Таковъ Радюкъ въ «Хмарахъ», таковъ Комашко въ позднѣйшей повѣсти «Надъ Чорнымъ моремъ». Къ сожалѣнію, положительные типы нашего писателя страдаютъ недостатками, свойственными вообще положительнымъ типамъ, для созданія которыхъ текущая дѣйствительность представляетъ слишкомъ недостаточно матеріала. Не отражая жизни, а опережая, такъ сказать, ее, такія созданія весьма неопредѣленны, блѣдны и лишены тѣхъ рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ, которыми изобилуютъ другія образы нашего писателя.

Обращаясь къ художественнымъ средствамъ И. С. Левицкаго, мы должны отмѣтить прежде всего его крупныя достоинства, какъ бытописателя, основывающіяся на прекрасномъ знаніи той сферы, изъ области которой онъ заимствуетъ темы для своихъ произведеній, а также умѣнье пользоваться этимъ знаніемъ. По характеру своего творчества, по манерѣ—это типичный эпикъ, спокойно и безпристрастно разбирающійся и въ сложныхъ проявленіяхъ души человѣческой, и въ явленіяхъ природы и лишь сравнительно рѣдко не выдерживающій спокойнаго тона. Особенно любитъ И. С. Левицкій останавливаться на картинахъ и явленіяхъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ несомнѣнно крупнаго мастера, давшаго много прекрасныхъ образцовъ описательной прозы. Въ описаніяхъ И. С. Левицкаго преобладаетъ пластика, внѣшнее изображеніе, производящее тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе своею свѣжестью и колоритностью. Къ сожалѣнію, по мѣрѣ того, какъ И. С. Левицкій отходитъ дальше отъ вдохновлявшей его на зарѣ литературной дѣятельности эпохи перелома и шатанія, его произведенія становятся блѣднѣе, эскизнѣе, а реальной и художественной правды въ нихъ меньше. Произведенія послѣдняго періода вообще отмѣчены пе-

чатью усталости, въ зависимости отъ чего достоинства ихъ выступаютъ слабѣе, а недостатки (нѣкоторая условность, реторичность и растянутость) вырисовываются рѣзче. Лучшими произведеніями И. С. Левицкаго по прежнему остаются его старыя повѣсти и разсказы, о которыхъ мы упоминали выше.

По характеру своей дѣятельности И. С. Левицкій вообще занимаетъ особенное, исключительное мѣсто среди украинскихъ дѣятелей. Натура въ высшей степени спокойная, уравновѣшенная, онъ былъ свободенъ въ своей дѣятельности отъ той неровности и нервности, какой отличались почти всѣ другіе наши выдающіеся писатели. Въ то время, какъ болѣе страстныя натуры безпомощно бились въ тискахъ невозможныхъ условій, кидались изъ стороны въ сторону, размѣниваясь часто на мелочи—И. С. Левицкій твердо шелъ въ одномъ направленіи, систематически работая, регулярно производя на свѣтъ повѣсть за повѣстью, разсказъ за разсказомъ, находя при томъ еще возможность служить народу и въ качествѣ популяризатора и откликаясь иногда на злобы дня публицистическими произведеніями [1]). Благодаря этому отсутствію нервности, въ дѣятельности И. С. Левицкаго почти незамѣтно перерывовъ, антрактовъ, которыми такъ богата дѣятельность другихъ украинскихъ писателей; на немъ всего менѣе отразились общія неблагопріятныя условія существованія украинской литературы. Было время (вторая половина 80-хъ годовъ), когда онъ одинъ изъ болѣе крупныхъ старыхъ писателей появлялся предъ украинской публикой въ Россіи, и только по его произведеніямъ читатели могли судить объ украинской литературѣ Можно съ увѣренностью сказать, что въ данныхъ предѣлахъ И. С. Левицкій все земное совершилъ, занялъ прочное мѣсто среди дѣятелей украинскаго народа и спокойно можетъ оглядываться на пройден-

---

[1]) Наибольшею извѣстностью изъ публицистическихъ опытовъ И. С. Левицкаго пользуется его работа по поводу статьи Пыпина «Особая исторія русской литературы», озаглавленная—«Украинство на литературныхъ позвахъ зъ Московщыною» (подписана псевдонимомъ Баштовый).

-ный путь. Если украинская идея не заглохла окончательно въ тяжелые 80-ые годы, если мы теперь наблюдаемъ оживленіе среди украинскаго общества, распространеніе украинскаго движенія въ ширь и въ глубь, что между прочимъ отмѣтилъ въ одной изъ своихъ рѣчей и самъ юбиляръ, то этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ ему, давшему образецъ систематическаго, спокойнаго и нетороцливаго труда...

Далеко не все изъ написаннаго нашимъ писателемъ увидѣло свѣтъ въ Россіи: вышедшіе до сихъ поръ три тома полнаго собранія его сочиненій («Повисти й оповидання») заключаютъ въ себѣ лишь незначительную часть его литературной продукціи. Многое не допускается къ печати, многое появляется съ весьма значительными купюрами. Причина этого лежитъ въ общихъ условіяхъ существованія украинской литературы, которое до сихъ поръ носитъ всѣ признаки случайности, полу-признанія и едва-едва терпится въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ. Ненормальность такого положенія дѣлъ всѣми сознана, и потому весьма удачной является мысль, возникшая на юбилеѣ И. С. Левицкаго, просить у подлежащихъ сферъ освобожденія украинской литературы отъ того отношенія къ ней, которое, продолжаясь уже болѣе 40 лѣтъ (съ 1863 года), особенно обострилось съ 1876 г., когда издано было ограничительное распоряженіе, извѣстное подъ именемъ Lex Josephoviana. Въ этомъ смыслѣ была составлена присутствовавшими на юбилейномъ торжествѣ соотвѣтственная резолюція. Повторяю — удачна и самая мысль, такъ какъ все общество должно, наконецъ, само взять въ свои руки иниціативу справедливаго и удовлетворительнаго разрѣшенія наболѣвшаго вопроса, не сваливая всю его тяжесть на отдѣльныхъ лицъ; не менѣе удачно и пріуроченіе этой мысли къ юбилею одного изъ выдающихся украинскихъ писателей, въ теченіе всей своей жизни практически осуществлявшаго ее своими единоличными усиліями и испытавшаго на себѣ самомъ тяготу неудовлетворительной постановки украинскаго вопроса. Упомянутое ходатайство, имѣющее вообще громадное общественное значеніе, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и естественной данью уваженія къ

заслугамъ любимаго писателя, подчеркивая, съ другой стороны, все растущую солидарность различныхъ круговъ украинскаго общества—по крайней мѣрѣ, относительно самого, быть можетъ, больного вопроса нашей жизни. Если общество сумѣетъ достигнуть отмѣны ограниченій, созданныхъ спеціально для украинской литературы, то этимъ оно выразитъ лучшую признательность дѣятелямъ ея и крупнѣйшему среди нихъ—И. С. Левицкому...

Сергій Ефремовъ.

ГОЛОТА.

(Повисть).

I.

Балачка потроху, якъ той вогонь безъ палыва, затыхла; вси замовклы и, наче прыслухаючысь до жалибного витру въ дымари, дывылысь на червоне свитло полумья зъ грубкы—лежанкы. Въ велыкій сій брудній хати, що недурно звалася, «чорною скарбовою кухнею», було вохко, холодно и занадто незатышно; пахтило чымсь кыслымъ—чы то намоклымъ кожухомъ, чы то старою капустою, чы то заприлымы онучамы. Въ вечирній тьми, яку розбывало червоне свитло полумья зъ лежанкы та жовтенькый свитъ видъ невелычкои керосыновои лампочкы зъ розбытымъ и залипленымъ жовтымъ паперомъ скломъ, плававъ сыній дымъ, наче хмары, по-пидъ стелею и гостро щыпавъ у носи и за очи. Занадто вже незатышна була ся «кимната». Всякому выдно було, що тутъ жылы люде, якымъ не до затышку, що сю «кимнату» прызначено не до бенкетивъ, не до втихъ, а до захысту у негоду, щобъ було де йисты и спаты тоди, якъ не було «скарбовои» роботы. До сёго жъ тутъ було все, що треба. Щобъ зпекты хлиба, була здоровенна зъ пузатымъ коминомъ пичъ, яка почыналась видъ дверей и займала мало не всю стину; вздовжъ неи тяглася довжелезна лежанка зъ двома вмурованымы казанамы, въ

якыхъ варывся для сыхъ людей «кандёръ» и брудна юшка, яку тильки зъ завычкы звалы «борщемъ»; вздовжъ стины, що проты дверей, стоявъ довгый, ничымъ не вкрытый стилъ та довги лавы. Для спання — одъ печи до стины тягся довгый, шырокый пилъ, на якому було накыдано жужмомъ усякого шмаття. Вгори була стеля; знызу—чорна, земляна доливка; въ одній стини—двери, въ другыхъ—-тры-чотыри диркы, що мусылы буты викнамы.

Було тыхо и сумно. По зеленкуватыхъ шыбкахъ бывъ и шелестивъ дощъ, наче хто знадвору посувавъ по ныхъ виныкомъ; гудивъ витеръ, та десь далеко глухо гавкала собака, одноманитно, ривно, безъ злосты й захопленя выгукуючи: гавъ! гавъ! гавъ!..

— А чы не можно-бъ тамъ скорище зъ вашою вечерею?— раптомъ промовывъ зъ переднёго кутка Трохымъ своимъ похмурымъ, здушенымъ голосомъ и злегка повернувъ голову до печи. Очи ёму, якъ и разъ-у-разъ, дывылысь у бикъ; тонки сыни губы зъ риденькымы невелыкымы вусамы булы тисно зложени, и зъ усёго худого, гострого облычча ёго, колёру мидяного пьятака, зъ густымъ ряботыннямъ, выявлялась здержана, зла нетерплячка.

— Бо ёму вже на музыкы часъ иты!—роблено-байдуже, зъ захованою насмишкою, додавъ Андрій, лежучы зъ краю на полу, спершысь на ликоть и похытуючы ногою въ чоботи «бутылкою». Трохымъ тильки мовчкы блыснувъ на ёго своимы чорнымы, гострымы, якъ дви голкы, очыма и зновъ зупынывъ свій поглядъ десь въ кутку на полу.

— Всты-ы-гне!—байдуже, не озыраючысь промовыла Кылына и, вытершы рукы объ полы, взяла зъ лавы велыку, якъ лопата, деревьяну ложку—полоныкъ—и почала мишаты въ казани, зъ якого клубкамы выходыла пара.

— Подай силь, Марынко!—додала вона, не повертаючы головы.

Марынка покынула соваты въ грубку солому, що купою лежала передъ лежанкою, и кынулась до лавы. Схопывшы силь у чорній, зъ одбытымъ краемъ, рынци, вона повернулась и поспишаючысь понесла іи до Кылыны,—але, спиткнувшысь на пивъ-

дорогы, махнула рукою и простяглась на доливци, далеко одкынувшы видъ себе рынку, що розлетилась на черепкы. Не встаючы зовсимъ на ногы, але ставшы тильки на колина, вона пидняла свое худе, блиде лычко зъ маленькымы очыма, въ якыхъ и такъ завше свитывся страхъ, а теперъ дывывся цилый жахъ, и мовчкы, пиднявшы злякано бровы, стала дывытысь на Кылыну. Та жъ, тильки безсыло пустывшы рукы вздовжъ тила, озырнула іи, стыснула плечыма и, чы то зъ жалемъ, чы то зъ незадоволенням, промовыла:

— Чы ты зъ розумомъ, дивчыно? Летыть, женется, наче іи хто въ шыю штовха...

Марынка все такъ же мовчкы, не зводячы шыроко росплющеныхъ очей, дывылась на неи. Кылына ще разъ стыснула плечыма и, поклавшы ложку на лежанку, почала збираты розсыпану силь, а Марынка одповзла до лежанкы и почала соваты въ грубку солому.

— Що, посіяла?—добродушно всмихаючысь, промовывъ дидъ Юхымъ, пидходячы до лежанкы зъ своею набытою тютюномъ, закоптилою й обмотаною посередыни дротомъ, люлькою.— Не жаліешъ панськои соли, га?—прысидаючы до грубкы и дывлячысь на Марынку своимы ще молодымы, карымы очыма, пидъ якымы высилы два зморщени михурчыкы, спытався винъ. Вогонь загравъ по круглій лысыни и сывуватій бороди зъ закуренымы тютюномъ жовто-зеленымы вусамы, на ривному, тонкому носи и, перескочывшы зъ ёго, облывъ своимъ жовто-червонымъ колёромъ невелычке, худе тильце Марынкы въ якійсь подраній, велыкій кохтыни, зъ босымы, бруднымы, сынимы й порепанымы ногамы, зъ дытячымы ще рукамы. Вона, якъ вынна, боязко всмихнулась и трохы видсунулась, даючы мисце Юхымови.

— Дарма, дарма... сиды... вары... Я ось тильки люльку запалю та й тикатыму...—выбираючы соломынку, промовывъ винъ своимъ гунявымъ голосомъ. (Якъ винъ говорывъ, то здавалось, нибы винъ попавъ у хату, повну дымомъ, и позатулювавъ соби низдри. Кримъ того «к» винъ зовсимъ не вымовлявъ; скоро доходывъ до сеи литеры, такъ ёго наче хто за языкъ шарпавъ у

той ментъ). Соломынка знайшлась. Запалывшы іи, винъ пиднисъ до люлькы и, прытоптуючы тютюнъ короткымъ, зъ покаличеным нигтемъ пальцемъ, почавъ напружено й пыльно смоктаты. И смоктавъ винъ такъ старанно, такъ голосно, що де-хто ажъ задывывся на ёго, навить Кылына, повернувшы свою горду, темнорусу голову зъ поважно серьёзнымы, сирымы очима, дывылась згоры на люльку. Тильки Трохымъ у своему кутку «пидъ богамы» та ти, що спалы, або такъ соби лежалы на обгорнутому напивъ-тьмою полу, не рухалысь и не зверталы на ёго увагы.

— Горыть? а?—смоктнувшы въ останне, звернувся дидъ до Марынкы и ласкаво простягъ до іи головы руку. Але Марынка злякано одхылылась и, мовъ захыщаючысь, пидняла ликоть.

— Та чого ты, дурненька!—усмихнувся винъ,—я погладыты тебе хотивъ, а ты боишся... Залякана!—пидводячысь, сказавъ винъ до Кылыны. Та махнула безнадійно рукою.

— Я вамъ кажу—таке затуркане, таке залякане,—промовыла вона зъ жалемъ,—що ажъ сумно дывытысь. Вже отъ скильки я тутъ... вже отъ зъ пивъ-року... николы ій ничого... и пальцемъ не торкнула. А отъ... боится та й годи. Чысто якъ те цуценя...

— Тутъ іи Горпына, що передъ тобою була, дуже была. Та що хочешъ?.. Безъ батька, безъ матери, яке вже воно буде. Пожалиты то мало хто догадается, а штовхнуты никому не важко. Да-а. Сыроти у наймахъ не весёлая прыпорція..

— Та то вона Трохыма такъ боится!—гукнувъ зъ полу Андрій своимъ дзвинкымъ, молодымъ голосомъ.—Винъ іи сватотыме, якъ выросте. Боится, щобъ не ревнувавъ...

Дидъ Юхымъ мовчкы глянувъ на ёго и поволи одійшовъ до столу, позыркуючы мымохидь на Трохыма, якый, зачувшы свое имя, хутко обвивъ всихъ очима и зновъ, тарабанючи пальцямы по столи, ставъ дывытысь на пилъ.

— Щыпае винъ тебе?—моргаючы въ той бикъ, де лежавъ Андрій, усмихнувся Юхымъ, звертаючысь до Трохыма.

— Хай скавучыть, не вкусе!—похмуро всмихнувшысь, бовкнувъ той, не пидводячы очей.

— Х-мъ... Не вкусыть...—прогунявывъ роздумлыво Юхымъ.— А якъ укусыть?.. скавучыть, скавучыть та й грызне... А?..

— Та й дывно було бъ, якъ бы не погрызлысь!—вмыть озыраючысь до ныхъ незадоволено промовыла Кылына.—Стари, а ще й соби...

— Хе, хе, хе!.. весело засміявся Юхымъ, одхыляючы трохы назадъ свою лысу голову.

— Та-ій Богу! Наче мали: пидцьковують та й пидцьковують!

— Та хай побьются, дурна!—скрыкнувъ Юхымъ.—Чоловикъ тоди й жыве, колы бьется.

— Эге! «тоди й жыве»...

— А то жъ! И кровъ горыть, и думка литае!.. Хочъ выдно, що чоловикъ... Я, якъ бувъ молодымъ, такъ не було того тыжня, щобъ не бывся зъ кымъ-сь. А теперъ хоча на другыхъ подывытысь...

Въ сей ментъ на двори биля хаты зачувся якыйсь смихъ, гоминъ, тупотиння ниґъ, яке незабаромъ перейшло до дверей, а тамъ и въ сины.

— Мабуть, Софійка зъ хлопцямы зъ села вертаются...— прыслухавшысь, промовывъ Юхымъ и, позихнувшы, почавъ довбатысь въ люльци.

— А-ге-ей! Прыймайте гостей!—голосно, весело залунало у синяхъ. Двери розчынылысь, и въ хату зпершу влетивъ сывый, велыкый клубокъ морозу, за нымъ сирый песъ Тикай, а вже за Тикаемъ, регочучысь, перебываючы одне одного, засапавшысь, вбиглы Софійка, Киндратъ и Грыцъ.

— А вы вже вечерю?—озыраючысь на вси бокы, заговорыла швыдко-весело Софійка, на ходи розвьязуючы велыку хустку й пидбигаючы до полу.—А тутъ сплять? Ой, матинко! Сёгодня недиля, а вони сплять!.. А у панивъ, Господы, гостей, госте-ей!.. Некыпаживъ тыхъ повенъ двиръ, якъ на ярманку!.. А компаты ажъ горять?.. Варять, печуть... Таке тамъ на билій кухни, ажъ

страхъ!.. А насъ и не клычуть!.. Уси кучери на тій кухни, а до насъ чортови задавакы й не плюне ни одынъ... Пхы! Чортъ ихъ беры!.. Мы й такъ погулялы!.. А знаешъ, Кылыно, що намъ було на сели?.. Цыть, Грыцю, не кажы... Хай покортыть!..

Зроду жвава, вона сёгодня була ще жвавища, якось нервово жвава. Краплыны дощу блыщалы на іи довгыхъ, билявыхъ віяхъ, на бровахъ, на повныхъ, румяныхъ видъ холоду щокахъ, густо засіяныхъ (надто биля носу) ластовынnямъ, одблыскувалы й наче сміялысь разомъ зъ іи сынимы, вузькымы, довгымы очима, разомъ зъ губамы, яки якось такъ высоко пидіймалысь, що выдно було не тильки ривни, били зубы, але й червони ясна. Але се було навить мыло у неи. Зкынувшы драптыву, стару, пожовклу свыту, вона раптомъ выстрыбнула на пилъ и почала шарпаты й тягаты якусь людыну, що лежала, прыкрывшысь кожухомъ. Людына заворушылась, захрыпила и глухо закашлялась, пидскакуючы й соваючы ногамы.

— Ой! Це дядько Панасъ!—зареготалась Софійка и, перескочывшы черезъ ёго, нахылылась надъ якоюсь чорною кучею свытокъ, зъ-пидъ якои вже давно чулось прыдушене шепотиння й хихикання, и почала давыты іи рукамы. Зъ пидъ кучы вызырнула голова зъ невелычкымы вусамы и, озырнувшысь навкругы, зупынулась на Софійци.

— А тоби чого?—хрыпло спытала голова.

— А до васъ! Прыймете? Чы вамъ и безъ мене тисно?

— Та нáщо жъ свыту тягнешъ? Ты!.. Софійко! Та ну!.. А дывы!.. Тю, дурна!..

— Сёгодня недиля! не можно спать!—тягнучы за свыту, серьезно одмовыла вона, але въ сей ментъ свыта вырвалась и Софійка, поточывшысь, захыталась и зъ веселымъ смихомъ упала на якусь жиночу постать, що лежала, тисно обнявшысь зъ хазяиномъ головы. Перекотывшись черезъ неи, вона лягла мижъ нымы и почала жартивлыво обниматы парубка. Але, глянувшы якось до столу, де щось жыво оповидавъ Грыць, вона раптомъ стурбовано схопылась, зстрыбнула зъ полу до-долу такъ, що ажъ загуло, и, пидбигшы до Грыця, стала пыльно прыслухатысь до

його. Грыць, звертаючысь здебильшого до Трохыма, або до дида Юхыма, щось весело одповидавъ, голосно своимъ звычаемъ регочучысь и закыдаючысь всимъ велыкымъ своимъ станомъ назадъ. Чорный чубъ його, ривно пидстрыженый на лоби, тоди кудовчывся; шыроке, засмажене сонцемъ и негодою лыце налывалось кровью, нибы винъ пидиймавъ якусь велыку вагу; трохы лупасти очи ховалысь у зморшкахъ, а зъ шырокыхъ грудей, на якыхъ телипався засмальцёваный пиджакъ, голосно, якъ зъ велычезнои порожнёи дижкы, вылитало: «гу́-гу-гу-гу!.. го́-о-го-го»! Биля його стоявъ Киндратъ у своёму чудернацькому жупани, якого винъ купывъ у старого Хаима за 20 коп. й якый прыходывся ёму станомъ якъ разъ трохы ныжче сутулыхъ плечей; стоявъ, заклавшы рукы за спыну пидъ поламы свого жупана, и, выставляючы до свитла зелену плысову жылетку зъ перламутровымы гудзыкамы, всмихався своею тыхою, добродушною усмишкою. Правда, винъ завше такъ всмихався, кого-бъ и шобъ не слухавъ; хиба вже бачывъ слёзы, або велыку лайку, то робывся серьезнымъ; тоди його тонки губы складалысь тисно, а довгобразе, прыщувате облычча зъ довгымъ гострымъ носомъ и маленькымы сиренькымы очима дывылось пыльно, напружено й збентежено. Слухаючы Грыця, винъ водывъ очима зъ Трохыма на дида, зъ дида на Грыця, зъ того зновъ на Трохыма,—хто въ той часъ говорывъ, и добродушно посмихався. Трохымъ слухавъ, не дывлячысь ни на кого, зъ своею звычайною скрывленою похмурою усмишкою, тарабанячы чорнымы видъ бруду й праци пальцямы по столи; дидъ Юхымъ поблыскувавъ своимы молодымы въ михурчыкахъ очима и, поглажуючы бороду, иноди перепынявъ оповидача. Кылына й Марынка поралысь биля лежанкы, а Лука все такъ же лежавъ на полу и похытувавъ своимъ блыскучымъ чоботомъ.

— Та, братъ, якъ не уче́пытся до його, а той якъ не крутне нею, якъ не заколотытся у хати!.. Я до ихъ...

— Та брешешъ! Отъ же й брешешъ!—раптомъ перепынила Грыця Софийка, що зъ якымсь напруженымъ стурбованнямъ слухала и заразъ же, звертаючысь то до Трохыма, то до дида, хутко заговорыла:

— Зовсимъ не такъ... Бо винъ ставъ уперёдъ чипляться до мене...

— Та я жъ кажу...

— Кажешъ та не такъ! Винъ усе хотивъ, щобъ я сама сила коло ёго, а мени що? Пхи!.. Удывительно!..

Грыць, що стоявъ и, кумедно застыгшы, дывывся на Софійку, якъ вона говорыла, на сёму слови наче прокынувся,—спершу зареготався, одкынувшысь назадъ, потимъ видъ задоволення кынувся на неи и жартивлыво почавъ душыты іи, не звертаючы увагы ни на Софійчынъ веселый крыкъ, ни на увищання Юхыма, ни навить на поважне шарпання Киндрата, що ще шырше усмихався.

— Тю, скаженый!—засапавшысь, вырвалась нарешти Софійка. Кровъ ударыла ій въ лыце, низдри маленького носу ходылы ходоромъ, груды хвылювалысь пидъ сынёю зъ червоными гудзыкамы кохтыною; вся вона невелычка, повна, пашила здоровьямъ и жыттямъ.

— Та говорить же хтось!—нетерпляче крыкнула видъ печи Кылына.—Почалы та й...

— Та колы жъ цей... дурмануватый... Ну, та й той... Ну й почавъ винъ чипляться до мене...

— Хто?—зачулось зъ полу видъ розбурканои парочкы, що зновъ укрылась свытамы и тильки вызырала прытуленымы одна до однои головамы.

— «Хто!»—хутко озырнувшысь до ныхъ и зновъ повертаючысь до всихъ, скрыкнула Софійка.—Та той же... Цыбатый! Задается такъ, прямо хочъ куды! Я, мовлявъ...

— Иванъ, чы Хведиръ?

— Та вже жъ Хведиръ!.. Иванъ, той ничого... Той плохый соби. А той несется, якъ жыдивськый гындыкъ... Пфа! Я, мовлявъ, багачъ, а вы що? Голодрабци!..

— Такъ и казавъ?—встромывшы на менть въ Софію свои дви голкы-очи, бовкнувъ Трохымъ, зновъ нахыляючы свое мидяне, подзюбане лыце до столу.

— А то-жъ! «Я, каже, хазяинъ!»—весело скрыкнувъ Грыць.

— «А вы гольтипакы, голодрабцы!»—пидхопыла Софія.— «Чого, каже, сюда ходыте? Забирайтесь на свою økономію»!..

— А вы жъ имъ що... кисткою въ горли сталы?—прогунявывъ Юхымъ, зновъ выймаючы люльку зъ своихъ латаныхъ и перелатаныхъ «брукивъ», якъ винъ пазывавъ свои штаны зъ того часу, якъ самъ панъ власноручно вынисъ и виддавъ ёму ихъ у вичню власнисть.

— А я знаю? Каже: «у васъ йе свои дивчата», а самъ до насъ чипляется... Тильки мы прыйшлы, винъ заразъ ставъ лизты до мене... А мени що? Удывительно! Мени що багачъ, що голодрабець—все одно. Правда? Пхе! гулять все одно зъ кымъ!..

— Та чого жъ вы завелыся?—роблено позихаючы, спытавъ Андрій, сидаючы на полу и пацаючы ногамы.—Того, що винъ багачъ?

— Ба ни! А того, що винъ—дурень!

— То бъ то хазяйськый сынъ та дурень?—мыркнувъ Трохымъ, дывлячысь у стилъ и ехыдно всмихаючысь.

— Гó-о-го-го!—зареготався Грыць.

— А ну, ще на копійку—зневажлыво й холодно всмихаючысь, промовывъ Андрій.

— Тю! трясця бъ вамъ въ жывитъ!—скыпила Кылына, нервово встаючы й кыдаючы злистно картоплю въ макитру.—Николы не дадуть договорыты! Прямо чорты и бильше пичого!

— Гý-у-гу-гу!—ще голоснище загувъ Грыць и навить зъ велыкои втихы насивъ па Кипдрата, що добродушно всмихався соби, й почавъ дýшыты ёго.

— Грыцько! Покынь!—бовкнувъ Трохымъ:—дай, хай говорыть...

Грыць заразъ же покынувъ и, навить обнявшы Киндрата, сивъ лагидно разомъ зъ нымъ на лаву и промовывъ до Софійкы:

— Ну, говоры, удывительна! А то я буду говорыть.

— Ты сыды краще тамъ!—почулось зъ полу.—Говоры Софійко!

— Та що говорыть? Я ёму втерла носа, щобъ не задавався, а винъ... почавъ бытысь.

— Э?

— Ій-Богу! Якъ дала ёму одкоша́, такъ винъ заразъ же почавъ щось одному, другому «шы-шы-шы» на ухо. А ти, звисно, кому гроши ёго мыли, почалы зачипаты насъ... А я на злисть... Начхать на самого Хведора й на ёго гроши. Узяла та й обняла Хомченкового Сыдирка. А винъ, наче скажена собака вкусыла ёго, якъ схопытся... «Забирайтесь, каже, голодрабци»! А я ёму: «хочъ голодрабци, та не грабылы никого, а хазяйськи сыны й не голодрабци, такъ граблять до голого тила». Винъ до мене... А мени що? Пхы! Начхать я хотила! Узяла та й пхнула на всю руку... А винъ тоди и вдарывъ. Ну, наши хотилы вступыться, та не далы...

— Насылу, брать, втеклы!—скрыкнувъ Грыць.—Прямо... якъ чорты лизуть...

— А вдарывъ катюга дуже,—весело додала Софійка, сміючысь,—ажъ доси болыть!

— Х-мъ... Воно разъ-у-разъ болыть, якъ бьють,—иронычно вставывъ Юхымъ, набираючы люлькою тютюнъ зъ долони.

— Та-а-къ...—потягуючысь, вставъ Андрій зъ полу и, позихаючы, пидійшовъ до столу.

— А може не такъ?—зъ веселымъ задоромъ кынула ёму Софійка.

— Не чипай ёго, винъ тежъ хазяйськый сынъ!—муркнувъ Трохымъ.

— То що?—здержуючысь, зневажлыво спытавъ Андрій. На молодому, вкрытому ще нижнымъ пухомъ лыци ёго почавъ розлыватысь зъ-за шыи румьянець.

— То ничого,—усмихнувся Трохымъ.

— Бытыме?—крутнулась до Андрія Софійка.

— А то пожаліе, думаешъ?—зареготався Грыць.—Ого! Хазяйськи сыны, брать, голодрабцивъ не люблять...

— А ты такы справедлывый голодрабець!—зачувся зъ полу жиночый голосъ.

— О! Хазяйська дочка обизвалась!

— Хто? Санька—хазяйська дочка?—пиднявъ бровы Киндрать.

— А чымъ бы вона не хазяйська дочка?—встаючы, промовывъ Юхымъ.—Пивторы козы на прыпони, у запичку квочка на трёхъ бовтунахъ, сама взута, ажъ пьятамы свитыть... Ще тоби не хазяйка?

— Ой, диду, хто-бъ казавъ ще!—крыкнула Санька.—Бодай вже зъ такымы хазяйнамы, якъ и вы!

— Оттакъ!—усмихнувся дидъ.—А хиба жъ я не хазяинъ? Хе-хе-хе! За пазухою такого худобы, що й пана Гаврыльчука переможу!..

— Ой, Господы!—зитхнула Кылына. Якъ вже мени въ печинкахъ сыдыть ваша лайка, такъ и ну ёго къ чорту!

— Ничого, дивко!—прысидаючы зновъ до грубкы, заспокоивъ іи Юхымъ.—Полаемось та й побьемось!

— А васъ бы першого!

— Мене?

— Та вже не мене...

— Ни! Мени ось що дывно:—озыраючы всихъ гострымъ, насмишкуватымъ поглядомъ, промовывъ Трохымъ.—Чого це такъ— хазяйськи сыны, та по наймахъ тыняются? У голодрабцивъ хлибъ одбывають...

— То-бъ то, сынку: «навздогадъ бурякивъ, щобъ далы капусты?»—озырнувся, сыдячы Юхымъ.—Чы не голодрабци й мы соби, благословы насъ Господы? Хе-хе-хе!..

— Та вже до васъ не пишовъ бы позычать,—кынувъ Андрій.

— У самого багато?

— А багато!

— Дывы!—хытнувъ головою Трохымъ.—Може бъ и намъ ще позычывъ?

— На вичне оддaня?

— Такъ ты жъ хазяинъ!

Андрій повернувся, щобъ щось сказаты ёму, але махнувъ тилькы рукою и пидійшовъ до полу, де порпалась Софійка. Дехто засміявся.

— Ни, винъ насъ и такъ почастуе,—весело, насмишкувато промовыла Софійка, складаючы свою кынуту свыту.—Правда, Андрію?

Андрій ничого не промовывъ. Румьянець все бильше розлывався ёму по лыци и вже выразною смужкою доходывъ до носа и червонывъ лоба. Тонки, золотысти бровы ёго все бильше хмурылысь, а верхня, задерта трохы вгору губа почала здригатысь. Чысте, молоде, хлопчаче ще облыччa ёго зъ ямкою на пидборидди и зъ золотымы кинчыкамы кучерявого, ясно-русого чуба було напружене й збентежене.

— Почастуешъ? А?—засміялась Софійка.

— Одъ Хведора мало дистала, дакъ ще й видъ Андрія хочешъ?—байдуже промовыла Кылына видъ лежанкы.

Андрій хутко, пыльно подывывся на неи, потимъ звернувся до Софійкы й промовывъ:

— А хочешъ, дамъ заразъ на горилку?

— Хочу!

— Та бреше! Не дасть! Задается!—зареготався Грыць.

— Брешу?? Такъ отъ же... На!..—палко, гордо крыкнувъ Адрій и, ришуче кынувшысь до кышени, вытягъ гаманець, поколупавъ у ёму и, вытягшы де-килькы монетъ, подавъ ихъ Грыцеви. Той здывовано подывывся на ёго, але грошi взявъ и заразъ же почавъ рахуваты.

— А багато?—зазыраючы черезъ плече ёму, спытавъ, пидійшовшы, Юхымъ.

— 55 копіёкъ.

— 55? Х-мъ... Що жъ за ихъ можно выстругаты?—замыслывся дидъ.—Тильки, значыть, понюхаты та облызаться?

Андрій знову мовчкы розстибнувъ гаманця и ставъ колупаты въ ёму, але вже не зъ тымъ посмихомъ и запаломъ, що ранище.

— Скильки тамъ?—похмуро кынувъ винъ до Грыця.

— Ха-ха-ха!—зареготався Трохымъ.—Ховайте скорище ти, що давъ, бо одбере.

Андрій спалахнувъ и ненавыстно подывывся въ той бикъ, де сыдивъ Трохымъ.

— Та плюнь на ёго!—мыролюбыво взявъ Андрія за ликоть Юхымъ— винъ тильки такъ соби... дражнытся... зъ тебе... Отъ

сядьмо соби тутъ... О!.. Ты хочешъ насъ частуваты? Х-мъ. . Насъ... одынъ, два, тры, чотыри... одынадцять чы дванадцять чоловикъ.. Пивъ кварты на всихъ? Чы по чарци хочъ буде? Стій, стій... хиба я кажу, щобъ мы вси понапывалысь, якъ свынюкы? Отъ тоби й маешъ! Чарку, другу... отъ и харашо! Да-а... А колы нема й по чарци, то чы стоить гроши кыдать по дурному? Такъ уже карбованця кынь имъ межы зубы та ще й прыкажы до цёго: «Нате, мовлявъ, та знайте мою ласку»!.. О... Отъ це я понимаю... А якъ, выходыть, що тильки, значыть, подражныты, дакъ и заходу жаль.

Дидъ Юхымъ пыльно скоса подывывся на Андрія, що, зновъ хапаючысь, колупавъ у гаманци. Вынявшы звидты ще скильки-сь монетъ, винъ гордо подавъ ихъ Грыцеви й додавъ:

— На вси!

Грыць подывывся на Андрія, на Юхыма и зновъ на Андрія, що державъ гроши. Потимъ, все-такы не зовсимъ довиряючы, взявъ монеты и, здвыгнувшы плечыма, озырнувся до Софійкы и Киндрата, що пыльнувалы всёго того.

— Не вирыть!—моргнувшы Андріеви на Грыця, усмихнувся Юхымъ.

— Та цилого, братъ карбованця давъ!—крыкнувъ Грыць, переличывшы гроши. Потимъ, махнувшы у себе надъ головою кулакомъ, крутнувся, кынувся до полу и почавъ хутко одягатысь.

— Отъ тоби й хазяйськый сынъ!—гукнувъ винъ до Трохыма, зъ такымъ выглядомъ, якый нибы говорывъ: «я жъ тоби казавъ, якый се чоловикъ»!

Але Трохымъ тильки мицнише зтуливъ губы, черезъ що усмишка здавалась тонкою, якъ кинчыкъ добре выклепаной косы. Грыць одягся и, на ходу пидперизуючысь, весело выбигъ зъ хаты.

II.

Въ кухни затыхла, потимъ зновъ зачалась балачка, але Трохымъ вже не мишався: винъ мовчкы сыдивъ и постукувавъ

пальцямы по столи. За те Андрій якось занадто вже розвеселывсь: балакавъ, жартувавъ, ганявся за Софійкою и дзвинко, якъ хлопчыкъ, реготався на всю хату. А румъянецъ ще бильше червонывъ ёму щокы и наче вызыравъ зъ жывыхъ очей, яки сталы ще жывищи и блескучищи. Винъ навить почавъ вчыты Тикая стояты на заднихъ лапахъ, але заразъ же покынувъ и зновъ завивъ цилый гармыдеръ зъ Софійкою.

Солома въ грубци спалахнула веселымъ полумьямъ, зъ казана здіймалася все густище и густище пара и, лоскочучы роздратованый апетытъ, розходылася по хати и змишувалася зъ дымомъ въ якыйсь особлывый, гострый духъ. Навить Тикай не вытрымавъ ёго сылы и ставъ пыльно дывытысь до Кылыны, замисць хвоста ласкаво покручуючы всимъ задомъ. Але Кылына навить не помичала ёго. Вона задумлыво, дывлячысь кудысь за мысныкъ своимы велыкымы, спокійнымы, якъ у вола, очима, мишала у казани и, здавалось, ничого не бачыла, навить Лукы, якый чогось все спынявся биля неи и навить ненарокомъ торкався іи поважнои, высокои, дужои постати. Вона тильки злегка одхылялась и все дывылась за мысныкъ.

А Тикай все не зводывъ зъ неи очей и крутывъ задомъ.

— Пишовъ!.. Ты!..—тыхо проганяла ёго Марынка, махаючы жмутомъ соломы. Але винъ нашвыдку озырався на неи, ступавъ у бикъ де-кильки ступнивъ и зновъ уважно дывывся угору до Кылыны, мовъ видъ сеи ёго пыльносты залежала вся справа зъ вечерею.

— Та палыцею ёго!—порадывъ Киндратъ Марынци, але та тильки несмило глянула на ёго и, зновъ махнувшы на Тикая соломою, повернулась до грубкы. Трохымъ, мовъ выведеный зъ задумы, подывывся на ныхъ и, довше зупынывшысь очима на Тикаеви, рантомъ усмихнувся и вставъ зъ-за столу. Повернувшысь спыною до лежанкы, винъ одломывъ шматокъ хлиба видъ окрайця, що лежавъ на столи, и, сховавшы въ кышеню, пидійшовъ до грубкы. Сившы до вогню и пиднявшы солому, винъ прутыкомъ знайшовъ велыку жарыну и пидкотывъ іи до самого краю грубкы. Потимъ зъ тою жъ мовчазною усмишкою поманывъ до себе Ти-

кая и, одломывшы де-кильки невелычкыхъ шматочкивъ хлиба, почавъ кыдаты ихъ тому въ ротъ. Тикай покынувъ платонычне поглядання у-гору и залюбкы повернувся до Трохыма: зъ голоснымъ плямканнямъ роззявляючы рота до шматочкивъ хлиба, зручно хапаючы и въ одынъ ментъ ковтаючы ихъ, винъ прывитно вылявъ задомъ и пыльнувавъ кожного Трохымового руху. Софійка и Андрій покынулы выдыраты одне у одного червоный поясъ и разомъ зо всима сталы дывытыся на Трохыма, якый непомитно накрывъ жарыну однымъ шматочкомъ хлиба, другымъ пиднявъ іи, и, хутко залипывшы іи обома шматочкамы, кынувъ Тикаеви. Той ажъ зубамы плямкнувъ, роззявляючы рота и хапаючы доволи велыкый шматокъ. Крутнувшы вдячлыво задомъ, винъ смаковыто заплющывъ одно око и зъ трискомъ розкусывъ хлибъ, але заразъ же голосно завыщавъ, выкынувъ ёго зъ рота, и зъ жалибнымъ, болистнымъ скавучаннямъ забигавъ по хати.

— Ха-ха-ха!—зареготалысь зъ полу.

— Хе-хе-хе!—гуняво засміявся Юхымъ, зъ задоволеннямъ слидкуючы за Тикаемъ.

А Трохымъ стоявъ зъ прутыкомъ у руци и, не мыняючы своеи усмишкы, все такъ же мовчкы дывывся на пса, що, побигавшы, забывся пидъ лаву и почавъ голосно скавучаты.

— А тоби собака хату заняла?—гнивно звернулась Кылына до Трохыма,—тебе бъ вогнемъ погодуваты!

— А, думаешъ, не годувалы?—не дывлячысь на неи и все такы однаково всмихаючысь, бовкнувъ винъ и рушывъ до столу.

— «Годува-а-лы»!—перекрывыла ёго Кылына.

— Та ще и якъ!—раптомъ озыраючысь, зыркнувъ винъ до неи очима и зъ такою невымовною злистю зареготався, блыснувшы рядомъ билыхъ зубивъ, що Кылына тильки задывылась на ёго, пошырывшы очи.

— Хе-хе-хе!—пиддержавъ ёго дидъ Юхымъ, слидкуючы за Софійкою, яка нахылылась до Тикая и, нижно мылуючы ёго, сылкувалась утишыты ёго ласкавымъ голосомъ.

— Поцилуй ёго, а винъ тебе, то будете родычи...—насмишкувато порадывъ Трохымъ.

— Ухъ, ты!—встала та и гнивно змиряла ёго зъ нигъ до головы:—чыстый вовкъ!

Довги сыни очи іи зъ довгымы билявымы віямы горилы обуренням и гнивомъ, а весели, трохы товсти губы ажъ побилилы зъ роздратовання.

— Якъ бы могла, я бъ тоби показала!—додала вона, нервово одходячы до полу.

— Э! якъ бы жъ то!—хытнувъ нибы сумно головою дидъ Юхымъ. Якъ бы то можно було подужаты дужчого за насъ! А то горе, що тильки слабшого!..

— А вы тежъ! пиддражнюють!—кынула до ёго Софійка, сидаючы биля Андрія, якый знову лигъ на пилъ и ни словомъ не обизвався на сцену зъ Тикаемъ.

Дидъ Юхымъ хотивъ щось одмовыты, але въ сю хвылыну у синяхъ зачулось якесь шарудиння, наче хто мацавъ рукамы по стини, потимъ одчынылысь двери и до хаты вступывъ прыкащыкъ Халабуда. Не здіймаючы своеи «каракульнои» шапкы, поважно заклавшы ливу руку въ кышеню свого зимового, теплого пиджака, що зверху бувъ покрытый чорною шкурою, а правою— чыстячы своимъ звычаемъ низдри и погладжуючы чорни, кучеряви вуса и коротеньку круглу бороду, винъ наче вплывъ у хату. Вузьки, довги очи ёго дывылысь мягко, добродушно, а все облычча ёго зъ шырокымъ носомъ, зъ велыкымъ ротомъ, зъ ныззенькымъ лобомъ, облычча, яке, здавалось, хтось, узявшы за отстобурчени вуха, дуже ростягъ та такъ и зоставывъ, выявляло якусь хытру тыхисть. Ступывшы де-кильки крокивъ, винъ зупынывся, понюхавъ повитря и, хытнувшы головою, добродушно сказавъ:

— Ну, та й воздухъ же!... Безъ сомнѣнія, настоящая фіалка... Х-хе!

— Яка хата, такый и воздухъ!—спокійно сказала Кылына. Не дывлячысь на ёго тыхисть, якъ тильки винъ вступывъ у хату, вси зразу замовклы и нибы напружылысь. Трохымъ насупывся, дидъ Юхымъ зробывся поважнищый, Киндратъ зтулывъ губы и одійшовъ до полу, навить Софійка утыхла и заспокоилась. На Кылынину одповидь Халабуда тильки мовчкы подывывся на неи

своимы очима, що вызыралы зъ-пидъ густыхъ, кучерявыхъ бривъ, якъ зъ-пидъ стрихъ, и почавъ гладыты вуса и чыстыты кинчыкъ носа. Потимъ заклавъ рукы назадъ, пахылывъ голову, подывывся на калоши и, зновъ пидвившы голову, звернувся до хлопцивъ, мягко вымовляючы:

— Завтра жъ... хлопци... той... не забувайте: весь той гній, що передъ стайнею, нада вывезты ажъ геть за Косу Межу.

— Увесь?—бовкнувъ, не дывлячысь на Халабуду, Трохымъ.

— Если мало буде, знайдёмъ ще... Затрудненія не будеть...

— Мало?—скрыкнувъ Грыць.—Та тамъ дай Боже за два дни перетаскаты!

— Ну-чу, повыдимъ, повыдимъ... Ну, а той, какъ ёго мм...

Винъ наче забувъ и, зновъ пахылывшы голову, ставъ прыгадуваты.

— Ага! Кылыно! Ганна, кажысь, одходыть скоро. Место ослобоняется. Може бъ стала?

— Це прачкою на билу кухню?—спытала Кылына. Андрій негостро глянувъ на Халабуду, потимъ на Кылыну и прудко перебигъ по всихъ очыма. И помитно було, якъ по сыхъ Халабудыныхъ словахъ вси якось надто пыльно сталы прыслухатысь и дывытысь на Кылыну.

— Да, прачкою...—байдуже водячы очима по стинахъ, потвердывъ Халабуда, не дывлячысь на Кылыну и наче мало цикавлячысь іи одповиддю.

Кылына жъ ничого не одмовыла, а замисць того пидійшла до мысныка й почала выйматы мыскы, ложкы й готуваты до вечери.

— Ну що жъ ты?—пыльно роздывляючысь на сволокы въ стели, спытавъ винъ.

— Не хочу!—твердо й ришуче промовыла Кылына, поважно проходячы повзъ ёго зъ мыскамы въ рукахъ и спокійно дывлячысь ёму въ лыце, яке зосталось такымъ же байдужымъ и тыхымъ, тильки очи пыльно подывылысь на неи та губы якось втягнулысь въ ротъ.

— Якъ знаешъ.. —мягко сказавъ винъ и, погладывшы вуса, повернувся, й не поспишаючы, выйшовъ изъ хаты. За нымъ прожогомъ выскочывъ и Тикай, якый давно вже ждавъ сёго, крутячысь биля дверей. И зновъ Андрій помитывъ, що не винъ одынъ зъ напруженнямъ ждавъ іи одповиди, але й уси, и навить Трохымъ, якый ажъ подержавъ на ній свій занепокоеный, похмурый поглядъ.

Але не встыгла ще Софійка выхопытысь на середыну хаты и, хутко повертаючысь до всихъ, вылаяты добре Халабуду, якъ въ викно биля мысныка щось раптомъ застукало и зтыхло. Вси замовклы.

— Кылыно!—зачувся знадвору Халабудынъ голосъ.—Я забылъ тебе ще сказать щось. Выйды сюда на мынуту... Скарей!

— Ще «скарей!»—прошопотила, надувшы губы, Софійка.—Удивительно! Знаемо, що ты забувъ... Не ходы, Кылыно!—звернулась вона до Кылыны, але та, загадково якось усмихаючысь, ничого не одповидаючы, спокійно стягла зъ жердкы свыту, накынула іи соби на голову и выйшла зъ хаты.

— Та-а къ...—прогунявывъ Юхымъ, сплёвуючы въ бикъ и перекладаючы люльку зъ одного кутка роту въ другый.—Хочъ такъ, бабо, сядь, хочъ такъ, а все такы сядь... Чы на чорній, чы на билій кухни будешъ, а моихъ, мовлявъ, рукъ не мынешъ... Хе-хе-хе... Да-а...

Дидъ Юхымъ похытавъ головою и скоса подывывся на Андрія. Той зъ занадто байдужымъ выглядомъ, пидвившы голову, ходывъ видъ лежанкы до столу, заклавшы рукы въ кышени пиджака и тыхо посвыстуючы. Тильки на щокахъ ёму гравъ выразный румьянецъ.

— А якъ думаете, диду,—крывлячы губы въ усмишку, спытавъ Трохымъ.—Хто кого обманыть: чы вона Халабуду, чы Халабуда іи?

Андрій блыснувъ на ёго очима й ще дужче почервонивъ.

— Хто кого?—роздумлыво перепытавъ Юхымъ.—Якъ тоби сказать? Вона дивка... одно слово .. молодець... О!.. Винъ тоже... не жменею кашу йисть... Тыхенькый соби, а зпидтышка мишкы

рве... О... А хто обманыть, то вже не звесно... Да-а... А Андрій зивка дае, то тоже правда!—вмыть додавъ винъ и подывывся на Андрія, що по сій мови, подывывшысь на дида, зупынывся, почервонивъ, крыво-ніяково всмихнувся и, не знаючы певно, що сказать, одійшовъ и сивъ на пилъ.

— Ій Богу зивка дае...—повторывъ Юхымъ.—Зъ дивкою такъ не можно... Дивка... Що дивка?.. Одно слово—женщына и бильше ничого... Просто баба! А баба якъ не круты, все до свого кутка мостытся... А Кылына аж дрыжыть, щобъ хазяйкою статы... Ге! Це дивка не дурна, э э, не дурна-а... Іи обманыть,—не зъ горы побигты...

Дидъ Юхымъ зъ задоволенпямъ досмоктавъ люльку и, цыркнувшы, плюнувъ кризь зубы.

— Кылына не така... не дасть себе обманыты...—якось тыхо промовыла Софійка, задумлыво дывлячысь кудысь черезъ свитло лампочкы, шыроко розплющывшы сыни очи. Усмишка іи счезла зъ повныхъ губъ, румянець кудысь пропавъ, вся вона прытыхла, якось зигнулась, прывьяла. Стало тыхо. Було чуты, якъ лопотивъ дощъ по шыбкахъ, якъ клекотивъ кандёръ у казани, але знадвору не доходыло ніякого гомону. Марынка почыстыла всю картоплю и прыбирала на лави, згортаючы лушпайкы въ цеберъ; на полу ледве чулось шопотиння; гудивъ витеръ.

— Такъ, такъ...—зитхнувъ Юхымъ.—Всякому свое... Той за шматокъ хлиба бьется, той за хату, бо хлибъ уже йе, а той уже за гарною дивчыною, бо й хата йе, а той ще чого...

У синяхъ зачулась голосна балачка, смихъ, тупотня нигъ.

— О! здается, вже й Грыць вернувся!—промовывъ Киндратъ.—Скоро!

— Э!.. Винъ по горилку якъ на крылахъ!—усмихнувся Юхымъ, дывлячысь на двери, въ якыхъ справди зъявывся Грыць.—До цёго ёго мама родыла...

— Що!—заразъ же закрычавъ той, вступаючы въ хату.—Ще не ковтнулы языкивъ?.. Софійко! Сыпъ вечерю, будемъ гулять!

И по сёму слови винъ якось велычно выиявъ зъ-за пазухы дви пляшкы «монопolькы» и, любьязно обтершы ихъ свытою,

поставывъ на стилъ. Поставывшы, весело озырнувся и подывывся навкругы. Але вси якось мало звернулы увагы на горилку. Дидъ Юхымъ тильки трохы подержавъ на ній свій поглядъ и заразъ же перевивъ очи на Кылыну, що зъ тою жъ таемнычою усмишкою роздягалась биля жердкы, Трохымъ тежъ зыркнувъ и зновъ похнюпывся. Софія сыдила задумлыва; Андрій червоный зновъ ходывъ по хати.

— Що таке?—здывовано пиднявъ бровы Грыць.—Побылысь чы що?

Нихто ничого не одмовывъ ёму.

— За прачку на билу кухню клыче,—промовыла Кылына, пидходячы до столу й усмихаючысь.—По симъ рубливъ у мисяць на ихній одежи...

— По симъ?!—скрыкнула Санька и, схопывшысь зъ полу, зстрыбнула до долу. Кохтына на ґрудяхъ у неи була розстибнута и выдно було смугляве тило; чорне волосся розкудовчылось и пасмамы спадало на смугляве лыце зъ дуже загостренымъ пидборидямъ, зъ загостренымъ носомъ, зъ загостренымы губамы и гострымы карымы очима. Хутко пидбигшы до Кылыны, вона на-пивъ-здывовано, на-пивъ-заздристно сплеснула рукамы й озырнулась на всихъ.

— Застибнысь!—коротко кынула ій Софійка, показуючы головою на груды. Санька трохы змишалась и почала застибуватысь.

— Ну, а ты жъ що?—застибуючысь, глянула вона на Кылыну, яка зъ тымъ же такы выглядомъ спокійно змитала рукою крыхты хлиба зъ столу...

— Ничого...

— Якъ «ничого»?

— Такъ...

— Вона ще поторгуется!—бовкнувъ Трохымъ, дывлячысь на свои пальци, що тарабанылы по столи.

Андрій раптомъ зупынывся, озырнувся до Трохыма и хотивъ щось сказаты, але зновъ шарпнувся всимъ тиломъ и заходывъ по хати.

Кылына жъ ничого не сказала, наче не чула, и одійшла до мысныка.

— Та скажить же, що тутъ таке?—запытавъ Грыць.—Хто симъ рубливъ? За вищо?

— Х-мъ... За вищо?—усмихнувся Юхымъ,—за роботу!

— Та за яку?

Вси засміялысь.

— Йды, я тоби скажу!—зачулось зъ полу.

— Онъ тоби Петрыкъ скаже, винъ знае...—хытнувъ головою Юхымъ и глянувъ на Саньку, яка занадто пыльно почала обтрусюваты подилъ спидныци. Грыць широко розплющывъ очи, подывывся на пилъ, на Саньку и вмыть просыявъ весь.

— А-а?! Гу-у-гу-гу!—зареготався винъ.—Та бре?!

— Отъ тоби й «бре!»

— Халабуда?!

— А то жъ?

— Го-о-го-го-го!!...

Всимъ спершу якось ніяково, а потимъ дуже весело стало. Почалысь доволи скоромни жарты, прыказкы, выгадкы. Зтяглы зъ полу Петрыка, збудылы на печи Савку, навить хотилы чипаты дядька Панаса, та Юхымъ не давъ. Покы Санька й Кылына, пораючысь биля лежанкы, готувалы вечерю, Петрыкъ ставъ середъ хаты и, хымерно выпъявшы впередъ жывитъ и погладжуючы кинчыкъ носа, почавъ «прыставлять» Халабуду. Самъ невелычкый, чорненькый, зъ кырпатымъ куцымъ носомъ и товстымы, якъ у арапа губамы, винъ досыть правдыво передражнювавъ прыкащыка й до того иноди жыво удававъ ёго голосъ и выразы, що навить Марынка не здержувалась, забувала свій страхъ и выбухала голоснымъ, дытячымъ смихомъ. Правда, вона заразъ же змовкла й несмило дывылась на Кылыну, але та, здавалось, мало що чула й бачыла. Напружено щось думаючы, але поважно, не хапаючысь, зъ мягкымы рухамы, вона ходыла биля казана и тильки иноди позырала до столу своимы велыкымы, розумнымы, сирымы очима. Навить Савка, той Савка, що разъ-у-разъ ходывъ зъ такымъ выглядомъ, нибы ёго тильки що збудылы, круглопыкый, зъ за-

смаженымы бронзовымы щокамы, байдужый до всёго, кримъ йижы та сну, навить Савка, слухаючы Петрыка, шыроко роспынавъ рота въ усмишку й мымоволи выбухавъ иноди голоснымъ, урывкомъ «гы-ы»! А Андріеви наче веселище за всихъ було. Румьянець выразно червонывъ ёму щокы й наче цвивъ пидъ золотыстымъ пухомъ; молоде облычча зъ ямкою на пидборидди й трохы пиднятою верхнёю губою разъ-позъ-разъ дрижало видъ первового голосного смиху; рухы булы швыдки, напружени. Дидъ Юхымъ пыхкавъ люлькою, чвыркавъ кризь зубы й весело бигавъ по хати жывымы очима; Киндратъ застыгъ у добродушному посмиху; тильки Трохымъ сыдивъ мовчкы, похмуро, позыраючы иноди до печи гострымъ, попурымъ поглядомъ.

— Та сыпте рукамы тамъ!—вмыть повернувся Петрыкъ до Кылыны й Санькы.—А то Грыць такъ пече очима пляшкы, що й горилку выпече!

Потимъ знovъ, не слухаючы одповиди, повернувся до столу, заклавъ рукы назадъ и, дывлячысь на ногы промовывъ:

— М-мъ... Грыцько Товстогубъ... Тамъ ослобоняется место громадського свынопаса... Желаешъ?

Грыцько Товстогубъ ажъ покотывся видъ завдоволення й вже хотивъ насисты всимъ своимъ тиломъ на Петрыка, колы въ сей ментъ одъ печи рушыла Санька зъ мыскою кандёру въ обохъ рукахъ, и Грыць мусывъ поступытысь.

— Со страхомъ пры-ы-ступи-и-ть!—проспивавъ Петрыкъ, слидкуючы за тыхою, обережною ходою Санькы; потимъ щось згадавшы, кынувся до столу, схопывъ пляшкы, поставывъ ихъ соби на голову и почавъ поважно ходыты по хати.

— Гы!—вырвалось у Савкы, якому взагали не въ натури було спокійно дывытысь на йижу, а тутъ ще й горилка.

— А ну! Здуривъ!--обурылась Санька.—Найшовъ забавку...

— Дай сюды!—кынувся на ёго Грыць и, однявшы пляшкы, одну сховавъ у кышеню, а другу почавъ быты дномъ объ долоню. За третимъ разомъ затычка выскочыла.

— Ну, будить дядька Панаса,—промовыла Кылына, ставлячы другу мыску на стилъ и розкладаючы передъ кожнымъ

ложкы. Дядько Панасъ пидвився, почухавсь и почавъ злазыты зъ полу.

— Выспалысь, дядьку?—спыталась Софія.

— Э!—махнувъ рукою Панасъ, нибы хотивъ сказаты: «якый тамъ уже сонъ», але заразъ же схопывся за груды и хрыпко, надовго закашлявся. Вси якось трохы прытыхлы, слухаючы ёго кашель, якый не хутко скинчывся. Утерпысь и одцыхавшы, Панасъ пидійшовъ до столу и сивъ поручъ Юхыма, якый посунувся трохы по лави. Ридке, якесь сире волосся звысало ёму на жовте, худе облычча зъ вышнутымы щелепамы, зъ ридкою цапыною боридкою; очи мижъ густыхъ зморшокъ, зъ червоными жылкамы на банькахъ, дывылысь мутно, вьяло; зъ болистно зложеного рота выходыло хрыпке дыхання.

— Та хиба за такымы мерзавцямы заснешъ...—зъ серьёзнымъ выглядомъ промовывъ Петрыкъ.—Якъ на жыдивськимъ весилли всё рамно!

— Ухъ, ты хорошый!—кынула до ёго Санька, ласкаво дывлячысь на ёго своимы гострымы очима, яки въ ти хвылыны, колы вона говорыла зъ нымъ, ставалы нибы мягчи. И вся вона тоди ставала навить краща: здавалось, гостре пидборидця закруглялось, тонки губы ставалы повнищи, нисъ прытуплявся, смугляви щокы червонилысь кровью, а въ голоси счезала та жорстокисть, сухисть, зъ якымы вона говорыла до всихъ, и зъявлялась якась тепла мягкисть.

— Благословы о-о-тче-е!—раптомъ загудивъ Грыць, пидимаючы пляшку йналываючы въ зеленувату, опецькувату чарку горилку, и самъ першый весело засміявся.

— Благословля-я-ю тебе струпомъ на всю го-о-о-лову-у!—козлячымъ голосомъ одмовывъ ёму Петрыкъ, допомагаючы Киндратови прысунуты довгу лаву до столу.

— Отъ чорты!—засміялась Санька за всима.

Першу чарку пиднеслы дидови Юхымови. Винъ взявъ іи, подывывся на всихъ, хытнувъ головою и тыхо перехылывъ у ротъ. Заплющывшысь, ковтнувъ; смаковыто, зъ завдоволенням крекнувъ и почавъ йисты кандёръ. Другу пиднеслы Панасови. Винъ

такожъ мовчкы взявъ, байдуже выпывъ, и, поставывшы чарку на стилъ, тежъ узявся за ложку. Кылына спершу одмовылась, але заразъ же, усмихнувшысь, попросыла и зважлыво выпыла. Санька «запышалась» и почала тежъ одмовлятысь, але якъ іи попрохалы, несмило взяла и, крывлячысь, почала «прыгублюваты», що-разу вертаючы недопыту чарку. Але іи прыпрохувалы, и вона ще «прыгублювала». Такъ «прыгублюючы», й выпыла всю. Навпакы, Софійка весело хытнула головою, крыкнула всимъ «на здоровья» и одразу хыльнула всю чарку й навить не скрывылась. Не промынулы й Марынкы, яка сыдила мижъ Санькою та Софійкою, и сказалы ій выпыты. Вона покирлыво взяла чарку, несмило усмихнулась и разомъ потягнула въ себе всю чарку. Ковтнувшы, дуже скрывылась, закашлялась и соромлыво глянула на всихъ очима, въ якыхъ ажъ слёзы выступылы. Що до хлопцивъ, то певно, що вопы не одмовлялысь. Але колы дійшла черга до Трохыма, вінъ тильки скоса глянувъ на чарку и холодно муркнувъ:

— Не хочу!

— Не хочешъ?!—скрыкнувъ здывовано Грыць, держучы чарку; а Савка ажъ зупынывъ на пивдорози до рота ложку зъ кандёромъ и шыроко вытрищывъ очи на Трохыма.

— А не хоче, то й не треба!.. Намъ бильше буде!—сухо промовывъ Андрій.

— Давай!—вмыть простягъ руку за чаркою Трохымъ и, всмихаючысь своею чудною всмишкою, додавъ:

— Я й забувъ, що Андрій заручыны справляе... Дай Боже счастя молодымъ!—и ажъ зубамы клацнувъ объ чарку, выпываючы горилку. Андрій почервонивъ, де-хто всмихнувся, де-кому ніяково стало, а Кылына мовчкы подывылась на Трохыма и, зновъ потягшысь ложкою до мыскы, сказала, всмихаючысь:

— Правда, що вовкъ!

Затыхлы; тильки чуты було плямкання, стукъ ложокъ объ мыскы, иноди голосне сякання та тяжке сопиння Савкы, якый зъ напруженою увагою й обережнистю носывъ ложку видъ мыскы до роту, пиддержуючы іи шматкомъ хлиба.

— А ну!—хытнувъ Юхымъ Грыцеви головою, пидморгуючы до пляшкы.

Зновъ заходыла чарка по рукахъ, знову Санька почала «прыгублюваты», зновъ Петрыкъ, схылывшы по бабьячы голову на руку, почавъ жалибнымъ голосомъ прыговорюваты до чаркы, зновъ Кылына одважно простягла руку за горилкою, и зъ прыдушеною огыдлывистю выпыла іи. И зновъ Марынка покирлыво ковтнула, але вже не закашлялась, тильки на всёму іи худенькому лычку выступывъ румьянець та очи зробылысь смилывищи й веселищи. Але розмова все зрывалась: почне хто небудь, другый додасть, и зновъ замовкнуть. Почалы по третій. Але Кылына вже не змогла бильше й одмовылась, Санька ще бильше «запышалась», але «прыгубыла» й третю. А Марынци зновъ сказалы выпыты, и хоча де-хто вступывся за неи, але Грыць зъ веселымъ смихомъ зъ допомогою Трохыма такы досяглы свого, и Марынка выпыла. Почалы й другу «пивкварты».

— Да-а...—протягнувъ завдоволено дидъ Юхымъ, вытыраючы долонею вуса—отъ и не думаючы выпылы. Люде полаялысь, а мы пожывылысь. Отъ такъ воно и повсигда. Здается погано лаятся, а зъ лайкы и добре выйшло. Отъ и прыпорція!·. Да-а... Такъ воно на свити вже зъ давнихъ давенъ ведется: щó одному пагано, тó другому добре. Ну, ще по одній, та й спочынемо.

За кожною чаркою Трохымъ насмишкувато дывывся на Андрія й неодминно щось прыговорювавъ. Кровъ ударыла ёму въ лыце й воно стало ще червонище, наче добре вышарованый объ цеглу пьятакъ. Чорни, маленьки очи ёго заблыщалы гострымъ вогнемъ, усмишка ставала все тоньшою, уйидлывищою.

— Пыймо хазяйську горилку!—промовывъ винъ, простягаючы руку за чаркою.—Воны зъ насъ пылы!

Андрій глянувъ на ёго.

— А я зъ тебе пывъ?—тыхо спытавъ винъ.

— Ты? Ну, тоби бъ то я ще й не пиддався бъ!..

— Такъ чого жъ ты чыпляешся до мене? Чого ты хочешъ одъ мене?

— Ничого я одъ тебе не хочу.

— Ни, слухай Трохыме,—спираючы ложку на край мыскы, заговорывъ раптомъ дрижачымъ, але щырымъ, мыролюбывымъ голосомъ Андрій.—Я вже давно збираюсь тоби сказаты. Та й усимъ. Що я вамъ зробывъ?.. Що я тоби... чымъ я тоби. Пидожды, дай я скажу. Ты разъ-у-разъ чипляешся до мене. Чы я тоби поперекъ дорогы ставъ?.. Чы зло яке зробывъ кому?.. Уси, наче я якыйсь... чужый. А я бъ хотивъ... Эхъ!

Винъ махнувъ рукою й одвернувъ трохы голову въ бикъ. Очи ёму й видъ горилкы й видъ зворушення блыщалы, верхня губа нервово здригувалась, пидбориддя зъ ямкою й золотыстымъ, блыскучымъ пухомъ почало тремтиты.

— А ну, заплачъ!—метнувшы въ ёго поглядомъ и усмихаючысь, кынувъ Трохымъ.

— Ну, й заплачу, то що?.. Я до васъ, якъ до бративъ. Зо всима хотивъ бы жыты. Трохымъ каже «хлибъ одбывае». А кому я одбывъ? Га?

— Та що тамъ?.. Та плюнь! Эхъ!—промовывъ Грыцько таможъ зворушено. — Що було... то. Этъ, що тамъ! Нихто тоби ничого, якъ и зо всима...

Але въ сей ментъ Грыцивъ поглядъ упавъ на Петрыка, якый, смишно вытягнувшы губы внызъ и хлипаючы очима, уявлявъ, що збирается заплакать. И Грыць весело зареготався.

Кылына мовчкы сыдила й дывылась на кульку зъ хлиба, качаючы іи пальцемъ по столи. Довги, темни віи закрылы ій очи й кыдалы невелычку тинь на чысти, нижни щокы, на якыхъ якъразъ по середыни червонилы два невелычки, завбильшкы въ дви копійкы румьянци. Софія задумлыво носыла ложку одъ мыскы до рота й, не клипаючы, дывылась напроты кудысь черезъ голову Юхымови, що такожъ мовчавъ и тильки хутко бигавъ по всихъ очима. Тильки Марынка, дядько Панасъ та Савка, здавалось, мало вважалы на балачку, а бильше на кандёръ.

— А чымъ я вынenъ, що въ мого батька йе, а въ твого немає?—скрыкнувъ Андрій.

— Та хто тебе вынытъ?—злистно глянувъ на ёго Трохымъ.— Йе, то й чортъ тебе беры!..

— Та ты спытай ще, чы йе ще въ Трохыма батько!—усмихнувся дидъ Юхымъ.

— Ну, въ цёго взнаешъ!—сказала Санька.—Якъ чортъ той... скильки жыве, а що воно, звидкы воно,—а ни словомъ не похвалытся. Хочъ пытай, хочъ ни...

— Хиба ты порозумнищала бъ, якъ бы я тоби «похвалывся, що я й звидкы я?»—посмихнувся Трохымъ, не дывлячысь на Саньку.

— «Порозумни-и-щала»!—перекрывыла ёго Санька, похытавшы головою.—Охъ, ты розумный!.. Тильки й зна, щобъ укусыть когось. Чыстый халамыднықъ!.. Не дурно не хоче про себе говорыты. Десь багато доброго наробывъ. Голодрабець!..

Дидъ Юхымъ серьёзно подывывся на пеи.

— Це ты... напра-а-сно.—Протяжно прогупявывъ винъ.—Ничого, може, чоловикъ и не наробывъ, а ты вже. А що Андрій жаліется, дакъ я ёму скажу одну писню. Гуляла соби, значыть, голота, а багачъ-дукачъ ишовъ мымо та й почавъ сміятысь. Нибы то: «гей, за що жъ, за що та бидна голота папывается». А воны ёму: «а хто зъ насъ, братця, та буде сміятся, того будемъ быть»! Та й далы такы бобу. О! Не насмихайся. Чоловикъ, може, горе запывае, щобъ и не чуты, а той ще сміется. Непрыятно.

— А хыба я зъ тебе сміявся колы?—звернувся Андрій до Трохыма, але той якъ скыпивъ:

— Та чого тоби треба?!—Не люблю я васъ... дукачивъ... отъ и все!

— А горилку ихню любышъ?—ехыдно вставыла Санька.

Трохымъ раптомъ заспокоився й, усмихнувшыся, кынувъ:

— А чого жъ? Зъ паршывои вивци хочъ вовны клапоть.

— То правда!—згодывся Юхымъ.—«То, мовляла, батюшко, вамъ за упокой, а це такы за здравіе». Не все те, що мы любымо, дивко, у прыгоди стае намъ. Бува, що й ворогъ лютый мылище за батька ридного бувае. Такъ то, дивко!—Дають,—хватай, скубуть,—тикай!.. А свого не впускай. Отъ тоби й оченашъ...

— Ами-и-нь!—проспивавъ Петрыкъ.

— Да-а!—хытнувъ головою Юхымъ.—Всяке шукае кращого..., всяке бьется за себе. Кажуть, грихъ тильки про себе думаты. Брехня! Грихъ не думаты про себе! Покы й свиту сонця, все на свити дбало й дбатыме тильки про себе!.. Бо такъ уже положено. А люде выгадалы, що треба себе напослидокъ ставыты. Та натура въ одынъ бикъ тягне, а люде въ другый, та й выходыть ни Богови свичка, ни чортови люлька. А якъ бы кожный та помигъ ще натури, якъ розумни люде роблять, то вийшло бъ не те. А такъ... покы дурнивъ, поты й горя. Эхъ! Якъ бы то кожный умивъ про себе дбаты!

— А вы багато надбалы?— ущипнула Санька.

— Я? Ни, не багато. Сыве волосся, лысыну та 65 литъ. Отъ и все...

— Що жъ такъ мало? Не хотилы бильше, чы що?

— Ба, хотивъ, та розуму не було. А якъ поскублы трохы, тоди й розуму набрався. Теперъ бы дбаты, та сылы нема вже. Ну, выпьемо чы що?

Панасъ та дивчата ришуче одмовылысь. Воны вже й такъ булы на пидпытку. Очи всимъ блыщалы, щокы запарылысь, рухы сталы непевни, а Марынка навить до того насмилылась, що про щось узялась розпытуваты Софійку. Дывылася вона жваво, смилыво, слухала якось жадно-пыльно, не спускаючы напруженыхъ, блыскучыхъ очей зъ оповидача.

Тильки Софійка, нервово сміючысь, сама налыла соби и зъ якымсь завзяттямъ перехылыла горилку въ ротъ.

— Чортъ ёго беры! Гулять такъ гулять! Правда, Кылынко?— озырнулась вона на ту. Червони ясна надъ билымы зубамы, здавалось, ще бильше почервонилы ій; сыни довги очи горилы, щокы [illegible]ы.

— Хай говорять люде! Пхе! Удивительно! Гуляй и все!

— Верно!—закрычавъ Грыць и такъ бухнувъ Киндрата по спыни, що той ажъ хытнувся впередъ усимъ тиломъ.

Але инчи сыдилы якось невесело й задумлыво. Андрій потроху затыхъ, ослабъ якось, зперъ голову на руку и дывывся

кудысь мутнымы очима, поглядаючы иноди на Кылыну, що не переставала качаты кульку. Трохымъ ще бильше насупывся.

— Такъ, та-акъ—протягнувъ, зитхнувшы, дидъ Юхымъ—отъ и все. Теперъ вставай, диду, беры свою калаталку та йды стерегты чуже добро...

Винъ трохы помовчавъ, потимъ, иронычно всмихнувшысь, почавъ знову:

— Жывъ, робывъ.., а для чого жывъ, на що робывъ, то й самъ тоби жыдивськый рабынъ не скаже. Отъ 65 литъ маю, а спытай мене, що я заробывъ соби? Калаталку. (Винъ хытнувъ головою). А все, що дурный бувъ. Эхъ, вернысь мени лита мои! Ге! Наплювавъ бы я тому въ вичи, хто сказавъ бы мени, що себе забуваты треба, що за свою долю бытысь—грихъ. Я бъ ёму сказавъ бы!..

— Э, диду!—махнула рукою Санька.—Ничого те не поможе. По правди робы, по правди й буде тоби. Отъ що!..

— То по правди й очи вылизуть—хрыпло промовывъ Панасъ, байдуже, вьяло дывлячысь поперёдъ себе.

— По правди?—усмихнувся дидъ.—Эхъ, дурна ты дивко, мало кашы йила. Та знаешъ ты, що таке правда? Правда—то от-той самый пьятакъ: подывысь зъ одного боку—орелъ; переверны той самый пьятакъ на другый бикъ—буде тоби орешка. Отъ такъ и правда вся. Що на корысть мени, отъ то й правда, а що на шкоду, то—неправда. А що шкодыть одному, то другому на корысть. Отъ тоби й правда уся...

— То, выходыть, якъ мени на корысть красты, то й красты можно? И по правди буде?

— А то-бъ то йе такый чоловикъ, щобъ не вкравъ ни разу на вику? Га? Эхъ, ты! И святый краде. Що то таке вкравъ?.. Узявъ те, чого самъ не заробывъ. Правда, инчый все свое жыття краде, и добре краде—и жыве добре.., а другый и погано вкраде, и разъ украде—й жыве погано. Та то вже бисъ одынъ, чы мало, чы багато. Э, дивко, дивко. Сыдивъ я й по тюрьмахъ за ту неправду и потомъ умывався за правду, а теперъ бачу, що тои вашои правды ще й доси не бачывъ. Що на мою думку було прав-

дою,—то другымъ було неправдою; що мени неправдою,—то другымъ правдою. А де вона та одна правда, то мабуть и самъ чортъ іи не бачывъ, бо и въ ёго йе своя правда. Правда, дивко, то все одно, якъ, бува, та городська барыня. Подывышся ззаду: ривна, гарна; не ногамы йде, а плыве; чепурна, пахуча,—хочъ молысь до неи! А подывышся спереду—то такъ тоби зробытся, наче муху ковтнувъ. Ій-Богу! А барыня та-жъ такы одна...

— А то, мабуть, ти барыни, що той...—трохы замнялась Софійка—що... якъ вы колысь казалы. Ну, якъ у насъ... нечестни...

— Та кажы прямо!—гукнувъ Грыць на всю хату:—шлюхы та й усе.

— Всяки, всяки. Це я такъ... для прымиру. А тамъ йе и шлюхы, и чесни... всяки. Тильки щось чесныхъ тыхъ мало. На мою думку, тыхъ чесныхъ перевишаты бъ усихъ на одній гыляци, а паны ихъ у ручку цилують. Отъ тоби й маешъ правду. А шлюхы... що шлюхы? Таки жъ люде, якъ и мы. Жывуть соби. Ге! Та ще й якъ, бува, жывуть. Все одно вже, дума соби, не вернуть... ну, такъ хочъ пожыву жъ!.. Ну, й жыве! Таки люде мають соби всяки перепоны, або тамъ соромъ, або щось инче А тымъ що?.. Одно—гуляй, та такъ гуляй, щобъ и на старисть выстарчыло. Ге!.. Котра гарна та розумна... Одну я знавъ тамъ... Гарна канальська дивка... отъ бы не гирше нашои Кылыны, тильки пеначе менча й тонча. Такъ скажу вамъ не жыла, а кыпила. Гришмы курыла, якъ я тютюномъ. У шовкахъ вся. А такы жъ зъ нашого брата, зъ простыхъ, десь казала зъ Полтавськои. Да-а! Правда, трохы, бувало, крадькома сумувала. Ну, та безъ суму й втиха не така солодка. Жывуть!.. Хочъ и трохы, та добре!..

— То тежъ усе правда, що вы казалы?...—пидвела голову Кылына и роблено байдуже позихнула.

— А мени чого брехать?—спокійно усмихнувся Юхымъ.—Пиды та подывыся сама, колы не вирышъ. А хочешъ, то й сама до ихъ пострыжысь. Гирше не буде. А будешъ жыть такъ, якъ и не прысныться николы. Хе-хе-хе!

— Мели-ить!—якось ніяково всмихнулась Кылына и, потягнувшысь всимъ своимъ дужымъ, гарнымъ станомъ, зновъ нахылыла голову й взялась до кулькы.

— Э! Послухать дида, то зразу счаслывымъ будешъ!—сказала насмишкувато Санька.—Тильки горе, що дидъ сами доси тильки сторожа пры окономіи доскочылы. А кажуть, що й по тюрьмахъ сыдилы, й по свитахъ бувалы.

Дидъ усмихнувся.

— Да-а, и по тюрьмахъ сыдивъ, и по свитахъ бувавъ. Та дурного, дивко, и въ церкви бьють. Така вже планета дурневи. А якъ бы я зъ розумомъ робывъ, то може бъ и не тынявся бъ оце по скарбахъ.

Винъ трохы помовчавъ, потимъ почавъ зновъ.

— Да-а... розумъ—велыке дило. Колы бъ я зъ розумомъ кравъ, то й по тюрьмахъ не сыдивъ бы. Колы хочешъ красты, то вже крадь такъ, щобъ хочъ и въ тюрьми посыдиты, такъ вже потимъ и пожыты. Крадь у того, хто багато мае, а ще краще, хто самъ краде. Укравъ разъ та гараздъ. А на те, що грихъ, плюнь. То грихъ для того, у кого берешъ, а колы винъ самъ братыме, то вже не буде грихъ...

— А Богъ? а правда?—скрыкнула Санька.

— Ха-ха-ха!—злистно, терпко зареготався Трохымъ.—А тоби Богъ багато давъ, хочъ ты й свята та Божа?

— То, по твоему, вже й Бога немае?

Трохымъ тильки ще злистнище зареготався.

— Ни, ты, Трохыме, не смійся,—уважно промовывъ Юхымъ.— У Бога, брате, треба вирыты. Бо нашъ братъ—безъ виры въ Бога одна худоба й бильше ничого. Безъ Бога нашъ братъ—не чоловикъ. Понимаешъ? Ты хочъ те визьмы: щó ты, або я? Худоба та й усе!.. Для чого ты жывешъ, для чого я... ни которого понятія нема!.. Або отъ наша Марынка! Подывысь на неи—ну, для чого воно жыве?.. До чого? по вищо? Залякане, засмоктане. Воно тоби не то що вкрасты не посміе, а й за себе постояты не може. Всяке іи штовха, усяке іи щына, зъ роботы не вылазыть, голодне, холодне, забыте, чорне... кому воно, на що воно? Собаци

та й то краще, отъ же, ій-Богу краще: та хочъ и выспытся, и полежыть, и пограется, а ця... вона хочъ ласку чыю бачыла?.. Безъ батька, безъ матери, байстря... жыве тутъ соби зъ мылости. А для чого жыве воно?

Марынка, що впывалась просто въ кожне слово, раптомъ почервонила вся, смилыво пидняла на дида свои залякани очи и промовыла:

— Я теперъ вже никого не буду боятыся. Я вже теперъ... Я не боюсь...

Де-хто здывовано, де-хто зъ усмишкою подывылысь на неи, а дидъ Юхымъ похытавъ головою и сумно сказавъ:

— Дивчыно, дивчыно!.. Не такъ тебе былы, щобъ такъ ты зразу не забояласи. Це горилка, дивчыно, не боится, а не ты...

Марынка хотила щось сказаты, але дидъ Юхымъ повернувся до Трохыма и заговорывъ дали:

— Ну, а ты, а я, а мы вси тутъ? Та жъ худоба та й годи! Зъ ранку до вечора, зъ малечку до сывого волосу тыняешся по наймахъ, зъ роботы не вылазышъ, та ще й радый, що зъ голоду не здыхаешъ. А разомъ зъ тымъ и Марынка, и ты, и я—люде! Понимаешъ: не худоба, а люде. О!.. А чого? Бо ты ще Бога маешъ. О! А не вирь у Бога, й выходыть, що ты ни которои разныци зъ воломъ або конякою не маешъ. А це вже зовсимъ... обыдно. Отъ багатому—друге дило. Багатому, панови Бога не треба. На що панови Богъ? Ему й такъ выдно, що винъ не коняка. Винъ соби знае й бачыть на кожному мисци, що винъ людына, бо жыве не такъ, якъ худоба. Одтого то паны такъ и не дуже то вирять у Бога. А нашому брату треба вирыть, треба держатысь за Бога, бо якъ одирвешся, то й буде: що ты, що вилъ—усе одно. А вирышъ,—воно якось и терпытся легче. Все такы людына, значыть, и ты для чогось здався. О!.. Такъ, Панасе?

Сутулый, жовтый, згорбленый Панасъ трохы пидвивъ свою довгу голову й, ледве дывлячысь своимы мутнымы очима, промовывъ:

— Колы чоловикъ мае здоровля, то й счастя мае. А загубывъ здоров...—Винъ не скинчывъ и глухо закашлявся, похытуючы головою й хапаючысь рукамы за груды. Вси сыдилы мовчазни, насуплени, похмури. Трохымъ усмихався злистно й жорстко, а Марынка хутко бигала по всихъ очима, наче боялась прогавыты хочъ одне слово.

— Такъ пидождить же, диду!—крыкнула Санька, подумавшы.—Що жъ вы говорыте: и про себе тильки думай, и въ Бога треба вирыты?.. А Богъ сказавъ, щобъ... що такъ ґрихъ думаты...

Дидъ Юхымъ усмихнувся, але, ничого не одмовляючы, вставъ, перехрыстывся трычи до иконъ, сивъ зновъ и, шукаючы люльки въ «брукахъ», промовывъ:

— Хочъ ты, дивко, й гостра на языкъ, а все такы дурна. Понимаешъ?

— Ба ни, не понимаю.

— То слухай же .. Хиба тоби хто говорыть, щобъ ты крывдыла другого, колы про себе думать будешъ?.. А може воно тоди ще й луччe буде, якъ вси будуть про себе думаты. А то погано, що дурный не дума, а розумный прытворяется, що не дума. Та й выходыть, що розумному добре, а дурневи—дуля. А хиба Богъ говорывъ, щобъ одному було добре, а другому погано? Понимаешъ?

— Ни, не понимаю.

— Бо дурна. Богъ одне, а грихъ друге. Хиба ты зъ Богомъ говорыла про грихы?.. Зъ людьмы. А люде чого не выгадають?.. По панськы одне грихъ, а по мужыцькы друге. По жыдивськы одне грихъ, а по нашому друге. А чыя сыла, того й правда. А Богъ одынъ. Понимаешъ?

— Ни!

— Ну, то йды къ чорту, що зъ тобою патякать!

И почавъ насыпаты въ люльку тютюну.

— Ни, диду!—вмыть почавъ Трохымъ зъ якоюсь похмурою ніяковистю.—Це все... може й такъ, може й не такъ. Не знаю

А отъ якъ... прымиромъ... сказать... мени пайты таку точку... свою... значыть... точку...

— Точку?.. Яку точку?

Трохымъ ніяково усмихнувся.

— Таку точку, щобъ... якъ жыть. Таку лынію...

— Та такому, якъ ты, одна лынія: на Сыбиръ та й годи!— сухо засміялась Санька.

Очи Трохымови занялысь, але винъ зразу здержався й повернувся знову до дида.

— Ша, не займай ёго...—звернувся той до Санькы.—Винъ чоловикъ попеченый: ёму, де не торкнысь, болыть. Сміятысь не треба. Чоловикъ дорогы шукае. Де винъ іи знайде, чы на Сибиру, чы въ палатахъ—то вже не намъ знаты. А колы хочешъ, щобъ самій добре було, то поможы ёму. Бо и ты, и винъ—ридни соби. И ты гола, и винъ голый—значыть и правда одна въ васъ. Выходыть, не сміяться, а помогты треба, бо поможешъ ёму, то все одно, що соби поможешъ. Дурна ты, дивко! Якъ бы ты походыла пичку, другу, та кынула окомъ на себе та подумала про жыття свое... отъ и другого понимала бъ. А нашого брата... попеченого... понимать треба. А такыхъ попеченыхъ багато розвелось теперъ. Перше то й не чуты було, щобъ чоловикъ викъ свій тынявся видъ økономіи до økономіи. А теперъ? И-ги-ги! Мабуть не вже въ двадцятого пана служышъ теперъ?—звернувся винъ до Трохыма.

— Хай ихъ чортъ личыть, а я вже й ликы загубывъ!—зъ ненавыстю промовывъ той.

— А батькы десь померлы?

— Померлы.

— Та-акъ. А по økономіяхъ... скризь добре було?

— Добре!.. Эхъ, диду!—вмыть спалахнувъ якось дыко Трохымъ и зъ сылою вдарывъ кулакомъ по столи.—Давыть мене тутъ... горыть!.. (показавъ винъ на груды). Пече, вогнемъ пече! и сыла йе, а точкы нема...

— Х-мъ!..—розвивъ рукамы Юхымъ —Точкы?.. Точку, хлопче, не знайдешъ зразу. Багато треба слизъ ковтнуты, багато кровы

пропустыты, щобъ твердо стать на свою точку. А ты—чоловикъ попеченый, уразлывый. Самъ кажешъ, горыть у тебе. Тоби не покажешъ. Самъ шукай. Та шукай не по за собою, не шукай у чужыхъ, бо въ чужыхъ и правда чужа. А колы голодрабець, то въ голодрабця й правды шукай. Та думай бильше про себе... може й выдумаешъ. Отъ я вже додумався; спочыты бъ трохы та й... (Винъ махнувъ тильки рукою). Та я—не ты. Въ тебе горыть, а въ мене вже попилъ... Мени бъ теперъ хатынку свою. Эхъ, хороша то штука своя хата: хочъ здохнуть йе де... нихто вже не выжене тебе, нихто не штовхне. Самъ соби панъ! Правда, Кылыно?

Кылына пидвела голову, глыбоко-глыбоко зитхнула и знову нахылылась

— А мени, знаете, диду, все одно,—заговорывъ, червоніючы й шыроко-тыхо всмихаючысь Киндратъ. Колы винъ почынавъ говорыты, то разъ-у-разъ зъ початку трохы червонивъ.—Чы йе хата, чы нема, абы добре було... Може то черезъ те, що я вже забувъ, що то свое хазяйство?.. Винъ ще шырше усмихнувся и допытлыво подывывся навкругы. Забувъ уже... Знаю, що якъ свое хазяйство, то морокы багато; робышъ не менче, якъ и по økономіяхъ, а клопоту... ажъ до вуха... А нема ничого, то й клопоту нема... Абы харчъ добрый та роботы менче... та платылы добре... То й жыты якось можно... А що жъ робытымешъ!

— А якъ заслабнешъ та выженуть тебе? Де здыхать будешъ безъ хаты? Пидъ тыномъ?—хрыпло, похмуро спытавъ Панасъ.

— Э! Шо тамъ!—раптомъ скрыкнула Софійка, схопывшысь зъ мисьця.—Выженуть—выженуть! Чортъ ихъ беры! Гуляй та й годи!.. На що намъ хата! Ось мы зъ Грыцемъ та Киндратомъ пидемо въ Бесарабію, або въ Таврію на заробиткы. Тамъ, кажуть, музыкы грають, хлопци, дивчата... Гуляй та й все!.. Давайте, диду, я вамъ налью!

— Ни!—зважлыво крутнувъ головою Юхымъ.—Я вже не буду. Гряныця! У мене вже така гряныця: якъ не дойиду, то ще держатымусь, а перейиду, такъ уже прощай: пытыму, покы й

сорочкы не збудуся... А теперъ ще холодно... Якъ выжене Халабуда, то й до Адеса не доберусь... Хай молодши пьють...

— Киндрате, пый!—подала чарку Софія. Киндратъ мовчкы взявъ чарку, выпывъ, утерся и, сплюнувшы, почавъ закусюваты хлибомъ.

— А теперь я!—зновъ налываючы, скрыкнула Софійка, обводячы всихъ блыскучымы, трохы посоловилымы очима.—Гулять, такъ гулять! Правда, Грыцю? Эхъ!

Вона вытягла руку зъ чаркою, пидвела голову, крутнула нею и чыстымъ, гарнымъ контральто заспивала:

Тамъ дивчы-на гуляла-á,
Охъ дивчына гуляла-á;

— Грыцю, поможы!—хытнула вона тому головою.

Ну, што жъ, кому дѣло гуляла-á...

пидхопывъ Грыць и штовхнувъ ликтемъ Киндрата. Той нашвыдку проковтнувъ хлибъ, прытулывъ руку до щокы и трохы збытымъ, але сердечнымъ голосомъ уступывъ у писню и наче поплывъ мягко, ривно у гори.

Ну, што жъ кому дело, гуляла-á!
Ну, какое кому дело гуляла-á—

залуналы весели, буйни згукы въ сумній, темній «чорній» кухни.

Софія поставыла на стилъ налыту чарку, выскочыла на середыну хаты и, топнувшы ногою, палко повела плечыма, граючы до Грыця очима й усмишкою. Потимъ раптомъ повернулась до Савкы й пидморгуючы, манячы за собою, весело поклыкала:

Ходы, мылый, не журысь!
Ходы, любый, не журысь;

Савка задоволено «гыгыкавъ», а Грыць та Киндратъ, переплитаючысь голосамы наче пидбадёрювалы ёго:

Ну, што жъ, кому дело, не журысь,
Разкакое кому дело, не журысь!

— Ни, стій! Давай другу!—спынывся раптомъ Киндратъ и, не чекаючы никого, трохы заплющывшысь, прытулывъ знову руку до щокы и тыхо-тыхо почавъ:

Ге-ей, ты гори-и-лочка,
Гей, ты медова-а-а-я-а...
Ге-ей, зъ кымъ я тебе пы-ыть бу-уду молода-а-я...

Сумни згукы заплакалы десь пидъ закуреною стелею, перебиглы сумомъ по облыччахъ и поплывлы, розлылысь по хати. Софія спынылась, прыслухалась, потимъ хутко пидбигла до Киндрата, сила блызько ёго й, обнявшы, прытулывшысь ёму до плеча головою, тужлыво пидхопыла:

Ге-е-ей, зъ кымъ я тебе пыть буду молодая-я-а!

По хати наче пройшла сама туга.

Ге-ей, пойихавъ мылый мій
Въ далеку доро-о-огу-у...

— хытнувъ зъ болемъ головою Киндратъ, перекладаючы щоку на праву руку, а ливою обнимаючы Софійку.

Ге-ей, мене молоду-у-ю...

зъ одчаемъ залылась Софія,—

... кынувъ самотою-ою...
Ге-е-е-ей!..

безпадійно махнувъ рукою Грыць, вкрываючы ихни голосы своимъ густымъ, свижымъ басомъ, —

... —мене молодую кынувъ самото-о-ю-у...

Згукы рыдалы; здавалось, доля сыхъ сирыхъ, прыгниченыхъ людей звидкысь вынирнула, одяглась въ отси згукы й клыкала

маныла ихъ кудысь. Здавалося, тутъ, у сей брудній, на-пивъ темній хати не було вже ни сёго довгого столу зъ порожнимы, велыкымы мыскамы, зъ роскыданымы ложкамы, зъ плямамы кандёру, не було ни чорнои, блыскучои видъ бруду доливкы, ни смердючого, важкого повитря,—здавалось, си згукы вымылы сей брудъ своимъ сумомъ, налылы сюды вильного, чыстого повитря, покрылы все своимъ нижнымъ, тужлывымъ чуттямъ.

Кылына сыдила, пидперши голову рукою, й дывылась, не моргаючи, въ свитло лямпочкы. Выдно було, що вона не бачыла ни спиваkивъ, ни Андрія, що, здавывшы голову рукамы, дывывся нерухомо въ стилъ, не бачыла. Марынка, яка почала жваво прыбыраты зъ столу,—никого й ничого не бачыла. Губы свижи й горди булы зложени якось гирко, бровы нахмурылысь, на щокахъ гравъ невелычкый румьянець, высоки груды пидіймалысь иноди пидъ довгымъ, задержанымъ зитханнямъ.

— Ге-ей, та немае правдонькы на свити,—

жалився Киндратъ, заплющывшы очи й журлыво схылывшы голову на руку.

— Эхъ! Тяжко, гирко, мылый, да по наймахъ жыты...

зъ мукою згожувалась Софійка, прытулывшысь ёму до плеча щокою й дывлячысь передъ собою шырокымы, сынимы, засмученымы очима.

— Эхъ! Тяжко, гирко, мылый, да по наймахъ жыты...

меланхолійно, сумно гудивъ Грыць, мнягко перелываючысь видъ Киндратовои прымы до Софійчыноi вторы.

Було боляче-сумно.

Дидъ Юхымъ сыдивъ, спершысь рукамы въ колина й задумлыво попыхкувавъ люлькою; Панасъ та Савка тыхо перейшлы на пилъ, и хутко стало чуты Савчыне хропиння; Петрыкъ и Санька сыдилы, обнявшысь, на полу и мовчкы слухалы; Трохымъ зновъ тарабанывъ пальцямы по столи, и зновъ на тонкыхъ, сынихъ губахъ ёго грала злистно иронычна усмишка, тильки гостри, маленьки очи ёго зробылысь ще гострищи, лыце налылось кровью, й на лоби гралы проты свитла лямпочкы дрибни крапли поту.

Вмыть Софійка зкынула зъ свого стапу Киндратову руку, глыбоко-глыбоко зитхнула й, трипнувшы головою, схопылась и зъ усмишкою, въ якій, здавалось, ще плакала писня, крыкнула:

— А ну его къ бису!... Ще заплакать можно! Давайте краще веселои... Чого намъ журыться? Горилка йе... Давайте, диду, выпьемъ. Этъ!... Начхайте!.. Гулять—такъ гулять!.. Отъ и все... Наши паны гуляють и мы гуляемъ... Удивительно!

Вона, сміючысь, пидбигла до столу, схопыла налыту чарку й, розхлюпуючы горилку, высоко пидняла іи.

— Хай люде говорять!.. А намъ начхать!.. Правда?.. Хведиръ каже: «шлюха»!.. Ну, й шлюха, ну то що! Шлюхамъ все можно!.. Вы й не знаете: винъ назвавъ мене шлюхою... Я не хотила вамъ цёго говорыть, а теперъ... пхе!... Ще й набывъ, якъ шлюху! «Ще, каже, й шлюхы уміють вередуваты». Ха-ха-ха! А онъ дидъ Юхымъ кажуть, що й шлюхы таки жъ люде... Правда, диду?

Вона вже не сміялась, а якось болистно, жалько крывыла губы въ усмишку й все бильше та бильше розхлюпувала горилку дрижачою рукою. Потимъ раптомъ безсыло упала на лаву, выпустывшы чарку, яка покотылась до-долу, прыпала головою до столу й голосно, здригуючысь, зарыдала. Петрыкъ та Санька, що почалы щось шопотиты мижъ собою, зразу змовклы й зляканo глянулы до столу.

— Отъ тоби й маешъ!—тыхо промовывъ Грыць, збентежено дывлячысь на всихъ своимы лупастымы очима й якось крыво всмихаючысь.—Чого вона?

Кылына, наче мало дывуючысь сёму, глянула мовчкы на Софію и зновъ стала дывытысь у лямпочку; тильки въ лыци іи вже не було задумы, а щось холодне, жорстке, щось тверде и зважлыве. Вона навить не звернула уваги на Андрія, що, зачувшы рыдання, хутко пидвивъ голову и ставъ дывытысь спершу на Софійку, а потимъ на всихъ широко розплющеными очима, въ якыхъ злякано дывылось пытання.

— Що таке?—звернувся винъ до Киндрата, але той ничого не одмовывъ ёму й тильки пыльно, напружено, попуро дывывся на пилъ.

— Бижы, спытай у свого товарыша, Хведора,—усмихнувся Трохымъ.—Винъ знае.

— Я тебе не пытаю!—спалахнувъ Андрій, повернувшысь до ёго всимъ тиломъ и миряючы очима. Але Трохымъ тильки гостро подывывся ёму въ налыти кровью очи й байдуже одвернувся.

— Що таке? Чого вона плаче?—нетерпляче, палко скрыкнувъ Андрій, звертаючысь до всихъ.

— Та ничого... такъ ..—махнувъ рукою Грыць, встаючы й пидходячы до Софійкы.—Годи, Софійко!.. Чортъ ихъ беры... Этъ! що тамъ!.. Удивительно!—И хотивъ усмихнутысь, але тильки скрывывся...

— Не займай іи,—похмуро промовывъ Юхымъ,—хай выплачется... Горилка іи розмягчыла...

Грыць хотивъ щось сказать, але въ сей менть щось стукнуло въ одне викно, потимъ въ друге, потимъ затупало въ синяхъ, и въ хату хутко вбигла дивчына въ «панській» одежи, се-бъ то въ сытцевій довгій спидныци, въ кофточци «въ талію» и зъ чыстымъ, билымъ хвартухомъ на шлейкахъ.

— Дивчата!—заразъ же почала вона, захыкавшысь и важко дышучы.—Идить .. намъ .. помогать... Посуду пере... мывать..., бо не управымся... Ху!.. Казавъ Халабуда... А що то у... васъ?.. Монополька?.. Дывы!.. А що то плаче?—вмыть спынылась вона и злякано подывылась на Софійку.—Чого вона? Хто то?

— Софійка—промовывъ Грыць.

— Чого жъ вона?

— Та... такъ... Годи, Софійко. . Онъ краще йды въ кимнаты... На панивъ подывышся... Фроська прыйшла... Посуду перемывать...

Софія трохы зтыхла, але не пидводылась, тильки иноди схлыпувала й тоди хыталась всимъ тиломъ.

— Чуешъ, Софійко?—пидсила до неи Фроська й обняла злегка за станъ. Плюнь на ихъ!.. Нехай обижають!.. Лучче пайдемъ у кóмнаты... Пущай плачуть ти, што гроши мають... А у насъ весело! Панивъ, пани-ивъ! Танцюють, грають на хуртопля-

нахъ... Вставай, пайдёмъ! Та й Санька, й Марынка пущай идуть!—звернулась вона до всихъ.

— А я чого туды пиду?—сказала Санька.

— «Чого!» посуду перемывать!

— Отъ не бачыла..

— Тю, дурна! Та я бъ ажъ побигла! Подасы якомусь панови шубу або що, то й «на чай» получышъ!

— Ну-да!—недовирлыво протягнула Санька.

— Ій-Богу! Дурна!

Санька повагалась трохы, потимъ почала шопотиты щось Петрыкови, якый незадоволено скрывывъ губы, потимъ схопылась, зстрыбнула зъ полу и почала хутко шукать на жердци свою хустку.

— Вставай, Софійко,—нахылылась знову Фроська до Софіи.—Тамъ харашо! Ій-Богу! А панычи яки понайизжалы, Софійко! Знаешъ...—вона раптомъ закрыла рота рукою й почала щось шопотиты Софійци на вухо, хихыкаючы й, пибы засоромывшысь, ховаючы лыце кудысь ій пидъ плече. Софійка вжё не схлыпувала, але все-такы не пидводылась. Нарешти, колы Фроська щось прошопотила ій тыхо-тыхо на вухо, боязко наперёдъ озырнувшысь на всихъ, вона трохы пидвела заплакане, червоне лыце зъ мокрымы щокамы й прыпухлымъ носомъ и, слабо всмихнувшысь, промовыла:

— Та невже?

— Отъ тоби хрестъ святый! Поважно и зъ запаломъ перехрестылась Фроська й, наче згадавшы щось, зновъ обняла іи й почала шопотиты, дывлячысь на Юхыма своимъ дуже блидымъ зъ сынимы жылкамы облыччямъ, зъ сынимы кругамы пидъ очима й трохы кырпатымъ носомъ. Софійка ще ширше всмихнулась и, соромлыво глянувшы на всихъ, почала вытыраты напнутымъ на кулакъ рукавомъ мокре лыце.

— Та брешешъ!—раптомъ засміялась вона, але Фроська ще зъ бильшымъ запаломъ почала шопотиты. Тоди Софійка, мовъ не вытрымавшы, схопылась зъ мисця й весело побигла до жердкы.

— Гулять, такъ гулять!—блыснувшы до Юхыма билымы зубамы й червонымы яснамы, крыкнула вона й почала зтягаты зъ жердкы одижъ, хутко перебираючы й одкыдаючы на бикъ чуже.

Всимъ наче трохы легче стало: забалакалы, засміялысь. Фроська почала оповидать про гостей, шыроко розплющуючы очи, сплескуючы рукамы й мало не за кожнымъ словомъ божачысь.

— Тамъ одынъ оце прыйихавъ—зъ жахомъ прыклала вона долони до своихъ блидыхъ щокъ.—Пуза-а-тый, пузатый, ажъ у дверя не войдёть... Усё кашля... А другый—зъ мындалёю... На стёжци зъ боку высыть... Якъ хрестъ всё рамнó... Та уси поздравляють ёго, ручкаются... Та всё на мындаль ту смотрять... Отъ хрестъ мене вбый! Бухвечыкъ говóрыть: шо якъ бы ёму таку мындаль, такъ винъ бы сичасъ у городи трахтыръ зъ катерынкою очынывъ бы... Накажы мене Богъ! Десь дорогá, верно!

— Отъ бы таку мындаль украсты, диду!—зареготався Грыць—Га? Було-бъ на що хату поставыть?

— Да-а..—усмихнувся Юхымъ.

— Санько!—гукнувъ Грыць.—Ты тамъ зивка не давай... Прыдывысь, де спатыме, та ниччю й пидберысь до мындали... Петрыкъ спасыби скаже!

— А якъ мы вже поженымся, вы будете зо мною ручкаться, поздравлять!..—промовывъ важно Петрыкъ.—А вона велыка?—звернувся винъ до Фроськы.

— Та-де! Якъ слыва завбильшкы..

— Пхе! Чорзна яка мындаль!—зневажлыво плюнувъ Петрыкъ.

Софійка та Санька вже одяглысь, а Марынци не було чого одягатысь. Вона давно вже стояла биля Фроськы и, пыльно дывлячысь кожному въ ротъ, слухала кожне слово.

— Ну, гайда!—крыкнула Фроська, и вси тры, весело озыраючысь, жартивлыво прощаючысь и сміючысь на жарты хлопцивъ, выскочылы зъ хаты. За нымы хутко заляпала босымы ногамы Марынка въ своій довгій кофти й брудній сытцевій хустынци на голови.

Стало тыхо. Кылына поралась биля мысныка; Андрій и Трохымъ сыдилы биля столу, похмури й задумлыви; Петрыкъ пидсивъ до Грыця и зтыха почавъ якусь писню. Киндратъ спершу мовчавъ, потимъ ледве чутно почавъ пидголосюваты, и сумни згукы знову забылысь, заплакалы десь пидъ стелею.

Тымъ часомъ дидъ Юхымъ набывъ люльку, запалывъ іи и ставъ выряжатысь «на службу». Напнувъ на лысу голову шапку, зъ якои выглядала подекуды бавовна, замотавъ ганчиркамы подрани чоботы, увьязавъ ихъ мотузкамы й напьявъ на себе «пальто» свое. Се «пальто»—жовте на плечахъ, зелене пидъ пахвамы, брудне спереду, зъ велыкымы, чорнымы латкамы биля кышень и зъ однымъ однисенькымъ салдацькымъ жовтымъ гудзыкомъ биля комира— було Юхымови и за постиль, и за свыту, и за вси ёго маеткы, колы не забувать ще про люльку, шапку, «брукы» та ще де-яки «вещы». Напьявшы зъ кректанням «пальто», Юхымъ тисно пидперезався мотузкомъ, пыхнувъ люлькою й, вытягшы зъ-пидъ полу деревьяну калаталку, закалатавъ нею й промовывъ:

— А що!.. А ще кажуть, що не козакъ! Х-хе!.. Хочъ заразъ до халамыдныкивъ... Да-а...

Винъ щильнище насунувъ шапку на лоба, пыхнувъ люлькою й зачовгавъ своимы обмотанымы въ ганчиркы чобитьмы зъ хаты.

III.

Вечиръ бувъ темный. Неба не выдно було, а здавалося, хтось розипьявъ у гори безкраю чорну запону и трусывъ зъ неи дрибнымъ, холоднымъ дощемъ. Витеръ пидхоплювавъ дощъ, крутывъ ёго, розкыдавъ и гостро ризавъ нымъ по лыци. Але въ повитри чулась не нудна, одноманитна, тяжка осинь, а щось бадёре, свиже, молоде,—чулась весна. Витеръ нисъ не запахъ гнылого пожовклого лыстя, а першый дужый подыхъ земли, що скынула зъ себе холодный, мертвый, снiговый жупанъ и могуче набыралася сылы. Дощъ нагадувавъ не довги безкраи, мокри ночи зъ выттямъ витру въ комыни, а зелене море сходивъ, зелену,

оксамытову траву, поле, працю, надіи, одчай, радисть, слёзы—нагадувавъ жыття.

Дидъ Юхымъ выйшовъ зъ хаты, ступывъ де-кильки крокивъ и озырнувся. Праворучъ его темно и тыхо. Чорнилы стайни, загоны, клуни, амбары... Нижче до будынку чорнилы вершечкы саду, а мижъ нымы далеко-далеко жовтилы вогныкы,—то село внызу, въ долыни. По ливу руку було бильше жыття. За «чорною» свитыла викнамы «била» кухня; биля неи стоялы брычкы усякыхъ фасонивъ, ходылы люде, бигалы собакы; а передъ «кóмнатамы» було выдно, якъ у-день. Увесь довгый рядъ велыкыхъ виконъ будынку бувъ залытымъ свитомъ, що вырывалось на двиръ и шырокымы смугамы залывало подвирья, потоптане ногамы коней та поризане колесамы брычокъ. У викнахъ мыготилы постати, а на ганку, що бувъ якъ разъ посередыни будынку, одчынялысь двери, звидты вылитавъ глухый галасъ, наче зъ вулыка.—Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!..—раптомъ закалатавъ Юхымъ, наче бажаючы заглушыты той веселый гоминъ. Таръ-таръ-таръ...—неслось зъ нымъ по економіи, то стыхаючы, то ще дужче рижучы вухо зъ кожнымъ подыхомъ витру. Винъ обійшовъ стайню, коморю, пройшовъ у садъ и ставъ то порынаты у свитло, то вырынаты зъ его, бо воно смугамы тяглось изъ заднихъ виконъ будынку. Обійшовъ будынокъ, «билу» кухню и знову ставъ наблыжатысь до «чорнои». Зъ чорнои запоны хтось переставъ трусыты дощемъ, наче замыслывся; витеръ, не маючы впыну, кружывсь и свыстивъ у стрихахъ та голыхъ витяхъ деревыны, наче навмысне не хотивъ даты Юхымови насыпаты въ люльку тютюну. Дидъ на ментъ зупынывся, озырнувся и почовгавъ пидъ стину «чорнои» кухни. Тутъ було затышно, тильки иноди витеръ, мовъ жартуючы, зразу вырывався десь зъ-за рогу и, дмухнувшы пронызувато въ лыце Юхымови, зновъ счезавъ десь у чорну яму долыны. Дидъ прытулывся до стины, поклавъ до-долу калаталку и почавъ выйматы кысеть; але раптомъ пидвивъ голову и, прыслухаючысь, ставъ дывытысь за тынъ, що видиливъ Юхыма видъ подвирья и тягся видъ рогу «чорнои» кухни ажъ до рогу билои: тутъ зачулось якесь шарудиння.

Спершысь ликтемъ на тынъ, тамъ чорнила якась постать въ гострій шапци, що була даже схожа на Трохымову. Поворушывшысь, вона зновъ застыгла, наче настромленый на тынъ стовпъ зъ горщыкомъ зверху. Але не встыгъ ще Юхымъ пасыпаты въ люльку тютюну, якъ биля рогу зачулась чыясь хода, а за нею затемнила биля першои постати друга постать.

— А це хто тутъ?—рантомъ зачувся спокійный, твердый, жиночый голосъ.

— Чортъ!—насмишкувато здушеньмъ, похмурымъ голосомъ промовыла постать, не минякочы позы, а лышъ злегка повертаючы голову.

«Ага, то Трохымъ, а то Кылына»—впизнавъ Юхымъ, насыпаючы пучкамы въ люльку тютюну и пыльно прыдывляючысь до рукъ, боячысь розсыпаты.

— Правда, що чортъ!—промовыла Кылына, пидходячы блыжче.—Що жъ ты тутъ робышъ?

— А хиба не бачышъ? Танцюю...

Кылына трохы помовчала, потимъ тыхше и щыро якось сказала:

— Скажы мени, Трохыме, чого ты такый злый разъ-у-разъ?

— А чого ты така добра?

— Я? Ни, здается, и я не дуже, але жъ...

— Безъ палыци мымо не йды?—кынувъ Трохымъ и сухо засміявся.

Кылына щось сказала, але витеръ, наче не бажаючы, щобъ Юхымъ чувъ, шарпнувъ іи слова и потаскавъ кудысь за стайню.

— А мене вже такымъ маты породыла та люде зробылы—зачувся зновъ Трохымивъ голосъ. Такымъ и дивчата любылы,—и злистно-иронычно засміявся.

— А ты любывъ кого-небудь?

Трохымъ мовчавъ.

— Въ тебе маты йе?

— Була.

— А батько?

— А ты що... сватать мене хочешъ, що допытуешся?

— А хочъ бы и сватать.

Замовклы. Дидъ Юхымъ переставъ навить люльку набывать.

— Слухай, Кылыно,—терпко заговорывъ Трохымъ,—я жарты люблю, але колы мене кусаютъ, то и я зубы маю... Маешъ соби Андрія, то и грайся зъ нымъ, а я хазяйства не маю, то и торгуватысь зо мною нема чого... Колы бъ...

Витеръ зновъ наче на злисть Юхымови одирвавъ кинець мовы и нибы въ кышеню сховавъ іи. Дидъ Юхымъ тыхо, обережно ступаючы, ховаючысь за тыномъ, пидійшовъ блыжче и зупынывся ступнивъ на тры видъ ныхъ. Теперъ ёму навить выдно було, якъ витеръ гравъ хусткою на голови у Кылыны.

— Ну, та й ты ниврокy кусаться уміешъ—спокійно сказала Кылына.—Десь довго зубы гострывъ... А бидный Андрій ажъ муляе тоби...

— А тоби жаль ёго?

— Не жаль... а... а,—Кылына трохы замнялась.

— А такъ, мовлявъ, згодытся колысь... Чы замижъ выйты, чы переночуваты колы... Хе-хе-хе!

— Може и замижъ выйду.

— Якъ буде на те ёго ласка.

— Правда, що чортъ!—трохы зъ серцемъ промовыла Кылына, а дидъ Юхымъ завдоволено посмихнувся соби пидъ нисъ. Ему, страшенно хотилось запалыты люльку, але винъ, прытаившысь за тыномъ, навить не ворушывся.

— Скажы ты мени, Кылыно, чого ты прычепылась до мене?—раптомъ повернувся Трохымъ до неи.—Пишла бъ соби до Андрія та втерла бъ ёму слёзы... Краще буде!

Кылына не зразу одповила.

— Мени жаль тебе—тыхо сказала вона.—Злый ты, безъ серця... Попеченый...

Трохымъ ничого не сказавъ, а тильки, выдно було Юхымови, одвернувъ одъ неи голову и наче поправывъ шапку. Зъ неба хтось почавъ сіяты дрибно-дрибно дощемъ. Витеръ мовъ

прыбытый до земли, не такъ уже казывся, а нибы зтомленый дыхавъ спокійнище и ривнище. Биля «билои» кухни та «комнатъ» мыготилы постати, чулось гукання, биганына...

— Справди жаль?—не повертаючысь, якось напружено и безъ звычайного смиху спытавъ Трохымъ.

— А чого жъ бы я тебе обманювала?

— Не смiешся!—повертаючы голову бовкнувъ винъ.

— Ну, отъ!.. ще що выгадай...

— Ну, такъ поцилуй мене, колы справди жаль..,—вырвалось у ёго зъ якымсь нiяковымъ, напруженымъ смишкомъ у голоси.—Колы не смiешся...

Кылына повела плечыма, помовчала и нарешти тежъ зъ нiяковистю тыхо спытала:

— Хиба тоби поможется видъ сёго?

— Поможется. . Поцилуй...—якось грубо и дыко прошопотивъ винъ.

Кылына одхылылась навить трохы назадъ и ничого не промовыла.

— Ха-ха-ха!—вмыть голосно, зъ ненавыстю зареготався Трохымъ.—Жалибныця! Злякалась... Думала и справди! Ха-ха-ха! Не бiйсь, я пошуткувавъ... У мене жъ нема грошей. Ха-ха-ха!

И смiючысь, винъ, не хапаючысь, одiйшовъ видъ тыну и озыраючысь пишовъ до стайни.

— Трохыме!—тыхо гукнула Кылына. Въ голоси iи чулось щось выпувате, нiякове и боляче. Але Трохымивъ смихъ стававъ все тыхищый, и хутко чорна постать ёго мовъ розплылась у тьми.

«Та-акъ», хотилось промовыты Юхымови, але винъ тильки переступывъ зъ ногы на ногу и пыльно дывывся на Кылыну, що сперлась на те саме мисце на тыну, де тильки що лежала Трохымова рука, и наче закамьянила. Биля кухни зачулась чыясь хода, але Юхымови не выдно було, чы то Трохымъ вертався въ хату, чы выходывъ хто зъ хаты. Кылына жъ не рушылась.

— Кылыно!—вмыть поклыкавъ хтось тыхо. Кылына поволи озырнулась, але не обизвалась.

— Кылыно!—голоснище вже поклыкало вдруге, и чутно було, якъ хтось чвакавъ чобитьмы по грязюци, наблыжаючысь до рогу.

— Ну, чого тамъ?—незавдоволено обизвалась Кылына. Зъ-за хаты зъявылася постать и помалу пидійшла до неи.

— Ты тутъ?—впизнавъ Юхымъ Андріивъ голосъ.—А я шукаю тебе... чого жъ ты тутъ стоишъ... дощъ, холодно...

— Такъ, стою та й годи...

— Може выйшла до кого?

— А якъ же!.. До Халабуды выйшла...

— А-а!—протягнувъ зъ ноткамы ніяковосты й ображення въ голоси Андрій.—Такъ я може... Такъ я пиду!—шарпнувся винъ раптомъ, и вже хотивъ справди йты, але Кылына спыныла ёго.

— Этъ!—зъ ласкавою досадою узяла вона ёго за руку.—«Пиду»... Куды пидешъ?.. Не жену жъ я тебе... Не схочу, сама скажу... Заразъ—«пиду»...

Андрій трохы постоявъ мовчкы, потимъ Юхымови стало выдно проты свитла зъ будынку, якъ винъ заворушывся, наблызывся до Кылыны и наче злывся зъ нею въ обіймы.

— Такъ ты не до Халабуды выйшла?—зачулось ёго тыхе пытання. Юхымови не чуты було, що вона одмовыла, тильки, колы вона скинчыла, до ёго долетило Андріеве «голубко». Потимъ голова ёго нахылылась блызько до Кылынынои головы и чуты було, якъ губы ёго зъ цмоканнямъ то прытулялысь, то одрывалысь видъ іи щокы. Але Кылына стояла непорушно, не забороняючы, але й не обнимаючы, наче ти поцилункы булы щось немынуче й байдуже, якъ си крапли дощу.

— Кылыно!—зачувъ зновъ Юхымъ одрывысте, важке Андріеве шопотиння.—Я прыйду... Можно?.. Кылыно?..

Кылына мовкы, не згожуючысь, покрутыла головою.

— Ну, чого?.. Чого?.. Нихто не почуе..., вси спатымуть... Кылыно!

Кылына не рухалась.

— Не хочешъ? Ни?

— Не хочу!—твердо промовыла Кылына.

— Чому?

— Такъ, не хочу та й годи.

— Значыть, ты мене не любышъ... Значыть...

Кылына не дала ёму договорыты. Раптово повернулась до ёго всимъ тиломъ и разомъ скынувшы ёго руку зъ свого стану, вона, нибы тильки й чекала сёго, заговорыла якось терпко, сухо й разомъ зъ тымъ палко:

— «Не любышъ!» Ну, й не люблю, ну, то що? Хыба я тоби казала, що люблю? Хыба я тебе обманювала?.. И не люблю! Бо любыты можно того, хто мене любыть... хто мени добро робыть... А тебе за що маю любыты? За те, що молодый та гарне лычко маешъ? Э!.. Бачыла я це... Ты любы мене, отъ що!.. Любытымешъ мене, любытыму й тебе...

Андрій щось сказавъ, але Кылына не слухала ёго.

— .. А ты не мене любышъ, а себе... Ось вже скоро пивроку, якъ ты спиваешъ мени про свое кохання... А чы я що мала зъ ёго?.. Чы не такъ я оддаю свою працю другымъ, чы не така жъ я наймычка, якою була й до тебе? Хыба я жыву? Га... А я жыты хочу!.. И буду жыть! Продамъ себе, шлюхою стану, а буду жыть! Чуешъ? Колы пропадать, такъ знать за що пропадать!.. А ты мени що? Що ты мени?.. Не мала я такыхъ хазяйськыхъ сынкивъ? Ого!.. Вси вы ласи... Знаю... До Халабуды пиду, до чорта, а такъ не буду жыть... И плювать я на васъ усихъ хочу!.. Ненавыжу я васъ... Кожному зъ васъ хочется на дурнычку пожывыться, а ты соби—якъ знаешъ... Ну, то й я-жъ знаю! «Прыйду». Ни, ты визьмы мене за жинку, а тоди прыходь... А я Софійкою не хочу буты! Не хочу, щобъ мене якась паскуда прылюдно по морди была та шлюхою очи выпикала... Не хочу, щобъ мои диты, якъ Марынка, пидъ стусанамы выросталы... Не хочу!.. Я хочу жыты якъ люде... Отъ що!.. «Не любышъ». И не люблю, и не любыла, и не любытыму!.. Я впередъ себе люблю, а потимъ того, хто мене любыть, хто мене любыть для мене, а не для себе, для своеи потихы... Зъ наймычкою, мовлявъ, все

можно... Вона наймычка. Я—наймычка. Хазяйському сынови соромъ женытысь зъ наймычкою!.. Такъ не лизь же до неи... Чуешъ?.. Не лизь!.. Ненавыжу васъ, проклятыхъ!.. И плювать на васъ хочу!.. На злисть вамъ шлюхою буду... пиду въ городъ и прыстану до тыхъ! Чувъ, що дидъ говорывъ!.. Шлюхою всесвитнёю буду, а не дамъ обдурыты...

Вона спынылась, одвернулась видъ Андрія, що нерухомо слухавъ іи, й, повернувшысь знову, раптомъ схопыла ёго за руку выще ликтя й прытягуючы до себе, заговорыла якымсь злякапымъ, болистнымъ, вмоляючымъ голосомъ:

— Голубе!.. Андрію!.. Серце.. Пиды зновъ до батька... Крычы, гвалтуй... на колина падай, хай дозволыть женытысь... Я любытыму тебе..., цилуватыму... Все, що хочешъ... Робытыму, якъ вилъ... Слухатымусь... Обниматымусь... Дывысь...

Юхымъ напружено дывывся, якъ вона обхопыла ёго, якъ впылась ёму устамы въ уста и наче замерла; якъ, одирвавшысь, вона глыбоко зитхнула и знову, щось шопочучы, прыгортала, впывалась ёму въ лыце и знову щось палко шопотила. Потимъ, не выпускаючы зъ своихъ обіймивъ, одвела голову и, важко дыхаючы, промовыла:

— Пидешъ?

— Пиду!—задыхаючысь сказавъ Андрій.—Пиду заразъ!.. А якъ зновъ не дозволыть...—и спынывся.

— Ну? Ну, а якъ не дозволыть?! Ну, що жъ, говоры!—шарпнула вона ёго за плечи.

— То я вже й не знаю, що робыть...—тыхо й безсыло промовывъ винъ.

Кылына ничого не сказала, тильки одняла видъ ёго свои рукы й одвернула трохы голову

— Колы пидешъ?—вяло спытала вона.

— Пиду заразъ!.. Щобъ до ранку й вернутысь...

— Якъ знаешъ...

Андрій постоявъ трохы, потимъ несмило обнявъ іи, прыгорнувъ и почавъ цилуваты. Вона зновъ стояла, не одхыляючысь и не обнимаючы, тильки похытуючысь въ ёго обіймахъ.

— Ну, буде.. Иды вже...—нарешти поволи одвела вона його рукы.

Андрій ще раз замеръ биля неи, потимъ энергично одирвався, насунувъ щильнище шапку на голову й, ничого не кажучы, хутко й твердо пишовъ видъ тыну внызъ. Незабаромъ винъ промыготивъ у свитли зъ виконъ и счезъ по-за будынкомъ. Кылына ще трохы постояла, потимъ повела, наче зъ холоду, плечыма й тыхо пишла въ хату. Юхымъ заразъ же почавъ кресаты вогонь. Запалывшы люльку, винъ довго задумлыво смоктавъ іи, прыдавлюючы пальцемъ тютюнъ и не видходячы видъ тыну. Потимъ озырнувся, помацкы знайшовъ свою калаталку пидъ стиною й рушывъ зновъ у ныэъ до «билои» кухни. Стукитъ його калаталкы знову залунавъ по подвирью, але Юхымъ стукавъ, махавъ рукою, смоктавъ люльку и все се робывъ такъ, наче ничого не чувъ и не бачывъ передъ собою. Биля «билои» кухни й будынку рухъ бувъ бильшый,—хтось гукавъ, десь реготалысь, бигалы зъ кухни въ будынокъ и зъ будынка въ кухню дивчата, несучы попередъ себе якусь посуду; хтось стукавъ десь по чомусь зализному мижъ брычкамы, що скупчылысь вси биля лёху; гавкалы собакы, иржалы нерозпряжени ще кони.

Проходячы повзъ будынокъ, Юхымъ помитывъ биля тынка, що тягнувся вздовжъ фасаду, якусь постать. Облыччя винъ не мигъ роздывытысь, але бачывъ, якъ вона нерухомо дывылась въ залыти свитломъ викна, спершысь грудьмы на частокилъ. Зривнявшысь зъ нею, дидъ Юхымъ зазырнувъ ій въ лыце и впизнавъ Трохыма, що озырнувся на ментъ и зновъ перевивъ очи на викна.

— Любуешся?—спыняючысь, прогунявывъ Юхымъ.

Трохымъ, ничого не одмовляючы й не повертаючы головы, скрывывъ губы въ усмишку.

— Д-да, гуляють люде...—зитхнувъ дидъ, дывлячысь и соби на викна, въ якыхъ то зъявлялысь, то счезалы чоловичи й жиночи постати.—Жывуть, що называется. Да-а... Це сына охвыцера выправляють зновъ у військо... Посли празныковъ, значыть...

Помовчавшы трохы, винъ сперся тежъ на тынокъ и, зитхнувшы, заговорывъ:

— Пагано, брать, у голови мени стало писля горилкы... Наче хто писку насыпавъ туды... И коло серця нудыть... Ссе, якъ пьявка... Мабуть, запью я... А запью,—выжене Халабуда. А холодно, не доберусь до Адеса. Отъ и выбырай... Не треба було почынать... Та ще й весна до цёго... Усяке по весни жыты рвется... А жыты нема якъ... Эхъ, якъ бы вже скорище тепло!.. Потягну на волю...

Видъ кухни до будынку хутко пробигла одна дивчына, несучы щось попередъ себе, за нею друга, третя... Назустричъ имъ побигъ якыйсь чоловикъ. Сказавшы щось имъ на бигу, винъ побигъ дали и вскочывъ у двери кухни.

— Понеслы панамъ йисты...—промовывъ Юхымъ.—Выгolодалысь за танцямы... Да-а... Жывуть люде...

Винъ подывывся задумлыво у викна, потимъ усмихнувся и заговорывъ зновъ:

— А отъ подывысь... Здается, кому вже жыты, якъ не панамъ... А про те й воны свое горе мають.. Мы горюемо зъ тымъ, а воны соби зъ другымъ... Та все не безъ лыха... А нема такъ, щобъ николы чоловикови ніякого горя не було... Бо тоди й счастя не було бъ... Черезъ те то й зветея воно счастемъ, що горе йе... Не будь горя, то й жывъ бы чоловикъ соби байдуже..., наче такъ и треба... А горе заставля ёго знаты, що счастя, а що лыхо... Зъ горемъ, выходыть, краще жыты...

Трохымъ подывывся на ёго такымъ окомъ, нибы хотивъ упевнытысь, чы не сыплется въ дида зъ головы той писокъ, про якый винъ говорывъ. Але той тильки посмихнувся, похытавъ головою й заговорывъ дали:

— Такъ, такъ, хлопче... Це я тоби скажу такъ... Колы я сыдивъ въ Адеси въ тюрьми, такъ мене посадовылы за одну тамъ сторію въ темный канцуръ. Це такъ соби кимната... аршынивъ зо тры... безъ виконъ... порожня, ажъ у подвалли. Якъ зачынять двери, то такъ темно, наче тоби очи повыколювалы... Ну, такъ якъ посыдивъ я въ тій кимнатци симъ сутокъ та якъ выйшовъ на свитъ, такъ ажъ... захытався одъ свиту... ажъ боляче въ очи стало... Отъ тоди я й узнавъ, що то свитъ, а що то тьма... А

якъ жывъ уперѐдъ, то николы й не думавъ про ёго... Отъ такъ и зъ счастемъ...[Тильки, братъ, тутъ така штука выходыть: що одни жывуть нибы въ темному канцури весь викъ и тильки на якусь тамъ хвылыну выскакують на свитъ, щобъ не забуваты, що воны въ канцури и що кримъ подвалля йе ще свитъ; це нашъ братъ... И йе други люде, що жывуть весь викъ у свити, въ счастю и тильки на хвылыну вскакують въ канцуръ, щобъ не звыкнуты дуже до свиту,—це паны... А якъ ни ти, ни други безъ канцура не можуть... Да-а...

Винъ пыльно почавъ смоктаты погаслу люльку, потимъ вы-бывъ зъ неи попилъ, обтеръ и поклавъ у кышеню. Зъ будынку зновъ выскочылы дивчата й регочучысь побиглы навыпередкы до кухни. Трохымъ мовчкы подывывся на дивчатъ, потимъ пе-ревивъ очи на викна, довго дывывся на ныхъ и, наче не ба-жаючы дали дражныты себе, круто повернувся й пишовъ у гору до «чорнои» кухни. А Юхымъ довго ще стоявъ и дывывся у викна, мовъ бажаючы зазырнуты туды, въ той невидомый ёму свитъ, до тыхъ людей, що такъ инакше проты ёго жывуть, яки не знають ни калаталокъ, ни холоду, ни голоду, ни «канцуривъ». Мымоволи винъ кыдавъ иноди окомъ до чорнои кухни. Тамъ було темно. Уявлялась велыка хата, чорна, брудна, холодна... Довгый пилъ, смердюче повитря, важке сопиння грубыхъ, темныхъ лю-дей, яки не вміють ни ходыты такъ, якъ си, ни такъ гарно ба-вытысь, ни граты, ни говорыты... Зтомлени, знесылени, воны сплять теперъ. Довго стоявъ дидъ, забувшы й про калаталку и навить про люльку. Потимъ зитхнувъ, озырнувся и тыхо пишовъ по-надъ будынкомъ. Выйшовшы на дорогу, що йшла биля бу-дынку до села, винъ несподивано зустрився зъ Андріемъ, що помалу йшовъ зъ нызу зъ похыленою головою. Зривнявшысь, винъ пишовъ разомъ зъ тымъ и, зазыркнувшы въ лыце, спытавъ:

— А де це бувъ, Андрію?

— Дома—тыхо промовывъ якымсь безнадійнымъ голосомъ Андрій.

— Ага!.. Що жъ тамъ?... якъ тамъ батько, маты?

— Нема батька дома...

— Ага!.. А маты?

— Не знаю... Я ничого не знаю. Не чыпляйтесь до мене!— вмыть роздратовано крыкнувъ винъ.—Идить соби, калатайте оттамъ!—и, прыбавывшы ходу, выпередывъ Юхыма й сховавсь у тьми.

— Та-акъ—прогунявывъ соби пидъ нисъ Юхымъ и, постоявшы трохы недвыжымо, раптомъ такъ закалатавъ, що ажъ у стайни захроплы кони, а биля кухни псы такъ и залылысь голоснымъ гавканемъ.

Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!—котылось по подвирью, за будынкомъ, за токомъ, то зтыхаючы, то ще голоснище вы-бухаючы. «Чорна» кухня спала, а будынокъ сявъ, и чуты було иноди згукы музыкы, то тыхи и пижни, якъ матерыни пестощи, то гарячи й палки, якъ обіймы коханои, то весели, якъ той будынокъ, то сумни, якъ та кухня.

Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!—аккомпо-нувавъ имъ дидъ.

IV.

Скоро повставалы паны (а се було не раниш, якъ у ро-битнычый обидъ),—заразъ же по экономіи пройшла дывна, страшна чутка: у одного панського гостя, вчытеля зъ города, вкрадено... «мындаль»! Ту саму «мындаль», що такъ красувалась на гордыхъ грудяхъ у вчытеля, за яку зъ нымъ «ручкалысь и поздравлялы», за яку можно бъ у городи «трахтыръ зъ катерынкою» завесты, ту саму «мындаль» теперъ вкрадено... Хто, якъ, колы—невидомо; одно слово—вкрадено. Спершу думалы, що хтось зъ гостей пожартувавъ, щобъ налякаты пана Луценкова, але колы розмиркувалы, що хто жъ такы жартуватыме зъ «мындалью», то поставлено було въ одынъ голосъ, що «мындаль» не инакше, якъ украдено. Оповидалы, що по всихъ «кимнатахъ» у всеи «билои» челяди було зроблено велыкый трусъ, поперекыдано всяки скрыньки, познаходжено такого, що никому и не снылось, а

«мындали» не знайдено. У буфетчыка вытяглы зъ-пидъ матраца на лижку шисть срибныхъ панськыхъ ложокъ, яки винъ «туды заховавъ, щобъ вычыстыть, та забувся; у Маруськы, що зъ косымъ окомъ, знайшлы золотый перстень, що колысь бувъ закотывсь кудысь; «довготелеса Устына» сама выняла, якъ прыйшлы до неи, панины довги панчохы и «баночку зъ помадною мастю», яки вона знайшла за кухнею; перетрусылы все и всихъ, а «мындали» все-такы не було. Де-хто зъ гостей пойихавъ, де-хто зоставcя, и, «панычъ Олександръ», якый мавъ сёгодня видйиздыты у полкъ, мусивъ лышытыся, щобъ якось залагодыты справу вчытелеви. А самъ учытель, оповидалы, якъ не плакавъ за «мындалёю». Старый панъ дуже сердывся, панны пидсміювалыся, панычи жартувалы, старши жалкувалы. Одно слово, по всихъ закуткахъ экономіи пана Гаврильчука тильки и мовы було, що про «мындаль».

А на чорній кухни нема вже що и казаты: розмова про страшну подію не змовкала весь часъ. Перебиралы, догадувалысь, миркувалы и на той бикъ и на сей, вказувалы на одного, потимъ на другого, лаялысь, сміялысь. Спершу Грыць постановывъ, що то вкрала Санька, бо навить винъ ій учора радывъ се зробыть, але колы та страшенно обурылась на ёго, винъ зголывся, що помылывся. Потимъ, подумавшы, вмыть зъ веселымъ реготомъ догадався, що то не хто взявъ «мындаль», якъ Марынка. Марынка, що и такъ увесь ранокъ була якась инча, нижъ перше, яка и такъ хутко зъ напруженнямъ бигала по всихъ очима, дуже почервонила и злякано зупыныла свій непокійный поглядъ на Грыцеви. Але за неи вступылась Кылына, и розмова перешла на инше. Тильки Трохымъ та Андрій мало мишалысь до балачкы, а бильше сыдилы мовчкы, одынъ зъ своею звычайною сухою усмишкою, а другый зъ похмурымъ, задумлывымъ облыччямъ, яке иноди зъ якымсь несмилымъ и вынуватымъ выразомъ поверталось до спокійнои, тильки трохы блидои сёгодня Кылыны. Савка тежъ не дуже балакавъ: сонный, винъ незавдоволено дывывся на всихъ ридко розставленымы очима и тильки дывувався, що воны знайшлы дывного, що вкралы «мындаль». Укралы то и укралы, такъ че-

резъ се вже и не йисты никому. Колы жъ на столи зъявывся борщъ и каша, винъ и зовсимъ замовкъ. По обиди, не встыгъ ще дидъ Юхымъ запалыты люлькы, а хлопци зкрутыты цыгарокъ, якъ до кухни вступыла панська няня, баба Устына. Въ одній кохти, въ одній сытцевій хустци на голови, маленька, зъ гострымъ, зморщенымъ лычкомъ, зъ якого мягко дывылась пара невелычкыхъ оченятъ, зъ запалымъ ротомъ, до якого и видъ якого розбигалысь на вси бокы глыбоки зморшкы, звычайно балакуча, вона теперъ мовчкы ввійшла въ хату, пройшла до лавы и, не кажучы ни слова никому, сила и стала дывытысь передъ себе. Де-хто ззырнувся, де-хто всмихнувся, де-хто пыльно, здывовано дывывся на неи, чекаючы, що дали буде. Устына жъ якъ закамьянила.

— Отъ це и все?—усмихнувся дидъ Юхымъ, зыркнувшы на бабу и знову звертаючысь до люлькы. Няня клипнула на ёго очима и ничого не промовыла.

Зновъ де-хто ззырнувся, де-хто усмихнувся.

— Мало, бабо, мало,—покрутывъ головою Юхымъ, це мы давно вже чулы.

— Чулы?—зновъ подывылась на ёго Устына.—Ой, ни! Цёго ще зроду-звику нигде не чувано.

Вона безнадійно, сумно похытала головою и зновъ стала дывытысь якось мутно пепередъ себе.

— Що мындаль вкрадено?—стыснувъ плечыма Юхымъ.— Такъ то, бабо, не новына. Крадуть не то що мындали, а и циле жыття!.. Волю, бабо, крадуть, сылы, счастя... Э-ге-ге-е! Дай Боже мени стильки здоровья, а тымъ злодіямъ хоробы, скильки то воно крадется на билому свити!

— Не мындаль,—тыхо перебыла ёго Устына.

— А що жъ?

Устына помовчала, потимъ повернулась до дида, вытнула якось впередъ все лыце и роздильно промовыла:

— Вы-га-няють мене!

И поклавшы ликоть правои рукы въ долоню ливои, сперла лыце на руку, втянула якось въ себе и такъ тонки губы и знову стала дывытысь передъ себе.

— Хто выганяе? За вищо? Якъ?—посыпалысь пытання. Няня тильки позырала на кожного, хто пытавъ, мовъ дывуючысь пытаннямъ сымъ, и зновъ дывылась впередъ, ничого не кажучы.

— Та хто жъ выганяе?—Паны, бабо?—скрыкнула Софійка.

— А хто жъ бильше?—подывылась на неи Устына.—Хто жъ бильше, якъ не паны? Охъ, паны, паны,—покрутыла вона головою.

— ...Хто васъ тильки на свитъ породывъ?—па-пивъ серьёзно, па-пивъ зъ усмишкою додавъ Юхымъ, налагожуючы на креминь шматокъ прозоленои ганчиркы, що мала буты за губку. Устына мовчкы, сумно похытала головою.

— Та за що жъ?—шыроко розплющыла очи Софійка.

Няня трохы помовчала, потимъ зновъ вытягнула впередъ лыце и таемныче заговорыла:

— Черезъ отту прокляту мындаль... Хай мене Богъ тильки простыть (вона перехрестылась), а я бъ іи, хочъ вона и хрестомъ зроблена, не то що на груды почепыла, я бъ іи собакамъ выкынула... Вона мени потрибна... Потрибна, якъ тій сыроти трясця... «А може, каже, ты, няню, думала, що вона дорога та забагатиты на старисть захотила». Ой, не дай Боже вже никому такъ багатиты... Забагатила коло васъ...

— То жъ хто такъ казавъ?—спытавъ Юхымъ, схылывшы голову трохы на ливе плече и цокаючы кресаломъ объ креминь.

— Та хто жъ? Наша жъ пани Зина, та, що на рукахъ іи выносыла, своимъ молокомъ іи выгодувала... Впадала коло ихъ, якъ коло своихъ, убывалася, щобъ воно и въ теплому и въ чыстому було... И отъ тоби... «За що жъ, кажу, мени сорамъ такый? Чы я жъ такы, кажу, не заслужыла того, щобъ мене хочъ за злодійку не малы? На́ що жъ ще мене трусыты?»—«А хто ёго зна—це вже панычъ Олександръ каже—а хто ёго зна, каже, няню, може такый грихъ и на тебе впавъ». Та й давай перекыдаты... Халабуда старався... Бодай зъ ёго лыха доля вже старалась... Узяла я, знялась та й пишла... Жывить соби якъ знаете, а я дожылась вже, злодійкою стала...

Мутни очи іи ще бильшъ помутнищалы, заблыщалы, и зъ куточкивъ ихъ тыхо выкотылысь и поповзлы по лыци, якъ въ осены по склу крапли дощу, дрибни слёзы. Вона взяла краечокъ хусткы, якою повьязана була голова, вытерла очи, высякалась и заговорыла зновъ:

— Иду вже я, а пани Зина и пытается: Що жъ це ты, каже, няню, вже, може, одходышъ видъ насъ?» Мовчу я... «Ну, що жъ, каже, не хочешъ служыты, то й не треба .. Все одно, видъ тебе тои роботы, тильки слава одна»... Отъ вамъ!—хытнула вона головою и подывылась на всихъ.

— Ну...

— «Охъ, кажу, пани, пани!.. А кому жъ я лита свои оддала, на кого жъ жыття все робыла?»—«Якъ робыла, каже, то и годувалы тебе»...—«А теперъ кажу, якъ сылы не стало, то вже и выгнаты можно? Ну, кажу, колы вже такъ, то дайте жъ мени хочъ те, що заробыла у васъ, може, кажу, хочъ не пидъ тыномъ десь здохну»... А вона: «Що жъ ты, каже, заробыла? Що заробыла, те й зносыла, або зйила. Посчытаемо, каже, та й дамо, скильки тоби тамъ прыходытся». Плюнула я, заплакала та й пишла. Не треба мени ничого...

Слёзы зновъ закапалы у неи зъ очей; поморщене, жовте пидбориддя задрижало, але вона не вытыралась. Вси сыдилы тыхо, сумно.

— Ну и куды жъ теперъ?—спытавъ Юхымъ.

— А я знаю?—ривно якось одмовыла Устына.—До дочкы пишла бъ, такъ сама у наймахъ.

— Да-а... Пагана прыпорція—сплёвуючы сказавъ Юхымъ.— Якъ стара стала, то вже и на смитныкъ бабу, а якъ молодою була, то десь и панычамъ люба була. Такъ воно, брате, все...

— Ну, а про мындаль не знаты, хто взявъ?—перебыла ёго Санька, цикаво-пыльно дывлячысь на няню.

Няня заплющыла очи, втягла губы и, одвернувшы трохы голову, махнула зневажлыво рукою. Потимъ утерла очи краечкомъ хусткы и промовыла:

— Тамъ такого клопоту, наче и справди що путне пропало... Ажъ языкы повысолоплювалы...

— А вчытель що?

— Що жъ ёму? Бидкуется... Просыть уже: «Пожалуста, каже, оддайте назадъ. Я благодарыть васъ буду». Хто жъ ёму оддасть? Колы брало, то вже не для того, щобъ оддать, а щобъ самому пожывыться...

Потроху вона нибы заспокоилась, ожывылась и навить розбалакалась. Часто озыраючысь зъ такымъ выглядомъ, чы не пидслухае хто, вона оповила, скильки пишло грошей на вчорашній бенькетъ; потимъ похытуючы безнадійно и зъ зневагою головою, вона «не побоялась гриха и просто такы запрысяглась, що хай воны (се бъ то паны) ще рокивъ зо два оттакъ пофыськають гришмы, то й сами зйидуть на старцивську лынію»; потимъ зновъ зійшла на «мындаль» и постановыла, що не инакше вкрадено, якъ у ночи, колы вси спалы. Бо свитлыця, де спавъ учытель, дверыма выходыть у сины. Хтось зайшовъ у ночи, прокрався та й узявъ. А мындаль лежала биля лижка на столыку разомъ зъ гришмы. Та грошей не взяло, а тильки мындаль. А мындаль ту дано вчытелеви за те, що школяривъ добре вчывъ. А панна Наташа заслабла, бо вчора батько заставъ іи въ темній кимнати зъ офыцеромъ. Та ще яка чутка ходыть, нибы чоловикъ Зины зійшовся тамъ десь у Кыиви зъ якоюсь повіею и хоче розводъ браты...

Сонце весело грало на чорній доливци, але пидъ його блыскучымъ свитломъ хата здавалась ще сумнишою, ще бильшъ незатышною... Потрискани стины, пузатый коминъ, пилъ зъ розкыданою соломою, голи лавы, голый довгый стилъ зъ недойидкамы обиду, все, здавалось, выставляло якъ на показъ все свое негарне, пагане.

— Халабуда, панычъ Олександръ и ще якыйсь панокъ зъ нымы... идуть соби...—не повертаючысь и не пидіймаючы голосу, холодно и ривно промовывъ Трохымъ, що сыдивъ биля викна и весь часъ дывывся у ёго. Де хто кынувся до викна, де хто одійшовъ до полу, де хто зостався на мисци. Няня пидперла голову рукою и одвернулась видъ дверей. Незабаромъ рыпнулы двери и въ кухню одынъ за одным увійшлы: попереду панычъ Олек-

сандръ въ картузи зъ червонымъ верхомъ, въ сынёму офыцерському жупани, якый гарно обхоплювавъ ёго дужый станъ, въ вузькыхъ у чоботы штаняхъ, яки такъ щильно обтягалы ёму ногы, що выдно було, якъ здригувалысь на ныхъ мускулы, и зъ хлыстомъ у рукахъ. За нымъ прудко всунувся «панокъ» у чорному картузи зъ сынёю оксамытовою околыцею и зъ кокардою, въ довгому сюртуци и зъ такымы высокымы комирчыками, що, здавалось, воны ёму ось-ось поодризують вуха. Ускочывшы дрибнымъ поступцемъ у хату, винъ нибы вклонывся, нибы нахылывся всимъ тиломъ уперёдъ, мовъ бажаючы стрибнуты и, скынувшы картуза правою рукою, ливою почавъ заразъ прыглажуваты свій пидстрыженый чубъ, що дуже бувъ схожый на билу щитку, якою чыстять одижъ. За нымы просунувся Халабуда въ своёму кожаному пиджаци и въ глыбокыхъ калошахъ, яки булы мало не до верху замазани грязюкою. Не обтыраючы нигъ, не зкыдаючы шапокъ, Олександръ и Халабуда пидийшлы до столу и, озыраючы всихъ, зупынылысь. Вси, кримъ Трохыма, Устыны та Панаса, що зрана ще лежавъ на полу зовсимъ хорый, не встававшы навить до обиду, заразъ повставалы, и выдно було, якъ кожному хотилось яко мога менче мисця на той часъ займаты.

— А то что за баринъ такой?—хытнувшы головою на Трохыма и кыдаючы мымохидъ окомъ на Устыну, що сыдила побиля того, спытався въ Халабуды Олександръ. Трохымъ не рушывся, мовъ не чувъ, тильки очи ёго якось гостро дывылысь въ виконце и мидяне порыте виспою лыце ёго стало нибы темнище.

— Почему не встаетъ? Слышь, ты! Рябая морда! я кому говорю?!

Гарне, выпещене лыце офыцера зъ чысто выголенымы, трохы сынимы въ тыхъ мисцяхъ щокамы и пушыстымы зъ пидвусныкамы вусамы, почервонило, а велыки, довги очи пидъ темнымы и трохы шырокымы бровамы загорилысь вогнемъ. Трохымъ зъ-пидъ лоба, похмуро подывывся на ёго.

— Встать!

Трохымъ, не спускаючы зъ ёго очей, тыхо пидвився и ставъ на ногы. Панычъ Олександръ подывывся ще трохы на ёго и,

мовъ заспокоившысь, одвернувся. Червоне зъ лыця ёму зійшло, и воно спершу пожовкло, а потимъ зновъ укрылось своимъ звычайнымъ нижно-рожевымъ колёромъ.

Халабуда почавъ незвычайно тыхымъ, деликатнымъ голоскомъ оповидаты про крадижъ и допытуваты, чы не зна хто чого. Певно, що нихто ничого не мигъ ёму сказаты. Але Халабуда, не дывлячысь на вси «я ничого не знаю», навить не зминявъ интонаціи голосу и зъ одного, мовъ по черзи, переходывъ до другого. Але и на друге одповидалы «не знаемо». Тоди винъ переходывъ до третёго и зновъ выяснявъ, що «мындаль» та ничого не варта, що за неи багато грошей не дадуть, що той, хто прызнается, тому ничого не буде, абы тильки вернувъ. И весь часъ скоса поглядавъ то на офыцера, то на панка, якый и бувъ самъ учытель «господинъ Луценковъ», якъ деликатно высловывся Халабуда. Пры панахъ винъ не поглажувавъ кинчыкъ носа, бо вважавъ се за надто вильне поводження, а пустывшы рукы «по швамъ», иноди тильки поводывъ одъ себе въ повитря правою рукою, мовъ щось одгортаючы видъ свого пиджака. Яко колышній вояка та ще унтеръ-офицеръ, винъ добре «понималъ обращеніе зъ благородными».

Панокъ слухавъ допытування напружено пыльно, и невеличке лычко ёго, зъ билявымъ пухомъ на щокахъ, зъ билявыми вусыкамы, віямы, бровамы, зъ гострымъ носыкомъ, наче курча, що вылупылось зъ яйця, хутко дывылось то на одного, то на другого. Картуза винъ тако жъ надивъ.

Офыцеръ не мишався до допыту; подрыгуючы лыткамы то правои, то ливои ногы, винъ або крутывъ свои довги, темни вуса, надуваючы щокы й дывлячысь тоди на ныхъ, або, позихаючы, водывъ окомъ по стинахъ, по стели, по застыглыхъ постатяхъ и хлёскавъ себе хлыстомъ по блескучій халяви. Иноди винъ зупынявъ на хвылыну поглядъ на Устыни, всмихався соби пидъ вусомъ и зновъ, позихаючы, блукавъ очима. Потимъ, мовъ се надокучыло ёму, винъ раптомъ звернувся до тои й, усмихаючысь одными очима, спытався:

— А правда, здѣсь лучше, чѣмъ у насъ, няня? а?.. А въ полѣ еще лучше, навѣрно...

Няня пыльно и суворо подывылась на ёго й ничого не одмовыла. Ёму, очевыдячкы, стало трохы ніяково.

— Оскорбилась старушенція...—засміявся винъ до Луценкова.—Служила, понимаете, чуть ли не всю жизнь и вдругъ какъ укусило ее...—бросать хочетъ. Что жъ...—розвивъ винъ жартивлыво-сумно рукамы.—Приневолить нельзя... Счастливой дороги!..

Халабуда, що деликатно замовкъ бувъ, пидождавъ трохы и почавъ знов̆ъ:

— Потому которая узяла, то хай безъ сомненія прызнаеця, бо разъ, що всё рамнó знайдёмъ, а друге—грехъ большой... Када жъ прызнаеця, такъ никакого прытесненія не будеть ій, бо безъ сомненія сама прызналась...

— Тѣмъ болѣе, господа,—поспишно, зъ ніяковою усмишкою вмишався Луценковъ—что эта вещь, это... медаль, что ли, она никакой цѣнности сама по себѣ не имѣетъ... За нее никто ничего не дастъ... Видите ли... А я бы тому даже вознагражденіе далъ бы...

Ёму нихто ничого не одмовывъ. Дидъ Юхымъ мовчкы бигавъ по всихъ очима; Санька й Софійка булы зтурбовани, Кылына поралась биля казанивъ, мыючы ихъ велыкою ганчиркою, и тильки иноди выпрамляла спыну, повертала до столу голову й, выкручуючы надъ казаномъ ганчирку, дывылась на панивъ. Биля мысныка на лави вовтузылась зъ мыскамы й ложкамы Марынка и зъ якымсь новымъ выразомъ въ очахъ и въ лыци поглядала на допытувачивъ. Въ неи выявлялось щось уперто-завзяте й злистне, якъ у молодого вовчаты, захопленого псамы; навить страху менше выдно було. Хлопци зъ-пидъ лоба позыралы на гостей и иноди тильки несмило озывалысь мижъ собою словомъ, другымъ.

— О, Боже, Боже!—зитхнувъ офыцеръ.—Вѣдь это же смѣшно наконецъ! Искать орденъ гдѣ-то на черной кухнѣ.

Учытель жыво повернувся до ёго.

— Нѣтъ, почему же?—зъ тою жъ ніяковою й ввичлывою усмишкою хутко заговорывъ винъ.—Вѣдь они могли какъ-нибудь... э... э... ну, пожалуй, найти какъ-нибудь, или же... даже похи-

тить... Почему же?.. Конечно, это похоже на водевиль... Мнѣ самому ужасно... непріятно... Но что же дѣлать? Вѣдь... я право, знаете... Вѣдь вообразите: такъ сказать, въ первый разъ получилъ орденъ, вниманіе въ нѣкоторомъ смыслѣ... и вдругъ... украли! Оно бы еще ничего... Но вѣдь все могутъ подумать: напился, потерялъ... однимъ словомъ... небрежность... э... неуваженіе, что ли, если хотите... Я понимаю, конечно... съ вашей стороны...

— Д-да..., конечно...—линыво процидывъ кризь зубы Олександръ.—Но я думаю все-таки, что можно бы здѣсь и прекратить распросы... Вѣдь ихъ тутъ... Одинъ, два, три...—винъ почавъ для чогось рахувать всихъ очима. Дійшовшы до Кылыны, винъ глянувъ на неи и раптомъ зупынывся. На-пивъ здывовано, напивъ зъ захопленямъ обдывывшысь на іи поважну, струнку постать зъ пышнымы грудьмы и гордою головою, винъ зустрився зъ іи спокійнымъ, глыбокымъ поглядомъ и наче замеръ на яку хвылыну. Не рухаючысь, не одводячы одне видъ одного очей, воны такъ стоялы зъ якыйсь ментъ, потимъ Олександръ ще разъ озырнувъ іи зъ головы до нигъ, ще разъ подывывся въ іи променясти очи, яки дывылысь на ёго твердо и разомъ зъ тымъ прываблюючы, и наче ничого не було, почавъ рахуваты дали. Але хоча се було всёго якыйсь ментъ, хоча Кылына ледве-ледве посмихнулася й заразъ же тако жъ одвернулась до свого каз апа але де-хто помитывъ такы ихъ поглядъ, а надто Андрій, якый спершу зблидъ, а потимъ почервонивъ по самый чубъ.

Олександръ, переличывшы чы не переличывшы, повернувся до вчытеля, що зъ чеканнямъ дывывся на ёго и, показуючы однымы очима назадъ, до Кылыны, тыхо промовывъ:

— Посмотрите туда, къ печкѣ... Видите... дѣвочку?.. Только смотрите такъ, чтобы не очень замѣтно было... Видите?

— Вижу, вижу...—пыльно й зъ надією зыркнувъ на Кылыну панокъ.

—Какъ вамъ нравится эта... мындаль, а?—захоплено проговорывъ Олександръ. Вѣдь... Юнона!.. Настоящая Юнона!... А?.. Смотрите, фигура какая!.. Грудь.., глаза... Чортъ возьми!

— Да, да...—пробурмотавъ розчаровано Луценковъ.—Очень красивая... Но я думалъ, что вы мнѣ о... пропажѣ...

— А, что пропажа!—весело перебывъ ёго офыцеръ.—Находка есть! Ну, что же Халабуда?—раптомъ голосно й серьёзно-диловыто звернувся винъ до прыкащыка, що пыльно слидкувавъ за всимъ своимы розтягнутымы тыхымы очима и робывъ такый выглядъ, нибы винъ ничого не помичавъ.

— Нужно же найти пропажу! Такъ вѣдь нельзя.

— Такъ точно, ваше благородіе,—трохы выпрямывся й наче ожывъ Халабуда.—Дестлительно такъ нельзя...

— Такъ вотъ! нужно обыскать всѣхъ хорошенько.. осмотрѣть всѣ вещи... Кто нуженъ,—того оставить... Кто не нуженъ,—отослать... Вѣдь у каждаго работа навѣрно есть?

— Такъ точно!.. Такъ вы вси... можете уйтить...—звернувся Халабуда до парубкивъ.—А то хто лежыть?

— То—Панасъ... слабый—прогудивъ Грыць, шукаючы свою шапку на полу.

— Чого жъ винъ слабый?

— Такъ... заслабъ ..

— Ага!—завдовольнывся одповидцю Халабуда.—Такъ по какой же надобности онъ тутъ лежыть? Разли тутъ больныця? Заслабелъ,—беры безъ сомненія рощотъ и йды соби, слабуй на посторонемъ месци .. А економія—не больныця... Панасъ!—гукнувъ винъ, пидходячы до полу, але Панасъ тильки пидвивъ трохы голову й знову безсыло поклавъ іи назадъ.

— Слушай, э... э... Халабуда!—спынывъ прыкащыка офыцеръ.—Это можно будетъ потомъ.. Пусть лежитъ... Потомъ ты его отправишь въ село или въ волость... что ли... А теперь пусть лишніе выйдутъ... Пусть останутся только тѣ, кто былъ въ комнатахъ... Или у кого работа здѣсь есть—додавъ винъ, глянувшы на Кылыну.

Вси, не выключаючы й дида Юхыма, одынъ по одному повыходылы зъ хаты; зосталысь тильки Марынка та Кылына биля печи, Санька та Софійка биля жердкы, Панасъ на полу та няня биля викна.

— Ну, а ты, няня,—звернувся Олександръ до сеи—можеть быть, тоже ушла бы куда-нибудь? А?

Няня не поверталась и мовчала. Офыцерь нетерпляче подывывся на неи и похлёскавъ себе по халяви.

— Ну, что жъ ты няня? Пойдешь?

— Куды жъ я пиду?—тыхо промовыла, не повертаючысь, Устына й дрижачею рукою пиднесла краечокъ хусткы до очей. Олександръ зробывъ нетерплячый рухъ, але заразъ же здержавъ себе и, ступывшы блыжче до неи, почавъ тыхище й навить мягко:

— Видишъ, няня, ты погорячилась немного... Никакого оскорбленія тебѣ никто не дѣлалъ, а только... ну... э... просто ты... Да чортъ съ нимъ! Однимъ словомъ, я тебѣ вотъ что говорю: оставь свою глупую обидчивость и иди домой. Тамъ навѣрно ужъ Колька соскучился по тебѣ... Скажешь сестрѣ, что я послалъ тебя... Вотъ и все. А то тутъ, видишь, сейчасъ допросъ будетъ, можетъ быть при тебѣ будутъ стѣсняться говорить... Все равно тебѣ некуда идти... Ну?

Няня ще хвылыну посыдила, потимъ встала й тыхо почовгала зъ хаты, ни па кого не дывлячысь и вытыраючы очи.

Олександръ уже не крутывъ линыво вуса, не блукавъ байдужымъ окомъ по стинахъ та стели, а наче ожывъ. Весело одсунувшы свій червоный картузъ на потылыцю й озырнувшы усихъ, а надто Кылыну, винъ жартивлыво почавъ засукуваты рукава, голосно говорячы:

— А теперь можно и... допросъ сдѣлать... Ей Богу, я не зналъ, что на нашей кухнѣ такія дивчата!.. Право!.. Ну, что жъ, начнемъ...

И посмихаючысь, пидійшовъ до Софіи та Санькы, що, прытулывшысь одна до однои, спершу булы зрушени, а потимъ потроху почалы всмихатысь, а колы Олександръ, прыступывшы зовсимъ блызько, схопывъ за руку Софійку й потягъ іи до себе, воны захихикалы й сталы пручатысь. Почалась боротьба. Софійка щыро, весело реготалась, смилыво й задырлыво зачипала панычa, говорыла ёму въ лыце доволи скоромни речи; Санька жъ роблено соромлыво хихикала, ховала голову въ рукы и, колы офы-

церъ, нибы обшукуючы, обнимавъ іи, вона тоненько пыщала й слабо выпручувалась. Але обнимаючы то Софійку, то Санъку, офыцеръ усе поглядавъ на Кылыну и нибы вагався. Нарешти покынувъ тыхъ и, пидходячы до неи, промовывъ:

— Ну, у тѣхъ мындали нѣтъ... Навѣрно ужъ у этой... Правда? А?

И зазыраючы въ лыце ій, винъ протягнувъ руку до стану й обнявъ іи. Розпаленый боротьбою, зъ почервонилымы щокамы, зъ очима вкрытымы маснымъ блыскомъ, зъ пушыстымы, темнымы вусамы, винъ бувъ дуже гарный. Але Кылына хутко одвела ёго руку видъ свого стану и, глянувшы на ёго, спокійно, але строго протягнула:

— Ну-у!

Офыцеръ здывовано пиднявъ бровы.

— Ого! Королева неприступная!.. Смотрите...

И сміючысь, винъ знову мицно обхопывъ іи за станъ и хотивъ вже протягнуты свои губы до іи лыця, колы вона зновъ спокійно, але ришуче вызволылась, нахмурыла бровы и, держачы ливою рукою мижъ нымъ и собою мокру ганчирку, промовыла:

— Панычу! Прыйшлы за диломъ, то й робить ёго... А сёго не треба.

Очи іи дывылысь спокійно, твердо, але безъ тіеи прывабы, що перше. Офыцеръ ще выще пиднявъ бровы й, стыснувшы плечыма, зъ ніяковистю повернувся до Халабуды. А сей, якъ той вирный песъ, що, бувае, ласково махаючы хвостомъ, прыхыльно такъ дывытся, якъ хазяинъ ёго йисть щось смачне й пахуче, и, не сміючы выявыты своеи заздросты, чекае тильки, колы хазяинъ пиде, щобъ накынутысь зъ радистнымъ гарчанемъ на недойидкы,—ласкаво й пидлабузнювато всмихався й, слидкуючы за кожнымъ рухомъ Кылыны й офыцера, добродушно й деликатно хихикавъ. Якъ повернувсь до ёго Олександръ, винъ зробывся серьёзнище й услужлыво выпнувъ напередъ голову, мовъ бажаючы ротомъ ловыты кожне слово паныча.

— Она давно у насъ?—хытнувъ сей на Калыну головою. Прыкащыкъ выривнявся.

— Такъ точно... Продолжительное время вже служыть... На должности кухаркы.

— Но почему жъ я не видѣлъ ея не разу?.. Около мѣсяца здѣсь, и ни разу не видѣлъ...

— Не могу знать—покирлыво схылывъ на ливе плече голову Халабуда.—Потому она усё больше въ безвыходномъ положеніи... Другыи дивчата, которыи, значыть, на посторонníхъ мисцяхъ занимають роботу, такъ тыхъ скарее на замиченіе узять можна... А Кылына, какъ безъ сомненія кухарка, то никогда зъ хаты не выходыть и... и трудней павидеть её...

— Она со всѣми такая... э... э...—офицеръ замнявся й ніяково посмихнувся—такая... неприступная?

— Такъ точно...—хутко й нибы заспокоюючe проговорывъ Халабуда.—Она очень скромного обращенія... Она не па подобіе... тыхъ (винъ хытнувъ головою до Санькы та Софіи, що, позыраючы на офыцера, щось шопотилы одна одній и весело хихикалы). И зъ парубкамы сурьёзно сибе державъ... Оны даже боятьця зъ нею, какъ зъ прочымы, у всякыи играшкы вступать. Безъ сомненія, ваше благородіе, девушка серьёзная.

Кылына наче не чула: спокійно, не хапаючысь пошарувала ще трохы въ казани, выпросталась, одвела голымъ ликтемъ пасмо темного волосся, що лизло ій въ очи, обдывылась, наче прыгадуючы щось, и попрямувала до лавы. Не вважаючы на погляды гостей, вона такъ саме спокійно пидняла велыкый и досыть тяжкый цеберъ зъ помыямы и, легко несучы его попередъ себе, пиднесла до лежанкы и поставыла биля казанивъ. Потимъ знов одкынула повнымъ ликтемъ волосся зъ очей и стала вычерпуваты горщыкомъ воду зъ казана и вылываты іи въ цеберъ.

— Д-да-а. .—якось задумлыво протягнувъ Олександръ, пыльнуючы Кылыны и покручуючы вуса; потимъ раптомъ зитхнувъ, трипнувся и повернувся до панка, якый весь часъ,ховаючы нетерплячку, зъ ніяковистю, ходывъ по кухни, то усмихаючысь ввичлыво-ніяковою усмишкою, колы стривався зъ выпадковымъ, розпаленымъ поглядомъ офыцера, то пудлыво-безнадійно озыраючы хату.

— Ну-съ, очевидно мы и здѣсь не найдемъ вашего ордена!—голосно и нибы зъ жалемъ промовывъ Олександръ, дывлячысь на Луценкова.—Придется обождать вамъ нѣсколько дней... Можетъ быть... какъ нибудь... Ну, пойдемъ, что ли...

Винъ ласкаво хытнувъ головою Софіи та Саньци, озырнувся навкругы и разомъ зъ Луценковымъ и Халабудою рушывъ изъ хаты. Проходячы повзъ Кылыну, винъ знову зустрився зъ іи глыбокымъ, твердымъ и прываблюючымъ поглядомъ и зновъ наче ставъ до бою зъ нымъ. Потимъ знову перпшый одвивъ свои очи, посмихнувся пидъ вуса и поволи пишовъ за Луценковымъ, а за имъ Халабуда. Выходячи вже зъ синешныхъ дверей, воны зустрилысь зъ Андріемъ, якый зъ заклопотано-диловытымъ выглядомъ поспишавъ до кухни. Побачывшы панивъ, винъ уступывся зъ дорогы и, кынувшы похмурымъ поглядомъ въ высоку, дужу постать офыцера, хотивъ пройты вѣ двери, колы раптомъ Халабуда спынывъ ёго:

— А ты куды? Почему не на роботи?

— Забувъ батигъ у хати,—муркнувъ Андрій и, не дывлячысь на Халабуду, прошмыгнувъ у сины. Той провивъ ёго пыльнымъ поглядомъ и пишовъ за панамы.

Ускочывшы въ кухню, Андрій кынувъ гострымъ, пыльнымъ окомъ на Кылыну и зъ тымъ же диловытымъ выглядомъ ставъ ходыты по хати, заглядаючы въ уси закуткы. Лыце ёго нибы прояснищало.

— А чого, Андрію, шукаешъ? Учорашнёго дня, а?—весело спытала Санька, пидходячы до ёго зъ перевязаною навхрестъ черезъ уси груды велыкою хусткою и въ теплій кохти.—Чы ту мындаль, що паны шукають? Не шукай, іи вже панычъ знайшовъ!

— Знайшовъ??—здывувався Андрій,—невже? У кого жъ вона була.

— Э-э!..—якось загадково посмихнулась Санька и, глянувшы спершу на Кылыну, а потимъ на Софійку, яка одягалась биля полу, одійшла до дзеркальця, що було вмазане въ простинку

мижъ двома викнамы. Андрій спіймавъ той поглядъ іи и густо зразу почервонивъ весь.

— Андрію! поможы мени цеберъ вынесты,—раптомъ звернулась до его Кылына. Винъ хутко кынувся до кочергъ, знайшовъ мижъ нымы рогачъ зъ тонкымъ державъномъ и, протягнувшы въ вуха цебра, чекаюче подывывся на Кылыну. Вона выкрутыла зъ ганчиркы останню воду и, мовчкы взявшысь за передній кинець рогача, пидняла поволи цеберъ и хоча важко, але гарно ступаючы, наче повела за собою изъ хаты Андрія. Зупынывшысь на смитныку, вона перехылыла цеберъ и, не выпускаючы одного вуха зъ рукъ, напивъ схылывшысь надъ нымъ, стала задумлыво дывытысь, якъ лушпайкы картопли, покрутывшысь коло краю, нибы не бажаючы выходыты зъ цебра, раптомъ выскакувалы зъ брудною течіею и счезалы въ смитти. Потимъ, не повертаючы головы до Андрія, вона тыхо спытала:

— Батько сёгодня прыйидуть?

— Сёгодня,—поспишно обизвався Андрій.

— Сёгодня и пидешъ?

— Сёгодня у-вечери...

Кылына помовчала трохы, потимъ поклала цеберъ зовсимъ на бикъ, и, выпрямывшысь до Андрія и якось зъ натыскомъ и навить суворо промовыла:

— Тильки, слухай Андрію: колы хочешъ говорыты зо мною, то не круты, говоры прямо:—будешъ щыро прохаты батька, чы тильки такъ, для чуткы, для славы, що прохавъ? Ты мени скажы це теперъ. . Мени треба це заразъ знаты...

— Андрій зблидъ, потимъ трохы одвернувъ лыце и, крыво, гирко всмихаючысь, промовывъ:

— Добре жъ ты про мене думаешъ, колы за таке просышъ. Не бійсь, буду щыро прохаты.

Кылыни, выдно, ніяково стало. Вона хутко подывылась на ёго, потимъ одвела свій поглядъ и глухо сказала:

— Ты не сердься, я не для того сказала це... Може ты и справди любышъ и справди думаешъ браты, я не знаю. Сердыться нема чого. Тильки, колы знаешъ, що тебе пече зо всихъ бокивъ,

а одъ кожного бачышъ, що якъ бы то ёму пойихать на твоій спыни, то и пикому не вирытымешъ. А кому не вирышъ, то и любыты важко. А до того. Ты не сердься мене, Андрію, я теперъ ци дни якась зовсимъ дурна стала... Цей Халабуда, потимъ думкы всяки...

— А панычъ, не той, не чыплявся?—похмуро бовкнувъ Андрій.

— Ни, ничого!—скороговоркою кынула вона.—Ну и той... якъ его... Ну, и ты ще туть... дурышъ, не дурышъ, а.... Одно слово, Андрію, я тоби ось що говóрю:—додала вона якось рышуче, жорстко и гордо выпрямылась—твоею полюбовныцею я не буду николы... Чуешъ? Женышся,—полюблю, якъ батька, якъ счастя. Не женышся,—все одно не дамъ обдурыты себе...

— Жéнышся...—сумно, иронычно усмихнувся Андрій.—Жéнышся, маючы такого батька.

Кылына вмыть скыпила вся.

— «Батька!»—зъ зневагою, гнивно подывылась вона на ёго.—Докы вже ты зъ своимъ батькомъ носытысь будешъ?.. Батько!.. Самъ хазяйство мае, а сына въ наймы дае... Хлибъ ёму за зиму перейисть... А сей и слуха... Ще женытысь хоче!.. Та що жъ ты хочешъ, щобъ я тоби оддала все жыття, а ты мене прыведешъ до свого батька та зъ ёго ласкою та розумомъ жыты прымусышъ? Х-ха! Мени такого счастя не треба!.. Мени неволя вже надокучыла, я воли хочу! . Чуешъ? Воли!!

Вона трохы навить задыхалась, наче швыдко йшла десь; груды ій пидіймалысь, губы злегка дрижалы и на матовыхъ щокахъ выступывъ той невелычкый румьянець, що, якъ знавъ Андрій, выступавъ у часы велыкого хвылювання Кылыны и якый такъ гривъ у тому мисци щокы, що, здавалось, тамъ навмысне збирався весь жаръ іи кровы. Андрій нахылывъ голову и усмихнувся.

— Добре тоби говорыты. А взнала бъ мого батька. Отъ визьме та й выжене, що тоди? И не дасть ничого...

— Не дасть?—скрыкнула вона злистно, гордо.—И не треба!.. Докажемо, що и безъ ёго обійдемось, колы вже пиде на те!..

— Обійдешся...—глухо промовывъ Андрій.

— Кылына раптомъ спынылася, пыльно подывылась на ёго и, нибы заспокоившысь зразу, взялась за одынъ кинець рогача и, хытнувшы ёму на другый, коротко сказала:

— Беры...

Колы воны, мовчазни и похмури, ввійшлы въ хату, тамъ вже не було дивчатъ, тильки на полу лежавъ Панасъ, та дидъ Юхымъ, позихаючы, укладався недалеко видъ ёго спаты. Мовчкы поставывшы цеберъ биля лавы, Андрій походывъ трохы по хати, потимъ зупынывся позадъ Кылыны, певне бажаючы щось сказаты, але тильки махнувъ рукою и швыдко выйшовъ зъ хаты.

В. Винниченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. Въ декабрѣ 1751 г. полтавскій полковой судъ, подъ предсѣдательствомъ самого полковника Андрея Горленка, обсуждалъ такое необычное дѣло: козакъ Керебердянской сотни Иванъ Малоусенко жаловался на свою «братову» (вдову брата), козачку той же сотни, Палажку Малоусиху, «о найденомъ и винятомъ оной Малоусихи мужемъ умершимъ Мокіемъ Малоусенкомъ и значковимъ товаришемъ Карпомъ Полонскимъ з могили, обрѣтаючойся между селами Власовкою и Максимовкою, скарбу» (кладѣ). По словамъ жалобщика, дѣло происходило такъ. Весною предыдущаго года наймитъ Ивана Малоусенка Федоръ, «по обѣщанію своему», отправился на богомолье къ предстоявшему празднику св. Николая въ м. Городище (нынѣ Градижскъ), гдѣ въ то время существовалъ Пивогорскій монастырь. Въ пути его застигла ночь, и онъ заночевалъ въ полѣ между селами Власовкою и Максимовкою, «а проснувшись рано, на свѣтанню, увидѣлъ неподалеку отъ себе три свѣчки, горящихъ на могилѣ (курганѣ)». Федоръ тотчасъ догадался, что тамъ долженъ находиться «скарбъ», но такъ какъ онъ былъ одинъ и въ рукахъ у него ничего не было, кромѣ дорожнаго посоха, то нельзя было и думать о раскопкѣ могилы; поэтому онъ ограничился тѣмъ, что на разсвѣтѣ хорошенько осмотрѣлъ могилу, замѣтилъ ея мѣстоположеніе и затѣмъ отправился въ свой путь. Возвратившись благополучно изъ Городища, вѣрный служитель разсказалъ подробно своему «господарю» обо всемъ, что съ нимъ приключилось въ пути. Малоусенко тотчасъ принялъ рѣшеніе заняться раскопкой чудесной могилы, но разсчитывая, что вдвоемъ съ наймитомъ они, пожалуй, не справятся съ этимъ дѣ-

темъ, а, можетъ быть, и побуждаемый родственнымъ расположеніемъ, онъ сообщилъ секретъ родному своему брату Мокію Малоусенку и предложилъ ему принять участіе въ отысканіи клада. Мокій охотно на это согласился, и въ тотъ же день они втроемъ съ Федоромъ, вооружившись заступами и ломомъ, на подводѣ Мокія, отправились на раскопки. Къ вечеру они были на мѣстѣ; но осмотрѣвъ указанную Федоромъ могилу, на которой тотъ видѣлъ горѣвшія свѣчи, они невольно смутились: передъ ними былъ огромной величины курганъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ такъ много сохранилось и понынѣ по «заломамъ», отдѣляющимъ Днѣпровскую долину отъ возвышеннаго плато, на которомъ, между прочими, возвышается с. Максимовка. Трудность предстоявшей раскопки усугублялась еще и тѣмъ, что работу можно было производить только ночью, днемъ же здѣсь паслись стада, и пастухи конечно тотчасъ донесли бы о раскопкѣ владѣльцу земли, на которой находился таинственный курганъ. Но нашимъ искателямъ не было выбора, и они, дождавшись ночи, принялись за работу, а съ наступленіемъ утра, чтобы не возбуждать ничьихъ подозрѣній, отъѣхали къ Днѣпровскому берегу, дѣлая видъ, будто занимаются рыболовствомъ, ночью же возвратились на работу. Такъ продолжалось трое сутокъ, и только на четвертую ночь они, по словамъ жалобщика, откопали «нѣби (будто) ящикъ съ палуба [1]), окованый штабами залѣзными, и казанъ мѣдный подъ крышкою, невѣдомо съ чего сдѣланною, якобы броварскій» (пивной). Осмотрѣвъ эти предметы (очевидно, при помощи зажженной свѣчи), Мокій Малоусенко вылѣзъ изъ ямы и объявилъ, что «ничего въ нихъ не имѣется», а затѣмъ сталъ стращать Ивана:

— Знаешъ, брате, залышмо (бросимъ) сее дило, бо певно черезъ те попадемося въ превелыку биду.

Иванъ и безъ того трясся отъ суевѣрнаго страха и потому не сталъ прекословить брату, бросилъ работу и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ Кереберду. А спустя два мѣсяца послѣ того Мокій Малоусенко будто бы хвалился матери:

— Якый, мамо, несчаслывый нашъ Иванъ: йиздывъ я зъ нымъ копаты гроши, та й не взявъ ихъ, а якъ пойихавъ удруге зъ иншымы людьмы, съ Карпомъ Полонскымъ, то заразъ и взявъ».

Мать не утерпѣла, чтобы не передать Ивану объ этомъ секретномъ признаніи, послѣ чего тотъ присталъ къ Мокію съ требованіемъ

---

[1]) Палубъ—будка на повозкѣ.

подѣлиться съ нимъ найденнымъ по его же указанію кладомъ. Мокій сначала отрицалъ фактъ нахожденія имъ клада, но потомъ будто бы пообѣщалъ дать Ивану сто рублей послѣ того, какъ «переведетъ на россійскую монету» откопанныя деньги. А скоро послѣ того Мокій умеръ, не исполнивъ обѣщанія, вдова же его и значковый товарищъ Карпо Полонскій и теперь «владѣютъ» тѣми деньгами и не хотятъ подѣлиться ими съ жалобщикомъ.

Такъ разсказана вся эта исторія въ исковой жалобѣ Ивана Малоусенка, но въ подтвержденіе ея онъ не могъ представить ни письменныхъ «документовъ», ни свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ не было уже въ живыхъ и матери жалобщика, которой Мокій будто бы признавался въ нахожденіи клада; поэтому истецъ изъявлялъ готовность «на доводъ» справедливости своей претензіи «выконать присягу» или же предлагалъ отвѣтчицѣ вмѣстѣ съ Полонскимъ «отприсягнуться въ томъ, что объявленного кладу они не брали и не знаютъ, кимъ вынято».

На допросѣ въ Керебердянскомъ сотенномъ правленіи, а затѣмъ и въ полковомъ судѣ, Пелагея Малоусиха показала, что ей совершенно невѣдомо, «зъ якими людьми умершій мужъ ея Мокій Малоусенко до тои могилы ездили и що тамъ выкопали, и отъ своего мужа и ни отъ кого того не чула и ничого не видаетъ, и зъ тихъ денегъ не владѣетъ», что готова подтвердить и присягою. Карпо Полонскій тоже показалъ, что онъ съ умершимъ Малоусенкомъ «нигде ніякои могилы къ винятію поклажи не роскопувавъ и о винятомъ кладу ни за кимъ не видаетъ, и какая въ иной могили поклажа була и кимъ винята—не знаетъ и о томъ ни отъ кого не слихавъ, и въ томъ готовъ отвестись присягою».

Судъ справился, какъ въ такихъ случаяхъ велитъ поступать «право малороссійское», и нашелъ въ 30-мъ артыкулѣ 9-го роздѣла «книги Статута напечатано»: «хто бы ся ку такому найденю кладу знати не хотелъ, а тотъ, хто би того искалъ, брался до присяги, тогди тая противная сторона, на комъ ищутъ, близшая будетъ отъ того отприсягнутись, же не нашолъ»; поэтому судъ опредѣлилъ; «за силу оного права» отвѣтчицѣ Малоусихѣ и значковому товарищу Полонскому «въ отводѣ» дать присягу въ томъ, что они «показанного кладу съ могили не винимали и въ себе не имѣютъ и не владѣютъ, и кимъ именно оной кладъ винятъ, о томъ нѣ отъ кого не слихали и не знаютъ, которую присягу, по силѣ права, тоей же книги Статута розд. 4, въ артикулѣ 81 напечатаного, сложить имъ третого дня до полудня

и виконать оную, по силѣ того же права, на судѣ полковомъ», въ личномъ присутствіи истца.

Внизу протокола имѣется запись: «Оной приговоръ обидвѣ стороны слухали и, будучи доволни, на томъ подписалися», но по неграмотности, вмѣсто себя, просили «руки приложить» суда полкового полтавскаго подканцеляристовъ Петра Волковицкаго и Григорія Петренка. *(Актовая книга Полт. полк. суда 1750—1753 г., изъ собранія А. М. Лазаревскаго).*

Ор. Левицкій.

Былъ-ли игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г.? Осенью 1904 г. въ Петербургѣ вышла изъ печати новая цѣнная работа извѣстнаго украинскаго историка, проф. Мих. Грушевскаго,—«Очеркъ исторіи украинскаго народа» (Спб., 1904 г.).

Не считая себя достаточно компетентнымъ для того, чтобы производить оцѣнку всего труда почтеннаго ученаго, я хочу остановиться на одномъ явленіи изъ жизни украинскаго народа, въ освѣщеніи котораго проф. Грушевскимъ допущена нѣкоторая неточность. Я имѣю въ виду Коліивщину, говоря о которой, проф. Грушевскій утверждаетъ: «Выдающуюся роль въ немъ (т. е. въ украинскомъ возстаніи 1768 г.) сыгралъ игуменъ Мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій наблюдателемъ православныхъ приходовъ правобережной Украины: онъ *принялъ участіе въ организаціи движенія* и т. д. (стр. 325)». Категорическое утвержденіе г. Грушевскаго, что Мелхиседекъ былъ организаторомъ возстанія на Украинѣ, бывшаго въ 1768 г. и извѣстнаго подъ именемъ Коліивщины,—это утвержденіе, думается мнѣ, врядъ-ли соотвѣтствуетъ исторической правдѣ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть научно доказано. Мысль объ организаторской дѣятельности Мелхиседека въ возстаніи въ 1768 г., вышедшая изъ польскихъ источниковъ и укрѣпившаяся среди польскихъ историковъ, не безъ вѣскихъ основаній многими отвергается. Если, можетъ быть, тѣ данныя, которыя обычно приводятся въ доказательство неучастія Мелхиседека въ возстаніи, и не безусловно доказательны, то еще *менѣе убѣдительны* основанія, которыя имѣются для доказательства истинности взгляда г. Грушевскаго.

Разберемъ эти основанія.

Если Репнинъ, а за нимъ и Панинъ и императрица Екатерина, видѣли въ Мелхиседекѣ (какъ и въ Гервасіи Линцевскомъ) «нѣкоторую причину» возстанія и были недовольны ими и ихъ дѣятельностью, то это еще ничего не говоритъ о Мелхиседекѣ, какъ объ организаторѣ политическаго движенія. Русское правительство, добившись въ началѣ 1768 г. того, что Польша подпала подъ его опеку, боялось теперь всякаго новаго обстоятельства, усложняющаго польскія дѣла, а тѣмъ болѣе возстанія въ предѣлахъ Польши, которое могло уничтожить плоды пятилѣтнихъ усилій русской дипломатіи. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, связь, связь несомнѣнная, движенія политическаго на Украинѣ съ предшествовавшимъ ему религіознымъ была очевидна и для петербургскаго двора, обычно смотрѣвшаго на явленія религіозной жизни съ точки зрѣнія политическо-государственной. Отсюда понятно неудовольствіе на Мелхиседека за его противоуніатскую дѣятельность на Украинѣ, вообще *расшевелившую* украинскій народъ,— отсюда сѣтованія русскихъ дипломатовъ на «безпокойный нравъ» Мелхиседека[1]). Но и въ Петербургѣ, видно, смотрѣли на Мелхиседека, только какъ на *нѣкоторую* причину возстанія, а не какъ на организатора его. Данныя архива св Синода приводятъ насъ къ той мысли, что *суда надъ Гервасіемъ* и *Мелхиседекомъ производимо не было*, и отъ должностей они собственно удаляемы не были. Гервасій былъ просто поселенъ на жительство въ Кіевѣ, безъ увольненія отъ управленія епархіею [2]).

Что же касается Мелхиседека, то его даже не сочли нужнымъ удалять изъ Переяслава, его рѣшили только не пускать на правую сторону Днѣпра. Синодъ, по давленію свѣтской власти, во исполненіе ея желанія, предписалъ Гервасію: „игумена Мелхиседека пристойнымъ образомъ оттуда (т. е. съ западнаго берега Днѣпра—собственно отъ управленія Мотронинскимъ монастыремъ) смѣнить и опредѣлить переяславскія епархіи своея, кромѣ заграничныхъ, въ пристойной монастырь по своему разсмотрѣнію“.[3]). Гервасій назначилъ Мелхиседека настоятелемъ переяславскаго Михайловскаго монастыря.

---

[1]) Объ этомъ писалъ Панинъ еп. Гервасію 2 сент. 1768 г., письмо это см. въ 27 т. Соловьева „Истор. Россіи“, и въ 87 т. Сб. Русс. ист. Общ., стр. 161.

[2]) См. арх. св. Синода, дѣло 1768 г., № 95, также 1770 г., № 102.

[3]) См. арх. св. Синода, дѣло 1766 г., № 91, приложеніе.

Мелхиседека не судили,—видимо, не было для того данныхъ,—тѣмъ болѣе, что онъ послѣднее время предъ возстаніемъ жилъ въ Переяславѣ и на другую сторону Днѣпра не ѣздилъ вовсе.

Если бы Мелхиседекъ былъ замѣшанъ въ участіи въ возстаніи, особенно же въ организаціи его, конечно, его судили-бы, какъ судили тогда многихъ духовныхъ лицъ, часто по одному, ничѣмъ недоказанному подозрѣнію ихъ въ соучастіи съ гайдамаками. Нужно при этомъ принять во вниманіе желаніе тогдашняго петербургскаго правительства,—«на нашей сторонѣ всю Польшу имѣть», боязнь раздраженія поляковъ противъ Россіи, заботы объ утвержденіи въ Польшѣ „повѣренности націи къ намъ" и т. д. [1]). При такомъ настроеніи русскихъ дипломатовъ, трудно было бы отъ нихъ ожидать пощады Мелхиседеку. Достойно вниманія, что польскіе мемуаристы и историки, обвиняющіе Мелхиседека въ организаціи Коліившины, говорятъ обычно о томъ, что Мелхиседека, по окончаніи возстанія, судили и послѣ суда—по утвержденію однихъ—сослали въ Сибирь [2]), по утвержденію другихъ—лишили должности и отправили въ Кіевъ [3]). Видимо, обвинители Мелхиседека, увѣренные въ томъ, что онъ былъ организаторомъ возстанія, *не допускаютъ и мысли о томъ, что его, какъ организатора возстанія, могли не судить*. Такимъ образомъ, самый фактъ отсутствія суда надъ Мелхиседекомъ говоритъ нѣсколько противъ г. Грушевскаго.

Если, затѣмъ, ссылаются на польскихъ мемуаристовъ и на народныя украинскія пѣсни, то сбивчивость ихъ показаній, разнорѣчивость даже о самой личности игумена—организатора возстанія, въ которой часто совершенно нельзя видѣть Мелхиседека,—все это заставляетъ относиться къ этого рода источникамъ съ осмотрительностью. Что касается польскихъ мемуаровъ, то при чтеніи ихъ, кромѣ того, что приходится сталкиваться съ историческими неточностями, нужно еще имѣть въ виду спеціальную точку зрѣнія тогдашнихъ поляковъ, по взгляду которыхъ, какъ справедливо утверждаетъ г. Каманинъ, „бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ уніи къ вѣрѣ отцовъ, хотя народная масса при этомъ оставалась спокойною [4]).

---

[1]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 87, стр. 185, 186, 279 и др.

[2]) См. напр. „Ист. польск. народа" поляка В. Смоленскаго (перев. Спб., 1899 г., стр. 279).

[3]) „T. Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta". wyd. 2, Warszawa, 1897 г.; t. I, и стр. 199—200.

[4]) Кіев. Стар. 1882 г., іюль, стр. 59.

Далѣе, думается, еслибы Мелхиседекъ, котораго сплошь и рядомъ упрекаютъ въ религіозномъ фанатизмѣ, былъ организаторомъ возстанія, оно носило-бы болѣе рѣзко очерченную религіозную окраску. Прочитайте воззваніе къ панскимъ хлопамъ [1]), распространявшееся на Украинѣ главарями возстанія; въ немъ говорится только о неволѣ, ярмѣ и тягостяхъ отъ пановъ, и ни слова нѣтъ о религіозныхъ притѣсненіяхъ. Еслибы Мелхиседекъ принялъ участіе въ организаціи возстанія, онъ, конечно, фабриковалъ-бы не одну „золотую грамоту", но и воззванія къ народу, и тогда эти воззванія прежде всего носили бы сильный *религіозный* колоритъ.

Говоря вообще, особое подчеркиваніе роли Мелхиседека въ возстаніи 1768 г. понятно только въ устахъ тѣхъ, кто въ этомъ возстаніи не видитъ ничего, кромѣ дѣла, устроеннаго „*попами*". Между тѣмъ самъ проф. М. Грушевскій согласенъ съ тѣмъ, что, помимо случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ (цѣлаго ряда ихъ), вызвавшихъ народное движеніе въ данный именно моментъ, въ основѣ его лежали глубокія причины—религіозно-національныя и соціально-экономическія.

Закончу тѣмъ, что о роли Мелхиседека въ возстаніи 1768 г. лучше говорить *гипотетически, а не категорически*.

Вл. П—ко.

Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ. Христіанская легенда въ древней Руси, шедшая въ послѣднюю книжнымъ путемъ съ юга и отчасти съ запада, не замкнулась въ тѣсномъ кругу древнерусскихъ книжныхъ почитателей,—она вышла на свѣтъ и проникла глубоко въ народъ, вызвавъ въ немъ созданіе религіозной поэзіи—духовныхъ стиховъ. Духовные стихи въ Малороссіи, какъ и стихи русскіе, къ которымъ первые очень близки, отражаютъ общіе имъ источники—произведенія древне-русской книжности, главнымъ образомъ, сочиненія апокрифическія, имѣвшія въ средѣ древне-русскаго общества большее распространеніе, чѣмъ Св. Писаніе и книги церковныя. Исторія литературы достаточно полно освѣтила эту тѣсную зависимость духовнаго стиха отъ книжной христіанской легенды, такъ что вполнѣ положительно можно говорить лишь о самостоятельности обработки народной средою христіанскихъ мотивовъ въ духовныхъ стихахъ, но не о самостоятельности этихъ мотивовъ. Однако среди

[1]) См. у Костомарова, „Посл. годы Рѣчи Посп." 2 изд., 1870 г., стр. 102.

духовныхъ стиховъ, бытующихъ на Украинѣ, имѣется стихъ, который по своему происхожденію представляетъ рѣзкій примѣръ непосредственнаго возникновенія изъ среды самого народа помимо книжнаго вліянія. Привожу его въ самой поздней записи изъ статьи проф. М. Н. Сперанскаго, «Южно-русская пѣсня и современные ея носители» (1904 г.), сохраняя правописаніе подлинника[1]).

Іще сонце не заходить,
Я спати ложуся,
До споведі готуюся,
Богу не молюся.
Спамьетай же, гріє́шний человече,
На прежвіі дари,
Бо якъ вузьмуть твое грішне тіло,
Возложеть на море;
Дадуть ему смутну труну
І темную ложу.
А зволь, Боже, у грехахъ умерти,
Отъ муй вічний Боже.
Зустаеться сребро і злато,
Дорогіі шати,
Трудно міні його ізъ собою
На той світъ забрати;
Забравъ же бъ я його ізъ собою,—
Тамъ сйого не треба:
Туилькі треба сажень землі
Да чотирі дошкі,
Спасеніе зъ неба.
Якъ ударить усі звони
Прі скорой годині,
Атклонюся я всему міру
І прешней родині.
У Давидовомъ домі
Страхі пребальшиі:

[1]) Сборникъ Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ, т. V.

Агонь гарить, зуби скрижуть:
То жъ вішная мука.
Якъ приде Міхаілъ Орхангелъ
На Сеяньскую гору,
Якъ вострубить Міхаілъ Орхангелъ
Въ семігласную трубу,
Якъ вазбудить Міхаілъ Орхангелъ
Усихъ мертвихъ одъ гроба:
Уставайте, праведни і грішни,
Васъ Богъ судить буде.
Праведниі просять
Конця віку і страшного суду:
Будемъ піти—воспівати,
У небі царствовати.

Стихъ дѣлится на двѣ половины: первая—носитъ личный характеръ; вторая—содержитъ изображеніе страшнаго суда. На первую половину стиха—25 стиховъ—я и обращаю вниманіе. Эти 25 стиховъ—варіація мало распространенной украинской лирической пѣсни, слѣдующая редакція которой помѣщена въ Тр. Этн.-Ст. Эксп., т. V, стр. 144, № 4:

А ще сонце не заходило, а я спати ложуся,
А за лінощами Богу не молюся,—чимъ я Богу надоблюся?
Та болить больно моя головонька, та либонь хоче вмерти,
А призовіте мою родиноньку придоглянуть смерті.
Збіралася моя родиноньна, та й не розважає.
Тільно мою та смерть престрашную хуже розражає.
А вдарили въ усі дзвони объ третій годині,—
Одклонюся близькимъ сосідонькамъ, своій рідній родині:
«Ой, прощайте, близькі сосідоньки и рідна родина,
Прощайте, маленькі діти и вірная дружина!
Остается срібло-злото много, дорогиі шати,—
А вже жъ мені у гробъ за собою не забрати.
Хоть би могъ я ёго забрати, тамъ ёго не треба,
Тільно треба сажень землі, та чотирі дошки, та спасення
зъ неба [1]).

(Роменскій у., изъ собр. П. А. Кулиша).

---

[1]) Удерживаю правописаніе подлинника. Варіантъ—у Метлинскаго (Нар. ю.-рус. пѣсни, стр. 371—372); въ немъ меньше бытовыхъ чертъ,

Такимъ образомъ мы видимъ въ данномъ случаѣ, что обыкновенная лирическая пѣсня претворилась въ духовный стихъ, при чемъ въ средѣ профессіональныхъ исполнителей ея была распространена въ опредѣленную религіозную сторону подъ вліяніемъ другихъ духовныхъ стиховъ, что заключается во второй половинѣ стиха, содержаніе которой восходитъ къ тѣмъ же книжнымъ источникамъ, указаннымъ мною выше.

Приводимый фактъ превращенія лирической пѣсни бытового характера въ духовный стихъ представляется незауряднымъ явленіемъ, почему я и рѣшился указать на него здѣсь.

Владиміръ Даниловъ.

Договоръ прихожанъ села Бѣлоусовки (пирятинскаго уѣзда) съ священникомъ 1742 г. Къ числу уже ранѣе помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ" (1893 г., нояб., стр. 325; 1898 г., кн. I; 1904 г. кн. II) подобныхъ договоровъ принадлежитъ и договоръ прихожанъ села Бѣлоусовки, входившей ранѣе въ составъ селъ, заключавшихъ въ себѣ Городищенскую, или Городисскую сотню лубенскаго полка. Въ сравненіи съ договоромъ 1804 года настоящее условіе показываетъ, что въ половинѣ XVIII вѣка цѣны за требы въ Бѣлоусовкѣ были значительно ниже; что же касается годовой платы натурою, то она была такой же, какъ и въ Воронежѣ въ 1804 году. Участія сотника или державцы въ составленіи договора 1742 года не видно.

1742 году, априля 22 дня.

Ми, нижеподписаніе, села Бѣлоусовки (жители) чинимо вѣдомо симъ нашимъ писаниемъ, поноже приймуемъ себѣ Федора Корнилиева за духовного, аще будетъ Божие благословение и архипастирское благословение: за вѣнчане—по двѣ гривнѣ в своемъ селѣ; за похоронъ—по гривнѣ; за младенческій похоронъ—шисть копѣекъ грошей; роковое: отъ парахианъ непахатнихъ—по четверику, отъ пахатнихъ-же—по полчетверика. На семъ и подписуемся.

чѣмъ въ вар. Кулиша. Варенцовъ (Сборникъ рус. дух. ст. 248 стр.) помѣстилъ первый вар. среди малорус. духовныхъ стиховъ, но ясно, что данная пѣсня ничуть не можетъ быть отнесена къ послѣднимъ по своему содержанію; отдѣльные стихи изъ нея встрѣчаются также въ другихъ пѣсняхъ бытового характера, напр.: Чубинскій, Труды, V, стр. 741, № 331 Г.; стр. 153, № 323; Даниловъ: „Пѣсни с. Андреевки", 61, № 177.

Громада села Бѣлоусовки: Козаки: Панасъ Передерий—атаманъ, Хведоръ Мѣзъ—ктиторъ, Кондратъ Бондарь, Іванъ Сенекъ, Андрѣй Шушко, Панко Богунъ, Сидоръ Семенюта, Хведоръ Усикъ, Хведоръ Малежикъ. Посполитие: Петро Чорний—войтъ, Грицко Подорожний, Іванъ Гавришъ, Петро Литвинъ, Іванъ....., Хведоръ Гавришъ, Грицко Михайликъ.

Сведено слово в слово 1742 году, юня 9 дня, в Бѣлоусовцѣ, когда на поповство Наковскаго громада приняла. (Съ современной копіи).

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліанахъ.

«Милостивый Государь мой князь Александръ Николаевичъ!

Базиліанское общество просило меня, дабы я исходатайствовала у васъ, Милостивый Государь, для него ваше покровительство и защиты, которыхъ оное столь достойно; я живу въ здѣшнемъ краѣ [1]) близъ сорока лѣтъ, то могу смѣло увѣрить ваше сіятельство, что я кромѣ справедливой похвалы не имѣю иного ничего сказать о семъ полезномъ обществѣ, которое занимается только воспитаніемъ юношества, наставленіемъ его въ благонравіи, наукахъ, а особливо въ христіанскомъ законѣ, на которомъ основано щастіе частное и общее; справедливость ваша мнѣ извѣстна, то я не сумнѣваюсь, чтобы вы Милостивый Государь мой могли отказать быть защитою столь почтеннаго Общества, которое полагаетъ на васъ одного всю свою надежду, — а я съ моей стороны вамъ буду не менѣе благодарна, естли вы сію прозьбу не оставите безъ уваженія.—Прошу васъ покорно принять увереніе того истиннаго и отличнаго уваженія, съ коими пребыть честь имѣю.

Милостивый Государь мой»

Далѣе слѣдуетъ подпись [2]).

---

[1]) Письмо писано изъ м. Бѣлой-Церкви, кіевск. г., имѣнія графовъ Браницкихъ.

[2]) Архивъ Св. Синода. Канцеляр. Об.-Прок. Дѣло № 22542.

Письмо датировано 17 марта 1823 г. Оно вызвано настоятельными просьбами базиліанскихъ монаховъ, которые искали поддержку у вліятельныхъ лицъ, въ виду производившагося въ то время дѣла о закрытіи базиліанскихъ монастырей въ Россіи.

Сообщ. **В. Страшкевичъ.**

Рождественская вирша. На дняхъ мнѣ пришлось записать рождественскую виршу со словъ украинца изъ воронежской губ. Хотя она выдерживаетъ ритмъ почти вездѣ, но записана она мной безъ раздѣленія на стихотворныя строчки.

Будьмо здорови хлопци! та не лайте, а чого оце я прыйшовъ до васъ, колы хочете, попытайте; видвичаты буду заразъ та не самъ, а здотепомъ та ще й зъ виртепомъ, а колы хочете щобъ вамъ про се все сказаты, такъ цуру не перебываты, я самъ буду казаты. Якъ паслы мы съ хлопцями овець ватагу на трави, та не сподивайтесь на отвагу, це було дило въ теплому краи. Кормокъ прыдався зелененькый, кошари булы готовеньки, та що й казаты—все було гараздъ. День бувъ ясненькій весьденычки до смерку, а якъ тильки темно стало, я всимъ хлопцямъ давъ раду таку, сказавъ Яцку: «гонить овець до шалашу, та заваряйте съ саломъ круту кашу, а тоди по своимъ мистамъ. А самъ обпершся на кгирлыгу тай ставъ думать думу превелыку. Ка, вража маты! що такъ сумно? ажъ морозъ по кожи дере,—а вже щось та не такъ болыть серце у мене: або ватага захворае, або воряга прычвалае, а дали одумавсь, та й кажу: якъ захвора—то воля Божа, а видъ вора у насъ йе осторожа. Насъ було пьятеро, та собакъ шестеро, а звалы: я—Опанасъ, Яцко, Стецько, Протасъ, та ще бувъ Явтухъ пидпасочокъ у насъ. Пишовъ я до тырла, посвыстивъ, насъ була гурба не маненька, а я надъ нымы бувъ лычманъ; найилысь каши, повставалы, кой про що розмовляты сталы; хто що вмивъ—те й пливъ; хто казку, кто прыказку, а хто про Ягу-Бабу, а я наслухавсь до упаду, та всимъ хлопцямъ по мистамъ, бресты веливъ. Сказавъ Яцку: идыжъ съ пидпасомъ, та зачыняй кошару зъ выкрутасомъ, та ще й щобъ изъ васъ котрый тамъ спавъ. Тильки що поснулы, а нашу ватагу неначе якый чортъ въ пывоварни збунтувавъ брагу, а мои хлопци зъ ляку не знають на кого крычать: чы на мене, чы на собаку. А дали давай лыбезуваты: эй Опанасъ! варяга прычвалавъ до насъ, а я й кажу: визьмить вы, хлопци, добрую дубыну, та и спытить ёму

ище добрійше спыну, щобъ винъ у другый разъ—не ворувавъ. Наши хлопци и ну повзты: хто ракомъ, хто пупомъ, а хто на спыни; повыпатралысь якъ ти свыни (признаться грязненько було—дощыкъ йшовъ). Колы туды гулькъ, а тамъ такъ и сяе, на овци крыламы махае, вивци видъ ёго до стины, мои хлопци навтикача, а я й кажу: стій хлопци; це не саранча! Грыцько каже: ну та й птаха, Стецько каже: ну та й пряха, а я такъ у слухъ и мовывъ (неначе знавъ) кажу: тю, дурни—це янголь Божій: ба—якій винъ хорошій, та на колины ёму пуць, та й давай ёго пытаты: Янголь Божій! повидай намъ, чого ты до насъ прыйшовъ, чы душы вытягаты, чы овець позабираты, а винъ и каже: «Я не за душамы посланъ небесамы, а повидать вамъ висть, що Богъ прыйшовъ на землю». Такъ мы й закрычалы: ой, лыхо! чы не за грихы караты? „Ни, винъ хоче вси грихы на себе взяты и тыхъ душокъ, яки вмыралы, якихъ чорты до пекла пхалы, винъ избаве отъ гіенскихъ мукъ". Гай, гай! отъ такъ чудасія, а збулась та профитія дида Моисія, а винъ казавъ, що настане те время, що скынуть люде грыховне бремя и станути чысти, якъ лыни. Тутъ мы до ёго блыжче пидступылы, сталы ёго прохаты: Янголь Божій! потрудысь и насъ туды доведы—де ёго домъ хорошій, щобъ мы де инде не забрелы, а винъ и каже: радъ бы я васъ, хлопци, туды довесты, та мени треба на небо литáты—„дива днесь" спивáты, а вы идить оттакъ пряменько. та дывиться на отцю зирочку пылненько, вона васъ доведе.

Поговорывшы зъ ными, замахавъ крылами и колы мы гулькъ у гору, а винъ уже пидъ небесамы—неначе по драбынци йде. Мы тутъ що робыты! а що робыты?—ягня ловыты, та пертысь въ Вифлеемъ. Вловылы, та й попхалысь, та на ту зирочку пылненько прыглядалысь, яку намъ янголь указавъ. А та-жъ зирочка то пнется, то вертнется, неначе скаче, тебъ казавъ сперва лизла все выще, выще, а дали ныжче, ныжче, та й стала противъ насъ, а я на неи задывывся, та лобомъ въ стину такъ огрився, що гарный гудзь на лоби нарядывся, ажъ у кошари огонь засвитывся, а дали бачу що не въ сылу, узявъ та й повалывсь на спыну: лежу, тай слухаю чмеливъ. А мои хлопци не догадалысь та дали попхалысь, а якъ схаменулысь що мене нема, Яцко и закрычавъ: Эй Опанасъ! чого отставъ одъ насъ? Але! кажу—на стину нахопывсь, ажъ у кошари огонь засвитывсь. Опежъ мы туды й прищлы, чого треба було, те й нашлы, а дали дирку проломалы, та вси на кошарю й війшлы, а тамъ сыдыть породильня Божа, якъ паненька хороша, держе на рукахъ дытятко, а те дытятко рученятка

простягае, якъ-якъ слова не вымовляе. Биля ныхъ стоить батацько царивъ, ажъ цилыхъ тры, шось у рукахъ держуть—мабуть подаркы прынеслы, части поклоны чухраютъ, та Божу матинку прохаютъ: шобъ вона отъ ихъ прыйняла. Вона все це видъ ихъ прыйняла и старому диду виддала. Тутъ мы до неи блыжче пидступылы и сталы ïи прохаты, части поклоны чухраты: Ты наша Матинко Божа, якъ ясонька хороша, прыймы одъ насъ оце ягнятко, та кормы свое дытятко, бо черезъ ёго счаслыви люде будуть. Вона видъ насъ се прыйняла и тожъ старому диду виддала. А намъ двадцять разъ спасыби сказала. Спасыби вамъ, хлопци, спасыби! Хай у васъ плодытся ватага и всяке счастя буде вамъ, не позыча у васъ воряга, ны звиръ по темнымъ по ночамъ. Тутъ мы нызенько поклонылысь та й пишлы. Хто до ватагы пишовъ, а я до васъ оце зайшовъ розсказаты про се чудо, що я бачывъ самъ и чувъ, а колы хочете подаруваты, то хоть по чарци треба даты, то й я скажу спасыби вамъ.

1904 года 18 ноября.

Сообщ. свящ. **А. Рудневъ**.

Къ тексту стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго. Въ архивѣ „Кіевской Старины“, въ числѣ другихъ документовъ, оставшихся отъ перваго ея редактора Ѳ. Г. Лебединцéва, имѣется, между прочимъ, списокъ нѣскольких стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго, въ настоящее время уже извѣстныхъ въ печати, присланныхъ въ то время въ редакцію Л. Маціевичемъ. Неизвѣстно, почему покойный Лебединцевъ не напечаталъ этихъ стихотвореній: въ то время они еще были новинкой... Въ данный моментъ списокъ г. Маціевича также можетъ оказать нѣкоторую услугу: онъ даетъ возможность проконтролировать напечатанный текстъ и сдѣлать нѣкоторыя къ нему поправки.

Итакъ, въ стихотв. „На отъѣздъ изъ Полтавы Н. М. Л. (Никол. Мих. Лонгинова)—22 мая 1842 г.“—въ послѣдней строкѣ стихотворенія (см. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., т. 56, стр. 476) стоитъ: „Ай!... *бигъ-ма* ничого“,—въ спискѣ г. Маціевича: „*бисъ-ма* ничого». Къ стихотворенію 1842 г.:

„Булы жъ мы й въ Святогорскимъ,
И церковъ бачылы змурований *Самборськымъ*“ (ibid. 480),

г. Маціевичъ даетъ небезъинтересное поясненіе относительно Самбор-

скаго: „*Самборскій*, Андрей Аѳанасьевичъ, духовникъ велик. княгини Александры Павловны, вышедшей въ 1799 г. замужъ за венгерскаго палатина—эрцгерцога Іосифа, но вскорѣ, именно въ 1801 году 16 марта скончавшейся на 18 году своей жизни... Стараніями и трудами о. Андрея Самборскаго была построена небольшая церковь—въ деревушкѣ Иремъ, въ 15 верстахъ отъ Будапешта, куда и былъ перенесенъ гробъ велик. княгини. Церковь эта существуетъ и доселѣ, и причтъ ея русскій—содержится на счетъ русскаго правительства. О. Андрей Самборскій былъ родомъ изъ харьковской губ. Къ нему очень благоволилъ имп. Александръ Благословенный, подарившій ему за его заслуги село *Стратилатовку*, харьков. губ. Протоіерей Самборскій скончался въ С.-Петербургѣ въ 1815 году на 82 г. жизни и погребенъ на кладбищѣ Большой Охты".

Стихотвор. „Сыдыть Петро у Полтави" (ibid., 486)—написано не 24 *іюня* 1848", а „24 *іюля*"...

Въ стихотвор. „Отъ и допывсь! И дохмелывсь" (XXXIV ода Горація"), сравнительно съ текстомъ, напечат. въ „Кіев. Старинѣ" 1888 г., кн. V, имѣются слѣдующія разночтенія: въ 5-мъ съ начала и въ 4-мъ съ конца куплетахъ въ напечатанномъ текстѣ стоитъ:

„Зубивъ щось зъ двохъ
И ничъ не доличуся",—

въ спискѣ г. Маціевича въ обоихъ случаяхъ: „*У ничъ* не доличуся". Въ 17-мъ куплетѣ того же стихотворенія въ напечатанномъ текстѣ: „Ще винъ же и *здрочывся*",—въ спискѣ г. Маціевича просто „*дрочывся*".

Василій Онисимовичъ Корніенко. (*Некрологъ*). Читатели и почитатели украинской литературы, и украинцы по національности и не украинцы, обратили, конечно, вниманіе на рисунки къ „Энеидѣ" Котляревскаго, помѣщенные въ сборникѣ „На вичну память Котляревському". Замѣтили они также и надпись на этихъ рисункахъ „Малюнокъ В. Корніенка". Возможно, что большинство изъ этой публики больше нигдѣ и не встрѣчалось съ этимъ именемъ, но уже вышеупомянутые рисунки могли каждому подать надежду еще гдѣ-нибудь встрѣтиться съ нимъ, т. к. въ нихъ видна молодая сила, истинный талантъ.

Судьба, однако, рѣшила иначе.

11-го декабря прошлаго года въ одесской городской больницѣ, послѣ продолжительной болѣзни скончался художникъ В. О. Корніенко;

это и есть тотъ Корніенко, съ которымъ знакомы читатели альманаха, посвященнаго Котляревскому—одна изъ незамѣтныхъ, но многообѣщавшихъ для украинской народности личностей.

Хотя о лицахъ, ничѣмъ выдающимся не проявившихъ себя, не принято писать некрологовъ, но мы считаемъ долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о покойномъ художникѣ, тѣмъ болѣе, что и судьба его не совсѣмъ-то заурядна.

В. О. Корніенко вышелъ изъ народа[1]. Онъ сынъ крестьянина села Поповки, екатеринославской губерніи. Рисованіемъ началъ заниматься еще въ начальной школѣ, а по окончаніи ея работалъ до 18 лѣтняго возраста у какого то маляра въ Екатеринославѣ; здѣсь онъ какимъ то образомъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго тогда губернатора Рокосовскаго, который отправилъ его въ Севастополь въ художественную школу Макухиной, устроивши, между прочимъ, лотерею рисункамъ Корніенка и выручивши такимъ образомъ за нихъ 100 р. ему на дорогу. Здѣсь Корніенко пробылъ около года и поступилъ отсюда въ Спб. академію художествъ, которую и окончилъ некласснымъ художникомъ.

Въ 1902 году Корніенко участвовалъ въ 1-й Екатеринославской выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, выставивъ двѣ картины и нѣсколько этюдовъ. Его картина „У корчмы" обратила тогда вниманіе мѣстной прессы. Покойный всю жизнь крайне нуждался въ средствахъ; съ одной стороны, нужда и необходимость добывать средства къ существованію, съ другой—болѣзненное состояніе и физическій недостатокъ не позволяли ему развивать свой талантъ. Онъ положительно лишенъ былъ возможности бывать въ экскурсіяхъ на этюдахъ и, проживая, напримѣръ, въ Одессѣ, вынужденъ былъ добывать средства къ существованію исключительно рисованіемъ на дому портретовъ. Только въ послѣднее время ему представилась возможность сойтись съ мѣстнымъ украинскимъ обществомъ, которое, заинтересовавшись имъ, предложило ему нарисовать серію изъ 20 рисунковъ къ «Энеидѣ» Котляревскаго, имѣя въ виду издать ихъ отдѣльнымъ альбомомъ или выпустить иллюстрированную поэму. Не успѣлъ покойный выполнить эту

---

[1]) Біографическія данныя намъ любезно сообщилъ М. Ф. Комаровъ и студентъ Новороссійскаго универститета г. Гейманъ, семья котораго принимала горячее участіе въ покойномъ, включительно до хлопотъ о похоронахъ. Останки покойнаго перевезены въ его родное село Поповку.

задачу: онъ нарисовалъ только 10 рисунковъ, вошедшихъ въ сборникъ памяти Котляревскаго. Кромѣ того, мѣстные украинцы предполагали издать, при помощи покойнаго, произведенія Шевченка съ иллюстраціями. Но надежды не сбылись: В. О. Корніенко заболѣлъ саркомой на лицѣ, которая распространилась и на носовую полость, слегъ въ больницу, перенесъ нѣсколько операцій, но не перенесъ болѣзни, будучи отъ природы хилымъ, и умеръ на 37 году жизни.

В. О. былъ безкорыстный труженикъ; онъ, напримѣръ, будучи уже больнымъ и безусловно нуждаясь въ деньгахъ, отказался отъ полученія полностью причитающагося ему гонорара за 10 рисунковъ къ Энеидѣ, прося отослать деньги въ Петербургское общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для малорусскаго народа... Послѣ покойнаго, какъ намъ передавалъ его братъ, осталось кое-какое наслѣдіе въ видѣ оконченныхъ и неоконченныхъ картинъ и этюдовъ (всего около 20), среди которыхъ есть украинскіе сюжеты (напр.—три этюда къ думѣ «про трёхъ бративъ азовськыхъ» и др.). Всѣ они хранятся у родныхъ покойнаго въ с. Половкѣ.

Въ заключеніе скажемъ: если для народности, обладающей всѣми средствами для свободнаго развитія своей культуры, бываетъ ощутительна потеря одного изъ двигателей этой культуры, то тѣмъ болѣе должна быть ощутительна такая потеря для Украины, гдѣ съ такими затрудненіями и преградами совершается ростъ и развитіе самобытнаго начала во всѣхъ областяхъ науки и искусства.

Гр. Сьогобочній.

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь господинъ Редакторъ! Не откажите помѣстить въ ближайшей книжкѣ «Кіев. Ст.» это письмо съ указаніемъ неточностей, вкравшихся въ мою статью «Гервасій Линцевскій», напечатанную въ декабр. кн. «Кіев. Ст.» за 1904-й годъ.

На страницѣ 408 напечатано: «но другія данныя склоняютъ отнести рожденіе его къ *1690 году*»—слѣдуетъ читать: «но другія данныя, болѣе достовѣрныя, склоняютъ отнести рожденіе его къ *1690-мъ годамъ* (между 1693 и 1698 г.г.).

На страницѣ 409, прим. 2, подвергается сомнѣнію достовѣрность извѣстія Строева о томъ, что въ 1757 г. Гервасій былъ настоятелемъ черниговъ. Елецкаго монастыря. Данныя архива Св. Синода

такъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ (см. дѣла: 1756 г. № 381 и 1757 г. № 166): 18 февраля 1757 г. св. Синодъ дѣйствительно постановилъ Гервасію быть настоятелемъ черниговск. Елецкаго Успенск. монастыря, но Гервасій имъ вовсе не управлялъ, но все время пробылъ въ Москвѣ безвыѣздно до полученія назначенія на каѳедру епископа переяславскаго, о каковомъ назначеніи св. Синоду было сдѣлано 20 апрѣля того-же 1757 г. представленіе духовникомъ и любимцемъ императрицы Елизаветы, протоіереемъ Ѳеодоромъ Дубянскимъ, малороссомъ по происхожденію.

На стр. 411 напеч. «На епархію Гервасій прибылъ *только къ ноябрю*» и на стр. 413—«Прибывъ *къ началу октября* 1757 года на епархію»—въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ читать «прибылъ *въ началѣ октября*» и «прибывъ *въ началѣ октября*» и т. д.

Указы консисторіи №№ 3 и 4, помѣщенные *на стр. 435—437, въ извлеченіи* были приведены въ август. кн. «Странника» за 1872 г.

На стр. 440, прим. 3. напеч. «Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ 7»,—слѣдуетъ читать «Сборникъ Русск. Историч. Обществомъ, томъ 7, *стр. 378*».

На стр. 411 напечатано: «онѣ (вотчины) малодоходны по *внѣшнимъ* народнымъ отягощеніямъ»; слѣдуетъ читать— «по *нынѣшнимъ*».

Вл. П—ко.

Извѣщенія редакціи. 1) *Изъ Екатеринослава* прислано на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка: И. И. Тимофеевымъ—2 р., П. П. Афанасьевымъ—2 р. В. Д. Однороженкомъ—1 р., Ф. П. Гриндлеромъ—80 к., всего—*5 р. 80 к.*, что вмѣстѣ съ прежде поступившими 349 р. 30 к. (см. № 11-й 1904 г.) составитъ 355 р. 10 к.

2) На образованіе капитала *имени И. С. Левицкаго*, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа поступили: а) собранные на вечерѣ 20-го декабря въ школѣ Н. В. Лисенка—22 р. 79 к.; б) собранные студентами украинцами вмѣсто папки для адреса И. С. Левицкому—12 р. 7 к., а всего—34 р. 86 к.

Текущія извѣстія.

Юбилей И. С. Левицкаго въ Кіевѣ. Юбилейныя торжества начались 18-го ноября вечеромъ спектаклемъ труппы Саксаганскаго и Садовскаго, поставившей комедію „За двома зайцямы“, передѣланную Старицкимъ изъ комедіи юбиляра „На Кожумякахъ“.

На спектаклѣ труппа поднесла юбиляру вѣнокъ и адресъ, прочитанный г. Садовскимъ.

На второй день съ часу дня обширный залъ „литературно-артистическаго общества“, организовавшаго весь юбилей, началъ наполняться разнообразной публикой: товарищи по перу—украинскіе писатели, представители мѣстной прессы, профессора университета и вообще почитатели юбиляра, между которыми множество молодежи—студенты, гимназисты и проч. Всеобщее вниманіе возбуждали гости изъ Галиціи и Буковины, между которыми три дамы: г-жи Рыбчакивны и г-жа Трилёвская, выдѣлявшаяся картиннымъ народнымъ костюмомъ галицкихъ украинокъ. Кое-гдѣ мелькали простыя украинскія чумарки.

На эстрадѣ столъ, устланный украинскими расшитыми „рушниками“, а внизу около стола—изящный коверъ въ украинскомъ стилѣ—подарокъ отъ полтавской губернской земской управы. Когда появился юбиляръ, его встрѣтили громомъ горячихъ и продолжительныхъ апплодисментовъ. Вмѣстѣ съ юбиляромъ заняло мѣсто за столомъ правленіе „литературно-артистическаго общества“. Предсѣдатель его, Н. П. Рузскій, взошелъ на трибуну и, выразивъ сожалѣніе, что онъ, какъ великороссъ, не имѣетъ возможности обратиться къ чествуемому писателю на родномъ его языкѣ, привѣтствовалъ юбиляра прекрасной рѣчью, подчеркивавшей тотъ фактъ, что въ настоящее время уже нѣтъ возможности не считаться съ развивающейся украинской литературой и не относиться къ этому развитію съ симпатіей. Затѣмъ членъ правленія общества г-жа О. П. Косачъ (Олена Пчилка) поднесла И. С. Левицкому, отъ имени общества, портретъ Шевченка въ серебряной рамѣ съ привѣтственной надписью.

Послѣ этого и началось чтеніе адресовъ,—они почти всѣ на украинскомъ языкѣ. Первымъ читалъ адресъ отъ украинскихъ писателей Б. Д. Гринченко; передавая адресъ безъ всякихъ украшеній, онъ сообщилъ, что деньги, предназначавшіяся для этихъ украшеній, рѣшено употребить на основаніе капитала имени И. С. Левицкаго для изданія

народныхъ книгъ. Затѣмъ слѣдовали многочисленныя привѣтствія галицкихъ и буковинскихъ представителей; общества „Просвіта“ читалъ редакторъ „Діла“ г. Борковскій, сообщившій, что „Просвіта“ избрала юбиляра своимъ почетнымъ членомъ, „Наукове товарыство имени Шевченка у Львови“ (проф. К. Студинскій), „Литературно-науковый Вістныкъ“ (онъ-же), „Руська Бесида у Львови“ также избираетъ юбиляра почетнымъ членомъ (читалъ д-ръ Федакъ); то-же дѣлаетъ и львовское „Товарыство педагогичне“ (д-ръ Корманъ); г. Левъ Лопатинскій, редакторъ газеты „Русланъ“, читалъ привѣтствія отъ своей газеты и отъ „Драматычного товарыства им. Котляревського у Львови“, г. А. Борковскій—отъ „товарыства прыхыльныкивъ украинськои литературы, наукы и штукы“, г-жа Рыбчакивна—отъ учительской женской семинаріи во Львовѣ; д-ръ К. Трылёвскій—отъ украинцевъ изъ Коломыи (Галиція), г. А. Борковскій—отъ газеты „Дило“, которой онъ состоитъ редакторомъ; проф. Студинскій—отъ „Выдавнычои Спилкы у Львови“, г. Федакъ—отъ львовскаго пѣвческаго общества“, г-жа И. Рыбчакивна—отъ „клубу русынокъ у Львови“, г. Загайкевичъ отъ двухъ студенческихъ обществъ: „Основа“ (политехники) и „Академична громада“ (студенты университета), а также отъ гимназической львовской молодежи; одно изъ его привѣтствій, красиво сказанное и бодрящее надеждами на лучшее будущее, вызываетъ особенно горячія рукоплесканія; г-жа С. Рыбчакивна привѣтствовала юбиляра отъ львовскаго «Кружка украинскихъ дивчатъ».

Буковина прислала большой адресъ, прочитанный извѣстнымъ писателемъ О. Маковеемъ и замѣчательный по художественному рисунку (гуцулка на конѣ) подъ текстомъ адреса—цѣлая страница, заполненная печатями буковинскихъ украинскихъ обществъ и подписями ихъ предсѣдателей; г-нъ Маковей прочелъ также адресъ отъ учениковъ черновецкой учительской семинаріи.

Изъ Вѣны прислала привѣтствіе редакція журнала «Ruthenische Revue», посвященнаго украинской литературѣ и вообще украинскимъ дѣламъ съ цѣлью популяризировать ихъ въ Европѣ.

Кіевъ также подалъ цѣлый рядъ привѣтствій: «Кіевскаго Общества грамотности» (В. П. Науменко), редакція «Кіевской Старины» (онъ же), «Выдавныцьтво Викъ» (В. А. Козловскій), студенты университета, студенты политехникума, студенты кіевской духовной академіи, ученики кіевской художественной школы, подарокъ отъ учащейся молодежи (К. І. Стеценко); затѣмъ украинцы изъ Кіева (И. И. Федор-

ченко), «литературно-музыкальна молодижъ у Кыиви», снова украинцы изъ Кіева (читала красиво одѣтая въ нарядный костюмъ дѣвочка). Всеобщее вниманіе обратила на себя группа кіевскихъ украинокъ въ живописныхъ народныхъ костюмахъ, явившаяся съ привѣтствіемъ отъ «украинскихъ жинокъ у Кыиви», прочитаннымъ г-жею Малюгивною. Русскія привѣтствія были отъ редакціи «Кіевскихъ Откликовъ (проф. И. Лучицкій) и «Общества Нестора Лѣтописца» (гг. О. И. Левицкій, Павлуцкій и Чаговецъ); польское—отъ кіевскихъ поляковъ, прочитанное О. И. Глинкой.

Изъ Одессы привѣтствовали юбиляра: городское общественное управленіе (г. Шульга—по-русски), славянское общество (онъ же), общество вспомоществованія литераторамъ и ученымъ, южно-русское музыкальное о-во (д-ръ И. Луценко), одесскіе украинцы.

Изъ Полтавы: г. Дмитріевъ отъ редакціи «Хуторянина» привѣтствовалъ юбиляра слѣдующей рѣчью: «Глубокоуважаемый юбиляръ! Редакція «Хуторянина», глубоко сознавая ваши заслуги на пользу украинскаго слова и духовной жизни всего украинскаго народа,—шлетъ сердечныя пожеланія еще многіе годы работать на дорогой вамъ нивѣ. Мы, редакція Хуторянина, всесторонне изучая жизнь нашего края, работая среди украинцевъ хлѣборобовъ на одномъ русскомъ языкѣ, вѣримъ, что не далекъ тотъ часъ, когда и періодическая пресса будетъ имѣть право говорить съ этимъ хлѣборобомъ на его родномъ украинскомъ языкѣ».

Затѣмъ г. Головня привѣтствовалъ юбиляра, какъ хранителя малорусскаго языка, и хранителя въ такое время, когда языкъ этотъ особенно сильно преслѣдовался въ интеллигентномъ обществѣ. Въ то время, когда говорить по-малорусски считалось въ высшей степени предосудительнымъ, когда русскіе интеллигенты оберегали своихъ дѣтей отъ крестьянскихъ, какъ отъ чумы, боясь, чтобы они не научились «мужичьему» языку, въ это время Ив. Семеновичъ выступилъ на литературное поприще и началъ писать свои «творы» на всѣми гонимомъ малорусскомъ языкѣ. Ораторъ, привѣтствуя юбиляра по поводу его 35-лѣтней плодотворной дѣятельности, выразилъ пожеланіе, чтобы дѣти теперешнихъ отцовъ могли привѣтствовать его на будущемъ юбилеѣ уже не на русскомъ языкѣ, а на своемъ родномъ—малороссійскомъ. Въ заключеніе г. Головня просилъ юбиляра принять въ даръ отъ дегтяревской мастерской вышитые «рушники» и прелестный коверъ издѣлія той же мастерской; онъ упомянулъ, между прочимъ, о

томъ, что и дегтяревская мастерская трудится надъ возсозданіемъ рисунковъ и издѣлій, составляющихъ исключительно малороссійскій старинный стиль.

Послѣ того поднесли адресъ львовскіе студенты, которые заявили, что въ лицѣ юбиляра они привѣтствуютъ всю Украйну, съ которой они живутъ одною духовною жизнью; они убѣждены, что украинская молодежь приложитъ всѣ свои силы для того, чтобы возможно скорѣе добиться свободы направлять свою дѣятельность на благо украинскаго народа и открыто защищать его интересы и права; они, галичане, подаютъ руку украинцамъ и всегда готовы совмѣстно трудиться на благо общей Украйны. Чтеніе адреса было покрыто бурными и долго несмолкавшими апплодисментами.

Далѣе шли поздравленія отъ полтавскихъ земляковъ (г. Дмитріевъ)—извѣстнаго писателя П. Мырнаго, редакціи «Полтавщины» (Л. Н. Жебуневъ); общее вниманіе обратили на себя своимъ короткимъ и простымъ, но хорошимъ адресомъ два крестьянина изъ Пирятинскаго уѣзда; вообще всѣ адресы встрѣчали болѣе или менѣе горячіе апплодисменты, но это мужицкое привѣтствіе было покрыто рукоплесканіями особенно пылкими и продолжительными.

Изъ Чернигова—отъ черниговцевъ и гимназической молодежи—прочелъ М. М. Коцюбинскій. Затѣмъ были еще привѣтствія отъ «Харьковскаго Листка» (по-русски), студентовъ-украинцевъ изъ Варшавы, изъ Дерпта, отъ чигиринцевъ и пр. Всего около шестидесяти адресовъ.

Затѣмъ наступило чтеніе телеграммъ изъ различныхъ мѣстностей Украины, а также изъ Петербурга, Москвы, Кракова, Праги, Парижа и пр.—всего не менѣе 80; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить привѣтствія губернскихъ земскихъ управъ: херсонской и черниговской, историко-филологическаго факультета харьковскаго университета, профессоровъ и доцентовъ томскаго университета, харьковской городской управы, полтавской общественной библіотеки (за подписью В. Г. Короленко), редакціи «Русскаго Богатства», редакціи «Русской Мысли» (за подписью В. Г. Гольцева), московскаго литературно-художественнаго кружка (за подписью кн. Сумбатова), одесскаго городского головы и пр.

Этотъ сухой перечень привѣтствій не даетъ никакого понятія о томъ воодушевленіи, которое царило въ залѣ при чтеніи ихъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ звучали бодрящія ноты надеждъ на лучшее

будущее. Когда поднялся юбиляръ, желая сказать отвѣтъ на привѣтствія, присутствующіе въ залѣ встали со своихъ мѣстъ. Съ характеризующей вообще И. С. Левицкаго скромностью, онъ въ простой и искренней рѣчи пытался убѣдить слушателей, что его заслуги сильно переоцѣнены въ привѣтствіяхъ и горячо благодарилъ всѣхъ собравшихся почтить его. Рѣчь эта вызвала новый взрывъ симпатій и рядъ новыхъ, долго тянувшихся оваціи...

Въ шесть часовъ вечера, въ гостинницѣ «Континенталь» назначено было собраніе въ честь юбиляра и состоялось при большомъ стеченіи публики. Говорились рѣчи цѣлымъ рядомъ лицъ, читались привѣтствія, опоздавшія къ утреннему собранію. Кромѣ рѣчей, посвященныхъ непосредственно юбиляру, много говорилось вообще на тему современнаго тяжелаго положенія украинской литературы. Какъ результатъ этихъ дебатовъ была составлена и подписана резолюція, въ которой указывалось, что существующія запретительныя противъ украинскаго языка распоряженія не только лишаютъ украинскую интеллигенцію возможности выраженія своихъ мнѣній, но и отнимаютъ у народа единственно возможное средство для проведенія знаній въ массы—книгу и школу на родномъ языкѣ, чѣмъ поддерживается тьма и невѣжество, убивающія духовныя силы народа и наносящія вредъ его экономическому благосостоянію. Въ виду этого здѣсь-же намѣчена комиссія для составленія и подачи петиціи объ отмѣнѣ помянутыхъ запрещеній.

На слѣдующій день, 20-го декабря, вечеромъ пріѣхавшіе гости и кіевляне заканчивали празднество, слушая пѣніе, музыку и декламацію въ музыкальной школѣ Н. В. Лисенка. Юбиляръ, чувствуя себя не вполнѣ здоровымъ, не могъ, однако, присутствовать на этомъ вечерѣ,—о немъ напоминалъ его бюстъ, стоявшій на спеціально для того убранномъ плахтами и рушниками возвышеніи. Музыкальная и декламаторская часть вечера смѣнилась обмѣномъ мнѣній по различнымъ животрепещущимъ вопросамъ, и вечеръ закончился далеко за полночь.

И гости, и кіевляне расходились подъ свѣтлыми и бодрящими впечатлѣніями всего трехдневнаго празднества... («Полтавщина» № 4).

Докладъ П. А. Зеленаго по вопросу о нуждахъ народнаго образованія. Въ Одесскую городскую думу внесенъ на обсужденіе

обширный докладъ о нуждахъ народнаго образованія. Прекрасно мотивированный докладъ этотъ касается разнообразныхъ нуждъ по народному образованію и организаціи школьнаго дѣла, и между прочимъ останавливается на вопросѣ о доступности учебниковъ и книгъ для чтенія мѣстному населенію по содержанію и языку.

Несмотря на разноплеменность г. Одессы, какъ крупнаго портоваго города, кореннымъ населеніемъ въ ней являются все же малороссы. Даже по даннымъ оффиціальной статистики, роднымъ языкомъ является малорусскій для 50 тыс. жителей Одессы, при чемъ все населеніе пригородовъ сплошь состоитъ изъ малороссовъ. Между тѣмъ существующіе буквари и книги для чтенія, и по содержанію, и по формѣ, являются мало подходящими для малороссовъ, такъ какъ помѣщенныя въ нихъ беллетристическія, географическія и историческія статьи разсчитаны прежде всего, главнымъ образомъ, на великороссовъ; между тѣмъ, въ силу основного педагогическаго принципа—«обученіе ребенка должно идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не наоборотъ»—учебная книга должна обращать вниманіе прежде всего на мѣстныя культурныя, географическія и историческія особенности, начинать развитіе души извѣстнаго, понятнаго, болѣе близкаго и только затѣмъ восходить къ менѣе извѣстному и болѣе далекому. Примѣры: пахота сохой, столь часто фигурирующая въ учебникахъ, чужда малороссу, который пашетъ плугомъ, а слово «соха» по-малорусски имѣетъ совершенно другое значеніе (столбъ); такія выраженія, какъ «курится овинъ», непонятны малороссу; «наша родная матушка Волга» странно звучитъ въ ушахъ школьника, выросшаго на Днѣстрѣ, Днѣпрѣ или Черномъ морѣ.

Тотъ-же основной педагогическій принципъ нарушается, и пожалуй еще въ большей степени, въ отношеніи языка, какимъ писаны учебники. Стремленіе научить великорусскому языку при посредствѣ неизвѣстнаго малороссу великорусскаго-же языка, съ воспрещеніемъ даже давать объясненія на малорусскомъ языкѣ, продиктовано, конечно, не педагогическими, а иными, не имѣющими никакого отношенія къ педагогикѣ, соображеніями, какъ равно и запрещеніе въ низшихъ еврейскихъ школахъ (хедерахъ) преподаванія на русскомъ языкѣ и вообще русскаго языка. Вслѣдствіе этого, мѣстному учителю приходится преодолѣвать невѣроятныя затрудненія даже при обученіи русскому букварю, такъ какъ сразу же малорусскій ребенокъ наталкивается на непонятныя, хотя и простыя для великоросса слова: изба

(по-малорусски хата), глазъ (око), потолокъ (стеля), соръ (смиття), лукъ (цыбуля), мука (борошно), топоръ (сокира), соты (спильныкы), утка (качка), мужъ (чоловикъ), туча (хмара), лучъ (проминь), зола (попилъ), зипунъ (свыта), эхо (луна), возлѣ (биля), ли (чи), молнія (блыскавка), скамья (лава), прудъ (сажалка) и проч. Къ этому необходимо прибавить существованіе омонимовъ, когда одно и тоже слово означаетъ разное на русскомъ и малорусскомъ языкѣ: *гладкій* по малорусски значитъ *толстый*, *луна—эхо*, *гроши—деньги*, *пашня—кормъ*, *суша—засуха* и проч. Обиліе морфологическихъ особенностей (наприм., хлѣбъ—хлибъ, столъ—стилъ) въ связи съ особенностями грамматическими и синтаксическими (*женъ—жинци*, *отцу—батькови*, *шолъ—ишовъ*, *мнѣ—мени*; рѣдкое сравнительно употребленіе причастій и дѣепричастій въ малорусской рѣчи и мн. др.), является другимъ камнемъ преткновенія при обученіи русскому языку посредствомъ русскаго языка въ малорусской мѣстности.

Естественно, что, при такомъ положеніи дѣла, усвоивши кое-какъ элементы великорусской рѣчи, ученики наталкиваются въ дальнѣйшемъ на болѣе сложные обороты, выраженія, странные и непонятные образы, аллегоріи, загадки, пословицы, вслѣдствіе чего съ неохотою и часто со смѣхомъ механически и безтолково передаютъ, сильно акцентируя и то и дѣло сбиваясь на малорусскую рѣчь, содержаніе нерѣдко хорошаго разсказа, стихотворенія и пр. Становится поэтому понятной та характеристика, какую далъ современной школѣ въ Малороссіи такой авторитетный русскій педагогъ, какимъ является авторъ прекрасныхъ (для великороссовъ) учебниковъ «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ», Ушинскій, человѣкъ, казалось бы, заинтересованный матеріально въ поддержаніи существующей системы преподаванія. Онъ говоритъ: «Эта школа (т. е. школа, въ которой преподается малороссамъ по великорусски), во-1-хъ, гораздо ниже народа: что значитъ она со своею сотнею плохо заученныхъ словъ предъ той безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіи тысячелѣтій; во-2-хъ, такая школа безсильна, потому что не строитъ развитія дитяти на единственно плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ 3-хъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ туже, чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ тотъ десятокъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ.

а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя къ нимъ привязаны,—народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душой и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего: она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти. Остается грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, да и то не всегда, которая можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ языкѣ написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ».

Ничего не дала современная система преподаванія и для ассимиляціи малороссовъ съ великороссами. Исторія другихъ народностей также показываетъ, какъ мало оффиціальная школа способствуетъ ассимиляціи. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ можетъ служить сохраненіе въ одномъ пунктѣ южной Италіи представителей хорватской народности, попавшихъ сюда какимъ-то образомъ еще въ 16 вѣкѣ, никогда не видавшихъ книги на родномъ языкѣ, обучавшихся все время итальянскому языку въ итальянской школѣ, имѣющихъ богослуженіе на итальянскомъ языкѣ и тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени сохранившихъ въ себѣ свою старую славянскую стихію, свой языкъ, свою колыбельную пѣсню, и при первомъ удобномъ случаѣ дружно и радостно пошедшихъ на встрѣчу родной школѣ, литературѣ, роднымъ пѣснямъ [1]).

Опираясь на все изложенное, необходимо ввести такіе учебники (объявивъ конкурсъ на ихъ составленіе), которые были бы близки къ интересамъ населенія мѣстнаго края, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Для послѣдней цѣли необходимы;

1) отмѣна циркуляровъ, запрещающихъ давать объясненія въ школахъ на малорусскомъ языкѣ, каковыя объясненія являются безусловно необходимыми и фактически несомнѣнно примѣняются и теперь, какъ неизбѣжныя;

2) статьи на малорусскомъ языкѣ въ учебникахъ должны быть допускаемы въ перемежку съ русскими и церковно-славянскими статьями, если только нельзя сдѣлать русскаго языка особымъ предметомъ преподаванія въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ и вести все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ;

---

[1]) „Новое Время“, 1904 г., № 10327, отъ 29 ноября.

3) малорусскія книги должны быть допущены въ библіотеки школъ и народныя на равныхъ правахъ съ русскими, какъ развивающій матеріалъ;

4) такъ какъ для развитія популярной научной литературы на малорусскомъ языкѣ, равно и переводной литературы, существуютъ спеціальныя цензурныя ограниченія, какихъ нѣтъ ни для одной національной литературы въ предѣлахъ Россіи, то необходимо снятіе спеціальныхъ ограниченій, т.-е. отмѣна циркулярнаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 мая 1876 года.

Медицинскія народныя брошюры и рѣшеніе этого вопроса въ кіевской уѣздной управѣ. Въ № 210 газ. «Волынь» помѣщена по этому поводу слѣдующая замѣтка *Гр. Сѣгобочнѣго.*

Прочелъ заключеніе кіевской уѣздной управы на постановленіе совѣщанія участковыхъ врачей кіевскаго уѣзда и удивился.

Совѣщаніе признало, что, въ цѣляхъ широкаго распространенія среди населенія популярно-научныхъ свѣдѣній о заразныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ предосторожности и леченія ихъ, весьма полезно издать на земскія средства брошюры и листки на языкѣ малорусскомъ.

Казалось бы, что въ этомъ вопросѣ, т. е. въ вопросѣ, на какомъ языкѣ распространять среди народа элементарныя понятія по медицинѣ, гигіенѣ, санитаріи и пр., не должно быть двухъ мнѣній.

Человѣкъ безпристрастный, не задающійся никакими предвзятыми цѣлями, ничего общаго не имѣющими съ народными интересами, особенно, когда рѣчь идетъ о народномъ здравіи, если бы ему предложили такой вопросъ, непремѣнно отвѣтилъ бы, что разъ мы хотимъ, чтобы народъ насъ понималъ, чтобы наша рѣчь и заключающіяся въ ней извѣстныя понятія шли непосредственно къ сердцу народа, мы должны говорить къ нему на его родномъ языкѣ. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ приносить содержаніе въ жертву формѣ.

Правило это давно уже стало аксіомой. А между тѣмъ, не такъ поступила кіевская уѣздная управа: давъ свое заключеніе на постановленіе врачей, она признала желательнымъ издать брошюры на русскомъ языкѣ, а не на родномъ для населенія—малорусскомъ.

Спрашивается, не приноситъ ли здѣсь уѣздная управа содержаніе въ жертву формѣ? И это въ то время, когда, напримѣръ, полтавское земство постановило ходатайствовать о допущеніи въ программы

народныхъ школъ малорусскаго языка, какъ особаго предмета (см. № 340 «К. Г.»). Въ такомъ же духѣ высказались, какъ извѣстно, и многіе комитеты особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а по затронутому нами вопросу спеціально бывшій начальникъ края ген.-адъютантъ Драгомировъ, не обвинуясь, высказался за распространеніе брошюръ и листковъ по медицинѣ, гигіенѣ и пр. въ народѣ на родномъ для этого народа языкѣ. Да и должно ли быть, повторяемъ, иначе, если смотрѣть съ точки зрѣнія пользы для народа?

Предполагаемый украинскій журналъ. Какъ сообщаетъ «Придн. Кр.», проживающій въ г. Екатеринославѣ З. В. Ткаченко подалъ въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе о разрѣшеніи ему издавать на украинскомъ языкѣ еженедѣльный журналъ— «Этнографычный Вистникъ—Село».

Областной музей имени А. Н. Поля. Городъ Екатеринославъ украсился превосходнымъ зданіемъ, строго дорическаго стиля, областнымъ музеемъ имени А. Н. Поля.

Музей сооруженъ, благодаря энергіи и, можно сказать, отвагѣ предсѣдателя екатеринославской губернской управы, М. В. Родзянко. Благодаря же вниманію нашего городского головы А. Я. Толстикова, музей построенъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ города, на Соборной площади, противъ памятника Императрицы Екатерины II и каѳедральнаго собора.

Стоимость всего зданія обойдется около 80,000 рублей, но за то во всемъ городѣ до сихъ поръ не было такого превосходнаго зданія, какъ областной музей имени А. Н. Поля.

Сооруженный по первоначальному плану гражданскаго инженера Панафутина, онъ положительно плѣняетъ и своей красотой, и своей грандіозностью.

Музей предназначенъ увѣковѣчить имя дорогого для всего Новороссійскаго края человѣка, А. Н. Поля, обогатившаго край открытіемъ желѣзной руды въ Кривомъ-Рогѣ, а также способствовавшаго возникновенію множества въ нашемъ краѣ чугунно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ, хлопотавшаго о постройкѣ екатеринин-

ской желѣзнодорожной вѣтки, а также о сооруженіи противъ г. Екатеринослава, черезъ рѣку Днѣпръ, колоссальнаго моста.

Уже тотчасъ послѣ смерти А. Н. Поля въ Екатеринославѣ поднятъ былъ вопросъ объ увѣковѣченіи имени А. Н. Поля постановкой ему монумента на видномъ мѣстѣ города.

Но затѣмъ, вмѣсто монумента, рѣшили увѣковѣчить имя А. Н. Поля сооруженіемъ зданія областного музея, куда можно было-бы собирать всевозможные предметы старины, а также и предметы естественныхъ богатствъ края, предметы палеонтологіи, этнографіи и всякіе другіе раритеты, которые будутъ случайно и неслучайно находимы въ разныхъ мѣстахъ края.

Для наполненія музея предметами старины и другими рѣдкостями, совѣтъ музея обратился съ просьбой къ извѣстнымъ южно-русскимъ коллекціонерамъ, и первымъ на такую просьбу откликнулся проф. Д. И. Эварницкій, принесшій въ даръ всю свою коллецкію козацкихъ и другихъ древностей, собранную имъ въ теченіе двадцати лѣтъ при разъѣздахъ по различнымъ мѣстамъ бывшаго Запорожья.

Въ настоящее время проф. Д. И. Эварницкій состоитъ директоромъ областного музея и продолжаетъ пополнять его цѣнными курганными находками, какія не всегда можно видѣть и въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ.

Такъ, въ 1903 году Д. И. Эварницкій разрылъ 47 кургановъ въ предѣлахъ екатеринославской губерніи и всѣ добытыя древности доставилъ въ областной музей имени Поля.

Въ минувшемъ году онъ разрылъ 23 кургана и также всю свою археологическую добычу помѣстилъ въ областномъ музеѣ. Кромѣ того, объѣзжая Новороссійскій край, онъ знакомился съ другими коллекціонерами и всякими доводами убѣждалъ ихъ нести свое добро въ общую сокровищницу, екатеринославскій областной музей имени Поля.

Такъ, имъ получены и доставлены въ музей слѣдующія коллекціи древностей: А. А. Иваненко въ с. Андреевкѣ, александровскаго уѣзда; Я. П. Новицкаго въ г. Александровскѣ; П. М. Сочинскаго въ Новомосковскѣ; Н. С. Бѣлаго въ г. Павлоградѣ; Д. Н. Мартынова, бывшаго екатеринославскаго теперь варшавскаго губернатора; Н. П. Корнилова и П. П. Зуйченка въ г. Екатеринославѣ; Великаго князя Михаила Николаевича въ с. Покровскомъ, екатеринославскаго уѣзда; наконецъ, въ самое послѣднее время Д. И. Эварницкій привезъ для областного музея изъ г. Полтавы 300 штукъ шитыхъ малороссійскихъ

хустокъ, 100 штукъ шитыхъ старинныхъ рушниковъ и нѣсколько десятковъ малороссійскихъ узорчатыхъ писанокъ; въ самомъ же Екатеринославѣ онъ добылъ у внука послѣдняго кошевого атамана запорожскихъ козаковъ Осипа Михайловича Гладкаго, собственноручныя записныя атаманскія книжки.

Для собиранія предметовъ этнографіи вызванъ былъ изъ харьковской губерніи извѣстный этнографъ В. А. Бабенко, который въ теченіе весны и минувшаго лѣта на средства, ассигнованныя предсѣдателемъ губернской управы, М. В. Родзянко, объѣздилъ, по указанію проф. Д. П. Эварницкаго, пять уѣздовъ екатеринославской губерніи и доставилъ въ музей огромный и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнный этнографическій матеріалъ.

Съ весны будущаго года г. Бабенко объѣздитъ остальные уѣзды нашей губерніи, и тогда областной музей имени Поля будетъ имѣть полностью этнографическій отдѣлъ.

Наконецъ, областной музей имени Поля будетъ имѣть и особый отдѣлъ церковныхъ древностей.

По предложенію его преосвященства, епископа екатеринославскаго и таганрогскаго Симеона, въ ознаменованіе столѣтія существованія екатеринославской духовной семинаріи, на съѣздѣ духовенства минувшаго лѣта постановлено было передать всѣ церковныя древности въ областной музей имени Поля, для чего ассигновать 1,000 рублей на изготовленіе витринъ, просить директора музея, Д. И. Эварницкаго, обсудить вопросъ о витринахъ совмѣстно съ гражданскимъ инженеромъ Панафутинымъ и принять церковныя древности въ свое вѣдѣніе.

Такимъ образомъ, г. Екатеринославъ въ настоящее время можетъ съ достоинствомъ принять у себя археологическій съѣздъ, который имѣетъ быть въ будущемъ 1905 году, въ августѣ мѣсяцѣ, и привлечетъ въ нашъ городъ многія не только русскія, но и заграничныя ученыя силы. («Приднѣпровск. Край», № 2355).

Археологическая находка. Близъ с. Андреевки, александровскаго уѣзда, крест. Гирманъ, разрывая на собственной землѣ курганъ, нашелъ въ немъ рѣдкія въ археологическомъ смыслѣ вещи: жабу, черепаху и кабана—всѣ три изъ камня-песчаника, причемъ одинъ кабанъ—до трехъ пудовъ вѣса. Крестьянинъ Гирманъ не придалъ ни-

какого значенія такимъ находкамъ, а потому каменная жаба была разбита, черепаха пошла, вмѣсто стояна, подъ деревянный «млынъ» (мельницу), а кабанъ былъ привезенъ въ село и поставленъ возлѣ хаты Гирмана, откуда его деревенскіе хлопцы вытаскивали на средину дороги и „смалили" для собственной потѣхи. Обо всемъ этомъ случайно узналъ московскій студентъ Б. К. Жукъ, объѣзжавшій пороги Днѣпра по указанію проф. Д. И. Эварницкаго и сообщившій объ этомъ профессору въ Москву. Въ настоящее время каменный кабанъ, благодаря Я. П. Новицкому, ѣздившему въ с. Андреевку къ крест. Гирману, доставленъ въ Екатеринославъ и водворенъ въ областной музей имени А. Н. Поля. Остается лишь пожалѣть, что остальныя находки—каменная жаба и черепаха—не попали въ музей. Можетъ быть, черепаху какъ-нибудь можно будетъ извлечь изъ-подъ „млына", но жаба совершенно исчезла для науки. Съ наступленіемъ весны курганъ на землѣ крест. Гирмана будетъ обслѣдованъ Д. И. Эварницкимъ и все, что въ немъ будетъ найдено, сдѣлается достояніемъ науки.

Постановленія Полтавскаго губернскаго земскаго собранія, касающіяся украинскаго вопроса. Состоявшееся въ первой половинѣ декабря прошлаго года очередное Полтавское губернское земское собраніе, отличавшееся вообще большой оживленностью и затронувшее много живыхъ и насущныхъ вопросовъ земской жизни, между прочимъ коснулось и вопросовъ, связанныхъ съ мѣстными нуждами населенія въ области просвѣтительной. Всѣ эти вопросы обсуждались съ полной объективностью, вполнѣ корректно, и въ результатѣ получились слѣдующія постановленія земскаго собранія:

1) По вопросу объ изданіи газеты для народа, рѣшено ходатайствовать о разрѣшеніи Полтавскому губернскому земству издавать ежедневно „Листъ Полтавскаго Земства", по цѣнѣ 2 р. въ годъ, при чемъ статьи могутъ помѣщаться, и на русскомъ, и на малорусскомъ языкахъ, въ зависимости отъ желанія авторовъ.

2) По вопросу о премированіи популярнаго руководства по земледѣлію и о выработкѣ правилъ для составленія такого руководства, возникъ споръ о томъ, должно-ли быть такое руководство написано исключительно на русскомъ языкѣ, или должна быть предоставлена авторамъ возможность излагать его на малорусскомъ языкѣ

Громаднымъ большинствомъ собраніе постановило: внести въ правила пунктъ о представленіи на премію руководствъ на обоихъ языкахъ.

3) По вопросу о допущеніи въ библіотеки-читальни и школьныя библіотеки книгъ на малорусскомъ языкѣ, земское собраніе не только высказалось за необходимость допущенія ихъ, но рѣшило возбудить вообще ходатайство объ отмѣнѣ закона 18-го мая 1876 года, стѣсняющаго печатаніе книгъ на малорусскомъ языкѣ, и въ частности—научно-популярныхъ изданій для народа.

4) По докладу управы объ устраненіи нѣкоторыхъ препятствій, мѣшающихъ дѣлу народнаго образованія, затронутъ былъ, между прочимъ, вопросъ о необходимости составленія такихъ учебниковъ, которые были-бы приноровлены къ условіямъ мѣстной жизни, при чемъ управа предлагала ходатайствовать о разрѣшеніи учительскому персоналу права пользоваться малорусскимъ языкомъ, какъ объяснительнымъ при обученіи грамотѣ. Вопросъ этотъ въ земскомъ собраніи былъ поставленъ значительно шире, а именно: малорусскій языкъ въ школѣ долженъ быть поставленъ не только какъ помогающій объясненію, но какъ изучаемый наряду съ государственнымъ. Помимо того педагогическаго значенія, какое можетъ имѣть для успѣшнаго хода ученія родной языкъ, есть еще и другая сторона—нравственно-воспитательная: изученіе родной рѣчи въ школѣ заставить дѣтей уважать тотъ языкъ, который есть достояніе его семьи, и не стараться, яко-бы во имя ложной культурности, говорить на какомъ-то коверканномъ языкѣ, отдаленномъ значительно отъ родного и еще болѣе недошедшемъ до правильной русской рѣчи. Ввиду этихъ мотивовъ, собраніе постановило ходатайствовать о допущеніи права земствамъ вводить въ школьный курсъ изученіе малорусскаго языка, проводя это изученіе черезъ всю школу.

5) По предложенію одного изъ гласныхъ, земское собраніе постановило поддержать ходатайство золотоношскаго земства о постановкѣ общественнаго памятника Т. Г. Шевченку и объ открытіи для этой цѣли подписки. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило управѣ выработать проектъ предстоящаго въ 1911 г. чествованія 50-тилѣтія со дня смерти Шевченка со стороны Полтавскаго земства.

50-тилѣтній юбилей Д. Л. Мордовцева. 22 января текущаго года въ Петербургѣ предположено устроить чествованіе одного изъ старѣйшихъ литераторовъ русскихъ, не мало потрудившагося и на

нивѣ украинскаго слова, Даніила Лукича Мордовцева, по поводу исполнившагося 50-тилѣтія его литературной дѣятельности.

Украинскій декламаторъ. Книгоиздательствомъ «Современникъ» получено разрѣшеніе главнаго управленія по дѣламъ печати на изданіе сборника избранныхъ малорусскихъ стихотвореній для декламаціи. Въ сборникъ войдетъ много малорусскихъ орнаментовъ и портретовъ малорусскихъ писателей и артистовъ.

Злоключенія галиційскихъ сичей. Подъ такимъ заглавіемъ въ «Вѣстн. Юга» отъ 5 дек. 1904 г. напечатана слѣд. замѣтка. Такъ приходится назвать событія, происходящія теперь съ деревенскими корпораціями въ Галиціи, очерку которыхъ была посвящена моя путевая замѣтка («Запорожская сичь съ новымъ содержаніемъ» въ 688 № „Вѣстника Юга“ отъ 15 августа 1904 г.).[1] Когда я присутствовалъ на праздникѣ открытія новой „сичи“ въ Галичѣ, я радовался тому, что хотя часть родственнаго намъ народа пользуется возможностью свободно развивать эти полезныя организаціи. Но все на свѣтѣ не вѣчно... Идиллическое благополучіе „сичей“ кончилось, и настала борьба и гоненія на нихъ, возникла цѣлая эпопея преслѣдованій ихъ, которая занимаетъ вниманіе всей галицiйской прессы и отразилась даже въ вѣнской журналистикѣ...

Какъ я говорилъ въ моей замѣткѣ, „сичи“ представляютъ собою гимнастическія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вольныя пожарныя общества, членами которыхъ состоитъ деревенская мужская молодежь въ селахъ восточной Галиціи. Кромѣ своего техническаго назначенія, эти общества имѣютъ широкое просвѣтительное и моральное значеніе, ибо въ основаніе ихъ положенъ, хотя и не названъ, девизъ „свѣтъ и солидарность“. Вотъ эта вторая часть девиза и послужила камнемъ преткновенія, возбудила разныя подозрѣнія (для чего солидарность?) въ средѣ господствующей въ Галиціи народности—поляковъ. Къ ней примкнула партія русиновъ, вообще заигрывающая теперь съ поляками, и вотъ, онѣ вмѣстѣ возбудили цѣлый рядъ преслѣдованій противъ сичей, пользуясь для этого всѣми средствами.

Чтобы понять возникшія подозрѣнія и опасенія, надо вспомнить, что повсемѣстный въ восточной Галиціи „страйкъ“ (земледѣльческія

---

[1]) См. объ этой брошюрѣ въ отдѣлѣ „Библіографіи“.

стачки), бывшій въ 1902 г., сильно напугалъ помѣстный слой страны, представителями котораго состоятъ поляки и богатые евреи. „Страйкъ" былъ очень мирный сначала, держался въ границахъ законности, но чрезвычайно стойкій и почти всеобщій. Онъ угрожалъ крупнымъ землевладѣльцамъ, что весь урожай того года пропадетъ на поляхъ, если не будетъ повышена заработная плата рабочихъ, кстати сказать— необычайно низкая во всей Галиціи. Это испугало „пановъ", польская пресса объявила Галицію „объятою хлопскимъ мятежомъ", въ Вѣну помчалась депутація отъ помѣщиковъ съ просьбою къ Керберу представить ее императору и подавить „мятежъ" военною силою. Министръ принялъ депутацію холодно, аудіенцію съ императоромъ отклонилъ и заявилъ, что улаженіе „страйка" есть дѣло самихъ помѣщиковъ. Въ дополненіе къ этому печальному исходу депутаціи, газеты оповѣстили еще большій скандалъ: уніатскій митрополитъ, графъ Шептицкій, потомокъ древняго польскаго рода, владѣющій обширными помѣстьями въ Галиціи, телеграфировалъ своимъ управляющимъ, чтобъ они согласились на всѣ требованія „страйкующихъ". Это извѣстіе подлило масла въ огонь, и страйкъ еще больше окрѣпъ. Паны стали перевозить на свои неубранныя поля „мазуровъ" изъ западной Галиціи, но русины встрѣчали ихъ враждебно, не давали имъ работать, возникали схватки на поляхъ, которыя давали поводъ полиціи вмѣшиваться, призывая иногда солдатъ; русиновъ арестовывали, карали штрафами и короткимъ заключеніемъ въ тюрьмы. Но ничто не помогало: страйкъ держался, возбуждаемый массою брошюръ, распространенныхъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Брошюры излагали статьи закона, допускающаго стачки, и настаивали держаться крѣпче, не выходя изъ границъ дозволеннаго. Въ большинствѣ случаевъ возникновенія стачекъ, страйкующіе выиграли, и заработная плата, какъ денежная, такъ и натурою („со снопа", „съ копны" и т. п.) была повышена вдвое, втрое, и панскій хлѣбъ убранъ.

Вотъ эта стачка 1902 года и преисполнила пановъ большимъ страхомъ къ тому, чтобы „страйкъ" не обратился въ хроническое ежегодное явленіе, которое будетъ проявляться не только въ экономической области, но и въ политической, напримѣръ—при выборахъ въ сеймъ и парламентъ. Словомъ, боялись, что „хлопъ поднимаетъ голову", хотя и въ легальной формѣ, на основаніи законовъ конституціонной Австріи. Слѣдовательно, надо всѣми мѣрами предотвращать возможность сплоченія народа, а между тѣмъ сичи съ своимъ основнымъ принципомъ

„свѣтъ и солидарность" какъ разъ могли сыграть опасную роль... Такъ думали паны, землевладѣльцы-евреи и попы. Эта боязнь раздула *въ ихъ воображеніи* сичи въ революціонныя организаціи, которыя грозятъ благополучному существованію въ странѣ поляковъ, евреевъ и вообще пановъ. Извѣстно, когда людьми овладѣваетъ паника, то перекатываясь волною отъ одного лица къ другому, она упраздняетъ разумъ и реальность вещей, и по мѣрѣ того, какъ молва удаляется отъ первоисточника, къ ней приростаютъ все новыя измышленія, одно другого чудовищнѣе.. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Сначала слухи и газеты польскія выражали смутныя опасенія, а потомъ прямо утверждали, что „сичи ведутъ къ гайдамачинѣ", «хлопы вырѣжутъ пановъ и жидовъ», что организація ихъ имѣетъ въ виду именно такую цѣль...

Конечно, далеко не всѣ распространители этихъ слуховъ искренно вѣрили этому, многіе изъ нихъ отлично понимали ложность своихъ опасеній, но надо было сдѣлать какъ можно больше шума, обратить вниманіе предержащихъ властей—и имъ это вполнѣ удалось.

Еще въ концѣ 1903 года послышались громы съ церковныхъ кафедръ противъ сичей и предостереженія противъ Трильовскаго, какъ „исчадія ада"; начались гоненія со стороны училищнаго вѣдомства на народныхъ учителей и учительницъ, сочувствующихъ сичамъ, стали переводить ихъ „на мазуры" (въ Зап. Галицію), а нѣкоторыхъ вовсе увольняли; попы-украйнофилы также терпѣли не мало непріятностей. Но все это не имѣло никакого вліянія на развитіе «сичевого руха», который быстро и энергично росъ, благодаря неутомимости иниціатора ихъ—Трильовскаго. Сичъ за сичью открывались то въ одномъ, то въ другомъ селѣ, сичевые съѣзды и праздники, сопровождавшіе ихъ, справлялись шумно, красиво и безукоризненно мирно. Ничто въ поведеніи сичей не давало повода придраться къ нимъ и найти какое нибудь нарушеніе той или иной статьи конституціи. Это злило враговъ и побуждало ихъ тѣмъ громче клеветать на сичи, усматривая грозные признаки даже въ ношеніи сичевиками знаковъ корпораціи (ленты черезъ плечо, деревянные «топорцы», фольговыя звѣзды) и строевыхъ «походахъ» въ церковь и т. п. Но все это было недостаточно для того, чтобы возбудить законное преслѣдованіе ихъ судомъ. Тогда были пущены въ ходъ болѣе дѣйствительныя средства: явились лжесвидѣтели, которые утверждали предъ лицомъ власти, что на сичевыхъ «зборахъ», въ рѣчахъ ораторовъ, и, главнымъ образомъ,—

Трильовскаго, они слышали „оскорбленіе Величества", противозаконныя намѣренія и угрозы. Газетныя сообщенія и частные слухи то же самое утверждали...

Это было уже иное дѣло и давало поводъ къ обвиненію въ нарушеніи конституціи. Началось явное и законное преслѣдованіе сичей, которое особенно разгорѣлось весною 1904 года.

Въ мартѣ былъ произведенъ у Трильовскаго тщательный обыскъ, и онъ привлекается къ суду на основаніи лжесвидѣтельскихъ показаній. Процессъ его будетъ чрезвычайно интересенъ, потому что онъ выяснитъ настоящую цѣль организаціи сичей; защищать его будетъ лучшій адвокатъ въ Галиціи и ораторъ въ сеймѣ—Олесницкій, хотя самъ Трильовскій тоже извѣстный адвокатъ.

Вмѣстѣ съ нимъ будетъ судиться сичевикъ Войчукъ, заключенный въ тюрьмѣ уже 5 мѣсяцевъ. Судъ будетъ происходить во Львовѣ въ декарѣ с. г. Послѣ обыска у Трильовскаго (онъ не былъ арестованъ) былъ конфискованъ изданный имъ въ 1903 г. календарь для сичевиковъ подъ названіемъ „Запорожецъ". Этотъ календарь 3—4 мѣсяца свободно циркулировалъ во всей Галиціи, продавался въ магазинахъ, распространялся во множествѣ среди народа, и ничего преступнаго никто не находилъ въ немъ, а въ мартѣ 1904 г. онъ оказался достойнымъ запрета. Но этого было мало врагамъ сичей, которые ожидали, что обыскъ у Трильовскаго обнаружитъ нивѣсть какія злоумышленія, а въ результатѣ оказался обнародованный календарь и смутныя показанія лжесвидѣтелей о преступныхъ рѣчахъ Трильовскаго на «зборахъ січевыхъ». Поэтому надо было создать нѣчто болѣе страшное и угрожающее общественному спокойствію.

И вотъ въ маѣ с. г. полетѣли во Львовъ изъ села Жабьего (въ Карпатахъ) телеграммы, извѣщающія начальство и газеты, что въ Жабьемъ готовится возстаніе гуцуловъ, которые намѣрены «вырѣзать всѣхъ пановъ и жидовъ». Тотчасъ было послано въ Жабье войско, которое, къ величайшемъ своему изумленію, нашло въ Жабьемъ полнѣйшее спокойствіе и отсутстіе всякихъ признаковъ народнаго возмущенія или даже волненія...

Войско возвратилось назадъ, видя, что ему нечего дѣлать тамъ, но мѣстное „староство" никакъ не хотѣло согласиться съ тѣмъ, что гайдамачины нѣтъ и не предвидится", и арестовало необыкновенно энергичнаго организатора сичей, гуцула Юру Соломійчука, стоявшаго во главѣ мѣстной сичи, считавшей своихъ членовъ въ количествѣ

800 человѣкъ. Этотъ Юра Соломійчукъ давно мозолилъ глаза мѣстнымъ „панкамъ", какъ неутомимый и ловкій человѣкъ, сумѣвшій сплотить такое множество людей. Вмѣстѣ съ нимъ было арестовано еще нѣсколько сичевиковъ и священникъ Попель, поощрявшій развитіе сичей. Чрезъ три дня священника освободили, а Соломійчука держали въ въ тюрьмѣ 6 недѣль. Послѣ процесса Трильовскаго будутъ судить въ колоніи Соломійчука съ двѣнадцатью другими сичевиками, и защищать ихъ будутъ: Трильовскій, Олесницкій и третій адвокатъ, фамиліи котораго я не помню. Сичевики, какъ и вся русинская интеллигенція, ожидаютъ этихъ процессовъ съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо разъ дѣло поставлено на судебную почву, а не административно карается, то надо думать, что вздутый миѳъ относительно сичей разсѣется, и сичи будуть вполнѣ легализированы. Это нужно тѣмъ болѣе потому, что частныя, преслѣдованія сичей не прекращаются до сихъ поръ, и подъ тѣмъ или инымъ формальнымъ предлогомъ въ теченіе 1904 года было закрыто до 20 сичей.

Правда, что эти преслѣдованія имѣли совершенно неожиданный результатъ: народъ не только не испугался ихъ, но сталъ приливать къ сичамъ съ такой охотой и энергіей, какихъ не обнаруживалъ прежде. Вотъ цифры: до 1904 года считалось всѣхъ сичей въ Галиціи и Буковинѣ 120—130, а теперь въ Галиціи—250, въ Буковинѣ—60. Общая организація сичей имѣетъ свой литературный органъ „Новый громадскій голосъ"; сичевые съѣзды и праздники справляются такъ-же помпезно, какъ и прежде, организаторы ихъ не унываютъ и планы ихъ все больше расширяются: въ маѣ 1905 г. Трильовскій подалъ въ министерство на утвержденіе проектъ „украинскаго сичевого союза", который имѣетъ цѣлью связать всѣ сичи въ Галиціи и Буковинѣ въ одну организацію. Все это происходитъ въ то время, когда сичевики и творецъ сичей готовится предстать предъ судомъ, который вѣдь можетъ и покарать ихъ болѣе или менѣе долговременнымъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ. Такова сила вѣры въ справедливость гласнаго и нелицепріятнаго суда, а можетъ быть тутъ дѣйствуетъ сила вѣры въ идею дѣла, не взирая на личныя невзгоды?!...

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ Буковинѣ сичи развиваются безпрепятственно, и буковинское правительство (тамъ есть свой парламентъ) не мѣшаетъ имъ. Когда въ августѣ 1904 года былъ въ Буковинѣ министръ президентъ Керберъ, то мѣстныя сичи устроили ему

торжественный парадъ, который былъ принятъ министромъ очень благосклонно. Не то было въ Галиціи, во Львовѣ, куда Керберъ пріѣзжалъ заручиться поддержкою поляковъ въ парламентѣ для своей политики противъ чеховъ. Здѣсь Керберъ весьма холодно отнесся къ депутаціи сичевиковъ, пришедшихъ подать ему жалобу на преслѣдованіе сичей, а двухъ депутатовъ даже велѣлъ подвергнуть легкимъ карамъ за то, что они имѣли на себѣ ленты, корпоративные знаки. Чтобы понять такую разницу отношенія къ одному и тому же явленію, надо имѣть въ виду, что Керберъ искалъ симпатіи въ своей политикѣ среди знати польской, а графъ Потоцкій, намѣстникъ Галиціи, въ домѣ котораго и остановился Керберъ, есть ярый ненавистникъ сичей... [1])

Л. Ж.

Народная рада и народный съѣздъ во Львовѣ. Во Львовѣ въ залѣ «рускои бесиды», состоялось общее собраніе галицкаго политическаго общества «народная рада», а затѣмъ „народный съѣздъ“. Главнымъ предметомъ совѣщанія было современное положеніе политическихъ дѣлъ русинскаго народа. «Народный съѣздъ» констатировалъ крайнюю безотрадность современнаго положенія дѣлъ и выразилъ протестъ противъ австрійскаго правительства, отдавшаго русинскій народъ всецѣло во власть галицкаго сейма, въ которомъ большинство состоитъ изъ представителей польско-шляхетской партіи и мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, и задерживающаго, такимъ образомъ, самостоятельное развитіе русинскаго народа. Русинскому сеймовому клубу, и особенно главѣ его д-ру Олесницкому, было выражено съѣздомъ довѣріе и признательность за неустанную дѣятельность въ дѣлѣ огражденія правъ русинскаго народа; но, въ виду слабой дѣятельности оппозиціи, указано было на необходимость принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ парламентской борьбы какъ въ галицкомъ сеймѣ, такъ и въ рейхсратѣ. Въ заключеніе съѣздъ призывалъ всѣ русинскія демократическія организаціи къ непрерывной интенсивной дѣятельности въ дѣлѣ культурнаго, экономическаго и политическаго развитія народныхъ массъ. (Спб. В.).

---

[1]) Процессъ надъ сичевиками уже закончился; д-ръ Трильовскій приговоренъ къ 6 недѣлямъ ареста, а Войчукъ—къ 3 недѣлямъ строгаго ареста. *Ред.*

Развитіе русинской школы въ Буковинѣ въ 1895—1904 гг. Черновицкая «Буковина» дѣлаетъ обозрѣніе тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлала школа въ Буковинѣ за истекшее десятилѣтіе. Если въ 1894 г. вообще школы Буковины не могли похвалиться своимъ развитіемъ, то о русинской школѣ это приходится сказать съ еще большимъ правомъ: изъ 319 народныхъ школъ Буковины на долю русинскихъ приходилось всего лишь 120 школъ, притомъ 3/4 ихъ были одноклассныя (всего 2—трехклассныя и 3—четырехклассныя).* Въ 157 классахъ этихъ школъ, при такомъ же числѣ учителей, обучается только около 40 проц. всѣхъ русинскихъ дѣтей, обязанныхъ по закону посѣщать школу (36,000 чел.). Въ половинѣ 90-хъ годовъ русины начинаютъ проникать въ составъ провинціальнаго школьнаго совѣта и окружныхъ совѣтовъ; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ они—уже въ большинствѣ. Появляются и школьные инспектора изъ русиновъ. Скоро начинаютъ сказываться и результаты этихъ успѣховъ. Въ черновицкомъ университетѣ устраиваются первыя русинскія каѳедры. При 2-ой черновицкой гимназіи открывается нѣсколько русинскихъ классовъ, а въ Клумани—и цѣлая русинская гимназія; при 2-ой гимназіи въ Черновицахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ введены особые курсы русинскаго языка. Появляется цѣлый рядъ учебныхъ книгъ. Особенно же замѣтно стало улучшеніе въ области народной школы. Въ настоящее время изъ 392 буковинскихъ школъ русинскихъ школъ 174, причемъ 30 изъ нихъ—трехклассныя и 33—четырехклассныя, 16—пятиклассныхъ и 9—шестиклассныхъ. За 10 лѣтъ прибавилось 54 русинскихъ школы и 340 классовъ. Дѣтей школьнаго возраста насчитывается теперь въ Буковинѣ болѣе 40,000; 85 проц. этого количества обучается въ школѣ. («Спб. Вѣд.», № 347).

Количество періодическихъ изданій во Львовѣ. Весьма интересныя свѣдѣнія о количествѣ выходящихъ во Львовѣ періодическихъ изданій сообщаетъ правительственный отчетъ. Въ началѣ 1904 года всего періодическихъ изданій выходило во Львовѣ 107, въ теченіе же 1904 г. число ихъ увеличилось на 53, такъ что въ настоящее время выходитъ во Львовѣ 160 періодическихъ изданій. Изъ этого числа 110 изданій выходитъ на польскомъ языкѣ, 45 изданій на русинскомъ яз. (что составляетъ, между прочимъ, 65 проц. всѣхъ выходящихъ на русинскомъ яз. въ Европѣ и Америкѣ періодическихъ

изданій, которыхъ въ общемъ, 69), 3 газеты на еврейскомъ яз. и 3—на еврейскомъ жаргонѣ. Изъ общаго числа выходящихъ въ настоящее время періодическихъ изданій, въ 1904 г. возникло вновь на польскомъ яз. 18 изданій, на русинскомъ—20. Нѣмецкихъ газетъ во Львовѣ и во всей Галиціи не издается совершенно.

Нѣкоторое улучшеніе въ дѣлахъ галицкихъ. Старшина русинскаго парламентскаго клуба г. Романчукъ въ рѣчи своей, произнесенной въ вѣнской палатѣ депутатовъ, говоря о положеніи русиновъ въ Галиціи и объ отношеніи къ нимъ польскаго сеймоваго большинства, счелъ необходимымъ отмѣтить «нѣкоторое улучшеніе», происшедшее, по его словамъ за послѣднее время въ этомъ направленіи. Такъ какъ, тѣмъ не менѣе, и г. Романчукъ, и его единомышленники-сородичи продолжаютъ оставаться недовольными существующимъ въ Галиціи порядкомъ вещей, то небезъинтересно выяснить, чѣмъ именно это «улучшеніе» обусловливается и чего русинское парламентское представительство добивается.

Улучшеніе это состоитъ, прежде всего, въ уступкахъ, сдѣланныхъ сеймовымъ большинствомъ русинамъ въ послѣднюю сессію, и вообще въ миролюбивомъ настроеніи, проявленномъ этимъ большинствомъ по отношенію къ оппозиціонному русинскому меньшинству.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что среди 159 членовъ упомянутаго сейма насчитываютъ всего на всего 19 русиновъ, изъ коихъ далеко не всѣ принадлежатъ къ оппозиціи, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ прошли на выборахъ прямо, какъ правительственные кандидаты.

Принимая во вниманіе требованія этого меньшинства, сеймъ постановилъ:

1) Открыть новую чисто-русинскую гимназію въ Станиславовѣ, такъ что русины располагаютъ въ настоящее время пятью національными гимназіями.

2) Ввести преподаваніе русинскаго языка, какъ обязательнаго предмета, постепенно и по указанію предсѣдателя автономнаго школьнаго совѣта, во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ и наоборотъ—преподаваніе польскаго въ русинскихъ. Эта мѣра имѣетъ въ виду, съ одной стороны, чтобы всѣ служащіе въ автономной администраціи понимали русинскій языкъ, съ другой же, чтобы русинская молодежь имѣла воз-

можность поступать на правительственную службу, гдѣ знаніе польскаго языка, какъ автономно-государственнаго, обязательно.

3) Предоставить въ только-что упомянутомъ автономномъ школьномъ совѣтѣ нѣсколько мѣстъ представителямъ русиновъ.

4) Выдать русинамъ 300,000 кронъ на постройку новаго русинскаго театра во Львовѣ на такихъ условіяхъ, на которыхъ въ свое время была выдана субсидія польскому театру въ Краковѣ.

5) Выдать, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 60,000 кронъ на разныя „культурныя цѣли" русиновъ, напримѣръ, театральной труппѣ общества «Бесѣда» (субсидія въ 17,500 кронъ), обществу имени Шевченка и т. д.

Уступки эти оппозиціонными русинами считаются ничтожными. Русины остаются недовольными не только своимъ настоящимъ положеніемъ въ Галиціи, но и вообще всѣмъ государственнымъ строемъ Австріи. Парламентскіе и сеймовые депутаты ихъ рѣшили требовать отъ центральнаго правительства слѣдующихъ реформъ:

1) Измѣненія государственнаго строя въ Австріи на основаніи введенія автономіи всѣхъ народностей.

2) Введенія всеобщей подачи голосовъ при парламентскихъ и сеймовыхъ выборахъ.

3) Строгаго соблюденія конституціонныхъ законоположеній.

4) Полнаго удовлетворенія всѣхъ культурныхъ и экономическихъ нуждъ русиновъ.

Наибольшее значеніе послѣдніе придаютъ введенію всеобщей подачи голосовъ при выборахъ, которое упразднило-бы существующія въ настоящее время избирательныя куріи. Они разсчитываютъ, что при такой реформѣ имъ удалось бы пріобрѣсти бо́льшее число голосовъ въ сеймѣ.

Библіографія.

Варшавскій военный журналъ 1904 г. П. А. Гейсманъ. Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 гг.

Въ «Варшавскомъ военномъ журналѣ» въ теченіи 1904 г. печатались П. А. Гейсманомъ документы, взятые изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба и рисующіе дѣятельность русскихъ войскъ и конфедерацій, составленныхъ при участіи России въ Польшѣ въ 1767—68 гг. Хотя эти архивные матеріалы и не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи Малороссіи, тѣмъ не менѣе уясненіе польско-русскихъ отношеній въ 1767 и 68 гг. важно для пониманія поднявшагося въ то время движенія на Украйнѣ и отношенія къ нему русскаго правительства. Печатаемые матеріалы не представляютъ собою особой научной цѣнности въ томъ смыслѣ, что не даютъ данныхъ для новыхъ историческихъ заключеній.

Матеріаламъ г. Гейсманъ предпосылаетъ свою объяснительную записку, которая представляетъ такое освѣщеніе польско-русскихъ отношеній того времени, съ которымъ трудно согласиться.

Трудно, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что тогдашній руководитель русской политики гр. Н. И. Панинъ былъ «опасный фантазеръ», что «его политическія идеи отличались характеромъ идиллическимъ» и т. п.

Если вы станете внимательно читать въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества записки, письма и проекты Панина, то вы скорѣе согласитесь не съ мнѣніемъ о немъ г. Гейсмана, а съ взглядомъ на него г. Чечулина, который въ своей докторской диссертаціи

«Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» (40 ч. «Записокъ ист.-филол. факульт. Спб. унив.», Спб. 1896 г.) съ вѣскими основаніями утверждаетъ, что Панинъ въ своей политикѣ прежде всего преслѣдовалъ выгоды Россіи (стр. 47), болѣе всего заботился о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ Россіи, о ея матеріальномъ усиленіи (102 стр.) и т. п. Упреки г. Гейсмана по адресу Панина, будто онъ не имѣлъ въ виду реальныхъ интересовъ Россіи и на каждомъ шагу своей польской политики дѣлалъ промахи, думается, прямо попадаютъ въ пустое мѣсто. Г. Гейсманъ представляетъ Панина рабомъ своей излюбленной «сѣверной системы» и думаетъ, что вся польская политика Панина сводилась къ тому, чтобы усилить Польшу до возможности ей стать сильнымъ союзникомъ Россіи. На самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: Панинъ часто поступается своей «сѣверной системой» и видитъ въ ней лишь средство, а не цѣль. Заботы его о Польшѣ сводятся къ тому, чтобы упрочить тамъ «инфлюэнцію» одной только Россіи, чтобы привлечь къ Россіи Польшу и поставить ее въ зависимость отъ Россіи и не дать другимъ государствамъ, давно съ аппетитомъ поглядывавшимъ на куски польскихъ земель, возможности осуществить свои желанія.

Установленіемъ гарантіи Россіи за положеніе дѣлъ въ Польшѣ въ 1768 г. достиглось торжество плановъ Панина; другіе сосѣди Польши должны были отступить. Недаромъ Т. Корзонъ считаетъ фактъ установленія русской гарантіи въ Польшѣ первымъ ударомъ, лишившимъ Польшу независимости. Польшѣ оставалось или подчиниться Россіи, или ждать раздѣловъ. Панинъ надѣялся на первое; раздраженные поляки, поддержанные извнѣ, ринулись на второе. Это была серьезная ставка Польши въ азартной дипломатической игрѣ: въ случаѣ выигрыша, Россія получила-бы всю Польшу; въ случаѣ проигрыша, она получала то, что ей досталось-бы и безъ тѣхъ усилій, на которыя Панинъ потратилъ нѣсколько лѣтъ.

Именно съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть и на фактъ отрицательнаго отношенія Россіи къ Коліивщинѣ. Не политическая деликатность, какъ утверждалъ М. О. Кояловичъ, не увлеченіе теоріей «сѣверной системы», какъ утверждаетъ г. Шульгинъ (авторъ «Очерка Коліивщины»), заставило Россію взяться за оружіе для подавленія украинскаго возстанія 1768 г.,—а чисто государственная точка зрѣнія—нежеланіе выпускать изъ своихъ рукъ всю Польшу. Позже Россіи пришлось отказаться отъ этой мысли, но въ 1768 г. надежды на

привлеченіе на свою сторону всей Польши въ Петербургѣ были еще сильны.

Дѣйствія Россіи по отношенію къ возстанію украинцевъ 1768 г. были ошибкой не съ государственной точки зрѣнія; эти дѣйствія игнорировали точки зрѣнія—религіозную, національную, соціальную, но не государственную.

И вообще въ своей польской политикѣ Панинъ обнаруживалъ замѣчательное пониманіе государственныхъ интересовъ Россіи, и напрасно въ этомъ отказываетъ ему г. Гейсманъ.

Вл. П—ко.

„Wiz i perewiz", czyli Ukraina Galicyjska w prawdziwem oświetleniu przez Ukrainca" *Lwów 1904. Cena 50 groszy.*

Подъ такимъ заглавіемъ появилась недавно во Львовѣ сенсаціонная книжка, выходу которой изъ печати предшествовало усердное рекламированіе громадными афишами, мозолившими на каждомъ шагу глаза даже не любопытнаго прохожаго. Этотъ chef-d'oeuvre печатался сначала въ польскомъ «Reformator'ѣ» въ видѣ фельетоновъ, а потомъ уже въ видѣ оттиска выпущенъ былъ отдѣльной книжкой. Сердобольный авторъ охаетъ и вздыхаетъ надъ долей несчастной Украины и въ своемъ великодушіи рѣшается ей помочь, употребивъ для этого самое радикальное средсто—забрасываніе грязью всѣхъ ея виднѣйшихъ дѣятелей (Рѣчь все время идетъ объ Украинѣ Галицкой. Чтобы не обидѣть Украину Россійскую, авторъ обѣщаетъ поговорить о ней въ слѣдующей книгѣ). Посмотримъ же, какъ справляется со своей задачей этотъ рыцарь новыхъ временъ, считающій клевету самымъ благороднымъ оружіемъ.

Авторъ начинаетъ извѣстными словами Шевченка.

Кляти! Кляти!
Де жъ слава ваша? На словахъ.
Де ваше золото, палаты,
Де власть велыкая? Въ склепахъ.
Въ склепахъ поваленыхъ катамы
Такымы жъ самымы якъ вы.

Жылы вы лютымы звирьмы,
А въ свыни перейшлы!!

По одному этому вступленію уже можно предположить, каковъ будетъ тонъ статьи. Но вначалѣ, однако, «все обстоитъ благополучно». Авторъ со слезами на глазахъ скорбитъ о междоусобной войнѣ, ведущейся между родственными народами—поляками и русинами. Онъ предвидитъ ея печальный конецъ, печальный для обѣихъ борющихся сторонъ, потому что и побѣдитель для одержанія побѣды долженъ понести много жертвъ. Но наиболѣе тяжело война эта отразится на русинахъ, которые, несомнѣнно, будутъ побѣждены. Это послѣднее положеніе авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать во что бы то ни стало, а такъ какъ ему не хотѣлось поискать экономическихъ и культурныхъ данныхъ, на которыхъ можно бы было обосновать подобное предположеніе, то онъ обратился къ способу доказательства гораздо болѣе легкому и простому, но въ то же время ничего общаго съ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу не имѣющему.

Предвидя то впечатлѣніе, которое должно произвести на читателя его произведеніе, и тѣ догадки, которыя помимо воли должны прійти въ голову каждому по прочтеніи, этотъ великій патріотъ всѣми силами старается увѣрить публику, что онъ не взялъ за свою статью ни гроша и что онъ дѣйствуетъ такъ единственно изъ безкорыстнаго желанія указать своимъ соотечественникамъ на ихъ ошибки. Но такое увѣреніе какъ то не вяжется съ дальнѣйшимъ тономъ статьи, гдѣ авторъ съ пѣной у рта набрасывается на каждаго хотя бы немного извѣстнаго представителя культурнаго украинскаго движенія въ Галиціи. Невольно припоминается извѣстная басня о лебедѣ и гусяхъ, старающихся его запачкать иломъ, чтобы и онъ сдѣлался такимъ же сѣрымъ, какъ и они.

Послѣ маленькаго предисловія авторъ приступаетъ, наконецъ, къ своему благородному дѣлу. Онъ не щадитъ ни кого на своемъ пути, твердо рѣшившись достигнуть разъ намѣченной цѣли. Не стану подробно останавливаться на этой самой отвратительной части книги,—приведу лишь нѣсколько примѣровъ, ярко характеризующихъ правдивость автора. Прежде всего должно замѣтить, что онъ, очевидно, помѣшанъ на пунктѣ различныхъ растратъ, присваиванія общественныхъ денегъ и т. д. Денежный вопросъ играетъ важнѣйшую и непремѣнную роль въ характеристикѣ каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ, которымъ авторъ сдѣ-

лалъ честь, выдѣливъ ихъ изъ толпы. Первое мѣсто отведено извѣстному д-ру Франку, котораго авторъ упрекаетъ въ скупости, жадности, зависти, жестокости и т. д. и т. д. Кажется нѣтъ такого порока, котораго бы авторъ не приписалъ этому извѣстному писателю и ученому. Франко никогда, говоритъ онъ, не одолжитъ никому ни гульдена, его имя еще не было встрѣчено въ спискѣ жертвователей на общественныя цѣли; авторъ высоко гуманныхъ разсказовъ изъ жизни рабочаго люда, онъ не дастъ крейцера бѣдному рабочему, умирающему у подножія его прекрасной виллы. (Вообще надо замѣтить, что авторъ большой любитель красивыхъ виллъ и хорошихъ домовъ и очень заинтересованъ вопросомъ, откуда можно взять денегъ на ихъ постройку). Кто знакомъ хоть немного съ біографіей Франка, кто знаетъ, какъ ему приходилось въ буквальномъ смыслѣ умирать отъ голода, благодаря только лишь тому, что онъ не хотѣлъ скрывать своихъ убѣжденій; кто потрудится припомнить, что благодаря же этой откровенности онъ былъ исключенъ изъ многихъ галицкихъ кружковъ и обществъ, что то время еще не такъ давно, когда поляки по всему городу расклеили воззванія «Precz z Frankem»,— тотъ не заподозритъ этого замѣчательнаго человѣка въ корыстолюбіи и не обвинитъ его въ томъ, что у него слово расходится съ дѣломъ. Далѣе авторъ начинаетъ кататься въ семейной жизни проф. Грушевскаго, рѣшая вопросъ, кто изъ супруговъ большее имѣетъ вліяніе, высчитываетъ съ поразительной точностью, доходившей до смѣшного, сколько и гдѣ проф. Шухевичъ присвоилъ общественныхъ денегъ и т. д. Приходится только удивляться компетенціи автора въ подобныхъ дѣлахъ. Не стану приводить больше примѣровъ, думая, что для читателей достаточно приведенныхъ выше, чтобы составить себѣ понятіе о книжкѣ. Въ концѣ ея авторъ, въ видѣ вывода изъ всего выше сказаннаго, даетъ совѣтъ всѣмъ работать прежде всего надъ улучшеніемъ экономическаго положенія украинскаго народа. Національная борьба по его мнѣнію въ настоящее время въ Галиціи не можетъ имѣть мѣста, потому что народъ еще къ ней не подготовленъ и вслѣдствіе этого останется, безъ сомнѣнія, побѣжденнымъ. Надо отдать справедливость автору, что въ промежуткахъ между самой отвратительной клеветой у него иногда встрѣчаются дѣльныя мысли. Къ тому же книжка блещетъ остроуміемъ, такъ что читатель по временамъ не можетъ воздержаться отъ неподдѣльнаго, искренняго смѣха, продолжая въ то же время не менѣе искренно возмущаться. Но эти положитель-

ныя стороны, къ сожалѣнію только болѣе увеличиваютъ отрицательное значеніе этого произведенія. Какъ уже было замѣчено выше авторъ, очевидно вполнѣ предвидѣлъ волненіе, которое вызвано будетъ въ галицкомъ обществѣ его пасквилемъ, такъ какъ благоразумно отказался подписаться. Это послѣднее обстоятельство совершенно исключаетъ возможность „геростратовской славы", и авторъ напрасно потерялъ столько силы, чтобы увѣрить общество въ отсутствіи у него стремленія къ ней.

Н.

Л. Ж. Запорожская Сичъ съ новымъ содержаніемъ. (Изъ дорожныхъ впечатлѣній). *(Оттискъ изъ газеты „Вѣстникъ Юга", отъ 15 августа 1904 г. за № 688).*

Авторъ говоритъ о галицкихъ „Сичахъ"—гимнастическихъ „товариствахъ", составленныхъ изъ молодыхъ крестьянъ, холостыхъ и женатыхъ, на подобіе чешскихъ „соколовъ", сыгравшихъ видную роль въ дѣлѣ культурнаго и политическаго возрожденія Чехіи. Главное достоинство „Сичей" заключается въ томъ, что онѣ объединяютъ своихъ членовъ и интересы ихъ, воспитываютъ ихъ въ смыслѣ общественной солидарности и дисциплины, и развиваютъ самостоятельность и чувство чести своей организаціи. Періодически „Сичи" всѣхъ селъ съѣзжаются въ опредѣленномъ заранѣе мѣстѣ, обсуждаютъ свои дѣла, принимаютъ рѣшенія, всѣмъ съѣздомъ постановленныя, и такъ какъ вмѣстѣ съ этой дѣловой стороной съѣздъ является и „сичовымъ" праздникомъ, сопровождаемымъ музыкой, пѣніемъ, гимнастическими упражненіями, происходящими на площади города, и парадным входомъ въ городъ и выходомъ, то все это выглядитъ красиво и торжественно, и несомнѣнно дѣйствуетъ въ сильной степени на развитіе сознанія собственнаго достоинства у угнетеннаго до сихъ поръ галиційскаго мужика и будитъ духъ народной мощи...

Автору пришлось присутствовать на открытіи одной изъ такихъ „Сичей" (въ с. Залукьѣ, близъ Галича). Извѣстный организаторъ „Сичей", адвокатъ Трильовскій, сказалъ по этому поводу рѣчь, продолжавшуюся $1^1/_2$ часа, которая „по своей содержательности, величинѣ и обстоятельности походила больше на лекцію, чѣмъ на праздничную рѣчь... Я слушалъ ее и думалъ: „неужели такая рѣчь можетъ быть понятна мужику, такъ разительно напоминавшему своимъ внѣш-

нимъ видомъ нашего русскаго украинца? Для кого онъ говоритъ эту лекцію?" Но оказалось, что рѣчь прекрасно была понята присутствующими, и одинъ изъ «сичовиковъ» немедленно же произнесъ, обращаясь къ г. Трильовскому, отвѣтную рѣчь,—и сказалъ ее очень складно и почти литературно. «Очевидно, что здѣсь въ дѣлѣ взаимнаго пониманія играетъ большую роль общность языка, которымъ говоритъ интеллигенція и народъ»,—справедливо замѣчаетъ авторъ.

Послѣ рѣчей пѣли хоромъ, а присутствовавшіе въ толпѣ три гимназиста, сыновья крестьянъ, декламировали стихотворенія Шевчена и другихъ любимыхъ народомъ поэтовъ. «Все это происходило непринужденно, легко и свободно, и мнѣ казалось, что я нахожусь въ интеллигентномъ обществѣ людей, одѣтыхъ въ сермяжныя свитки. Какъ это было все ново для меня, удивляло и трогало душу!»

Вступивши въ разговоръ съ «сичовиками», авторъ разспрашивалъ ихъ, интересуясь бытомъ галицкихъ крестьянъ, экономическимъ положеніемъ его и классовыми отношеніями. Они охотно разсказывали ему, касаясь дѣлъ и явленій, выходящихъ изъ сферъ деревни, и разсказывали такъ толково, что авторъ диву давался: «откуда они знаютъ?» Послѣ онъ узналъ, что они получаютъ такія свѣдѣнія изъ газетъ, которыя издаются въ Галичинѣ для народа разными политическими партіями. Газеты--маленькія, дешевыя, приготовленныя для пониманія элементарно-образованнаго читателя, но сообщающія всѣ крупныя новости и политическія событія своей страны. Состоятельные крестьяне выписываютъ ихъ, а бѣдные читаютъ въ сельскихъ читальняхъ, которыя устроены во многихъ селахъ восточной Галичины... «Съ сожалѣніемъ я разстался съ своими собесѣдниками, усердно приглашавшими меня посѣтить лѣтомъ «загальни сичови зборы», и, сидя уже въ вагонѣ, думалъ: «какъ это все, что я видѣлъ и слышалъ сегодня, близко отъ насъ географически, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ далеко въ бытовомъ и духовномъ отношеніяхъ!»

Да, «какъ далеко!» И какъ важно у насъ, чтобы китайская стѣна, отдѣляющая интеллигенцію отъ народа, наконецъ, волею судебъ, рушилась; чтобы въ народъ проникли зерна самосознанія—залогъ лучшаго его будущаго! И какъ это неотложно необходимо!

В. Д.

Красильниковъ Ф. С. Малороссія и малороссы. (Географическо-Этнографическій очеркъ), съ 19 рисунками. *Москва, 1904, 1—56. Ц. 25 коп.*

Г. Красильниковъ взялъ на себя роль Колумба и задался цѣлью открыть для великороссовъ, если не Малороссію во всемъ ея объемѣ, то въ нѣкоторой ея части, причемъ привлекаетъ его духовный міръ малоросса: обряды, религіозныя вѣрованія, обычаи. Напрасно бы читатель надѣялся найти въ книжкѣ г. Красильникова дѣйствительную Малороссію съ ея дѣйствительными нуждами и жизнью, узнать что-либо объ экономическихъ отношеніяхъ, землевладѣніи и т. п.: его глазамъ предстанетъ какая-то счастливая Аркадія, цвѣтущая, веселая, беззаботная, текущая медомъ и млекомъ страна, гдѣ всѣ лишь поютъ да пляшутъ, пьютъ водку и курятъ табакъ да люльку, которую малороссъ «считаетъ важнѣй всего на свѣтѣ» (стр. 35). Это говорится серьезно, и ссылки сдѣланы на Тараса Бульбу и... Сагайдачнаго—въ пѣснѣ «Ой на гори та женци жнуть»!! И неудивительно, что у автора получилась не живая Малороссія, а красивая сценическая картинка съ театральныхъ подмостковъ, въ театральныхъ костюмахъ, гдѣ все такъ красиво, изящно, поэтично, гдѣ и шаржу немного — не вредитъ,—онъ характеризуетъ ее не на основаніи личнаго опыта и наблюденія, а выдержками изъ Гоголя, Пушкина, А. Толстого, Кольцова, М. Горькаго и т. п.; кое-что онъ разузналъ, повидимому, у добрыхъ людей, или и самъ однимъ глазомъ видѣлъ, но разобраться во всей массѣ оригинальнаго, богатаго матеріала не сумѣлъ, и важное опустилъ, а совсѣмъ не важное или исключительно свойственное опредѣленной мѣстности или району—обобщилъ. Что же касается историческихъ свѣдѣній о Малороссіи, то они весьма любопытны въ томъ смыслѣ, какъ мало знаютъ нашу исторію даже лица, собирающіяся серьезно трактовать о ней.

Итакъ славяне жили «родами, семьями» (стр. 7), затѣмъ, видите ли, раздѣлились эти роды на полянъ, древлянъ и т. д.; эти же послѣдніе поссорились. Надоѣло имъ ссориться, и вотъ наиболѣе благоразумные (Кривичи), которымъ «надоѣли ссоры и раздоры, порѣшили образовать государство» и позвали Рюрика... Во время татарскаго нашествія «жители западной Руси частію отодвинулись дальше на западъ» (очевидно, въ Галичину по теоріи г.г. Погодина и Соболевскаго) Настало Литовское государство. *«Съ этихъ поръ доселѣ жившія вмѣ-*

стъ родныя племена раздѣлились и подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ событій, а также и различной окружающей природы, *выработали изъ себя рѣзко различающіеся типы малорусса и великорусса* (стр. 8). Итакъ, читатель, мы уже знаемъ теперь въ точности время возникновенія двухъ русскихъ народностей! «Козаки,—сословіе, впервые упоминаемое въ XVI вѣкѣ» (стр. 9). Но зачѣмъ же? О нихъ мы слышимъ уже съ 70 г.г. XV ст., и въ 1489 видимъ во главѣ одного козачьяго нападенія козака Муху. «Наливайко былъ сожжонъ въ мѣдномъ быкѣ въ Варшавѣ» (стр. 13)—сказка, которую взрослымъ людямъ теперь не пристало уже повторять. Въ 1654 г. «козаки... добровольно отдались подъ высокую руку государеву царя Ал. Мих... При этомъ присоединеніи имъ оставлено *все ихъ прежнее управленіе* (стр. 13). Но для читателя будетъ пріятнымъ сюрпризомъ узнать, что правительство русское... «*наконецъ, въ 1764 году отмѣнило всѣ вольности козачьи*, уничтожило Сѣчь Запорожскую, упразднило гетманство и *ввело общее русское управленіе въ странѣ* (стр. 13). Сколько новинокъ! А главное, что Малороссія, какъ оказывается, 100 съ лишнимъ лѣтъ «благоденствовала, и только въ 1764 г. русское правительство, «*наконецъ*», наложило на нее руку... «Кончилась и исторія Малороссіи» (13)—и авторъ не поясняетъ, какая? Можно было бы подумать, что съ 1764-го года Малороссію стерли съ лица земли, но авторъ предупредительно отвлекаетъ читателя отъ столь дурныхъ мыслей: «теперь она вошла въ составъ Россійской имперіи и зажила общегосударственной жизнью». Слава Богу и на томъ! Но авторъ простираетъ свою любезность и дальше: «Но не зажилъ народъ одной жизнью съ великоруссомъ»,—оказывается, что «малоруссъ и до сихъ поръ живетъ своими обычаями, преданіями, говоритъ *инымъ нарѣчіемъ*, одежду носитъ отличную отъ жителя центральной Россіи»... ну, и поетъ пѣсни... То-есть, онъ умеръ—но живетъ! И какъ же весело и поэтично живетъ (Зри, passim, въ книжкѣ г. Красильникова)...

Но переходимъ къ характеристикѣ современнаго малоросса. Рекомендуемъ: «наблюдается въ его характерѣ и мстительность, но это уже наслѣдіе польскаго ига» (стр. 19).—Очень просто и опредѣленно! «Если отъ горилки малоруссъ не можетъ отказаться и *пьетъ ее сколько влѣзетъ* (тоже genre!), то съ табакомъ и люлькой *не только не можетъ разстаться, но даже считаетъ ихъ важнѣй всего на свѣтѣ* (стр. 35). Этотъ перлъ мы можемъ сопоставить лишь съ подобнымъ

ему; но напередъ прошу: risum teneatis, amici! «*Какъ бы ни былъ дорогъ умершій окружающимъ, они всегда говорятъ: «слава Богу, що вмеръ»*, *боясь прогнѣвить Бога ропотомъ о смерти человѣка*» (стр. 42). И правъ авторъ, восклицая далѣе (стр. 45): «Какъ видите, много смѣшного и нелѣпаго въ религіозныхъ обрядахъ малорусскихъ»... О, много!—Стоитъ лишь заглянуть въ книжку г. Красильникова! Много можно было бы отмѣтить еще оригинальныхъ подробностей въ книжкѣ г. Красильникова,—ну хотя бы такихъ, что «въ ночь наканунѣ Рождества *очень часто сидятъ всѣ въ «стани»*, т. е. конюшнѣ и прислушиваются къ тому, что дѣлаютъ волы» (стр. 48); или что «*дѣвушки* (?) и дѣти колядуютъ... и въ колядкахъ излагаютъ событія далекаго прошлаго, *времена походовъ козаковъ въ Туреччину*» (стр. 48),—но подробное исчисленіе такихъ красотъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Да и вообще мы не стали бы такъ долго утруждать вниманіе читателей по поводу данной небольшой книжки, если бы она предварительно не была «читана публично въ Москвѣ, въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ 19 января и 13 апрѣля 1903 г.» (см вкладной листъ) и если бы она не была «Особ. Отд. Ук. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ зав., въ безпл. нар. читальни и библіотеки (отнош. № 20406 отъ 3 іюля 1904 г.)»...

Книжка издана прекрасно, иллюстрирована художественными рисунками съ картинъ художниковъ-малороссовъ (Пимоненко, Рѣпинъ, Маковскій, Гороновичъ) и съ фотографій. Внѣшность не оставляетъ желать ничего лучшаго... Но если бы и содержаніе соотвѣтствовало ей!

В. Доманицкій.

Обзоръ журналовъ конца 1904 года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 11—12; 2) Русская Старина, № 11—12; 3) Историч. Вѣстн., № 11—12; 4) Всемірн. Вѣстн., № 10—12; 5) Вѣстн. Европы, № 11—12; 6) Русская Мысль, № 11—12; 7) Міръ Божій, № 11—12; 8) Журн. Мин. Нар. Пр., № 7—12; 9) Русск. Богатство, № 7—12; 10) Літер.-Наук. Віст. № 6—12; 11) Образованіе, № 10—11; 12) Изв. Имп. Акад. Наукъ, № 2—4; 13) Варшав. Унив. Изв., № 6; 14) Zeitschrift des Vereins für

Volkskunde, H. 4; 15) Zeitschrift für Ethnologie, H. 5); 16) Филолог. Зап., № 2—4.

Русская Старина, **№ 11 и 12**.

Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову. Сообщ. В. И. Шенрокъ (№ 12, стр. 693—710). Заглавіе не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣйствительности: напечатаны письма не только къ С. Т. Аксакову, но и къ сыну его, И. С. Аксакову, а въ концѣ приложено письмо К. С. Аксакова къ князю В. А. Черкасскому. Письма расположены (всѣхъ ихъ 11) не въ хронологическомъ порядкѣ: начинается письмомъ 1857 г., далѣе идутъ—1853, 1856, 1859, 1864 г.г., а затѣмъ опять 1858 г. Въ письмахъ этихъ часто идетъ рѣчь объ изданіи Кулишомъ „Записокъ о Южной Руси“, „Чорной рады“; но особенный интересъ представляетъ письмо къ И. С. Аксакову отъ 28 ноября 1858 г., гдѣ говорится о необходимости изданія своего малорусскаго органа, для оппозиціи централизаціоннымъ стремленіямъ „Русской Бесѣды“ и «Паруса».

Всемірный Вѣстникъ, **№ 10—12**.

Въ № 10 напечатанъ переводъ съ малорусскаго Мих. Могилянскаго одного стихотворенія Ив. Франка: „Твои глаза, какъ море спокойное свѣтлы“. (стр. 49).

Вѣстникъ Европы, **№ 11 и 12**.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. Моя Петербургская служба. 1872—1882 г. (№ 11, 135—185). Въ цѣломъ рядѣ интересныхъ статей, помѣщенныхъ Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ въ Вѣст. Европы 1900 г. (№ 8 и 9), 1901 г. (№ 7), 1902 г. (№ 1, 2 и 9), разсказано было о службѣ автора въ юго-западномъ краѣ въ качествѣ работника по крестьянскому дѣлу. Послѣ измѣнившихся въ администраціи взглядовъ на крестьянскій вопросъ, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ кн. Дондукова-Корсакова, авторъ воспоминаній рѣшилъ покинуть службу на югѣ и въ 1872 г. переѣхалъ въ Петербургъ. Нѣсколько ранѣе этого переѣзда шли между Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ и Н. П Сокальскимъ, редакторомъ „Одесскаго Вѣстника“, переговоры о сотрудничествѣ перваго въ этой газетѣ, для чего ему нужно было бы поселиться въ Одессѣ; но смерть

Н. П. Сокальскаго не дала осуществиться этому плану. Не состоялся и планъ сотрудничества его въ „Кіевлянинѣ“ В. Я. Шульгина (стр. 137—141).

Русская Мысль, № 11—12.

С. Русова. Къ сорокалѣтію черниговскаго земства 1865—1905 г.г. (№ 12, стр. 94—134). Въ сравнительно краткой статьѣ авторъ очень мѣтко и живо сгруппировалъ всѣ характерные моменты въ жизни черниговскаго земства за сорокъ лѣтъ его существованія и отмѣтилъ болѣе всего всѣ тѣ затрудненія, какія выпадали на долю земствъ вообще, и черниговскаго—въ частности, иллюстрируя особенно характерные моменты фактами.

В. Семевскій. Памяти А. Н. Пыпина (№ 12, стр. 164—171).

Журн. Мин. Нар. Просв. № 7—12.

В. Н. Мочульскій. Отношеніе южно-русской схоластики XVII в. къ ложно-классицизму XVIII вѣка (№ 8, стр. 361—379). Указавъ на мнѣніе акад. А. Соболевскаго, будто ложно-классицизмъ начался у насъ на югѣ Россіи, а оттуда перенесенъ былъ въ Москву,— авторъ статьи доказываетъ, что поэтическія формы южнорусской поэзіи XVII вѣка, въ особенности драмы и панегирики или оды, слагались совсѣмъ не подъ вліяніемъ французскихъ ложноклассиковъ, и что только у Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича замѣчается знакомство съ французскимъ ложноклассицизмомъ.

Въ отдѣлѣ „*Критика и Библіографія*“ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *В. Нарбековъ* «Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII в.в.» Казань, 1903 г.—рецензія *Д. Шестакова* (№ 9, стр. 232—242); 2) *Н. И. Петровъ* «Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины 18-го вѣка. Кіевъ, 1904 г.»—рецензія *А. Соболевскаго* (№ 10, стр. 442—444).

Русское Богатство, № 7—12.

Въ отдѣлѣ «Случайныя замѣтки» (въ № 8) помѣщена замѣтка *С. Ю.* о книгѣ проф. А. Крымскаго «Филологія и Погодинская гипо-

теза» (стр. 175—176). Здѣсь указывается, что ученый споръ по поводу гипотезы о великорусской народности въ древней Кіевщинѣ носитъ очень необъективный характеръ, а между тѣмъ, по мнѣнію автора замѣтки, можно бы гораздо хладнокровнѣе относиться къ вопросу о томъ, гдѣ жили предки теперешнихъ обитателей Поднѣпровья въ XII вѣкѣ, такъ какъ теперь это ихъ родина и они имѣютъ право и называть ее своей родиной.

Литературно-Науковый Вистныкъ, № 6—12.

Книжка VI.

І. Кревецькый. «Не было, нѣтъ и быть не можетъ!» (стр. 129—158). Вспомнивъ о празднествахъ въ память Котляревскаго въ Полтавѣ и Лисенка во Львовѣ и Кіевѣ, авторъ напоминаетъ, что по времени эти свѣтлые моменты въ исторіи украинскаго національнаго возрожденія почти совпадаютъ съ двумя другими юбилеями совершенно иного рода: во-первыхъ, 250 лѣтъ тому назадъ Украина присоединена къ Московскому государству, а, во-вторыхъ, 40 лѣтъ прошло со времени указа, въ силу котораго «никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ». Указавъ на тѣ мѣры, которыя принимались русскимъ правительсlвомъ съ первыхъ дней присоединенія Украины къ Московскому государству, «щоб і сліда не було з того, що нинішні «южно-русскія губерніи» российськои Імперіи мали колись свій автономний устрій», авторъ отмѣчаетъ начальные моменты книгопечатанія въ Зап. Европѣ и Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ какъ книгопечатаніе въ Зап. Европѣ не составляло исключительной привилегіи куріи и двора, а быстро стало общественнымъ достояніемъ, въ Москвѣ первыя типографіи устраиваются правительствомъ и духовенствомъ. Конечно, при такихъ условіяхъ не было надобности въ особой цензурѣ, которая могла возникнуть лишь съ появленіемъ частныхъ типографій въ государствѣ. Это и случилось съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству: духовенство отнеслось враждебно къ частнымъ типографіямъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, и извѣстно, «що в московській державі заведено першу цензуру и то власне для Украини». Если сначала цензура была вызвана подозрѣніемъ, что южно-русскіе богословы впали въ католицизмъ и прочія ереси, то со времени Петра I преслѣдованіе открывается цензурой и

синодомъ «проти вживаня особого нарѣчія», себ-то украинськоі мови в письменстві, щоб зробити місце для державноі мови московськоі та довести з часом до літературного «объединенія» Украіни з Московщиною». Не станемъ пересказывать здѣсь содержаніе дальнѣйшаго очерка цензурныхъ стѣсненій украинской литературы и языка въ XVIII ст., такъ какъ иначе намъ пришлось бы переписать цѣликомъ слова автора, а отмѣтимъ лишь выводъ автора. «Коли порівняти, говоритъ онъ, Котляревського «Енеиду» з кінця XVIII в. та з початку XIX в. зі змістом тих украінських книжок, що их нині цензура заборонює за самий тільки зміст, то прийдеться назвати більш ліберальною цензуру з кінця XVIII в., ніж з початку XX в.» Разсмотрѣвъ отношеніе цензуры, къ украинской литературѣ въ первой половинѣ XIX ст., авторъ указываетъ, что положеніе ея было и тогда много тяжелѣе положенія русской литературы. Въ дальнѣйшемъ авторъ говоритъ о томъ, какъ отнеслась къ этому распоряженію иностранная печать, при чемъ приводитъ всѣ извѣстные ему отзывы, говорящіе, конечно, отрицательно о подобныхъ мѣрахъ. Напомнивъ нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ изъ области цензуры, авторъ приводитъ циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ 1881 г., въ силу котораго извѣстный уже указъ 1876 г. снова подтверждался лишь съ самыми незначительными облегченіями. Въ настоящей книжкѣ статья ограничивается обзоромъ украинской литературы въ Россіи за 80-е годы.

І. Франко. Шевченко і Еремія (стр. 170—173). Д-р. В. Щуратъ прочиталъ 12 мая въ Вѣнѣ «на вечерницях уладжених віденськими руськими товариствами» «Кружок земляків», «Родина» і «Січ» на честь Шевченка промову, яку наші газети поспішили вихвалити як «бисер реторики». По поводу этой рѣчи г. Щурата и написана настоящая статья. Не говоря о фактическихъ ошибкахъ, встрѣчающихся въ рѣчи г. Щурата, и проводимые имъ взгляды на поэзію вообще и поэтію Т. Г. Шевченка въ частности отличаются своеобразностью. Поэзію онъ считаетъ «мовою богів», а Шевченка сравниваетъ съ пророкомъ Іереміей. Конечно, это сближеніе можетъ повести только къ такому выводу о рѣчи г. Щурата, какъ сдѣланный д-р. І. Франкомъ: «вільно йому й далі пробувати сеі гри, але було-б ліпше, як би він не мішав до неі Шевченка».

В. Гнатюк. «Поетичный талантъ між бачваньськими Русинами (стр. 174—188)». Бачванські Русини жиють у полудневій Угорщині, в комітаті Бач-Бодры у кількох селах. Число іх виносить до 10.000. Вони зайшли там як кольоністи з північноі Угорщини за часів Маріі Тереси. Звідти вже кольонізували вони де які села в Славоніі, у комітаті Срим. де іх назбиралось до 4.000; Іх мова сильно пословачена, але вони почувають себе національно Русинами і маніфестують себе такъ і перед урядом і перед иньшими народами». Вотъ среди этихъ Русиновъ явился поэтъ въ лицѣ Габора Костелника Гомзова, обширная поэма котораго недавно вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ «З мойого валала. Идилски веньецъ. Жовква. 1904». Авторъ этой идиллической поэмы еще молодой человѣкъ (род. въ 1886 г.) и только кончаетъ теперь гимназію въ Загребѣ, но имъ написанъ, кромѣ этого, рядъ стихотвореній подъ общими заголовками «Серенчі і мілей» і «Елегія любови». В. Гнатюкъ останавливается на произведеніяхъ Г. Костелника не только по соображеніямъ литературнымъ, но также вслѣдствіе увѣреній нѣкоторыхъ ученыхъ, будто Бачванскіе Русины принадлежатъ къ числу Словаковъ. Не останавливаясь на содержаніи этой поэмы, состоящей изъ 5 пѣсенъ, отмѣтимъ, что она обнаруживаетъ большой талантъ въ авторѣ, которому пришлось выступить въ качествѣ реформатора не только языка, но и правописанія.

Въ концѣ своей замѣтки В. Гнатюк приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ цикла «Серенчі і мілей» и «Думкі» изъ Елегіи любови».

Книжка VII.

Г. Кревецький. «Не было, нѣтъ и быть не можетъ!» (стр. 1—18). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе интереснѣйшей статьи г. І. Кревецького. Авторъ приводитъ многіе примѣры тѣхъ притѣсненій, которымъ подвергалась со стороны цензуры украинская сцена и литература. Между прочимъ онъ припоминаетъ тщетныя старанія проф. Пулюя и Имп. Академіи Наукъ издать въ Россіи украинскій переводъ Священнаго Писанія.

М. Л. Деякі релігійні обряди та звичаі з погляду гігієни тіла й духа (стр. 19—38). Статья написана по поводу нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, встрѣчающихся и на Украинѣ.

Въ отдѣлѣ «*Науковi Листки*» къ Украинѣ относится только слѣдующая (II-я) статья:

В. Чи слово «піп» образливе? (стр. 41—44). Статья г. В. написана по поводу замѣтки въ «Нивѣ» (ч. 5, ст. 123), въ которой указываютъ на обидность слова «піп». Въ настоящей статьѣ г. В. отмѣчаетъ прежде всего происхожденіе украинскаго слова «піп» отъ греческаго πάππας, а затѣмъ слѣдитъ за тѣми значеніями, какія имѣетъ и имѣло слово «піп» въ украинскомъ языкѣ. На основаніи собранныхъ имъ данныхъ г. В. приходитъ къ заключенію, что слово «піп» не можетъ заключать въ себѣ ничего обиднаго.

Листъ до редакции «Літературно-Наукового Вістника» (стр. 45—48). Письмо прислано группой читателей «Л.-Н. Вістника» изъ Херсона. Означенныя лица усмотрѣли въ эскизѣ О. Коваленка «Де беруться сюжети», помѣщенномъ въ VI книжкѣ «Л.-Н. Вістника» за 1904 г., какой-то памфлетъ на извѣстнаго украинскаго драматурга, причемъ въ доказательство своихъ подозрѣній они выбираютъ 5 пунктовъ изъ отмѣченной выше статьи. Конечно, редакція снабдила письмо своимъ примѣчаніемъ, въ которомъ разъясняетъ, что всѣ обвиненія противъ О. Коваленка являются плодомъ недоразумѣнія». В ескізі д. Коваленка, говоритъ редакція, ми добачили власне сатиру на сучасні драматичні конкурси, але зовсім не добачили намиру шарпнути славу заслуженого і нами не меньше від усіх Украіиців шанованого письменника.

М. Грушевський. Гуцульська вистава (стр. 49—51). Въ настоящей замѣткѣ М. С. Грушевський даетъ краткій отчетъ о повѣтовой промышленной выставкѣ въ Косовѣ. Выставка была устроена спѣшно поляками, а Русины были устранены, и только, потомъ устроители вспомнили о русинскихъ правахъ. «Але при тім усім богацтво народнього гуцульського промислу, сього найбільш артистичного кута не тільки Украіни, а може й цілоі Славянщини, таке велыке, що при всіх тих недогідних обставинах вистава була дуже інтересна». Къ статьѣ приложенъ портретъ одного изъ гуцульскихъ ремесленниковъ Миколи Шкрибляка.

Наукові вакаційні курси (Ста. 52—56). Въ настоящей замѣткѣ сообщается объ открытіи лѣтнихъ каникулярныхъ курсовъ общеобразовательнаго характера и приводится респредѣленіе лекцій по днямъ и чнсамъ. При случаѣ отмѣчается, что подобные курсы являются почти новостью для Австріи, а потому объясняется и значеніе ихъ.

Эти весьма важные курсы устроило «Товариство прихильників україньскоі науки, літератури і штуки». На нихъ записались по 2 іюля 101 слушатель.

Книжка XIII.

С. Загородний. Війна і опозиційни елементи въ Россіі (стр. 69—78). Въ настоящей статьѣ авторъ даетъ краткій очеркъ русскихъ и инородческихъ оппозиціонныхъ партій въ Россіи.

В. Пандеко. Фільософія оптимізму (стр. 79—91). Настоящая замѣтка написана по поводу послѣдняго сочиненія проф. Мечникова о человѣческой природѣ и содержитъ краткое изложеніе взглядовъ извѣстнаго ученаго.

Музично-драматична школа М. В. Лисенка в Киіві (стр. 92—96). Въ этой статьѣ сообщены уставъ и программы муз.-драм. школы М. В. Лисенка въ Кіевѣ.

І. Кревецький Вільні університети (стр. 97—101). Указавъ на значеніе общеобразовательныхъ народныхъ курсовъ для большой публики, авторъ въ краткихъ чертахъ излагаетъ исторію свободныхъ университетовъ въ Европѣ. Въ заключеніе онъ останавливается на первой попыткѣ подобнаго рода въ Галичинѣ. Товариство прихильників украінськоі літератури, науки і штуки устроило во Львовѣ лѣтніе научные курсы, въ программу которыхъ входили какъ историческія дисциплины, такъ и естествознаніе. Въ чтеніи лекцій на курсахъ приняли участіе профессора и ученые: проф. М. Грушевський, др. І. Франко, проф. Хв. Вовк, проф. К. Студинський і ин. Правда, этимъ курсамъ предшествовали лекціи по доисторической антропологіи, читанныя лѣтомъ 1903 года проф. Хв. Вовком. Эти лекціи организовало Наукове Товариство імени Шевченка. Но проф. Хв. Вовкъ читалъ лекціи лишь по одному предмету, а курсы съ обширной и разнообразной программой организованы были впервые лѣтомъ 1904 года. Предоставляя возможность слушателямъ пополнить свои общія знанія, организаторы курсовъ въ основу положили ознакомленіе публики особенно съ исторіей, литературой и этнографіей Украины.

М. Грушевський. Україньсько-руські наукові курси (стр. 102—113). Настоящая статья посвящена тѣмъ же лѣтнимъ курсамъ, о ко-

торыхъ шла рѣчь въ предшествующей замѣткѣ, и даетъ подробный отчетъ занятій. Популярность свободныхъ университетовъ въ современномъ населеніи культурныхъ странъ должна была способствовать успѣху предпринятыхъ общеобразовательныхъ лекцій. Впрочемъ, этому содѣйствовали и другія причины. Надежды многихъ на учрежденіе украинскаго университета австрійскимъ правительствомъ оказались тщетными. Думали основать университетъ во Львовѣ на частныя средства въ надеждѣ, что правительство приметъ его потомъ на казенное иждивеніе, но и это оказалось непрактичнымъ и прямо невозможнымъ. Тогда возникла мысль организовать систематичные научные курсы, и сначала этимъ дѣломъ занялись разныя секціи Наукового Товариства імени Шевченка. Но вотъ многіе украинцы начали обращаться къ М. С. Грушевскому съ просьбой устроить лѣтніе курсы, чтобы ихъ могли послушать и россійскіе украинцы. Товариство прихильників українськоі літератури, науки и штуки, предсѣдателемъ котораго состоитъ М. С. Грушевський, отнеслось сочувственно къ просьбѣ своихъ зарубежныхъ земляковъ и организовало для устройства курсовъ особый комитетъ: М. Грушевський, І. Франко, М. Грушевська и В. Гнатюк. Комитетъ рѣшилъ устроить курсы въ концѣ лѣтнято семестра и для помѣщенія ихъ нанялъ залу въ отелѣ Belle vue. Курсы были открыты 10 (23) іюня въ $9^1/_2$ ч. у. рѣчью М. С. Грушевського, выдержку изъ которой онъ и приводитъ въ настоящей своей статьѣ.

Привѣтствовавъ слушателей, особенно изъ Украины, М. С. Грушевський намѣтилъ въ общихъ чертахъ исторію національной школы у украинскаго народа и перешелъ затѣмъ къ современному состоянію этого вопроса въ Галичинѣ и на Украинѣ. За отсутствеімъ украинскаго университета не только на Украинѣ, но и въ Галичинѣ, настоящіе курсы имѣютъ цѣлью датъ рядъ лекцій по украиновѣдѣнію на народномъ языкѣ прежде всего землякамъ изъ Россіи.

Послѣ этой рѣчи д-ръ Франко прочиталъ вступительную лекцію по исторіи украинско-русской литературы.

Лекціи читались съ 10 іюня по 9 іюля, кромѣ воскресныхъ дней, и такимъ образомъ вышло 25 лекціонныхъ дней, а лекцій прочитано 90. Сначала читалось по 3 лекціи въ день, а потомъ и по

четыре, отъ $8^1/_2$ до $12^1/_2$ ч. утра, при чемъ иныя лекціи тянулись безъ перерыва по 90—100 минутъ. Но оказалось, что 4 лекціи въ день утомляли слушателей, и только треть ихъ посѣщала всѣ лекціи, большинство же ходило на первые или послѣдніе 2 часа.

Въ основу программы для курсовъ положены три науки: исторія, исторія литературы и этнографія, при чемъ главное мѣсто удѣлено украиновѣдѣнію. По указаннымъ отдѣламъ были прочтены общіе курсы, которые казались комитету особенно необходимыми, но сверхъ того были допущены и спеціальные курсы и отдѣльныя лекціи. Подробному обозрѣнію этихъ курсовъ посвящена почти исключительно дальнѣйшая часть настоящей статьи, но мы ограничимся только перечнемъ ихъ, чтобы не перепечатывать все дословно.

По исторіи М. С. Грушевскій объявилъ «Огляд історіі України-Руси», но прочиталъ по нездоровью лишь 9 лекцій. Продолженіемъ его долженъ былъ служить курсъ С. Томашівського «З історіі украінсько-польских відносин XVII в.», но онъ ограничился лишь одной лекціей. За то М. Ганкевичъ далъ слушателямъ большой и законченный курсъ (15 лекцій) по новѣйшей исторіи З. Европы, начиная съ французской революціи и почти до нашихъ дней.

По исторіи украинской литературы др. І. Франко прочиталъ общій курсъ подъ заглавіемъ Огляд украінськоі літератури від найдавнійших часів до кинця XIX віка" (18 лекцій), а дополненіемъ къ лекціямъ д-ра Франка является меньшій курсъ д-ра К. Студинського: «Культурный рух у Галичині від виступу М. Шашкевича до 1860 р.»

Хв. Вовкъ сдѣлалъ сначала краткій обзоръ антропологіи (6 лекцій), а затѣмъ прочиталъ общій курсъ по украинской этнографіи (16 лекцій). Его лекціи были иллюстрированы многочисленными фотографіями и рисунками, а также сопровождались осмотромъ археологическихъ и этнографическихъ собраній Наук. Товариства ім. Шевченка, музея Дідушицкого и иныхъ. Показывая коллекціи Товар. ім. Шевченка, лекторъ сообщилъ слушателямъ много свѣдѣній по археологіи.

Въ связи съ этими курсами стояли слѣдующія чтенія: І. Раковського „Онто-і фільогенезіс чоловіка" (6 лекцій) и Ст. Томашівського „Угорська Русь" (1 лекція).

Совершенно особое мѣсто въ программѣ занималъ практическій курсъ украинско-руского языка, порученный д-ру І. Брику и разсчитанный главнымъ образомъ на заграничныхъ слушателей.

7 іюля состоялось засѣданіе комитета, въ которомъ приняли участіе лекторы и слушатели. Собравшіеся обсудили вопросъ объ устройствѣ подобныхъ курсовъ на будущее время, при чемъ присутствующіе высказались за то, чтобы программа была ограничена одними общественными знаніями, и главное вниманіе было обращено на украиновѣдѣніе. А 9 іюля состоялось закрытіе курсовъ, при чемъ былъ оглашенъ краткій отчетъ, изъ котораго видно, что слушателей было 135, внесено ими на расходы 345 кор., а остальное покрыли Товариство и одинъ изъ украинцевъ. Въ общемъ первый опытъ необходимо признать удачнымъ.

М. Грушевський Антін Чехов (стр. 114—117). Статья посвящена памяти покойнаго писателя и даетъ краткую характеристику его личности и литературной дѣятельности.

Книжка XI.

Др. Е. Олесницький. З перед четвертини століття (стр. 125—132). Авторъ сообщаетъ свои воспоминанія объ университетской жизни во Львовѣ въ 1878—79 годахъ, останавливаясь преимущественно на извѣстномъ академическомъ кружкѣ «Дружний Лихвяр».

І. Раковський. Вплив цівілізації на людські нерви (стр. 133—143). Авторъ излагаетъ современные взгляды на нервность и зависимость этого явленія отъ успѣховъ цивилизаціи.

І. Франко. Схидно-захидні непорозуміня (стр. 144—173). Настоящая статья написана по поводу книжки Пидеши «Востокъ і Западъ» Охарактеризовавъ русскихъ патріотовъ своего отечества, авторъ рисуетъ очень живо галицкаго Рутенца, такъ какъ этотъ типъ и внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ близокъ къ первому. Послѣ этого онъ переходитъ къ книжкѣ Пидеши и сначала останавливается на мнѣніяхъ рецензентовъ этого произведенія, при чемъ перепечатываетъ замѣтку г. Ефремова. Но отзывы другихъ критиковъ не удовлетворяютъ д-ра І. Франка, и онъ даетъ свое весьма оригинальное объясненіе данной книжки, при чемъ взглядъ его можетъ быть формулированъ весьма кратко: д-ръ Пидеша стремился изобразить возможно полнѣе Рутенца и исполнилъ это съ рѣдкимъ совершенствомъ,—этотъ отрицательный типъ вышелъ у него живымъ.

П. В справі перекладу Съвятого Письма. (стр. 174—176). Въ настоящей замѣткѣ сообщается извѣстный уже фактъ, какъ изданный Библейскимъ Обществомъ украинскій переводъ Священнаго Писанія

не былъ допущенъ въ Россію. Въ этой статейкѣ данъ и текстъ прошенія проф. Пулюя въ Академію Наукъ.

Книжка X.

І. Франко. Соціяльна акція, соціяльне питане і соціялізм (стр. 1—23). Статья написана по поводу пастырскаго посланія, митрополита Андрея Шептицкаго къ духовенству „о квестіі соціяльній“.

В. Гнатюк. Еретик між москвофілами (стр. 24—37). Авторъ указываетъ, что съ прошлаго года во Львовѣ выходитъ небольшой журналъ для молодежи «Живая Мысль». Его редактируетъ І. Сьвятицькій, при чемъ въ отличіе отъ другихъ органовъ часть статей въ этомъ журналѣ печатается на украинскомъ языкѣ, хотя и не совсѣмъ правильномъ. Но г. Сьвятицький не ограничился этимъ и сталъ высказывать въ своихъ статьяхъ такія мысли, которыя менѣе всего подходятъ ему. Такъ, онъ открыто высказался за устройство украинскаго университета, призналъ культурное превосходство галицкихъ украинцевъ и т. д. и т. д. Все это показываетъ, что въ его партіи произошелъ какой-то расколъ, что въ ней началась культурная эволюція. Конечно, представители ея испугались дѣяній г. Сьвятицького, обвинили его въ ереси и для искорененія этого пустили въ ходъ г. Мончаловського, который обрушился на еретика въ статьѣ „Главныя основы русской народности“. Эта статья напечатана въ „Галичанинѣ“ и имѣетъ цѣлью доказать, что г. Сьвятицький либералъ и т д. и т. д. Подводя итогъ писаніямъ г. Мончаловського и прочихъ его сторонниковъ, д. В. Гнатюкъ старается опредѣлить, что представляютъ собой они, чѣмъ руководятся они въ своей дѣятельности, которая отмѣчается и двуличностью и другими загадочными чертами?

І. Франко. Новини нашоі літератури (стр. 43– 54). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ отзывъ о книгѣ „На вічну памьять Котляревському. Литературный збирникъ (Выдавництво „Викъ“). У Кыиві. 1904 г.

Болючі питаня. І. П. Виллярі. Іррedентизм (стр. 49—54). Авторъ этой замѣтки считаетъ виновной въ ирредентизмѣ Австрію, а не Италію.

Книжка XI.

І. Кривецький. Киівське історичне товариство Нестора Літописца стр. (65—72). Авторъ излагаетъ въ краткихъ чертахъ исторію Общества Нестора-Літописца и характеризуетъ его дѣятельность ученую и просвѣтительную.

Non Severus. Шевченко і критики (стр. 116—129). Настоящая статья написана по поводу рѣчи д-ра Щурата, который доказывалъ сходство Т. Г. Шевченка съ прор. Іереміей (см. выше VI, кн. Л. Н. В., стр. 170—173).

Книжка XII.

М. О. З українських розрухів (стр. 198—203). Настоящая замѣтка даетъ описаніе волненій, которыми сопровождалась осенняя мобилизація въ Каневскомъ уѣздѣ.

В. Два ювилеі (стр. 204—207). Авторъ въ краткихъ словахъ напоминаетъ о 30-лѣтіи литературной и общественной дѣятельности М. Павлика, библіотекаря Наукового Товариства імени Шевченка у Львові, и 30-лѣтіи литературной дѣятельности о. Юрія Жатковича, настоятеля въ Стройні, въ Угорщинѣ, и указываетъ на значеніе обоихъ юбиляровъ.

Д. Лукіянович. Евгенія Ярошинська (стр. 208—213). Авторъ даетъ списокъ произведеній покойной писательницы, помѣщенныхъ въ „Буковинѣ", и характеризуетъ ея творческую дѣятельность. Главный мотивъ въ произведеніяхъ Е. Ярошинской—эротическая любовь, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудахъ писательницы ярко выступаютъ ея любовь къ народу и патріотизмъ. Для иллюстраціи своей характеристики авторъ останавливается на болѣе крупныхъ твореніяхъ покойной и обрисовываетъ главныхъ героевъ каждаго изъ нихъ. Къ статьѣ приложенъ портретъ писательницы.

В. Гнатюк. До сбирачів етнографичніх матеріялів (стр. 214—217). Автора часто спрашиваютъ, что и какъ записывать среди народа. Поэтому онъ составилъ настоящую статью, такъ какъ въ немъ даетъ необходимыя указанія по этому вопросу.

Прежде всего запись должна отмѣчаться безусловной точностью. Текстъ долженъ быть написанъ четко и на одной сторонѣ листа, а другую не слѣдуетъ исписывать. Въ записи необходимо указать мѣсто, гдѣ сдѣлана она, и время ея, а также должны быть отмѣчены имя и фамилія лица, со словъ котораго записанъ текстъ (при мелкихъ записяхъ, какъ поговорки и пр., это—излишне), и фамилія записывавшаго. Переходимъ теперь къ тому, что интересно записывать.

I. *Пісни* а) Колядки, б) Козачки и коломийки, в) Гагілки (желательно записать въ одномъ селѣ всѣ гагілки, какія тамъ встрѣ-

чаются), г) При случаѣ слѣдуетъ описывать и дѣлать рисунки вертепа, козы и т. д.

II. *Проза* а) Вездѣ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на демонологическіе матеріалы, б) Місцеві перекази (про гори, ріки і ин.), в) Оповиданя про історичні особи і події, г) Зьвірячний епос, д) Приповідки і загадки, е) Віруваня и народні ліки, ж) Анекдоти, казки і ин.

Желающіе заняться записываніемъ матеріаловъ по всѣмъ отдѣламъ программы или по одному изъ многихъ могутъ обращаться за совѣтами въ Наукове Товариство імени Шевченка у Львові, по указанному ниже адресу, при чемъ Товариство оказываетъ посильное содѣйствіе обращающимся къ нему. Лица, приславшія свои записи, получаютъ тотъ томъ «Этногр. Збірника», въ которомъ онѣ будутъ напечатаны. Если же будутъ доставлены цѣнные и обширные матеріалы, то приславшій можетъ получить всѣ томы «Этногр. Збірника», а то и другія этнографическія изданія Товариства.

Помѣстивъ программу г. В. Гнатюка, редакція Л. Н. В. обращается съ просьбой къ другимъ періодическимъ изданіямъ перепечатать ее.

Адресъ, по которому надлежитъ обращаться за справками и отсылать собранные матеріалы: Львів, ул. Чарнецкого, 26, Наукове Товарист[illegible] імени Шевченка, для этнографічної комісії.

Образованіе, № 10.

А. Каминка. Арендныя отношенія у крестьянъ по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (стр. 1—32). Въ настоящей книжкѣ авторъ даетъ окончаніе своей интересной статьи объ арендныхъ отношеніяхъ у крестьянъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, № 2—4.

В. И. Срезневскій. Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1903 году (№ 2—4, стр. 049—0208). Въ частяхъ настоящей статьи, которая помѣщена въ № 2—4, для южно-русскаго читателя представляютъ интересъ слѣдующіе №№ описанія В. И. Срезневскаго: 1) 53. Матеріалы для біографіи А. Д. Яновскаго, дѣда Н. В. Гоголя, за 1783—7 г.г. (стр. 055—056). 2) 93. Изъ матеріаловъ П. А. Кулиша къ его запискамъ о жизни Н. В. Гоголя и къ изданію сочиненій (стр. 75). 3) 104. Замѣтки по исторіи

и географіи Бессарабіи И. Г. Яцимирскаго 1870 годовъ (стр. 079). 4) 105. Его-же «Историко-статистическое описаніе мѣстечка Ганчемтъ, Кишин. у. Бессар. г. (стр. 079).

Въ 1903 г. Академіи Наукъ Ѳ. А. Витбергъ принесъ въ даръ свое собраніе рукописей; въ описаніи В. И. Срезневскаго оно, какъ и бумаги Н. Н. Страхова, помѣщено особо и имѣетъ отдѣльную нумерацію. Въ особыя рубрики съ отдѣльными номерами выдѣлены въ настоящемъ описаніи книги церковной печати, лубочныя изданія и т. д. Изъ описаннаго подъ указанными выше особыми заголовками для южнорусскаго читателя интересны: *I. Собраніе Ѳ. А. Витберга:* 1) 32. Семейныя бумаги А. П. Борейши, среди которыхъ имѣются письмо кіев. митр. Евгенія къ Г. Д. Богацкому и копія письма гр П. Н. Кочубею отъ 11 апр. 1822 г. (стр. 092—093). 2) 51. Копіи съ бумагъ 1847—52 гг. по поводу постройки новыхъ зданій для кіевскаго училища граф. Левашовой (стр. 097) 3) 53. «Мертвыя души» Н. В. Гоголя; списокъ серед. XIX ст. (стр. 098). 4). 81. Молодые побѣги. Ежемѣсячный литературный журналъ, издаваемый воспитанниками 5—7 классовъ Черниговской губернской гимназіи. Августъ № 4, 1860 г. (стр. 0130). *II. Изъ бумагъ Н. Н. Страхова:* 7. Письмо М. Драгоманова въ Спб. Славян. общество отъ 24 янв. 1885 года по подводу рѣчи В. И. Ламанскаго, произнесенной 14 февр. 1884 года. *III. Книги церковной печати:* 1) 17. Молитвословъ. Почаевъ. 1793. У Ундольскаго и Родосскаго не поминается (стр. 0119). 2) 18. Сборникъ молитвъ. Кіевъ, 1794. У Ундольскаго и Родосскаго не упоминается (стр. 0119—0120). 2) 18. Естествословіе. Будикъ. 1811 (стр. 0120).

Въ рукописное отдѣленіе поступилъ Архивъ Имп. Россійской Академіи: онъ описанъ Ѳ. И. Покровскимъ, но 4-томная опись его пока не напечатана, а вмѣсто нея въ настоящемъ описаніи приведенъ указатель къ описанію архива (съ 1014 стр.), составленный Ѳ. И. Покровскимъ. Пересматривая этотъ алфавитъ, мы встрѣтили слѣдующія имена, имѣющія какое-либо отношеніе къ Южной Руси: Д. Н. Бантышъ-Каменскій, кн. А. А. Безбородко, О. М. Бодянскій, И. Вагилевичъ, Гродно, митр. кіев. Евгеній, Житоміръ, К. П. Зеленецкій, арх. херсон. Инокентій Борисовъ, Кіевскій Университетъ, Левъ Даніиловичъ, кн. галицкій, М. А. Максимовичъ, Малорусскія лѣтописи, А. И. Мартосъ, А. А. Метлинскій, гр. М. А. Милорадовичъ, еп. черниг. Михаилъ Десницкій, Новицкій, Одесское общество исторіи и древностей, А. Повловскій, Пубичныя библіотеки въ Гродно, Житомірѣ,

Черниговѣ, Симферополѣ, гр. А. К. Разумовскій, Ришельевскій лицей, о. І. Савченко, митр. кіев. Самуилъ, Словарь малороссійско-русскій Новицкаго, И. И. Срезневскій, Д. П. Трощинскій, Г. И. Фовицкій, И. Фовицкій, Харьковскій Университетъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, часть первая, томъ X. Акты, относящіеся къ исторіи галицко-русской православной церкви (1423—1714 гг.). Кіевъ, 1904 г, стр. 1—28+1—967. Цѣна 2 р.

Архивъ юго-зап. Россіи — часть первая, томъ XI. Акты, относящіеся къ исторіи Львовскаго Ставропигіальнаго братства: протоколы и другія дѣловыя бумаги братства (1599—1702 гг.). Кіевъ, 1904 г., стр. 1—58+772. Цѣна 2 р.

Львовское Ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками). А. Крыловскаго. Кіевъ, 1904, стр. I—XXII+1—314+1—230.

А. В. Стороженко. Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки. Изслѣдованія, памятники, документы и замѣтки. Съ портретомъ Стефана Баторія. Кіевъ, 1904 г. стр. 1—327.

Америка. Збірка віршів (Видавництво ім. А. Бончевского. ч. 2) Скрентон, Пс. 1904. З друкарні „Свободи". Ст. 32, 8°. Ц. 15 цент.

Андрукович К. З житя Русинів в Америці. Спомин з років 1889—1892. Коломия, 102, 8°.

Антонович Володимир. Польсько-українські відносини XVII ст. в сучасній польскій призмі (З нагоди повісти І. Сенкевича „Огнем і Мечем"). Переклав Вол. Гнатюк (Літер.-Наук. Бібліотека, ч. 86). У Львові, 1904, 66, 18°. Ц. 40 с.

Барвінський Олександр. Історня України—Руси (з образками). У Львові, 1904, накладом товар. „Просьвіта", 40, 8°. Ц. 10 с.

Барвінський Олександр. Історня України-Руси (Видавництво товариства „Просьвіта"). У Львові, 1904, 126, 8°. Ц. 80 с.

Бачинський Юліян. Гльосси. Львів, 1904, стр. 142, 8°. Ц. 2 к.

Берло А. Арсеній Берло епископъ Переяславскій и Бориспольскій (+1744). Біографическій очеркъ. Кіевъ, 1904. 1—56 (отт. изъ Чтеній въ Истор. Общ. Нест. Лѣтописца).

Боберскій. Забави і гри рухові. (Відб. зі „Звіту“ львівськоі укр. гімназиі“) У Львові, 1904., 31, 8⁰. Ц. 10 с.

Буцманюк Іван. Унів і его монастирі. На підставі народних переказів, старих грамот та жерел історичних. Жовква, 1904, 116, 8⁰.

Бѣгунъ П. Подземный Римъ. (Поучительное Чтеніе, ч. 5). Унгваръ, 1904, 32, 16⁰. Ц. 20 с.

Бѣлиньскій П. Проповѣди на свята и недѣлѣ цѣлого року. Жовква, 1904, 293—III, 8⁰.

Весоловський Яр. Стефанъ Баторий а Русини. Накладом товариства укр. студентів „Січ“. Чернівці, 1904, 16, 8⁰. Ц. 10 с.

Візнер Юлій. Жите ростин у морі. З німецького переклав Ст. Дольницький (Літерат.-Наукова Бібліотека, ч. 83). У Львові, 1904, 25, 16⁰. Ц. 16 сот.

Габор Костелник Голозов. З мойого валала. Идилски веньец. Жовква, 1904 Ст. 46, 8⁰. Ц. 50 с,

Goetz K. K. Das Kiewer Höhlenkloster als Kulturzentrum des Vormongolischen Russlands. Passau, 1904, ц. 7 марокъ.

Голубинскій Е. Е. Исторія Русской церкви. Томъ I. Періодъ Кіевскій или домонгольскій. *Вторая половина* (Москва, 1904, 1000 с.

Гринюк Лесь. Весняні вечери. В Коломиі, 1904; стр. 96, 16⁰. ц. 1. 20 кор.

Грушевський Михайло. Історія Украіни-Руси. Том 1. До початку XI. в. Видане друге, розширене. У Львові, 1904, 628, 8⁰. ц. 7.50 к.

Грушевскій Мих. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спбр. 1904, I—II, 1—380. Цѣна 2 рубля.

Грушевськый Мыхайло. Оповидання. (Выдавныцтво „Викъ“. Ч. 13). У Кыиви, 1904, VIII+148, 8⁰. ц. 35 к.

Дорошенко Д. Народная украинская литература. Сборникъ отзывовъ на народныя украинскія изданія. Собр. 1904, 72, 8⁰. ц. 40 к.

Дорошенко Д. Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. С.-Петерб. 1904, IV+60, 8⁰. ц. 40 к.

Драгоманов М. Літературно-суспільні партіі в Галичині (до року 1880) З російського переклав М. П. Літерат.-Наукова Библіотека Ч. 78). У Львові, 1904, 70, 16⁰. ц. 40 с.

Дрепер Дж. Історія боротьби віри з наукою. Переклав з 21-го англійського виданя М. Павлик. 2-е укр. виданне. Львів, 1904, 276, 8⁰. ц. 1 кор.

Застосоване навозу при весіннім посіві. II. О піднесеню вартости наших лук. У Львові, 1904, 15+8, 8⁰.

Звіт з діяльности Товариства „Просьвіта“ за час від 1 січня 1902 до 31 грудня 1903. Львів, 1904. Накладом товар. „Просьвіта“, 48, 16⁰.

Zdziarski St. Pokucie. Uzupelnienie dawniej ogloszonego dzieła s. p. Oskara Kolberga. Z rękopisów pozgonnych. Kraków, 1904, (odbicie z Mater. Komisyi antropol. i etnogr., т. VII, л. II), стр. 32, 8⁰.

Ивановскій А. А. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. М. 1904, I—VI, 1—286, т. 4⁰. (извѣст. И. О. Любит. естест. Антроп. и Этногр. т. CV).

Ицко и Яцко. (Анекдоты). Собралъ Ивановичъ. (Поучит. Чтеніе, Ч. 7). Унгваръ, 1904, 32, 16⁰. ц. 20 стр.

К. М. Про жіночий рух. Видавництво „Кружка укр. дівчат". Львів, 1904, VIII+48, 8⁰. ц. 30 с.

Каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной въ 1894 г. Имп. Универ. Св. Владиміра А. Л. Костомаровой К. 1903, 1—83.

Книга Псальмів. З церковно-словенськои на мову руско-українську дословно переложена. Віденъ, 1903. Накладомъ А. Гольцгаузена, стр. 150, мал. 8⁰ ц. 20 с.

Кобринська Наталія. Ядзя і Катруся та інші оповіданя. (Белетристична Бібліотека, ч. 63). Львів, 1904, 160, 8⁰. Ц. 1 80 кр.

Кониський Ол. Листи про Ірляндію (Літерат.-Наукова Бібліотека, ч. 8⁰). У Львові, 1904, IV+64, 16⁰. Ц. 45 стр.

Костомаровъ Н. И. Богданъ Хмѣльницкій. С.-Пб. 1904.

Коцюбинський М. Fata morgana. Зъ сильськыхъ настроивъ. (Отт. изъ „Кіев. Стар.") Кіевъ, 1904, 3⁰, 8⁰. Ц. 15 к.

Крымськый А. Е. Изъ повистокъ и эскизивъ. Выдання третье, выправлене. Звыногородка, 1904, 1—138, 8⁰. Ц. 50 к.

Крымскій А. Е. Филологія и Погодинская гипотеза. Оттискъ изъ „Кіевск. Старины"; Кіевъ, 1904, XXXVI+114, 8⁰. Предисловіе не было напечатано въ «Кіевской Старинѣ»).

Л. Ж. Запорожская Сичъ съ новымъ содержаніемъ (изъ дорожнихъ впечатлѣній) (отт. изъ газеты «Вѣстникъ Юга», № 688).

Левицький Іван. Гуморески (Літерат.-Наукова Бібліотека. Ч. 81—82). У Львові. 1904, 128, 16⁰. Зміст. 1) Баба Параска та баба Палажка, 2) Невинна, 3) Чортяча спокуса.

Левицький Іван. Хмари. Повість. Перше повне видане (Белетристична Бібліотека, ч. 67—69). Львів, 1904, 532, 8⁰. Ц. 4. 80 кор.

Likowski Eduard. Die ruthenisch-römische Kirchenvereinigung, genant Union zu Brest. Aus dem Polnischen übertragen von dr. Paul Jedzink. Freiburg im Breisgau, 1904, XXIV+384, 8⁰. Ц. 6 марокъ.

Лукіянович Д. Від кривди (Белетристична Вібліотека, ч. 64). Львів, 1904, 176, 8⁰. Ц. 2 кор.

Марко Вовчок. Народні оповіданя. Т. Ш. Переклав Василь Доманицький (Белетристична Бібліотека, ч. 66). Львів, 1904, 336, 8⁰. Ц. 3. 80 кор. Зміст: 1) Маруся, 2) Пройдиствіт, 3) Лимерівна, 4) Тюлева баба, 5) Глухий городокъ.

Марко-Вовчокъ. Кармелюкъ. Невильнычка. (Выдавныцтво «Викъ», № 38). У Кыиви, 1—85. Ц. 10 к.

Материялы до українсько-руськоі етнольогії. Видане етнографічноі комісіи за редакциею Хв. Вовка. Том VII. Гуцульщина. Написав проф. Володымир Шухевич. Четверта часть. У Львові 1904. 272, 8⁰.

Мигалка І. О земледѣльствѣ. (Получит. Чтеніе, ч. 6). Унгваръ, 1904, 48, 16⁰. Ц. 20 с.

Мордовець Д, Оповиданя (Старці, Дзвонарь, Салдатка) (Літерат.-Наук. Бібліотека, ч. 79). У Львові, 1904, 102, 16⁰. Ц. 60 с.

Мырный Панасъ. Морозенко. Оповидання. (Выдавныцтво „Викъ", № 40). У Кыиви, 1904. 1—60. Ц. 8 к.

На вичну пам'ять Котляревському. Литературный збирныкъ (Выдавныцтво „Викъ"). У Кыиви, 1904, 510+XII, 8⁰. Ціна 3 руб. 50 коп.

Нижаковський О. Пісні народні. 1. Ой в полю садок. 2. Атамане, батьку наш. На оден голос в супроводі фортепяна (Видавництво музичне Станиславівського Бояна. Ч. 18). Станиславів, 1904, 8, 4⁰. Ц. 40 к.

Нижаковський. Люблю дивитить... дует в супроводі фортепяна, слова Кониського. Вид. муз. стаписи Бояна, ч. 19). Станиславів, 1904, 8⁰. 4⁰. Ц. 80 с.

Ніщинський (Петро Байда). Гомерова Іліяда. Рапсодії Д. Е. З. (Літерат.-Наукова Библіотека, ч. 84—85). У Львові, 1904, 148, 16⁰. Ц. 80 с.

О руськім університет у Львові. Львів, 1904. Накладом редакції «Діла», 48, 16⁰.

Петрина Антін. Подрібний роскладу материалу наукового уложений на місці для усіх категорий шкіл устрою сільського з языком викладовин руським. Жовква, 1904, 28⁰, мал. folio.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ, 1904. Типогр. В. Романова. Ст. 54, 8⁰. Ц. 35 к.

Попович Ом. Осип Федьковичъ шкільним інспектором (Відб. з Bukoviner Schule, II вип. 1904). Чернівці, 1904, 10, 8⁰.

Prawidła pisowni ruskiej ze słowniczkiem. We Lwowie, 1904. Nakładem C. K. Wydawnictwa książek szkolnych, стр. 16⁰, 8⁰. Ц. 80 с.

Радомскій. М. Наука пчолярства для угро-рускаго народа. (Поучит. Чтеніе, 7, 8—9). Унгваръ, 1904, 78, 16⁰. Ц. 40 с.

Рѣдинъ Е. К. Музей изящныхъ искусствъ и древностей Имп. Харьковск. университета (1805—1905). Х. 1904, 1—64.

Руска письменність. І. Твори Івана Котляревского, Петра Артемовского Гулака, Евгенія Гребінки. Вид. товар. „Просьвіта". У Львові, 1904, ст. 536, 8⁰. Ц. 1 корона.

Руська правопись з словарцем. У Львові, 1904. Накладом ц. к. Видавництва книжок шкільних, стр. 152, 8⁰. Ц. 80 с.

Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. К. 1904, I—ЦVII, 1—465.

Святе Письмо Господа нашого Ісуса Христа. Мовою русько-украінською. У Відні, 1904. Видане британського і заграничного біблійного товариства. З друкарні Гальцгаузена, стр. 460. мал. 8⁰. Ц. 30 сот. (Новый завѣтъ, напечат. Кирилицею).

Святе Письмо Старого і Нового Завіту. Мовою русько-украінською. Переклад П. О. Куліша, І. С. Левіцького і Пулюя. У Відні, 1904, стр. 825+249. Виданне Британського і Заграничного Біблійного товариства.

Сеньобо Д. Религійні вірованя стариnних народів. Подав Стефан Макар. (Видавництво ім. А. Бончевского, ч. 3). З друкарніі „Свободи". Scranton, Pa, 1904, стр. 46, 8⁰. Ц. 20 цент.

Слово. Видавництво ім. А. Бончевского. Ч. 4 і 5 (двѣ книжки). Scranton, Pa, 1904, 32, 8⁰. Ц. 15 центрів.

Слюсарчукъ А. Псалтиря розширена въ дусѣ христіяньского и церковного богослуженія. Жовква, 1904, 526, 8⁰.

Stefanowitsch A. Aus der Arbeit únter den Stundisten (Hefte zum christl. Orient. 3). Berlin, 1904, Deutsch Orient—Mission). Ц. 30 пфен.

Столпянскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII в. Вып. 1. Опытъ библіографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II (1762—1796 г). Оренбургъ. 1903, 1—92. (Оттискъ изъ «Извѣстій Оренб. Отд. И. Р. Г. Общества»).

Стороженко Олекса. Оповіданя II (Літературно-наукова Бібліотека, ч. 91—92). У Львові, 1904, 204, 16⁰ Ц. 110 кор.

Студинський К. Кобзареви Украіни, промова в память 43 роковин Т. Шевченка (Відб. з «Руслана»). Львів, 1904, 8, 8⁰ ц. 10 с.

Сумцовъ Н. Ѳ. Двадцатипятилѣтіе Ист.-Филологич. Общества при Имп. Харьк. Университетѣ. Х. 1904, 1—12, in 8⁰.

Сушко Олександер. Впроваджене єзуїтів до Польщи. Історично-критична студия. Відб. з «Записокъ», т. LVII—LIX). Львив, 1904, 60, 8⁰. Ц. 60 с.

Тершаковець М. Причинки до житепису Маркіяна Шашкевича та дещо із його письменськоі спадщини (Відбитка з «Записок» т. LVIII). Львів, 1904, 48⁰, 8⁰. Ц. 50 с.

Trylowski Cyryl. Nacyonalny ruch Rysinów „Sicze" Kraków, 1905, стр. 44, 8⁰.

Тургеневъ Іван. Муму. З російського переклав І. Г. (Литерат.-Наукова бібліотека, ч. 87). У Львові, 1904, 52, 16⁰. Ц. 30 с.

300 найкращыхъ украинськыхъ писень. (Выдавныцтво «Викъ»). У Кыиви, 1904, стр. 1—284. Ц. 20 к.

Украинсько-руські наукові курсы вакацийні 1908 р. Уряджені у Львові. У Львові 1904, 16, 8⁰+III табл.

Франко Ів. Симонъ Болівар. Львів, 1904. Накладом «Новаго Громадського Голосу», стр. 20, 8⁰. Ц. 10 с.

Christophilos. Ein Blatt aus der Geschichte des Stundists in Russland. (Hefte zum chrisl Orient. 6). Berlin, 1904. Ц. 20 перен.

Хроніка. укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1904. Вып. І. Ч. 17. Справоздане за рік 1903. У Львові, 1904. 58, 8⁰. Ц. 1 кор.

Chronik der ukrainischen Ševčenco-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1903, September- December. Heft IV. № 16. Львів, 1904, 32, 8⁰. 30 с.

Хроника. Укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1904, січень-цвітень. Вып II. Ч. 18. Львів, 1904, 24, 8⁰. Ц. 30 с.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. Ihrgg. 1904. Heft I. № 17. Львив, 1904, 64, 8⁰.

Чайковський Андрій. Своіми силами. Повість в 3-х томах. Бібліотека найзнаменитших повістей, LXCIII—LXI). Накладом редакціі «Діла». Львів. 1904„ ст. 530, 8⁰.

Часопись правнича і економічна. Рік VI. Т. VI ч. VII. У Львові, 1904, 292, 8⁰.

Шаміссо А. Петро Шлеміль. Переклад і передмова Миколи Стадника (Літерат.-Наукова Бібліотека, ч. 76—77) Львів, 1904, 122. 16⁰. Ц. 70 сот.

Яворская П. Марына (поэма). Кіевъ, 1904, 1—108, in 16⁰. (Цѣна ?).

Яворская П. Вирши украинськи. Кіевъ, 1904, 1—89. (Цѣна ?).

Яричевський Сильвестр. Пестрі звуки. Поезиі. Чернівц, 1904, 160, 8⁰. Ц. 2. 30 кор.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

3--3

III. Беллетристика переводная. Разсказы лучшихъ иностранныхъ новеллистовъ, переводы съ малорусскаго изъ Ив. Франка, В. Стефаника, Т. Бордуляка, Б. Гринченка и другихъ.

IV. Литература и искусство. Статьи проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. Ник. Ашешова, А. Федорова, С. Русовой, Гельрота, И. Брусиловскаго, Иг. Житецкаго и друг.

V. Научно-популярныя статьи: проф. Н. Н. Ланге, прив.-доц. М. Орженцкаго, Л. Зака, Англовѣда, д-ра И. К. Хмѣлевскаго и другихъ.

VI. Политика и иностранная жизнь. Статьи С. Волькенштейна, Я. Н. Новикова, М. Гельрота, А. М. Федорова, Я. Гр-ра и друг.

VII. Общественные и экономическіе вопросы. Статьи проф. Е. Васьковскаго, С. Русовой, А. Лотоцкаго, А. Шлихтера, Л. С. Личкова, С. Лисенка, И. А. Хмѣльницкаго, Ив. Соколовскаго и друг.

VIII. Публицистика и фельетонъ. Статьи А. А. Яблоновскаго, А. С. Изгоева, С. Протопопова, Владиміра Ж. (Altalena), М. Славинскаго и друг.

IX. Земское и городское самоуправленіе. Статьи проф. И. В. Лучицкаго, И. П. Бѣлоконскаго, А. А. Русова, С. И. Лисенка, Н. П. Цакни, А. Ѳ. Саликовскаго, С. Б. Лазаровича и друг.

X. Народное образованіе. Статьи И. П. Бѣлоконскаго, Г. Е. Афанасьева, А. Б. Петрищева, С. Лисенка и друг.

XI. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. *И. П. Бѣлоконскій*. Дѣятельность южныхъ земствъ по народному образованію. *С. Б. Лазоровичъ.* Письма объ Одесскихъ городскихъ дѣлахъ. *Ф. А. Щербина.* Чеховъ о казакахъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Историческій очеркъ курскаго земства. *А. Русовъ.* О херсонской земской статистикѣ. *С. Лисенко.* Днѣпровское земство. *Я. К. Имшенецкій.* Подымная подать въ Полтавскомъ земствѣ. *В. А. Бертенсонъ.* Сельское хозяйство въ Подольской и Волынской губ. *А. Саликовскій.* Юго-западное земство. *М. Морозъ.* Хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ Пирятинскаго уѣзда. *В. Ад-ръ.* Къ исторіи заселенія Новороссіи. *Вл. Н. Р-ръ.* Криворожскій рудный районъ. *Ал. С-кій.* О курортныхъ нуждахъ. *И. Порошинъ.* На крымской Ривьерѣ. *В. Терешкевичъ.* Переселеніе изъ Полтавской губ. *А. П. Сокальскій.* Переселеніе и аренда земель въ Херсонской губ. *М. Неручевъ.* Земельное барышничество—Выселеніе десятинщика—Земельное устройство татаръ. *В. Адлеръ.* Дунайскіе хищники. *А. Киппенъ.* Винодѣльческій кризисъ и питейная реформа.—Филоксера въ Бессарабіи—Къ вопросу о фальсификаціи винъ. *Эм. Баленъ-де-Баллю.* Филоксерный кризисъ въ Бессарабіи. **N.**

Криница. Интеллигентная колонія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. *В. Терешкевичъ.* Экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. *М. Рклицкій.* Подымная подать въ земствѣ. *Н. Калишевичъ.* Первые шаги Подольскаго земства и много др.

XII. Письма изъ провинціи. Кавказскія письма *Ф. А. Щербины.* Кіевскія письма. *А. И. Матюшенскаго* и *Ал. Саликовскаго,* Волынскія письма. *М. Д. Городецкаго,* Крымскія письма. *А. М. Михайлова,* письма изъ Закавказья. *А. Сегеля* и *В. Герценштейна,* изъ Таврической губерніи. *К. Л. Фастыковскаго, М. Неручева* и *А. Ельяшевича,* изъ Ессентукъ. *А. М. Колончанова,* изъ Батума, Ялты, Симферополя, изъ Екатеринодара. *В. С.,* изъ Херсона. *Гр. Сьогобочняго,* и *Dixi,* изъ Херсонской губерніи *Г. Загородникова,* изъ Курска. *Ж. Р.* и *Е. А. Звягинцева,* изъ Полтавы. *М. Сосновскаго* и *М. Рклицкаго,* изъ Чернигова *М. Могилянскаго,* изъ Каменецъ-Подольска *Ал. С-каго,* и *Н. В. Калишевича,* изъ Подольской губерніи *О. Зновицкаго,* изъ Волынской губерніи *Д. Марковича, Мих. Безсонова, И. Коварскаго* и *Ник. Угрюмова.* и др.

XIII. Библіографія. Отзывы о русскихъ и малорусскихъ книгахъ.

XIV. Коммерческій отдѣлъ. Съ указаніемъ курсовъ бумагъ, фрахтовъ, тарифовъ и цѣнъ на хлѣба.

Кромѣ вышеупомянутыхъ авторовъ въ **„Южныхъ Запискахъ"** принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Д. Я. Айзманъ, К. С. Баранцевичъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, І. В. Гессенъ, В. А. Гольцевъ, Кн. П. Д. Долгоруковъ, С. Я. Елпатьевскій, А. Я. Ефименко, Н. Іорданскій, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехоновъ, П. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Г. И. Шрейдеръ. С. Н. Южаковъ, Е. Н. Чириковъ* и много друг.

Условія подписки: На годъ—**6** руб., полгода—**3** руб., на три мѣсяца—**1** руб. **50** коп., на одинъ мѣсяцъ—**50** коп. Народнымъ учителямъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за **4** руб. въ годъ, за **2** руб. въ полгода и за **1** руб. на 3 мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ" высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ": **Одесса, Троицкая ул., № 26.**

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ складахъ Юга Россіи, Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 15 коп.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературный, общественный, политическій и исторический журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(третій годъ изданія).

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Журналъ издается при сотрудничествѣ: Вал. И. Анненскаго, П. А. Антропова, К. И. Арабажина, кн. Л. Б. Барятинской (Яворской), кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, В. П. Бередникова Н. Н. Болтина, В. В. Бородаевскаго, Б. П. Бурдесъ, И. Н. Божерянова, А. І. Буковецкаго, А. В. Васильева, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, М. Б. Городецкаго, Е. В. Давыдова, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, Е. Дубельтъ (Заландъ), И. И. Забрежнева. С. В. Каменскаго, Г. В. Квятковскаго, И. И. дю-Кира, А. С. Кушнерева, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, В. Я. Ленскаго, Е. Н. Лебедевой, доктора исторіи Н. П. Лихачева, Г. Ф. Львовича, В. А. Мазуркевича, И. Н. Малыхъ, Н. И. Михайловой, М. М. Могилянскаго, Н. К. Никифорова, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. П. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, И. И. Рачинскаго, Л. М. Рейнгольда, проф. М. А. Рейснера, П. А. Россовскаго, доктора политической экономіи В. В. Святловскаго, Скитальца (О. Яковлева), Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, П. Н. Столпянскаго, Ф. Н. Фальковскаго, И. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Для гг. *годовыхъ* подписчиковъ будетъ дана въ приложеніяхъ особая премія—библіотека писателей декабристовъ: въ 1905 году—1) полное собраніе сочиненій: **Кондратія Федоровича Рылѣева**, съ его портретомъ и біографіей. Съ первой же книги начнется печатаніемъ «Дѣло Третьяго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи о коллежскомъ секретарѣ **Александрѣ Пушкинѣ**». (Дѣло включаетъ въ себѣ всѣ архивные документы и переписку о Пушкинѣ, а также неизданные его письма и стихи). **Александръ Ивановичъ Герценъ**, его друзья и зна-

Семевскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. И. Харитонъ, академ. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
1 изданіе:	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

II изданіе: годъ — 4 р., $1/2$ года - 2 р., 3 м — 1 р.
За границу „ 12 „ „ 6 „ „ 3 „

1-й № перваго изданія выйдетъ 18-го ноября 1904 г.

Подписная цѣна до конца 1904 года 1 руб.

Второе изданіе начнетъ выходить съ 1-го декабря 1904 г. Годовые подписчики на второе изданіе получаютъ газету до конца года безплатно.

Редакторъ-издатель **С. П. Юрицынъ**.

Редакція и Главная Контора: Невскій 90. Телеф. 5989.

Для пріема подписки и объявленій Главная Контора открыта отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера. Въ праздники отъ 1 ч. до 3 ч дня.

2—3

ИЗДАНІЕ ГОДЪ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905-й ГОДЪ

на ежедневную газету

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ,

которая будетъ въ 1905 г. выходить въ увеличенномъ семистолбцовомъ форматѣ.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

А. А. Адабашъ, С. М. Бѣлина-Бѣлиновичъ, А. С. Вознесенскій, Н. Г. Вучетичъ, С. С. Гусевъ, (Слово глаголь), А. С. Изгоевъ, Н.

В. Левитскій, Ө. П. Литвицкій, Е. Н. Любичъ, Э. А. Любарская, Н. Ө. Марковъ, Ф. Ф. Пуже, Л. Д. Теплицкій, И. Б. Тенеромо, М. Н. Фонбергъ. В. Е. Жаботинскій, Ө. М. Өедоровъ и др.

Постоянные корреспонденты заграницей:

М. С. Сукениковъ (Берлинъ), Берлацкій (Гамбургъ), А. Мексинъ (Базель), А. Баккъ (Цюрихъ), П. А Фонъ-Меренштильдъ (Нью-Іоркъ), И. Симонъ (Вѣна).

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Телеграфнаго Агентства будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства".

Иллюстрированное приложеніе выходитъ въ случаѣ необходимости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		Для иногородныхъ.	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ 1/2 года	4 р. — к.	„ 1/2 года	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца	2 р. 50 к.
„ 1 „	— р. 70 к.	„ 1 „	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока:

1) Въ Елисаветградѣ при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

Для иногородныхъ: при подпискѣ 4 руб., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку заграницу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи подписныхъ денегъ, должна быть оплачена 5 коп. гербовою маркою за счетъ подписчика.

Подписка принимается въ главной Конторѣ и во всѣхъ ея Отдѣленіяхъ.

Главная Контора и Редакція въ Елисаветградѣ, В.-Донская ул., домъ № 1. Телефонъ № 66.

Редакторъ-Издатель **В. С. ЛАПИДУСЪ.**

2—3

выхъ произведеній искусства, русскихъ и иностранныхъ,—въ гравюрахъ на деревѣ, автотипіяхъ и др. репродукціяхъ, по новѣйшимъ способамъ; оригинальными рисунками, портретами, этюдами—черными и цвѣтными.

„Новый Міръ“ съ „Живописной Россіей“, „Мозаикой“ и „Современной Лѣтописью“ выходитъ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца.

2) 24 №№ „ВѢСТНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“, выходитъ 8-го и 23-го каждаго мѣсяца. Изданіе это имѣетъ своей задачей объяснить все, что касается литературнаго міра, русскаго и иностраннаго, критику, литературныя воспоминанія, статьи и корреспонденціи по вопросамъ изящной словесности, библіографіи и пр.

и 3) 24 КНИГИ „БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“, которыя будутъ заключать въ себѣ серію оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ, бытовыхъ и соціальныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. д. Изданіе это будетъ разсылаться вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Литературы“, т. е. каждаго 8-го и 23-го числа.

ОСОБЫЯ ПРЕМІИ:

Въ продолженіе года при журналѣ будутъ прилагаться:

Большія полихромныя картины,

Акварельныя копіи въ краскахъ,

наклеенныя на особые и прочные листы.

Геліогравюры-mezzotinto и пр., и пр.

Всѣ преміи къ „Новому Міру“ заказаны лучшимъ заграничнымъ полиграфическимъ заведеніямъ и будутъ представлять **большую художественную цѣнность.**

Подписная цѣна „Новаго Міра“, съ доставкой и пересылкой: на годъ—**14** р., на полгода—**7** р., на четверть года—**3** р. **50** к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается льготная разсрочка, именно - при подпискѣ и ежемѣсячно, до уплаты всей подписной стоимости, по **2** р.

Съ требованіями обращаться: **въ контору журнала „Новый Міръ“,** при книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,—**С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18.**

Отвѣтственный редакторъ *П. М. Ольхинъ.*

Издатели: *Товарищество М. О. Вольфъ.*

2—3

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ рисунками.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Стѣнной Календарь“ на 1905 годъ, отпечатан. въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **6** р. **50** к., съ доставкой и пересылкой **7** р. **50** к.

Безъ доставки: 1) въ **Москвѣ**, въ конторѣ К. Печковской **7** р. **25** к. 2) въ **Одессѣ** въ книжномъ магаз. „Образованіе“—**7** р. **50** к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 8 р. —За границу **12** р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще первыя 20 книгъ А. К. Шеллера-Михайлова за 1904 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 75 к.; съ дост. въ СПБ. и съ перес. иногороднимъ и за границу - 3 р

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя № 22.

2—2

школѣ. *П. Варнеке*; 28) Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. *П. Селиванова*; 29) Прикладное значеніе языкознанія. Проф. *Д. Кудрявскаго*; 30) Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета. *М. Тростникова*; 31) Обученіе грамотѣ. *Его же*; 32) Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. *А. Красева*; 33) Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ. *И. Шапошникова;* 34) Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ. *О. Павловичъ и Е. Рѣпиной*; 35) Круговая тетрадь. *Т. Лубенца.*

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. *Е. Р.*; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ *Я. В. Абрамова*; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; хроника профессіональнаго образованія. *В. В. Бирюковича* и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб., съ доставкою—*7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш» допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій міръ» въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*

Редакторъ *Л. Л. Гуревичъ.*

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ. 1905.

I. Бл. Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма.—Часть первая I-VI.—*В. И. Герье.*—II.—Минотавръ.—Повѣсть.—I-XI. *П. Д. Боборыкина.*—III.—Дневникъ Гр. А. К. Толстого.—1831 годъ.—IV.—Изъ Виктора Гюго.—I-III.—*Е. М. Миличъ.*—V.—Китайцы, какъ самостоятельная раса.—По личнымъ наблюденіямъ.—I-XII.— *Э. В. Эриксона.*—VI.—Строитель —Романъ.—Felix Hollaender, Der Baumeister, roman.—I-X.—Съ нѣм. *З. В.*—VI.—Этюды о Байронизмѣ.—Часть первая: Западныя литературы.—*Алексѣя Веселовскаго.*—VIII.—Гражданская смерть.—Разсказъ.—Bürgerlicher Tod. Nevelle von Prinz Em. v. Schönaich-Carolath.—Съ нѣм. *О. Ч.*—IX.—Изъ М. Конопницкой.—Стих. въ перев. *Ив. Бѣлоусова.*—X.—Хроника.—Внутреннее обозрѣніе.—Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.— «Правительственное сообщеніе».—Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—«Духъ сословности» и мнимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору. Н. А. Зиновьева.—А. А. Книримъ †—XI.—Иностранное обозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Русско-Японская война.—Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.—XII.—Литературное Обозрѣніе.—I. Н. Гаринъ. Корейскія сказки.—G. Ducrocq. Pauvre et douce Corée.—*А. П.*—II. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ.—III. В. Стоюнинъ, О преподаваніи русской литературы.—IV. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи.—V. П. И. Щукинъ, Щукинскій Сборникъ и пр.—VI. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды.—VII. На вичну пам'ять Котляревському.—*Евг. Л.*—VIII. С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи.—IX. В. А. Косинскій. Къ

вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи.— X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XIII.—Замѣтки.— По поводу книги г. Аничкова «Литературные образы и мнѣнія».— *Евг Л.*—XIV.—Новости иностранной литературы.—I. Die Herzogin v. Padua. O. Wilde.—C. Hagemann, O. Wilde.—II. H. Bahr. «Theater». Ein Wiener Roman.—*З. В.*—XV.—Некрологъ.— Александръ Николаевичъ Пыпинъ.—XVI.—Изъ общественной хроники.—Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Странное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеологія и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.— Изъ области цензуры и печати.—Юбилеи «Русской Мысли", Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. И. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.—XVII.—Извѣщенія.— Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.—XVIII.—Библіографическій листокъ.—Кн. В. А. Черкасскій, и его ученіе по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой.—Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева —Современная международная правоспособность папства, А. Байкова.—Матеріалы въ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена.—Былины: Вольга́, изд. И. Билибина.— XIX.—Объявленія.—I-IV; I-XII.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.*

мяти А. Н. Пыпина.—*В. И. Семевскаго.* XVII. Журнальн. обозр. XVIII. Внутр. обозр. XIX. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XX. Современ. искусство.—*Ю. А.* и *М. П. С.* XXI. Замѣтки читателя.—*В. Г.* XXII. Библіографія. XXIII. Объявленія.

Предполагаемое содержаніе Январск. книги I. Изгои пов.—*П. Д. Боборыкина.* II. На полѣ славы, ром.—*Генрика Сенкевича.* пер. *В. М. Лаврова.* III. Не по закону, разск. *Е. М. Милицыной.* IV. Петръ Каменциндъ, ром.—*Г. Гессе.* пер. съ нѣм. *Н. П. Корелиной.* V. Человѣкъ съ системой, разск.—*Н. И. Тимковскаго.* VI. Изъ набросковъ.—*А. П. Чехова.* VII. Московскій университетъ и его традиціи.—*А. А. Кизиветтера.* VIII. Памяти Г. Тарда.—*Е. Аркина.* IX. Мобилизація землевладѣнія въ Россіи.—*П. Лященко.* X. Ясная Поляна и островъ Копрера (изъ воспоминаній гарибальдійца).—*Н. Попова.* XI. Изъ муниципальной жизни въ Германіи.—*В. Я. Канеля.* XII. Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ 1864 г.—*Н. В.* XIII. Годъ въ Пекинѣ.—*В. В. Корсакова.* XIV. Радій и № лучи.—*А. Л. Лѣтника.* XV. О Глѣбѣ Успенскомъ.—*Ю. Альда.* XVI. Памяти Чехова. XVII. Журнальн. обозрѣніе. XVIII. Современное искусство. XIX. Внутреннее обозрѣніе. XX. 1904 годъ въ политическомъ отношеніи. XXI. Библіографія. XXII. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцовъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. д. Куманина.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древностй и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883. 1884, 1885, 1887. 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.